M 35/15.

Процессъ

50

ти

Изданіе В. М. Саблина

ф1-78
11270

Процессъ

50

ти

съ предисловіемъ

В. Каллаша.

Публич. и Румянцов. музеи
Библіо-
тека

Изданіе В. М. Саблина.

2007231538

МОСКВА.— 1906.
Типо-литографія **Русскаго Товарищества** печатнаго и издательскаго дѣла,
Чистые пруды, Мыльниковъ переул., собств. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Процессъ 50-ти“ (1877 г.) вышелъ изъ того же общественнаго движенія, какъ и „193-хъ“ (1878 г.)—„соціально-революціоннаго пропагандистскаго“ или „народническаго“ (въ его болѣе ранней стадіи) [1]). Нѣкоторыя лица одновременно привлекались и къ тому и къ другому; аресты и слѣдствіе начались въ 1873—74 гг., и только сложность второго дѣла (слѣдствіе распространилось на 37 губерній; къ нему привлечено было до 2000 человѣкъ, если не болѣе) заставила отложить его разборъ на годъ.

Его общее значеніе прекрасно выяснено въ одной изъ журнальныхъ статей Кравчинскаго-Степняка.

„До этого процесса соціалистовъ знала только молодежь. Что же касается до общества въ массѣ, то оно совсѣмъ не знало, да и не интересовалось знать, ни что это за люди, ни каковы ихъ цѣли и стремленія. Оно смутно слышало о томъ, что этихъ людей хватаютъ, держатъ, ссылаютъ. Иногда оно, пожалуй, даже старчески-дрябло сочувствовало имъ, когда до него доходила вѣсть либо о чьей-нибудь смерти или сумасшествіи, либо о какомъ-нибудь изъ ряда вонъ выходящемъ звѣрствѣ, совершенномъ надъ однимъ изъ сидящихъ. Дальше не шли ни свѣдѣнія, ни сочувствіе къ этимъ людямъ—въ массѣ... И вотъ разражается „процессъ пятидесяти“. Передъ изумленной публикой—лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя, съ спокойнымъ взоромъ и съ дѣтски безмятежной улыбкой на устахъ, идутъ туда, откуда нѣтъ возврата, гдѣ нѣтъ мѣста надеждѣ,—идутъ въ центральныя тюрьмы, на многолѣтнюю каторгу! Она слышитъ чудную, точно благоухающую вѣрой и любовью рѣчь Бардиной. Слышитъ строго стройную рѣчь Здановича, въ которой изъ-подъ холодной и строгой оболочки мыслителя точно рвется наружу непоколебимое, страстное убѣжденіе фанатика. Наконецъ, когда эта публика, пораженная, смущенная, не знаетъ, что сказать, что подумать, надъ ней раздается могучее, громовое слово П. Алексѣева—крестьянина, [2])

[1]) О немъ см. въ предисловіи къ „Процессу 193-хъ“.

[2]) Она недавно вышла въ изданіи „Новаго Міра“ (СПБ., 1906, „Двѣ рѣчи“, цѣна 3 коп.).

представителя самого народа, и слышится въ немъ точно голосъ той многоголовой, многоязычной массы, которая въ нѣдрахъ своихъ носитъ будущее,—невѣдомое, грозное, быть можетъ, кровавое... „Времена апостольскія возвращаются!“ въ глубокомъ душевномъ умиленіи говорили одни, выходя изъ залы засѣданій. „Новая сила народилась!“ говорили другіе.

Правительство, допустивъ публичное разбирательство процесса, не ожидало такого результата: оно думало запугать „краснымъ призракомъ“ средняго обывателя, на его страхѣ обосновать реакціонную политику и дискредитировать все движеніе въ глазахъ общества. Но передъ всей Россіей, въ ореолѣ мученичества, прошло нѣсколько распропагандированныхъ крестьянъ и рабочихъ, сознательность которыхъ оправдывала потраченные на нихъ труды и принесенныя ради нихъ жертвы; рядъ „лучезарныхъ дѣвушекъ“ [1]), перешедшихъ отъ борьбы за личную свободу—„эмансипацію“—къ фанатически-страстной революціонной дѣятельности во имя общаго блага.

Ихъ психологія отразилась въ чудномъ образѣ Маріанны изъ „Нови“. Онѣ же дали матеріалъ для удивительнаго Тургеневскаго „Порога“.

„Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь. За дверью—угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка, русская дѣвушка. Морозомъ дышитъ та непроглядная тьма, и, вмѣстѣ съ леденящей струей, выносится изъ глубины зданія медлительный голосъ:

— О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшка, презрѣніе, обиды, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?

— Знаю. Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

— Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей...

— Да, и отъ нихъ.

— Хорошо, ты готова на жертву. Ты погибнешь, и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Готова ли ты на преступленіе?...

Дѣвушка потупила голову...

— И на преступленіе готова...

[1]) Въ „процессѣ 50-ти“ онѣ вообще играли болѣе крупную роль, чѣмъ въ процессѣ „193-хъ“.

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы:

— Знаешь ли ты, — заговорилъ онъ, наконецъ, — что ты можешь разубѣдиться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это.

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ, и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура!—проскрежеталъ кто то.

— Святая!—пронеслось откуда то въ отвѣтъ".

Образъ дѣвушки, переступившей зловѣщій „порогъ", тревожилъ и мягкую, отзывчивую душу Полонскаго.

Всѣмъ, конечно, памятно прекрасное стихотвореніе Я. П.—„Что мнѣ она! не жена, не любовница"...

„Былое" (I, стр. 99—100) даетъ очень интересную первоначальную редакцію его, *помѣченную 1877 г.*

Что мнѣ она!—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь,
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Ходитъ за мной день и ночь?
Словно зоветъ меня, въ злѣ неповиннаго,
Въ судъ отвѣчать за нее—
Словно страданьемъ ея заколдовано
Бѣдное сердце мое.
Вотъ и теперь, мнѣ какъ будто мерещится
Жесткая койка тюрьмы,
Двери съ засовами, окна подъ сводами,
Мертвая тишь полутьмы;
Изъ полутьмы этой смотрятъ два знойные
Глаза безъ мысли и слезъ,
Не шевелятся ни губы, ни смятыя
Космы тяжелыхъ волосъ,
Не шевелится ни локоть, ни тощія
Руки на тощей груди,
Слабо прижатыя къ сердцу, безъ трепета
И безъ надеждъ впереди,—
Сколько же лѣтъ ей? Семнадцать неужели?
Правда ли,—мнѣ говорятъ,—
Что это дѣвушка, въ счастьи не жившая,

Что ей не вѣрять и мстять,—
Мстять ей за бѣдность ея безъ смиренія,
Мстять за свободу рѣчей,
Мстять ей за страстный порывъ нетерпѣнія,
Мстять за любовь безъ цѣпей.
Можетъ ли быть? Мнѣ какъ будто не вѣрится,
Что такъ тяжелъ приговоръ
Свѣта, въ которомъ кишатъ лицемѣрные
Плуты—развратникъ иль воръ.
Скоро ли жъ будетъ бѣдняжка оправдана,
Снова любить и желать?
Или ужъ скоро ли въ саванѣ вынесутъ
Тѣло ея отпѣвать?
О, что-нибудь! или жизни придавленной
Дайте вздохнуть и расцвѣсть,
Иль до суда поспѣшите добить ее,
Чтобъ утолить вашу месть.

В. Каллашъ.

1877 годъ.

Дѣло о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго сообщества и распространенію преступныхъ сочиненій. *)

Засѣданія особаго присутствія Правительствующаго Сената для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Предсѣдательствуетъ первоприсутствующій, сенаторъ *К. К. Петерсъ*; присутствуютъ сенаторы: *М. Н. Похвисневъ*, *К. К. Ренненкампфъ*, *Д. Д. Неелов*ъ, *Н. О. Тизенгаузенъ* и *Б. Н. Хвостовъ;* сословные представители: предводители дворянства—черниговскій губернскій, отставной штабсъ-капитанъ *Н. И. Неплюевъ* и вышневолоцкій уѣздный, майоръ *П. И. Сназинъ-Тормасовъ*; псковскій городской голова *Сутгофъ* и стародеревенскій волостной старшина *П. Лукьяновъ*, при исправляющемъ должность оберъ-секретаря *В. В. Поповъ*. Обвиняетъ исправляющій должность товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента *К. Н. Жуковъ*; защищаютъ присяжные повѣренные: *Бардовскій*, *Боровиковскій*, *Борщовъ*, *Войцеховскій*, *Герардъ*, *Гернгроссъ* (помощникъ присяжнаго повѣреннаго), *Зубаревъ*, *Коршъ*, *Люстигъ*, *Нечаевъ* (помощникъ присяжнаго повѣреннаго), *Ольхинъ*, *Полетаевъ*, *Спасовичъ*, *Халтулари* и *Шванебахъ*.

По исполненіи обычныхъ формальностей прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: 28 марта 1875 г. въ Московское Губернское Жандармское Управленіе явился рабочій ткацкой фабрики купца Шибаева въ г. Москвѣ, крестьянинъ Яковъ Яковлевъ, и, представляя двѣ книги преступнаго содержанія: „Емелька Пугачевъ“ и „Исторія французскаго крестьянина“, заявилъ, что 25 и 27 марта онъ получилъ эти книги отъ крестьянъ *Ивана Васильева Баринова и Василія Григорьева*, по прозванію *Вѣтрова*. Допрошенный, по поводу сдѣланнаго имъ заявленія, Яковъ Яковлевъ объяснилъ, что ему неоднократно случалось бывать въ трактирахъ вмѣстѣ съ *Иваномъ Васильевымъ Бариновымъ* и фабричнымъ, крестьяниномъ *Николаемъ Васильевымъ*. При свиданіяхъ, Иванъ Бариновъ и Николай Васильевъ, объясняя ему, что собственность должна быть общею, что крестьянъ нужно сравнять во всемъ съ другими сословіями, и что все это должно быть скоро приведено въ исполненіе, совѣтовали проводить подобныя мысли въ народъ, устраивать съ этою цѣлью кружки, собирать возможно бо́льшее число послѣдователей таковыхъ мыслей и взглядовъ. При этомъ Бариновъ и Васильевъ говорили, что такихъ кружковъ въ Москвѣ и Петербургѣ очень много, и что въ Москвѣ, на фабрикѣ Носовыхъ, живутъ двѣ образованныя дѣвушки въ качествѣ простыхъ работницъ съ единственною цѣлью распространять вышеизложенныя идеи между рабочими фабрики. 25 марта Николай Васильевъ, по совѣту Баринова, далъ Яковлеву для чтенія книгу „Емелька Пугачевъ“ и совѣтовалъ Яковлеву обращаться за книгами къ фабричному Василію Григорьеву Вѣтрову. Вслѣдствіе совѣта Васильева, Яковлевъ обратился къ Вѣтрову и получилъ отъ послѣдняго „Исторію французскаго крестьянина“. По прочтеніи означенныхъ книгъ, Яковлевъ, убѣдившись въ преступномъ ихъ содержаніи, рѣшился заявить о полученіи книгъ начальству, что и исполнилъ. При послѣднемъ свиданіи съ Яковомъ Яковлевымъ Николай Васильевъ приглашалъ Яковлева придти 29 марта въ трактиръ у Покровскаго моста и обѣщалъ познакомить Яковлева съ однимъ господиномъ, который можетъ подробно разсказать, какимъ образомъ предполагается осуществить весь планъ уравненія крестьянъ съ другими сословіями. 29 марта, въ указанномъ Яковлевымъ трактирѣ были задер-

*) Оффиціальное сообщеніе. *Правительственный Вѣстникъ*, №№ 39—43, 45—58, 60, 62, 64 и 66.

жаны вмѣстѣ съ нимъ: крестьянинъ Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, дер. Высоковой *Николай Васильевъ* и крестьянинъ Боровскаго уѣзда, дер. Добриной *Иванъ Васильевъ Бариновъ*. При Николаѣ Васильевѣ оказался узелъ грязнаго бѣлья, по преимуществу женскаго, относительно котораго онъ заявилъ, что таковое куплено имъ на рынкѣ. Подверждая въ общихъ чертахъ объясненіе Якова Яковлева, обвиняемый *Иванъ Васильевъ Бариновъ* показалъ, что онъ давно уже знакомъ съ рабочимъ Николаемъ Васильевымъ. Этотъ послѣдній свелъ его съ другимъ рабочимъ *Петромъ Алексѣевымъ*. Васильевъ и Алексѣевъ убѣдили его, Баринова, пристать къ ихъ революціонному кружку, имѣющему цѣлью сравнять всѣ сословія, уничтожить правительство, дворянъ и произвести рѣзню. Прочитавъ двѣ переданныя ему этими лицами книги: „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Чтой-то, братцы“, Бариновъ, усмотрѣвъ преступность ихъ содержанія, пожелалъ отстать отъ кружка, но Николай Васильевъ и Петръ Алексѣевъ объявили ему, что переть уже поздно, и въ случаѣ его, Баринова, отказа, онъ можетъ погибнуть. Вслѣдствіе такой угрозы Бариновъ продолжалъ получать книги преступнаго содержанія и познакомился черезъ Николая Васильева съ какимъ-то Михаиломъ Петровымъ, принадлежащимъ къ тому же революціонному кружку. Книга „Емелька Пугачевъ“ передана Якову Яковлеву имъ, Бариновымъ, по совѣту Васильева. Обвиняемый *Николай Васильевъ* отказался отъ всякаго участія въ революціонной пропагандѣ, опровергалъ оговоръ Яковлева и не пожелалъ указать своего мѣстожительства. Между тѣмъ, братъ Баринова, Прокофій Бариновъ, съ своей стороны, подтвердилъ, что оговоренныя Бариновымъ лица и передъ нимъ развивали тѣ же преступныя идеи о необходимости бунта и уничтоженія правительства. Черезъ четыре дня послѣ ареста Николая Васильева, въ Жандармское Управленіе явилась крестьянка Дарья Иванова Скворцова и, объявивъ себя любовницей Николая Васильева, заявила, что въ виду ареста Васильева она желаетъ указать тѣхъ лицъ, которыя его погубили. Скворцова указала при этомъ адресъ общей квартиры этихъ лицъ, добавивъ, что лица эти, собираясь переѣхать на новую квартиру, уложили уже всѣ свои вещи. Вслѣдствіе подобнаго заявленія Скворцовой и по ея указанію 4 апрѣля былъ произведенъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, обыскъ. По обыску, въ отдѣльномъ флигелѣ, были арестованы 7 человѣкъ мужчинъ и двѣ женщины. Изъ женщинъ одна была одѣта въ крестьянское платье, а другая въ обыкновенное городское. Обѣ онѣ отказались объявить свое званіе и назвались: первая буквой А, а вторая Софьей Илларіоновой — съемщицей квартиры. Изъ семи мужчинъ одинъ, назвавшись сначала буквой Б, заявилъ затѣмъ, что онъ—дворянинъ *Иванъ Джабадари*; другой назвался буквой В, третій—крестьяниномъ Василіемъ Григорьевымъ, четвертый—мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ, пятый—мѣщаниномъ *Семеномъ Ивановымъ Агаповымъ*, шестой и седьмой — крестьянами *Петромъ Алексѣевымъ и Пафнутіемъ Николаевымъ*. Въ печныхъ душникахъ квартиры найдены были два паспорта: одинъ на имя крестьянки Анны Степановой и другой—на имя крестьянина Федора Михайлова. По показанію Дарьи Скворцовой, она жила въ Москвѣ вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевымъ до февраля мѣсяца 1875 г. на фабрикѣ Турне. Передъ праздникомъ Рождества у Васильева сталъ бывать его знакомый Петръ Алексѣевъ. Съ появленіемъ Петра Алексѣева Васильевъ началъ ходить по трактирамъ, и у него пропала охота къ работѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1875 г. Николай Васильевъ объявилъ Скворцовой, что онъ больше жить на фабрикѣ не будетъ, а наймetъ квартиру и приметъ къ себѣ нахлѣбниковъ-слесарей, вслѣдствіе чего Скворцова переѣхала съ Васильевымъ въ особую квартиру въ Москвѣ, въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова. У нихъ на этой квартирѣ поселились женщины подъ именами Аннушки, Маши и Наташи и мужчины: Михаилъ, Федоръ и Василій. Званія ихъ ей, Скворцовой, неизвѣстны, но изъ разговоровъ она понимала, что лица эти живутъ подъ чужими именами и съ чужими паспортами. Маша и Наташа поступили работницами на фабрику Носовыхъ, а Аннушка—на фабрику Лазарева. Разъ какъ-то Федоръ привезъ какія-то книги, которыя Михаилъ черезъ недѣлю куда-то увезъ. Въ праздничные дни къ жильцамъ на квартиру приходили разные рабочіе, и этимъ послѣднимъ читались книги: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Хитрая механика“ и др. Изъ лицъ одного съ ними образа мыслей ходили въ квартиру какой-то Иванъ Ивановичъ, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ и Иванъ Бариновъ. Скворцовой извѣстно, что къ той же компаніи принадлежали еще двѣ сестры: Наташа, Вѣра и женщины, которыхъ называли хохлачкой Феклушей, Сашей и Дуняшей. Онѣ всѣ одно время

жили у нихъ на квартирѣ. Все это общество вообще разсуждало часто о томъ, что они отвергаютъ Бога, религію, бракъ, хотятъ уравнять бѣдныхъ и богатыхъ, устроить бунтъ и рѣзню, уничтожить правительство, чиновниковъ и дворянъ, а для подготовки крестьянъ къ возстанію раздавать имъ книжки и совѣтовать больше читать ихъ. Въ субботу, на масленой недѣлѣ, въ отсутствіе всѣхъ жильцовъ изъ квартиры, приходилъ какой-то господинъ—спрашивалъ Наташу. Заподозрѣвъ въ этомъ господинѣ сыщика, всѣ жильцы немедленно переѣхали на другую квартиру, скрывъ свой адресъ отъ Скворцовой. Переѣхавъ въ свою очередь съ Васильевымъ на новую квартиру въ Лефортово, Скворцова стала стирать и шить бѣлье на эту же компанію. Бѣлье приносилъ и относилъ Николай Васильевъ, а иногда и хохлачка Ѳеклуша. Такъ какъ за бѣлье деньги платили неаккуратно, то она вынуждена была отыскать квартиру этихъ лицъ. Въ это время Николай Васильевъ былъ арестованъ, и она рѣшилась для спасенія его выдать правительству лицъ, сбившихъ Васильева съ пути. Всѣ участники этой компаніи собирались послѣ Пасхи разъѣхаться по разнымъ губерніямъ для преступной пропаганды на фабрикахъ и въ народѣ, при чемъ всѣ они угрожали Скворцовой убить ее, если она ихъ выдастъ; бѣлье, отобранное у Васильева въ трактирѣ, Скворцова признала за бѣлье, принадлежащее лицамъ, арестованнымъ въ домѣ Корсакъ. Изъ числа лицъ, арестованныхъ въ этомъ домѣ, Дарья Скворцова признала въ Иванѣ Джабадари—человѣка, называвшагося Михаиломъ, въ Степанѣ Ивановѣ—Ивана Ивановича, въ лицѣ, назвавшемся буквой В,—Ѳедора, женщинѣ, назвавшейся буквой А,—Машу и въ Софьѣ Илларіоновой — Аннушку. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія, изъ числа арестованныхъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ и Кіевѣ лицъ Скворцова признала: въ княгинѣ Циціановой (рожденной Хоржевской) хохлачку Ѳеклушу, въ дочеряхъ коллежскаго асессора Вѣрѣ и Ольгѣ Любатовичъ—Вѣру и Наташу, въ дочери почетнаго гражданина Александровой—Сашу и въ дворянкѣ Лидіи Фигнеръ—Дуняшу, при чемъ относительно послѣдней Скворцова, не зная при дознаніи имени Фигнеръ, объяснила, что Дуняшу иногда звали „Лидькой“. Съ своей стороны, въ отмѣну перваго своего показанія, Николай Васильевъ вполнѣ подтвердилъ со всѣми вышеизложенными подробностями показаніе Скорцовой, добавивъ, что съ Михаиломъ и Ѳедоромъ его познакомилъ крестьянинъ Петръ Алексѣевъ. Въ это время Михаилъ и Ѳедоръ жили на одной квартирѣ съ Васильевымъ. Михаилъ уговорилъ его бросить фабрику и, нанявши отдѣльную квартиру съ Скворцовой, взять ихъ къ себѣ въ нахлѣбники, что Васильевъ и исполнилъ. Мебель и посуду для квартиры купилъ Михаилъ. Кромѣ лицъ, названныхъ выше, къ той же компаніи принадлежитъ, по словамъ Васильева, крестьянинъ *Филатъ Егоровъ*, который бывалъ у него на квартирѣ въ Сыромятникахъ. При этомъ Николай Васильевъ подтвердилъ вполнѣ какъ показаніе Якова Яковлева, такъ и оговоръ Ивана Баринова. Задержанный при обыскѣ въ домѣ Корсакъ московскій мѣщанинъ *Семенъ Ивановъ Агаповъ*, показалъ, что онъ живетъ въ одной квартирѣ съ слесаремъ Петромъ Степановымъ, назвавшимся при арестѣ Степаномъ Ивановымъ. Попалъ онъ къ нему на квартиру будто бы совершенно случайно и съ 24 марта поселился у него. Лицо, назвавшееся Петромъ Степановымъ, внушало ему мысли о необходимости уравненія всѣхъ сословій и обѣщало ему, Агапову, познакомить его съ своими товарищами, распространяющими среди рабочихъ тѣ же идеи. Съ этою цѣлью они вдвоемъ 31 марта ходили въ домъ Корсакъ, но тамъ застали только одну Софью Илларіонову, придя же во второй разъ 3 апрѣля, были арестованы вмѣстѣ съ другими лицами. На чердакѣ дома у Петра Степанова спрятано было много запрещенныхъ книгъ, изъ числа которыхъ одну—„Емелька Пугачевъ“ — Петръ Степановъ читалъ ему вслухъ. Къ Степанову приходила какая-то Ѳеклуша, и они вмѣстѣ куда-то уходили. Крестьянъ Пафнутія Николаева и Петра Алексѣева Агаповъ знаетъ давно, и они говорили ему, что бѣжали съ фабрикъ, гдѣ работали, боясь отвѣтственности за распространеніе между рабочими книгъ преступнаго содержанія. По указанію Агапова, въ домѣ Ѳедоровой, гдѣ проживалъ Агаповъ со Степановымъ, былъ произведенъ обыскъ, по которому на чердакѣ зарытыми въ землю и спрятанными подъ крышу, были найдены слѣдующія, принадлежащія, по словамъ Агапова, Степанову книги: „Исторія французскаго крестьянина“, „Парижская коммуна“, „Хитрая механика“, 2 экземпляра, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Емелька Пугачевъ“, „О мученикѣ Николаѣ“ и 2 экземпляра „Чтой-то, братцы“. Кромѣ того найденъ былъ клочокъ масляной бумаги, на

которомъ оказались снятыми съ паспорта Агапова подписи. Паспорты Агапова и лица, жившаго съ нимъ подъ именемъ Петра Степанова Мудрова, представлены хозяйкой дома Матреной Ѳедоровой, при чемъ какъ Ѳедорова, такъ и дворникъ ея дома Иванъ Щедринъ признали въ Степанѣ Ивановѣ своего жильца, Петра Степанова Мудрова. Ивановъ, назвавшійся при обыскѣ въ домѣ Корсакъ иркутскимъ мѣщаниномъ Степаномъ Ивановымъ, показалъ, что именами Петра Степанова и Ивана Иванова онъ никогда не назывался, что онъ австрійскій подданный, бывшій студентъ Технологическаго Института *Александръ Осиповъ Лукашевичъ*, и что въ домъ Корсакъ онъ попалъ случайно, будучи приглашенъ неизвѣстнымъ ему господиномъ, какимъ-то Павловымъ, придти къ нему, Павлову, для полученія столярной работы. Съ своей стороны, крестьянинъ Василій Григорьевъ, утверждая, что таково его званіе, объяснилъ, что онъ, имѣя надобность въ мебели, желалъ купить ее у Сухаревой башни, но тамъ неизвѣстная ему женщина пригласила его за покупкой мебели къ себѣ въ квартиру, въ д. Корсакъ, куда онъ пришелъ и гдѣ его арестовали. По указанію Василія Григорьева была разыскана его квартира, и у домовой хозяйки былъ отобранъ паспортъ, по которому Василій Григорьевъ проживалъ. Паспортъ этотъ оказался, по справкамъ, подложнымъ. По показанію хозяина дома Кузьмина и его жены, Григорьевъ переѣхалъ къ нимъ лишь 29 марта. Къ нему приходилъ какой-то человѣкъ, по имени Иванъ, и двѣ хорошо одѣтыя женщины. Въ квартирѣ Григорьева найдено пальто, въ карманѣ котораго оказался паспортъ, выданный тифлисскимъ полицеймейстеромъ на имя дворянина Михаила Мачеваріани. По предъявленіи Кузьмину и его женѣ обвиняемаго, назвавшагося буквою В., они признали въ немъ того Ивана, который ходилъ къ Василію Григорьеву и два раза у него ночевалъ. Въ виду таковыхъ данныхъ, Василій Григорьевъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что его зовутъ *Василіемъ Григорьевымъ Георгіевскимъ*, что онъ потомственный почетный гражданинъ, воспитывался въ Технологическомъ Институтѣ и былъ въ Медико-Хирургической Академіи, но курса нигдѣ не окончилъ. Паспортъ, по которому онъ проживалъ, подложный и купленъ имъ въ Орлѣ. Пальто и видъ Мачеваріани принадлежатъ неизвѣстному ему человѣку, по имени Ивану. Съ Иваномъ онъ познакомился случайно, на улицѣ и не знаетъ ни его званія, ни мѣстожительства. Затѣмъ, крестьяне Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, деревни Новинской *Петръ Алексѣевъ и Пафнутій Николаевъ*, не признавая себя виновными въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, показали, однако, что они бѣжали—первый съ фабрики Тимашева, а второй—съ фабрики Соколова, боясь отвѣтственности за распространеніе подобныхъ книгъ. Послѣ побѣга съ фабрикъ они проживали въ Москвѣ безъ опредѣленныхъ занятій и мѣста жительства. При этомъ Петръ Алексѣевъ объяснилъ нахожденіе свое въ домѣ Корсакъ тѣмъ, что былъ приглашенъ ночевать неизвѣстной ему женщиной, а Пафнутій Николаевъ —тѣмъ, что въ домъ Корсакъ привелъ его Петръ Алексѣевъ, чего послѣдній не подтвердилъ. Дворянинъ Тифлисской губерніи *Иванъ Спиридоновъ Джабадари* показалъ, что съ Софьею Илларіоновой, фамилію которой онъ не скажетъ, онъ познакомился въ 1874 г. за границей, въ Парижѣ. Встрѣтивъ случайно ее въ Москвѣ, приходилъ разъ пять на ея квартиру, въ домѣ Корсакъ, гдѣ и былъ въ одно изъ таковыхъ посѣщеній задержанъ. Изъ числа арестованныхъ лицъ, кромѣ Илларіоновой, знаетъ только Николая Васильева, у котораго бывалъ въ Сыромятникахъ нѣсколько разъ. Изъ остальныхъ арестованныхъ съ нимъ лицъ никого не знаетъ и въ распространеніи революціонныхъ идей и книгъ преступнаго содержанія виновнымъ себя не признаетъ. Неизвѣстный мужчина, назвавшійся буквою В., до самаго конца дознанія отказывался какъ отъ объясненія своего имени, такъ и отъ дачи какихъ бы то ни было показаній. Между тѣмъ, званіе этого лица было обнаружено слѣдующимъ образомъ: при дальнѣйшемъ производствѣ дознанія въ Москвѣ, въ квартирѣ именовавшагося дворяниномъ Зедгенидзе (кн. Циціанова), по обыску, въ числѣ другихъ бумагъ была найдена копія письма одного арестанта. Въ письмѣ этомъ арестантъ говоритъ, что онъ откроетъ свое званіе на предварительномъ слѣдствіи, перечисляетъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, проживающихъ на Кавказѣ и утверждаетъ, что, дѣйствуя на этихъ товарищей именемъ автора письма и поработавъ надъ ними, можно сдѣлать изъ нихъ хорошихъ пропагандистовъ. По предъявленіи фотографической карточки лица, назвавшагося буквою В, на Кавказѣ, лицамъ, указаннымъ въ вышеприведенномъ письмѣ, дворянинъ Трофимъ Бульбугъ и помощникъ землемѣра Авазовъ признали въ этой карточкѣ: первый — своего зна-

комаго, а второй — своего товарища по школѣ межевщиковъ, *дворянина Михаила Чекондзе*, при чемъ дополнили, что Чекондзе, не кончивъ курса въ школѣ межевщиковъ, уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда—за границу. По полученіи этихъ свѣдѣній съ Кавказа, обвиняемый Иванъ Джабадари призналъ также это лицо за Чекондзе, показавъ, что онъ хорошо его знаетъ и въ 1874 г. ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ за границу. Михаилъ Чекондзе первоначально отрицалъ справедливость уличающихъ его показаній и только при заключеніи дознанія призналъ свое настоящее званіе, заявивъ, что по существу дѣла онъ никакихъ показаній давать не желаетъ. Арестованныя въ домѣ Корсакъ двѣ женщины показали слѣдующее: а) Неизвѣстнаго званія женщина, назвавшаяся сначала буквою А., объяснила, что ее зовутъ *Бетя Абрамовна Каминская*, что она дочь мелитопольскаго купца. Въ 1874 г. она жила въ Цюрихѣ, затѣмъ въ Бернѣ. За границей она познакомилась съ Софьей Илларіоновой, съ которой, по возвращеніи изъ-за границы, и жила вмѣстѣ въ Петербургѣ. Здѣсь онѣ условились изучать бытъ русскаго народа, съ каковой цѣлью, пріѣхавъ въ Москву, поселились вмѣстѣ въ домѣ Корсакъ, гдѣ и были арестованы. По показанію Каминской, обвиняемыхъ Ивана Джабадари и букву В. Каминская также знала за границей. б) Обвиняемая *Софья Илларіонова*, первоначально отказавшаяся объявить свое званіе, а на послѣдующемъ допросѣ объяснившая, что она—*дворянка Тамбовской губерніи Бардина*, показала, что пріѣхала въ Москву съ своимъ знакомымъ, какимъ-то Павловымъ. Этотъ послѣдній скоро уѣхалъ изъ Москвы, а она наняла себѣ квартиру въ д. Корсакъ, куда къ ней пріѣхала жить ея подруга Каминская. Въ преступной пропагандѣ виновной Бардина себя не признала. Джабадари и букву В. она знаетъ по заграничной жизни, но какъ званіе послѣдняго—она не скажетъ. Остальныя лица, арестованныя съ ней вмѣстѣ, ей неизвѣстны, и собрались у ней въ квартирѣ для покупки мебели, посуды и старья, которое она желала продать, переѣзжая на новую квартиру. Съ своей стороны, обвиняемыя: сестры Любатовичъ, княгиня Циціанова, Александрова и Фигнеръ отрицаютъ показаніе Николая Васильева и Скворцовой, уличающихъ ихъ въ томъ, что они проживали у Васильева въ Сыромятникахъ подъ вымышленными именами. Между тѣмъ, преступная дѣятельность вышеисчисленныхъ обвиняемыхъ, кромѣ обстоятельствъ уже указанныхъ, вполнѣ доказывается слѣдующими данными, обнаруженными дознаніемъ: 1. По отношенію къ обвиняемымъ—Софьѣ Бардиной, Бети Каминской, Ольгѣ Любатовичъ, Вѣрѣ Любатовичъ, княгинѣ Циціановой и Варварѣ Александровой показанія Дарьи Скворцовой и Николая Васильева нашли себѣ полное подтвержденіе въ объясненіяхъ обвиняемаго Семена Агапова, подтвердившаго то обстоятельство, что лица эти проживали въ квартирѣ Васильева, въ Сыромятникахъ, подъ тѣми именами, какъ о томъ показали Скворцова и Васильевъ, при чемъ Агаповъ призналъ въ княгинѣ Циціановой ту самую Феклушу, которая приходила нѣсколько разъ и уводила съ собой жившаго съ Агаповымъ Лукашевича. Кромѣ того, по предъявленіи Каминской и Бардиной мастеру фабрики Лазаревыхъ въ Москвѣ, Ивану Юрсу и служащимъ на той же фабрикѣ Григорію Петрову, Терентію Григорьеву и Павлу Игнатьеву, они признали въ Бардиной работницу, жившую на фабрикѣ подъ именемъ Анны Зайцевой, а въ Каминской—женщину, приходившую съ Зайцевой наниматься на фабрику подъ видомъ простыхъ работницъ. При этомъ свидѣтели объяснили, что Бардина, работая на фабрикѣ, ходила по ночамъ въ мужскія спальни и читала рабочимъ книжки. Разъ какъ-то ее засталъ въ спальнѣ Григорій Петровъ и выгналъ съ фабрики, при чемъ на постели рабочихъ Бардиной забыты были: „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ и „Хитрая механика“. Книжки эти остались у рабочихъ, и первая изъ нихъ представлена къ дѣлу, а вторая затерялась. Затѣмъ сторожъ фабрики Посовыхъ Архипъ Барышниковъ, конторщикъ той же фабрики Никита Мухановъ и рабочій Ефимъ Даниловъ признали въ Каминской работницу ихъ фабрики, солдатку Марью Краснову, а Никита Мухановъ, кромѣ того, призналъ въ Ольгѣ Любатовичъ работницу Наталью Волкову. По показаніямъ этихъ лицъ, Каминская ходила къ рабочимъ на мужскую половину, читала „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Чтой-то, братцы“, а Ефиму Данилову передала „Хитрую механику“, которую онъ съ Барышниковымъ сжегъ, увидавъ, что книжка дурная. Проживали эти лица на фабрикахъ по подложнымъ паспортамъ. Дѣло по обвиненію дочери купца Бети Каминской дальнѣйшимъ производствомъ прекращено, такъ какъ она, во время дознанія, впала въ тяжкую душевную болѣзнь. Что касается до обвиняемой Лидіи Фигнеръ, то Дарья Скворцова объ-

ясняла, что Лидія Фигнеръ подъ именемъ Дуняши работала на какой-то фабрикѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, въ Москвѣ, гдѣ ее поймали при чтеніи запрещенныхъ книгъ. Дуняша, бросивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, по которому жила, успѣла съ фабрики скрыться. Въ подтвержденіе показанія Скворцовой дознаніемъ обнаружено, что на Дѣвичьемъ полѣ, на фабрикѣ Гюбнеръ, съ 19-го марта до 5 апрѣля 1875 г., проживала какая-то солдатка Авдотья Степанова, замѣченная по своему особенному развитію, и что солдатка эта, оставивъ на фабрикѣ свой сундукъ и паспортъ, куда-то скрылась. По предъявленіи Лидіи Фигнеръ рабочимъ фабрики Гюбнеръ, Григорію Васильеву, Прасковьѣ Федоровой и Ольгѣ Ивановой, эти свидѣтели показали, что Фигнеръ похожа на женщину, называвшуюся Авдотьей, но только послѣдняя ходила не въ городскомъ, а въ крестьянскомъ платьѣ (Фигнеръ была предъявлена свидѣтелямъ въ городскомъ платьѣ). 2. По отношенію къ обвиняемымъ Ивану Джабадари, Петру Алексѣеву, Пафнутію Николаеву и Филату Егорову дознаніемъ выяснены слѣдующія данныя: а) 24 марта 1875 г., вслѣдствіе заявленія приказчика ткацкой фабрики братьевъ Тюляевыхъ, было обнаружено распространеніе книгъ преступнаго содержанія между рабочими этой фабрики. По произведенному обыску на чердакѣ фабрики найдено 6 экземпляровъ „Хитрой механики“, столько же экземпляровъ „Сказки о четырехъ братьяхъ“, 5 экземпляровъ „Чтой-то, братцы“ и по одному экземпляру „Крестьянскіе выборы“ и „Исторія французскаго крестьянина“. Книги эти, какъ оказалось, принесены на фабрику рабочимъ Афанасіемъ Ермолаевымъ и получены имъ отъ его роднаго племянника *крестьянина Филата Егорова*, того самаго, который, по показанію Николая Васильева, посѣщалъ Джабадари въ его квартирѣ, въ Сыромятникахъ. Получены были Ермолаевымъ эти книги при такихъ обстоятельствахъ: Филатъ Егоровъ, придя на фабрику Тюляевыхъ передъ масленой недѣлей 1875 г., вызвалъ въ трактиръ Ермолаева и Ефрема Платонова. Въ трактирѣ они нашли Филата Егорова и съ нимъ двухъ незнакомыхъ имъ людей—слесаря Михаила и какого-то Ѳедора. Лица эти угощали ихъ водкой и чаемъ. Черезъ нѣсколько времени тотъ же Егоровъ снова позвалъ ихъ обоихъ въ трактиръ и съ ними еще нѣсколько рабочихъ. Въ этотъ разъ въ трактирѣ былъ только Егоровъ съ Михайлой, и послѣдній, угощая рабочихъ чаемъ, толковалъ имъ про какое-то братство. Послѣ этого Егоровъ приходилъ съ крестьяниномъ Акимомъ Трофимовымъ и, вызовя снова Ермолаева и Платонова въ трактиръ, передалъ каждому изъ нихъ по одному экземпляру „Хитрой механики“, „Сказки о четырехъ братьяхъ“ и „Чтой-то, братцы“. Кромѣ этихъ книгъ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву Великимъ постомъ цѣлый свертокъ книгъ, совѣтуя читать ихъ самому и давать читать другимъ рабочимъ, что Ермолаевъ и началъ дѣлать. Когда же рабочіе, прочитавъ книги, стали говорить, что книги эти нехороши, онъ, Ермолаевъ, запряталъ ихъ на чердакъ и болѣе читать никому не давалъ. То же самое подтвердили Платоновъ и Трофимовъ, добавивъ, что, узнавъ о вредномъ направленіи книгъ, они сожгли эти книги. Кромѣ того, Ефремъ Платоновъ заявилъ, что еще въ началѣ 1875 г. въ Москву пріѣхалъ его односелецъ, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ и, придя къ нему съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему человѣкомъ, вызвалъ его въ трактиръ и передалъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, совѣтуя ее прочесть. Черезъ нѣсколько времени Петръ Алексѣевъ снова вызвалъ его въ трактиръ, гдѣ познакомилъ его съ личностью, которую онъ называлъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга слесаремъ Михайлой. Этотъ послѣдній далъ ему „Хитрую механику“ и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“. Затѣмъ, по показанію рабочаго Филиппа Иванова, тотъ же Петръ Алексѣевъ передалъ и ему, Иванову, „Хитрую механику“ и „Емельку Пугачева“. Не сознавая преступности содержанія этихъ книгъ, Филиппъ Ивановъ читалъ ихъ рабочимъ вслухъ. Обвиняемый Филатъ Егоровъ былъ разысканъ и задержанъ въ Москвѣ Афанасіемъ Ермолаевымъ и его женой, а Петръ Алексѣевъ въ ночь производства обыска на фабрикѣ Тимашева съ фабрики скрылся, и былъ задержанъ только въ ночь на 4 апрѣля въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ. По предъявленіи обвиняемаго Ивана Джабадари рабочимъ тюляевской фабрики, онъ былъ признанъ за того самаго Михайлу, который угощалъ вмѣстѣ съ Филатомъ Егоровымъ рабочихъ въ трактирѣ чаемъ. б) 28 марта московской полиціи съ фабрики купцовъ Емельчнова и Рошфоръ дано было знать, что между рабочими фабрики появились „Хитрая механика“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“, вышедшія изъ рукъ рабочихъ Власа и Никифора Алексѣевыхъ. Хотя по обыску на фабрикѣ не было найдено книгъ преступнаго содержанія,

по Власъ и Никифоръ Алексѣевы показали, что подобныя книги у нихъ были, и получили они ихъ отъ своего роднаго брата *Петра Алексѣева*. Книги эти они давали читать двумъ рабочимъ, но, узнавъ, что это дурныя книги, немедленно сожгли ихъ. в) Независимо отъ распространенія книгъ на тюляевской фабрикѣ, крестьянинъ Филатъ Егоровъ уличается еще въ передачѣ крестьянину Богородскаго уѣзда, дер. Терепьковой, Мирону Александрову Емельянову трехъ книгъ преступнаго содержанія, а именно: „Хитрой механики", „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ" и „Чтой-то, братцы". Книги эти были привезены въ деревню Терепькову, по показанію Мирона Александрова Емельянова, Филатомъ Егоровымъ, который хвалилъ ихъ ему и совѣтовалъ прочитать. Неоднократный пріѣздъ Филата Егорова въ деревню Терепькову удостовѣренъ показаніями крестьянъ означенной деревни и крестьянина Семена Григорьева Емельянова, съ которымъ Филатъ Егоровъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ дер. Терепькову. г) 28 марта 1875 г., въ Москвѣ, на фабрикѣ купца Соколова, у рабочихъ фабрики Осипа Павлова и Тимофея Васильева былъ отобранъ одинъ экземпляръ „Хитрой механики". Спрошенный по этому поводу Осипъ Павловъ показалъ, что 20 марта Тимофей Васильевъ принесъ ему книжку „Чтой-то, братцы" и просилъ ее посмотрѣть, какая она, но онъ, Павловъ, за недосугомъ не успѣлъ прочесть книжку, и Васильевъ отдалъ ее назадъ рабочему той же фабрики Пафнутію Николаеву, отъ котораго онъ ее и получилъ. Тимофей Васильевъ, вполнѣ подтверждая показаніе Осипа Павлова, добавилъ, что и отобранную у него „Хитрую механику" онъ получилъ отъ того же Пафнутія Николаева, который насильно навязалъ ему эти книги, ибо онѣ ему, Васильеву, какъ человѣку совершенно неграмотному, не были нужны. Показаніе Павлова и Васильева о способѣ пріобрѣтенія ими книгъ преступнаго содержанія нашло себѣ полное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что въ самый день отобранія у Васильева „Хитрой механики" Пафнутій Николаевъ, бросивъ на фабрикѣ свои вещи, неизвѣстно куда скрылся и былъ задержанъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ. Какъ ранѣе было сказано, обвиняемые Иванъ Джабадари, Петръ Алексѣевъ и Пафнутій Николаевъ не сознались въ совершенныхъ ими преступленіяхъ, крестьянинъ же *Филатъ Егоровъ*, хотя первоначально и отказывался отъ всякаго участія въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, но затѣмъ, будучи уличенъ вышеизложенными обстоятельствами дѣла, объяснилъ, что въ трактирѣ, около фабрики Тюляевыхъ, онъ познакомился съ двумя слесарями—Михайломъ, Василіемъ и еще третьимъ, ему неизвѣстнымъ. У этихъ лицъ онъ бывалъ на квартирѣ, иногда ночевалъ и встрѣчалъ у нихъ разныхъ мужчинъ и женщинъ. Въ этой квартирѣ онъ видѣлъ принадлежащій Михайлѣ чемоданъ. Изъ чемодана Михайло доставалъ книги и давалъ Филату Егорову, прося его раздавать ихъ рабочимъ. Въ первый разъ Михайло далъ ему 6 экземпляровъ „Хитрой механики", „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ" и „Чтой-то, братцы", а во второй разъ, кромѣ тѣхъ же книгъ, еще „Исторію французскаго крестьянина", „Парижскую коммуну" и „Емельку Пугачева"; часть этихъ книгъ онъ распродалъ, а часть у него растащили. Затѣмъ Филатъ Егоровъ призналъ, что рабочимъ тюляевской фабрики, а равно и Мирону Емельянову книги преступнаго содержанія были переданы имъ, Филатомъ Егоровымъ. По предъявленіи Егорову Ивана Джабадари, Егоровъ призналъ въ немъ того Михайлу, который снабжалъ его книгами. Изъ обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ выше, видно, что изъ числа лицъ, проживавшихъ въ г. Москвѣ, сначала въ квартирѣ крестьянина Николая Васильева въ Сыромятникахъ, а затѣмъ въ д. Корсакъ въ квартирѣ Бардиной, и занимавшихся преступной пропагандой на московскихъ фабрикахъ, отъ дознанія успѣли скрыться пять женщинъ, а именно: Ольга и Вѣра Любатовичъ (Наташа и Вѣра), Лидія Фигнеръ (Дуняша), Варвара Александрова (Саша) и княгиня Александра Циціанова, рожденная Хоржевская (хохлачка Феклуша). Возникшимъ въ августѣ, 1875 г., почти одновременно въ Иваново-Вознесенскѣ, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ, и Одессѣ, дознаніемъ обнаружено, что женщины эти и послѣ арестовъ, произведенныхъ по дознанію о дворянинѣ Джабадари и другихъ, не оставили свои преступныя затѣи и продолжали заниматься той же пропагандой, которой занимались и ранѣе. Соединившись снова съ съ нѣсколькими лицами одного съ ними образа мыслей, онѣ снова сплотились въ организованное преступное сообщество, имѣвшее свой уставъ съ достаточно опредѣленными условіями совмѣстной дѣятельности, цѣлями, которыхъ сообщество это стремилось достигнуть, съ кассой и управленіемъ преступнаго сообщества. Потерпѣвъ неудачу на москов-

скихъ фабрикахъ въ силу несочувствія фабричнаго населенія къ идеямъ, пропагандируемымъ обвиняемыми, а также вслѣдствіе возникшаго о нихъ дознанія, лица, составившія преступное сообщество, организовавши въ Москвѣ управленіе (администрацію), замыслили перенести свою дѣятельность въ г. Иваново-Вознесенскъ, Одессу, Кіевъ и Тулу, что вполнѣ согласуется съ показаніями Николая Васильева и Дарьи Скворцовой, утверждавшихъ, что послѣ Пасхи 1875 г. пропагандисты, проживавшіе въ д. Корсакъ, хотѣли разъѣхаться по губерніямъ для преступной пропаганды на провинціальныхъ фабрикахъ. Въ вышеуказанныхъ городахъ члены сообщества, имѣя постоянное между собой сношеніе, старались поступать на фабрики и, гдѣ это удавалось, распространяли между рабочими уже исчисленныя выше книги преступнаго содержанія. Что дѣятельность членовъ сообщества, обнаруженная дознаніемъ, возникшимъ въ августѣ 1875 года, есть продолженіе того же дѣла, которое задумано было лицами, арестованными въ домѣ Корсакъ, это доказывается какъ характеромъ самой дѣятельности, пріемами пропаганды, взаимной перепиской членовъ, сношеніями съ арестованными лицами, а также и тѣмъ, что, съ одной стороны, главными лицами и руководителями въ организованномъ сообществѣ являются тѣ пять женщинъ, которыя скрылись изъ дома Корсакъ, а, съ другой стороны, участіемъ въ ивановской общинѣ двухъ лицъ, освобожденныхъ на поруки по дознанію о Джабадари и другихъ. Дознаніемъ доказано, что Лидія Фигнеръ и Варвара Александрова играли главную роль въ обществѣ пропагандистовъ въ Иваново-Вознесенскѣ, Ольга Любатовичъ—въ Одессѣ и Тулѣ, княгиня Циціанова—въ Кіевѣ и Вѣра Любатовичъ—въ Москвѣ, какъ членъ администраціи сообщества. Агаповъ и Баршовъ были членами ивановской общины. Рядомъ произведенныхъ по сему предмету дознаній обнаружено слѣдующее.

I.

Въ началѣ августа мѣсяца 1875 г. служащій въ г. Иваново-Вознесенскѣ на фабрикѣ Зубкова крестьянинъ Александръ Трухинъ отобралъ у рабочаго фабрики Тимооея Бурова книгу подъ заглавіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ". Убѣдившись въ ея вредномъ направленіи, Трухинъ передалъ книгу начальству фабрики, а это послѣднее заявило о томъ мѣстной полиціи. Спрошенный по поводу этой книжки, крестьянинъ Тимоѳей Буровъ объяснилъ, что онъ получилъ книгу отъ рабочаго фабрики Зубкова, Ивана Петрова, принадлежащаго къ компаніи московскихъ ткачей, поселившихся въ д. Кисина. Фабричные прозвали этихъ ткачей „неумѣлыми", на томъ основаніи, что на вопросы: зачѣмъ они пріѣхали въ Иваново-Вознесенскъ изъ Москвы, когда въ Москвѣ своихъ фабрикъ много,—ткачи говорили, что они еще плохо работаютъ, а въ Москвѣ берутъ на фабрики только умѣлыхъ. Полиціей, по указанію Тимофея Бурова, въ д. Кисина произведенъ былъ обыскъ, при которомъ задержаны были три женщины: Топоркова, Елизавета и Екатерина и одинъ мужчина — Семенъ Агаповъ. По заявленію Бурова, не оказалось на лицо еще одной женщины—Александры и двухъ мужчинъ: Ивана Петрова и Евтропія Николаева. Послѣдній былъ задержанъ въ то время, когда возвращался домой съ фабрики и, увидавъ у дома полицію, хотѣлъ скрыться. Женщина Александра была арестована на фабрикѣ Зубкова, гдѣ она работала. По заявленію всѣхъ арестованныхъ лицъ, Иванъ Петровъ за нѣсколько дней до обыска уѣхалъ въ Москву. Женщины Елизавета и Александра назвали себя буквами А. и Б., а всѣ остальныя лица—тѣми именами, подъ которыми они жили и работали на фабрикахъ. По обыску въ домѣ Кисина найдено 245 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, копіи съ рукописи „Экспедиція Шефа Жандармовъ", разныя письма, документы и 253 р. сер. денегъ. Кромѣ того, у женщины, назвавшейся буквою А., въ кошелькѣ оказались два почтовыхъ листа и одинъ полулистъ, исписанные шифромъ, и какое-то письмо, которое А., скомкавъ къ рукѣ, хотѣла проглотить, но письмо было отобрано и положено на столъ. Въ это время женщина, по имени Александра, схватила снова это письмо и сунула себѣ въ ротъ; когда жандармы схватили Александру, желая отнять у нея письмо, то Евтропій Николаевъ бросился на одного изъ жандармовъ и сталъ его душить, призывая остальныхъ пропагандистовъ на помощь. Эти послѣдніе, въ свою очередь, напали силой на жандармовъ, но при содѣйствіи всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ при обыскѣ,

порядокъ былъ возстановленъ, и письмо у Александры отобрано. Кромѣ того, при обыскѣ отобраны простонародные женскіе костюмы и разныя вещества для вытравленія чернилъ. Затѣмъ, по обыску на фабрикѣ Лопатина найдены три книги преступнаго содержанія („Исторія одного французскаго крестьянина", „Сказка о четырехъ братьяхъ" и „Чтой-то, братцы"). Изъ числа отобранныхъ въ домѣ Кисина писемъ, записокъ и бумагъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: 1) *Записки, писанныя шифрами*, по дешифрированіи ихъ, оказались адресами для сношеній съ разными мѣстностями Имперіи; одна изъ нихъ — рецептъ для вывода и уничтоженія чернилъ и красокъ, а другая — замѣтка о количествѣ революціонныхъ книгъ и газетъ, отправленныхъ въ г. Иваново-Вознесенскъ, при чемъ показанное въ этой замѣткѣ количество отправленныхъ экземпляровъ соотвѣтствуетъ, приблизительно, количеству книгъ и газетъ, найденныхъ въ въ д. Кисина. 2) *Письмо отъ 19 іюля 1875 г., адресованное изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ.* Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста. „..Новостей много, есть и хорошія, есть и скверныя. Начнемъ съ отцовъ: пріѣхали отцы Михайла и Бетьки (подъ этими именами, какъ ранѣе сказано, извѣстны Иванъ Джабадари и Каминская), ...отыскали тетку (т.-е. Бардину), она сидитъ въ городской части... Дѣло Федора (т.-е. Чекондзе) будто бы подвигалось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы и сношенія прекратились. Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти. П. А. и Соня наотрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ. Съ ними въ Одессѣ имѣли наши разговоръ, *и онъ вышелъ изъ нашей организаціи*, разошелся съ ними.... Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими—и еще ни одной революціонной книги не читали. Мы думаемъ, что не мѣшало бы туда перебелиться Ольгѣ и Ванюшѣ, такъ какъ имъ въ Одессѣ нельзя оставаться... Надя ушла на работу... Если только почему-нибудь Ольгѣ нельзя будетъ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ васъ въ виду того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва—нужно только подталкиваніе, и, во-2-хъ, этого Злобина можетъ П. А. перетянуть.—тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать. Никакихъ вѣстей ни отъ Саратовца, ни отъ Егора, а о Тулѣ подавно. Феклуша (т.-е. княгиня Циціанова) вышла замужъ за князя Мутрука. О Гамке (т.-е. Гамкрелидзе) знаете, Кабарда обвѣнчалась съ Россіей" (свадьба его съ Тумановой). Затѣмъ, въ письмѣ слѣдуетъ разсказъ о нѣсколькихъ мѣстныхъ безпорядкахъ, происшедшихъ, будто-бы, въ разныхъ краяхъ Имперіи, частью вымышленныхъ, частью преувеличенныхъ: разсказъ этотъ кончается словами: „Вотъ оно какъ, а прочтите вдобавокъ циркуляръ Палена... какъ труситъ правительство нашихъ революціонеровъ, а ничего подѣлать не можетъ... Платье получите съ Катей... Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. *Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте.* Одесская община предложила принять въ нашу организацію Сапчо (кличка въ общинѣ князя Циціанова)... Московскіе члены организаціи согласны... вообще остановка за вами, а то всѣ согласны." Письмо это писано, по заключенію экспертовъ, рукою обвиняемаго Здановича. 3) Въ письмѣ отъ 19 іюля имѣется приписка отъ 26 іюля 1875 г. Авторъ приписки, объясняя, почему одинъ изъ ивановскихъ пропагандистовъ долженъ отправиться въ Тулу, между прочимъ, говоритъ: „*въ письмѣ Рыжій объясняетъ вамъ* положеніе дѣлъ и почему это нужно... Вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось въ Иваново-Вознесенскѣ... порѣшили выслать оттуда въ Тулу одну изъ бабъ... Не все только приходится дѣлать, что пріятно, напр., Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а между тѣмъ опъ поѣхалъ". Ранѣе авторъ, говоря о сапогахъ (т.-е. фальшивыхъ паспортахъ и видахъ на жительство), которые трудно достаются, продолжаетъ: „Теперь относительно меня вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня 26 іюля—какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу. Ольга, должно быть, пойдетъ туда. Сношенія съ заключенными идутъ своимъ чередомъ. Завтра будетъ попытка къ освобожденію Федора (т.-е. Чекондзе)". Приписка отъ 26 іюля писана обвиняемой Вѣрой Любатовичъ. Именно это письмо женщины, арестованныя въ д. Кисина, желали во время обыска уничтожить. 4) *Письмо къ Аннѣ—безъ числа за подписью Евгеніи.* Евгенія, сообщая Аннѣ о своемъ путешествіи и о посѣщеніи ею какой-то соціалистки, говоритъ, что вездѣ, гдѣ она ни

была, замѣчался сильный недостатокъ людей. Затѣмъ, предупреждая Анну о принятіи мѣръ къ тому, чтобы не „ухнуть“, Евгенія продолжаетъ: „о вашихъ ивановскихъ дѣлахъ я слышала разговоръ вовсе не съ радостнымъ чувствомъ. Вы идете скорыми шагами къ погрому, который останется безслѣднымъ для Пв. и въ то же время ужáснымъ для общаго хода дѣлъ. Вы ведете дѣло болѣе неосторожно, *чѣмъ оно велось въ Москвѣ*. Что-жъ, ухайте, господа, но помните, что одинъ, два погрома—и мы остались на мели. Вѣра хочетъ уѣхать въ Кіевъ, надо чтобы кто-нибудь пріѣхалъ ее замѣстить. Рыжаго нѣтъ, въ Москвѣ осталось народу изъ рабочихъ мало... Мой дружескій привѣтъ всѣмъ товарищамъ“. Письмо это, какъ оказалось, написано обвиняемой Евгеніей Субботиной. 5) Письмо, начинающееся словами „Милая Анюта“ и подписанное „Твой Митрій“, заключаетъ въ себѣ изліяніе тоски по поводу разлуки съ любимой женщиной. Между тѣмъ, при разсмотрѣніи этого письма оказалось, что надъ нѣкоторыми изъ буквъ проставлены цифры, совокупность же всѣхъ цифръ составила письмо, шифрованное по отобранному въ Ивановѣ шифру „Эй Фомичъ“. Въ написанномъ такимъ способомъ письмѣ пропагандисты предупреждались, что попытка къ освобожденію Федора не удалась, что Катька уже давно уѣхала къ нимъ отъ Гамки, и предупреждались быть осторожнѣе, ибо къ нимъ направился сыщикъ съ длинной бородой. 6) Черновое и перебѣленное письмо, написанное Александровой и составляющее отвѣтъ на приписку отъ 26 іюля. 7) Что касается до рукописи „Экспедиція Шефа Жандармовъ“, то рукопись эта есть точная копія печатной записки, имѣющей своимъ предметомъ общее изложеніе обстоятельствъ послѣднихъ политическихъ процессовъ и данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, производившимся генералъ-лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты Жихарева. Въ письмѣ 19 іюля упоминается о посылкѣ этой рукописи, и рукопись называется циркуляромъ графа Палена, при чемъ сообщается, что циркуляръ отправленъ за границу для напечатанія его отдѣльной брошюрой съ должными комментаріями. 8) Отобранные у обвиняемыхъ паспорты Евтропія Николаева, Александры Ивановой, Ольги Ивановой и Елизаветы Ушаковой оказались по справкамъ подложными и, очевидно, сфабрикованы самими обвиняемыми, что доказывается уже тѣмъ, что къ двумъ паспортамъ, одному Тульской, а другому Тверской губерніи приложена одна и та же печать Новоселовскаго волостного правленія. Какъ оказалось впослѣдствіи, паспорты эти писаны рукою обвиняемаго Зденовича. Такимъ образомъ, путемъ одного обыска и содержаніемъ отобранной при немъ переписки, вполнѣ разъяснилась цѣль, съ которой арестованныя лица прибыли въ Иваново-Вознесенскъ. Значительная для рабочихъ людей сумма денегъ, найденная по обыску, большое количество преступнаго содержанія книгъ, по характеру и способу изложенія предназначенныхъ для распространенія въ народѣ, совмѣстное жительство всѣхъ этихъ лицъ и проживательство ихъ по фальшивымъ видамъ—достаточно доказывали, что арестованныя лица принадлежатъ къ числу пропагандистовъ. Кромѣ того, найденная у пропагандистовъ переписка приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что лица, писавшія и получавшія письма, принадлежатъ къ одному и тому же противозаконному сообществу, къ составу котораго слѣдуетъ также отнести и лицъ, задержанныхъ въ д. Корсака въ Москвѣ; что въ порядкѣ дѣйствій пропагандистовъ, въ основѣ и раздѣленіи ихъ труда и дѣятельности лежитъ извѣстная программа, уставъ; что къ тому же сообществу принадлежатъ пропагандисты, живущіе въ Тулѣ, Одессѣ и Кіевѣ; что въ Москвѣ находится администрація этого сообщества, посылающая въ провинціи пропагандистамъ бѣлье, книги, газеты, оружіе, фальшивые паспорты, распоряжающаяся разсылкой по губерніямъ и перемѣщеніемъ изъ губерніи въ губернію лицъ этого сообщества, озабочивающаяся принятіемъ въ сообщество новыхъ членовъ, поддерживающая общія между членами сношенія, а равно и организующая сношенія съ арестованными лицами, содѣйствуя ихъ побѣгамъ. Между тѣмъ, дознаніемъ вполнѣ доказано, что лица, арестованныя въ домѣ Кисина, поступивъ на фабрики, приступили уже на самомъ дѣлѣ къ распространенію среди рабочихъ книгъ преступнаго содержанія. Дознаніе обнаружило слѣдующіе факты: 28 мая 1875 г. въ г. Иваново-Вознесенскъ прибыли изъ Москвы: цеховая Анна Топоркова, мѣщанинъ Семенъ Агаповъ и крестьянинъ несуществующаго Ревякинскаго уѣзда Евтропій Николаевъ. Поселившись вмѣстѣ въ домѣ Бурылиной, лица эти стали пріискивать себѣ мѣста на фабрикахъ. При содѣйствіи случайно познакомившагося съ ними крестьянина Козьмы Семенова, Агаповъ поступилъ на фабрику Зубкова, а Евтропій Николаевъ на фабрику Лопатина. Въ

концѣ іюня на квартиру къ означеннымъ лицамъ пріѣхалъ крестьянинъ Иванъ Васильевъ и поступилъ также на фабрику Зубкова, гдѣ назвался Иваномъ Петровымъ. Недѣлю спустя пріѣхали еще двѣ женщины, Александра Иванова и Елизавета Ушакова, поступившія на ту же фабрику Зубкова. Вслѣдъ за симъ вся компанія переселилась на новую квартиру, въ домѣ Кисина, куда за нѣсколько дней до обыска пріѣхала еще крестьянка Ольга Иванова. Всѣ лица, поселившіяся въ домѣ Кисина, старались не отличаться вообще отъ жизни фабричныхъ. Они вмѣстѣ спали, женщины ходили босикомъ, въ простомъ платьѣ, сами себѣ носили воду, принимали у себя рабочихъ и угощали ихъ чаемъ. Плохо зная ткацкое ремесло, пропагандисты, подъ предлогомъ скорѣе ему выучиться, пригласили къ себѣ ткача Михаила Широкова. Черезъ Широкова они познакомились съ фабричными Павломъ Широковымъ, Тимофеемъ Александровымъ и другими. Агаповъ и Иванъ Петровъ, съ своей стороны, приводили къ себѣ фабричныхъ, и когда, такимъ образомъ, около пропагандистовъ составился кружокъ знакомыхъ рабочихъ, ими приступлено было къ распространенію между рабочими книгъ преступнаго содержанія. Такъ, вышеназванныя лица, а равно и рабочіе Василій Лаврентьевъ и Егоръ Борисовъ читали: „Исторію французскаго крестьянина“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Богъ-то Богъ“, „Чтой-то, братцы“ и газету „Впередъ“. Книги эти давались рабочимъ Евтропіемъ Николаевымъ, Семеномъ Агаповымъ и Александрою Ивановой. По удостовѣренію свидѣтелей, подтвердившихъ все вышеизложенное, до пріѣзда пропагандистовъ въ Иваново-Вознесенскѣ подобныхъ книгъ между рабочими не было. Кромѣ того, задержанный въ квартирѣ пропагандистовъ мѣщанинъ Федоръ Жарковскій, нынѣ уже сосланный, объяснилъ, что онъ познакомился съ пропагандистами черезъ Семена Агапова, пригласившаго его къ себѣ. Всѣ жившія вмѣстѣ лица, какъ мужчины, такъ и женщины, уговаривали его поступить на полное содержаніе ихъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать пропагандировать въ Петербургъ или Тулу. Въ Тулѣ, какъ говорили они, у нихъ уже былъ пропагандистъ—какой-то слесарь. Во время этихъ посѣщеній Анна Топоркова дала ему „Хитрую механику“, „Парижскую коммуну“ и 3 номера газеты „Впередъ“. Книги и газеты были найдены въ мѣстѣ, указанномъ Жарковскимъ. Затѣмъ обвиняемый, мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ, тотъ самый, который ранѣе сего былъ задержанъ въ домѣ Корсакъ въ Москвѣ, давая сначала уклончивыя показанія, объяснилъ затѣмъ, что въ Москвѣ, послѣ освобожденія изъ-подъ ареста, онъ познакомился съ Владиміромъ Александровымъ, арестованнымъ въ Иваново-Вознесенскѣ подъ именемъ Евтропія Николаева. Этотъ послѣдній предложилъ Агапову ѣхать на пропаганду въ Кіевъ, Одессу или Иваново-Вознесенскъ. Агаповъ выбралъ послѣдній городъ, куда вмѣстѣ съ Александровымъ и Топорковой и отправился. Познакомившись съ рабочими, они приглашали ихъ къ себѣ, и здѣсь рабочимъ читались книги. Книги эти были привезены Лидіей Фигнеръ и Варварою Александровой, пріѣхавшими въ Иваново подъ именами Елизаветы и Екатерины. Всѣ его сотоварищи уговаривали Агапова быть какъ можно дѣятельнѣе по раздачѣ рабочимъ книгъ, при чемъ Александровъ говорилъ ему, Агапову, что отъ преслѣдованія полиціи всегда легко скрыться у товарищей-пропагандистовъ въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбродтъ на Спиридоновкѣ, въ квартирѣ, нанятой на имя Лидіи Фигнеръ. Живя въ Иваново-Вознесенскѣ, онъ отъ своихъ товарищей зналъ, что въ то же время указанныя при дознаніи о Джабадари Өекла (кн. Цициапова) и Ольга (Любатовичъ) занимались преступной пропагандой, первая — въ Кіевѣ, а вторая—въ Одессѣ. Въ Ивановѣ хозяйствомъ завѣдывала Топоркова, деньги же хранились у Лидіи Фигнеръ, и каждый изъ пропагандистовъ обязанъ былъ вносить свои заработки въ общую кассу. Изъ остальныхъ арестованныхъ въ домѣ Кисина лицъ крестьянинъ Евтропій Николаевъ, буквы А. и Б., отказываясь сначала объявить свое званіе, показали затѣмъ: 1) Буква А., что она уроженка Казанской губерніи, дворянка *Лидія Фигнеръ*, пріѣхала въ Иваново Вознесенскъ единственно съ цѣлью изучить бытъ фабричныхъ и преступной пропагандой не занималась, хотя и признала, что отобранныя при обыскѣ книги принадлежатъ ей. Въ Москвѣ, въ домѣ Эйнбродтъ, она жила въ квартирѣ, переданной ей ея знакомой по жизни за границей *Маріей Субботиной*. 2) Буква Б .—что она дочь почетнаго гражданина *Варвара Александрова* и въ Иваново-Вознесенскъ пріѣхала съ тою же цѣлью, какъ и Фигнеръ, которой совсѣмъ не знаетъ. 3) *Евтропій Николаевъ*,— что онъ сынъ статскаго совѣтника *Владиміръ Петровъ Александровъ*, пріѣхалъ въ Иваново изучать бытъ народа, что Топоркову и Лидію Фигнеръ зналъ еще въ Москвѣ. Книги

привезены были Фигнеръ и Александровой. Затѣмъ Александровъ, признавая себя, согласно со свидѣтельскими показаніями, виновнымъ въ томъ, что давалъ фабричнымъ рабочимъ читать книги преступнаго содержанія, отъ дальнѣйшаго разъясненія дѣла отказался. 4) Обвиняемая московская цеховая *Анна Топоркова*, утверждая также, что пріѣздъ ея въ Иваново имѣлъ единственною цѣлью знакомство съ бытомъ фабричныхъ, показала, что никого изъ арестованныхъ лицъ она не знаетъ, и всѣ они случайно поселились на ея квартирѣ. 5) Далѣе, послѣдняя изъ арестованныхъ лицъ первоначально назвала себя бродягой Екатериной Петровой, но затѣмъ, будучи уличена Владиміромъ Александровымъ и справками въ С. Петербургѣ, призпала, что она *жена дворянина Екатерина Гамкрелидзе, рожденная Туманова*. По показанію Гамкрелидзе, она пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ только для того, чтобы проститься со своей знакомой Лидіей Фигнеръ передъ отъѣздомъ съ мужемъ на Кавказъ. Наконецъ, въ Москвѣ былъ арестованъ и послѣдній изъ ивановскихъ пропагандистовъ, крестьянинъ *Иванъ Васильевъ Баринов*, тотъ самый, который ранѣе сего содержался подъ стражей по дознанію о дворянинѣ Джабадари и др. По предъявленію Баринова рабочимъ фабрики Зубкова, эти послѣдніе признали Баринова за рабочаго Ивана Петрова, распространявшаго между ними книги преступнаго содержанія. Обвиняемый Бариновъ, отрицая всякое съ свой стороны участіе въ распространеніи книгъ и въ знакомствѣ, за исключеніемъ Агапова, съ лицами, арестованными въ домѣ Кисина, призналъ, однако, что онъ жилъ на фабрикѣ Зубкова рабочимъ, объясняя это тѣмъ, что ему стыдно было жить въ Москвѣ послѣ того, какъ онъ былъ арестованъ по политическому дѣлу.

II.

Изъ переписки, отобранной у арестованныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ лицъ, видно, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 г. въ г. Тулѣ проживалъ на заводѣ одинъ изъ членовъ преступнаго сообщества, нѣкто Злобинъ, занимаясь преступной пропагандой, что Злобинъ имѣлъ непосредственное сношеніе съ Москвой и другими членами того же сообщества и что пропагандисты настолько дорожили Злобинымъ, что боялись его потерять. Съ другой стороны, та же переписка доказываетъ, что московское управленіе общины считало недостаточнымъ пребываніе въ Тулѣ одного Злобина, а желало образовать въ Тулѣ общину, подобную иваново-вознесенской, для чего предполагалось командировать въ Тулу изъ Одессы Ольгу и Ванюшу, или же взять кого-нибудь изъ ивановской общины. Послѣднее по времени письмо удостовѣряетъ, что въ Тулу направлена именно Ольга. Вслѣдствіе таковыхъ указаній въ г. Тулѣ былъ арестованъ *сынъ коллежскаго асессора Иванъ Андреевъ Злобинъ;* по обыску, у него произведенному, найденъ былъ только списокъ книгъ преступнаго содержанія, но самыхъ книгъ, а равно и ничего предосудительнаго найдено не было. Оказалось, однако, что Злобинъ служилъ до самаго ареста на тульскомъ оружейномъ заводѣ простымъ рабочимъ-слесаремъ, и что со времени появленія Злобина на заводѣ между рабочими появились книги, изъятыя изъ обращенія и запрещенныя, какъ напр., „Мірской учетъ“, „Люди прежде и теперь“ и „Юровая“. Эти книги были представлены рабочими начальнику завода генералъ-лейтенанту Потбекъ. По показанію 15 человѣкъ мастеровыхъ завода и въ томъ числѣ Гаврилы Алферова, Василія Мансурова и Михаила Милованова, Иванъ Андреевъ Злобинъ разновременно давалъ имъ читать: „Очерки фабричной жизни“, „Безоброчный“, „У перевоза“, „Дѣдушка Егоръ“, „Юровая“, „О силахъ земли“, „Мірской учетъ“, „Крестьянскіе выборы“ и „Люди прежде и теперь“. Книги эти Злобинъ самъ предлагалъ рабочимъ; частью книги были старыя, а частью еще новыя, неразрѣзанныя. Давая книги, Злобинъ требовалъ, чтобы ихъ возвращали ему въ руки. По поводу книгъ онъ заводилъ съ рабочими разговоры и споры и объяснялъ рабочимъ содержаніе книгъ. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Иванъ Андреевъ Злобинъ не призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ какому-либо преступному сообществу и безусловно отрицалъ показанія свидѣтелей, утверждая, что никакихъ книгъ онъ не давалъ рабочимъ тульскаго завода. Между тѣмъ, кромѣ переписки, отобранной въ Иваново-Вознесенскѣ, принадлежность Злобина къ тому же преступному сообществу доказывается показаніями губернскаго секретаря Введенскаго, жившаго съ Злобинымъ, утверждающаго, что Злобина посѣ-

щали Иванъ Семеновъ Фетисовъ, Григорій Зайцевъ, личность, похожая на обвиняемаго Кардашева, т.-е. всѣ тѣ лица, которыя, какъ будетъ это доказано ниже, безспорно принадлежатъ къ числу членовъ преступнаго сообщества. Затѣмъ, по показанію обвиняемаго Ковалева, объ арестѣ Злобина подъ именемъ „Ваньки“ ему говорила Ольга Любатовичъ, и Ковалеву извѣстно, что Злобинъ принадлежалъ къ компаніи пропагандистовъ. Живши вмѣстѣ съ Злобинымъ чиновникъ Введенскій представилъ три письма, полученныя имъ для передачи Злобину. Въ одномъ изъ нихъ отъ 26 августа, писанномъ обвиняемымъ Млодецкимъ, какъ о томъ будетъ сказано ниже, Млодецкій спрашиваетъ о томъ, „пріѣхали ли тѣ, которыхъ вы знаете“, и этотъ вопросъ, очевидно, касается пріѣзда изъ Кіева въ Тулу пропагандистовъ, образовавшихъ тульскую общину. Послѣ ареста и отсылки Злобина въ Москву, 7 сентября 1875 г., къ полиціймейстеру г. Тулы явился солдатскій сынъ *Василій Онуфріевъ Ковалевъ* и заявилъ, что въ домѣ Кузовлева проживаетъ нѣкая Махоткина, у которой собираются лица, пропагандирующія преступныя идеи среди рабочихъ, и что онъ, Ковалевъ, самъ принадлежитъ къ этому обществу. Вслѣдствіе такого заявленія Ковалева въ домѣ Кузовлева былъ произведенъ обыскъ, по которому въ квартирѣ дочери губернскаго секретаря Александры Махоткиной были задержаны, кромѣ послѣдней, крестьяне Николай и Иванъ Едуковы, Григорій Зайцевъ и Иванъ Семеновъ Фетисовъ. По обыску въ квартирѣ Махоткиной найдено 12 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, бѣлье и крестьянское платье,—все это было уложено въ особый чемоданъ. Такія же книги найдены были и въ другомъ чемоданѣ, который былъ признанъ Григоріемъ Зайцевымъ за принадлежащій ему. Кромѣ того, у Махоткиной отобрано было запечатанное письмо, спрятанное ею подъ платье. Квартира въ домѣ Кузовлева была нанята Махоткиной вмѣстѣ съ братомъ ея Петромъ, успѣвшимъ во время обыска скрыться вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, называвшимся Герасимомъ Петровымъ. Письмо, отобранное у Махоткиной и ею написанное, было адресовано въ Кіевъ на имя какой-то Гельфманъ для передачи Вѣрѣ Глѣбовой. Письмо это шифровано, а по разборѣ шифра оказалось слѣдующаго содержанія: „Ты переврала адресъ, деньги нельзя получить, пришли имя и адресъ пославшаго, тогда выдадутъ деньги. Василій такъ болтаетъ о томъ: откуда пріѣхалъ, гдѣ бралъ книги, знакомится съ такою сволочью, что не ныньче—завтра влопаетъ насъ и разскажетъ все, что знаетъ о насъ. Совѣтую вамъ перемѣнить квартиру. Пиши адресъ“. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Василій Онуфріевъ Ковалевъ показалъ слѣдующее: Весною и лѣтомъ 1875 года онъ работалъ въ г. Кіевѣ, на сахарномъ заводѣ. На томъ же заводѣ былъ работникъ по имени Герасимъ Петровъ. Этотъ Петровъ часто носилъ на заводъ книги преступнаго содержанія—„Хитрую механику“, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, „Сказку о копѣйкѣ“, газету „Работникъ“ и давалъ читать какъ ему, Ковалеву, такъ и другимъ рабочимъ. Нѣсколько времени спустя, Петровъ познакомилъ его, Ковалева, съ тѣми лицами, отъ которыхъ Петровъ получалъ упомянутыя книги. Лица эти были: какой-то Иванъ, Марья, Николай Степановъ съ женой, Прохоръ, Михайло, какой-то офицеръ Петръ, который на службу ходилъ въ формѣ, а въ компанію приходилъ въ рабочей блузѣ, Григорій Зайцевъ и акушерка Гельфманъ. Познакомившись съ ними, Ковалевъ узналъ, что они принадлежатъ къ какому-то тайному обществу, желающему возбудить народъ къ бунту, уничтожить правительство, чиновниковъ, дворянъ, баръ, купцовъ и оставить однихъ мужиковъ, подѣливъ между послѣдними всю землю. Убѣждая Ковалева бросить работу на заводѣ, лица эти говорили, что дадутъ ему свою работу и отправятъ его въ Тулу на пропаганду. Когда онъ согласился на это, то ему было объявлено, что онъ поѣдетъ въ Тулу съ Герасимомъ Петровымъ. Изъ Кіева въ Тулу Ковалева съ Петровымъ отправляли Прохоръ, Михайло и какая-то княгиня Марья. Эта княгиня дала Петрову адресъ въ Тулу, по которому надо было узнать, гдѣ имъ можно остановиться. Адресъ этотъ оказался адресомъ квартиры Злобина. Затѣмъ имъ было вручено по 5 руб. на дорогу и на билеты до Тулы. При нихъ Прохоръ и Михайло составили фальшивые паспорты и вручили имъ для предъявленія въ Тулѣ. Деньги на дорогу выдавалъ Прохоръ изъ ихъ общественной кассы, которая обыкновенно хранилась у офицера Петра. Пріѣхавъ въ Тулу, Герасимъ Петровъ ходилъ по адресу, данному княгиней Марьей. Не заставъ тамъ никого дома, Петровъ и Ковалевъ пошли къ оружейному заводу дожидаться, когда рабочіе пойдутъ обѣдать. Въ это время съ завода вышелъ Петръ, котораго Ковалевъ зналъ еще въ Кіевѣ подъ именемъ Ваньки. Петръ, предупредивъ Ковалева о томъ, чтобы онъ не называлъ его Ванькой,

привелъ ихъ на квартиру, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Махоткиной. На той же квартирѣ жили два брата Едуковыхъ, какой-то Гриша и Иванъ Фетисовъ. Марью (такъ называли въ Тулѣ Махоткину) Петръ звалъ сестрой, а про Едуковыхъ говорилъ, что это хорошіе люди, грамотные, сразу узнали всѣ ихъ дѣла, которыя они и поведутъ теперь вмѣстѣ. Къ вечеру того же дня Петръ нашелъ для Герасима Петрова и Ковалева квартиру въ домѣ Куракова. Герасимъ Петровъ вскорѣ уѣхалъ на фабрику въ село Панино, гдѣ находился уже Иванъ Семеновъ Фетистовъ, а Ковалевъ остался на квартирѣ у Куракова, которому Петръ заплатилъ деньги впередъ, съ тѣмъ, что если изъ Кіева или Одессы пріѣдутъ еще рабочіе, то съ тѣхъ уже денегъ болѣе не брать. Ковалевъ прожилъ недолго у Куракова и затѣмъ переселился въ домъ Алифановой. До отъѣзда своего Герасимъ Петровъ читалъ рабочимъ, приходившимъ къ Куракову, „Парова машина“. Поселившись у Куракова, Ковалевъ говорилъ первому, что присланъ изъ Кіева бунтовать народъ, на что Кураковъ сказалъ, что онъ это знаетъ и что нужно взбунтовать всю Россію. Кураковъ при этомъ говорилъ, что знаетъ Фетисова, хвалилъ его и хвастался, что не выдалъ Фетисова, когда за нимъ приходили жандармы. Все это общество постоянно собиралось въ квартирѣ Махоткиной. Тамъ рабочимъ читались книги. Ковалевъ слышалъ, какъ Едуковы поочередно читали вслухъ „Хитрую механику“. По пріѣздѣ Ковалева изъ Кіева, Махоткина говорила ему, что въ Тулѣ попался на-дняхъ Ванька, котораго арестовали и отправили въ Москву. Въ Тулѣ Махоткина дала Ковалева „Хитрую механику“ и „Сказку о 4-хъ братьяхъ“ для того, чтобы онъ постарался передать ихъ рабочимъ. Книги эти Ковалевъ отдалъ какимъ-то сапожникамъ; когда же онъ, Ковалевъ, сталъ въ другой разъ просить у Махоткиной книгъ, то Махоткина укоряла его въ томъ, что онъ даетъ книги рабочимъ, не узнавши ихъ сначала хорошенько. Ковалеву извѣстно, что на квартирѣ, гдѣ жилъ Злобинъ, былъ какой-то нужный Петру кіевскій адресъ. Послѣ сдѣланнаго Ковалевымъ заявленія полиціи, Кураковъ упрекалъ за это Ковалева, говоря, что это не поможетъ, ибо сколько ни будутъ такого народа забирать—ихъ еще болѣе будетъ и они добьются того, чего хотятъ. Показаніе Василія Ковалева нашло себѣ полное подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла, обнаруженныхъ дознаніями, произведенными въ Кіевѣ и Тулѣ. Такъ, по показанію домохозяина г. Тулы, крестьянина Михаила Родіонова, Махоткина вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ прожили у него съ 24 по 30 августа, при чемъ Махоткина называлась Марьей и говорила, что пріѣхала въ Тулу изъ Кіева. Съ ними на квартирѣ жили еще два человѣка, по словамъ Махоткиной, нахлѣбники. Съ 4 сентября Махоткина переселилась въ домъ Кузовлевыхъ, по показанію которыхъ она жила съ братомъ своимъ Петромъ и товарищемъ послѣдняго. Ходила она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, была постоянно дома, готовила кушанье и ходила за водой, мужчины же уходили на работу. Всѣ они выдавали себя за простыхъ рабочихъ. По показанію обвиняемаго Ивана Александрова Куракова, лѣтомъ 1875 г., у него жилъ Иванъ Семеновъ Фетисовъ около 2-хъ мѣсяцевъ и затѣмъ уѣхалъ на работу въ село Панино. Послѣ Фетисова въ его комнатѣ поселились рабочіе Василій и Герасимъ. Къ Фетисову ходили Николай и Иванъ Едуковы и какой-то Петька, называвшійся братомъ Махоткиной. Кромѣ того, жившій въ одно время съ Фетисовымъ въ домѣ Куракова, крестьянинъ Павелъ Дороговъ показалъ, что у Куракова нѣсколько дней прожили Григорій Зайцевъ и Петръ. Фетисовъ въ скоромъ времени уѣхалъ съ Григоріемъ въ село Панино, оставивъ за собою комнату, а Петръ перешелъ къ Махоткиной. У Фетисова, при участіи Куракова, часто собирались рабочіе человѣкъ по 5-ти, въ томъ числѣ Петька, Гришка, Герасимъ Петровъ и подолгу за чаемъ шумѣли и говорили о трудной жизни рабочихъ. Дороговъ слышалъ разъ, какъ Герасимъ Петровъ въ этой компаніи читалъ книгу на малороссійскомъ языкѣ. Эта компанія считала Фетисова за адвоката изъ старшихъ. Фетисовъ уговаривалъ и Дорогова пристать къ ихъ компаніи, но Дороговъ, услыхавъ разъ отъ Фетисова замѣчаніе о томъ, что „иконы деревяшки“, прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Какое значеніе для пропагандистовъ имѣла квартира Куракова видно изъ того, что бѣжавшій, во время обыска у Махоткиной, обвиняемый Герасимъ Петровъ цѣлый день скрывался у Куракова, что удостовѣрено показаніемъ свидѣтельницы Елизаветы Григорьевой. Затѣмъ, хозяйка послѣдней квартиры Ковалева, Алифанова и жилецъ ея Дмитрій Матвѣевъ объяснили, что Ковалевъ мало бывалъ дома. На разспросы, куда онъ ходитъ, Ковалевъ отвѣчалъ, что на Павшинскую улицу, гдѣ у него живутъ товарищи, и хвалился, что у нихъ есть хоро-

шія книги. Матвѣевъ, прочитавъ принесенную ему Ковалевымъ „Сказку о четырехъ братьяхъ", бросилъ ее и сказалъ, что на эту книгу стоитъ наплевать. По поводу этой книги Ковалевъ завязалъ споръ съ Матвѣевымъ, доказывая, что Бога и св. мощей нѣтъ. При этомъ Ковалевъ говорилъ, что всѣ они, пріѣхавшіе въ Тулу, принадлежатъ къ одному тайному обществу, которое не признаетъ Царя и разсылаетъ своихъ людей въ разныя мѣста бунтовать народъ. Когда это общество, по словамъ Ковалева, „настанетъ", и бунтъ удастся, то никто податей платить не будетъ, земля раздѣлится поровну между всѣми, вмѣсто Царя будетъ выборный отъ народа. Съ цѣлью бунтовать народъ прислана въ Тулу и ихъ компанія. Про Марью Ковалевъ говорилъ, что она барышня богатая, но зовется просто „Машкой", ибо между ними это такъ принято. На всѣ доводы Ковалева Матвѣевъ доказывалъ ему, что всѣ эти розсказни пустяки, что ничего подобнаго въ Россіи произойти не можетъ, и совѣтовалъ ему бросить глупости, заниматься дѣломъ, а о своихъ преступныхъ товарищахъ довести до свѣдѣнія полиціи, что Ковалевъ, послѣ нѣкотораго колебанія, и сдѣлалъ. Кураковъ, дѣйствительно, при свидѣтелѣ упрекалъ Ковалева за сдѣланное имъ заявленіе полиціи и упрекалъ его именно въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ о томъ показалъ Ковалевъ. Свѣдѣнія такого же рода получены были отъ свидѣтеля, допрошеннаго въ городѣ Воронежѣ, куда 2-го сентября пріѣзжалъ за своими вещами обвиняемый Николай Едуковъ. По показанію Щукина, Николай Едуковъ, разсказывая о своей тульской жизни, говорилъ: „жизнь наша хорошая, хозяйка, у которой мы живемъ, бѣдовая, богатая, читаетъ намъ книги—все запрещенныя, противуправительственныя, получаетъ она жалованье отъ тайнаго общества, которому служитъ". Въ виду изложенныхъ выше данныхъ, доказывающихъ, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ ѣздилъ на работу въ село Панино, произведено было дознаніе объ ихъ пребываніи въ этомъ селѣ, и по дознанію оказалось, что Иванъ Фетисовъ съ Григоріемъ Зайцевымъ поступили на заводъ въ село Панино 22 августа, а Герасимъ Петровъ—3 сентября и что затѣмъ всѣ трое 7 сентября оставили заводъ. По показанію рабочихъ панинскаго завода Михаила Шильникова, Андрея Оськина и Михаила Кукина, Фетисовъ, Зайцевъ и Петровъ жили съ ними на одной квартирѣ. Всѣ трое выдавали себя за родственниковъ, были между собою очень дружны и о чемъ-то часто шушукались. У нихъ былъ одинъ общій сакъ-вояжъ и, какъ свидѣтели полагаютъ, въ немъ были книги. Заключаютъ они это изъ того, что разъ какъ-то Фетисовъ поругался съ Зайцевымъ за то, что послѣдній требовалъ у Фетисова книгъ для раздачи рабочимъ, а Фетисовъ говорилъ, что этого нельзя сдѣлать; впрочемъ, свидѣтель Кукинъ самъ видѣлъ у нихъ „Очерки фабричной жизни", „Дѣдушка Егоръ". Разъ какъ-то Фетисовъ разсказывалъ вслухъ „Сказку о 4-хъ братьяхъ". Фетисовъ держалъ строго Зайцева и Петрова, и однажды отобралъ у нихъ какое-то письмо, которое они куда-то хотѣли отправить. Всѣ трое часто въ разговорахъ вспоминали о какомъ-то Петрушкѣ и Марьѣ. По справкамъ оказалось, что Петька, выдававшій себя за брата Махоткиной, проживалъ въ Тулѣ по паспорту крестьянина Петра Сидоренко, и какъ его паспортъ, такъ и паспорты Зайцева и Ковалева, оказались фальшивыми и написанными обвиняемыми, по кіевскому дознанію, Григоріемъ Александровымъ и Млодецкимъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Это обстоятельство снова подтверждаетъ заявленіе Ковалева о фабрикаціи въ Кіевѣ подложныхъ паспортовъ. Доказательствомъ тому, что Александра Махоткина, она же Марья, проживала въ Кіевѣ, несмотря на полное съ ея стороны отрицаніе этого обстоятельства, служатъ наведенныя въ Кіевѣ справки, изъ которыхъ видно, что Махоткина прожила въ Кіевѣ, въ „Грандъ Отель" съ 13 по 17 мая 1875 г. и въ гостинницѣ „Россія" съ 7 по 9 августа: конторщикъ послѣдней изъ нихъ призналъ въ Махоткиной именно то лицо, которое подъ этимъ именемъ останавливалось въ гостинницѣ. На свидѣтельствѣ костромского полицейскаго управленія на имя Махоткиной имѣются явки этого свидѣтельства въ полиціи г. Кіева 13 мая и 7 августа; затѣмъ съ 14 по 20 августа Александра Махоткина, а по показанію свидѣтелей Голубева и Горшкова, именно то лицо, которое арестовано въ Тулѣ, проживала въ Москвѣ въ 171 номерѣ гостинницы Попова и 20 августа выбыла изъ гостинницы вмѣстѣ съ Зайцевымъ и другимъ лицомъ, называвшимся ея братомъ. Съ другой стороны, изъ показанія дворянки Елизаветы Хоржевской видно, что она лѣтомъ 1875 г. познакомилась въ Одессѣ съ дѣвицей, называвшейся Ольгой. Ольга пріѣхала къ ней какъ знакомая сестры ея Александры Хоржевской (княгини Циціановой). Въ августѣ мѣсяцѣ съ разрѣшенія своего

отца Елизавета Хоржевская поѣхала въ Петербургъ для поступленія въ родовспомогательное заведеніе. Ольга же предложила проводить ее до Москвы. Въ Кіевѣ онѣ остановились по приглашенію Ольги у Гельфманъ. Ольга уѣхала въ Москву и просила Хоржевскую заѣхать къ ней и привезти съ собой для Ольги два крестьянскихъ сарафана, сказавъ, что она остановится въ гостиницѣ Кокорева подъ именемъ Махоткиной. Хоржевская, осмотрѣвъ Кіевъ, поѣхала въ Москву, но Ольги уже не застала,—ей сказали, что она уѣхала съ двумя какими-то молодыми людьми. Узнавъ, что она опоздала для поступленія въ заведеніе, Хоржевская вернулась и заѣхала въ Кіевъ, гдѣ въ это время была ея сестра. Два сарафана, найденныя у нея, принадлежатъ Ольгѣ. Все вышеизложенное, несомнѣнно, указывало на то, что личность, именующаяся Александрою Махоткиной, проживаетъ по виду, ей не принадлежащему, вслѣдствіе чего были приняты мѣры отыскать Александру Махоткину, которая и была найдена въ г. Твери, гдѣ состоитъ акушеркой при земской больницѣ. По предъявленіи акушеркѣ Махоткиной свидѣтельства костромского полицейскаго управленія, Махоткина признала его за принадлежащее ей и ею утраченное гдѣ-то еще въ сентябрѣ 1874 г. Въ фотографической карточкѣ Марья Махоткина признала одну изъ тѣхъ дѣвицъ, съ которыми она слушала курсъ акушерства въ С.-Петербургѣ, въ Калинкинской больницѣ. По предъявленіи женщины, арестованной въ Тулѣ, коллежскому асессору Любатовичъ и его женѣ, они признали въ ней: первый—свою родную дочь, а вторая—падчерицу Ольгу Любатовичъ. Привлеченная къ дознанію, дочь коллежскаго асессора *Ольга Спиридонова Любатовичъ*, выдавая себя за Махоткину до того времени, пока не была признана своимъ отцомъ и мачехой, сначала утверждала, что жила въ Одессѣ и Кіевѣ и пріѣхала въ Тулу къ своему брату Петру, съ которымъ и поселилась; затѣмъ, отказавшись отъ того, что она проживала въ Кіевѣ, уклонилась дать разъясненіе о цѣли, съ которой она пріѣхала въ Тулу, а равно и отказалась отъ всякаго знакомства съ кѣмъ-либо изъ лицъ, привлеченныхъ къ дознанію. При дальнѣйшемъ развитіи дознанія Ольга Любатовичъ, въ виду собранныхъ противъ нея уликъ, нѣсколько измѣнила свои показанія и объяснила, что Петръ Сидоренко ей не братъ, а называли его такъ, ибо ей, какъ дѣвушкѣ, неудобно было жить съ лицомъ ей посторонними. Съ Сидоренкой она знакома была 2 мѣсяца въ Кіевѣ, и затѣмъ, когда онъ уѣхалъ въ Тулу на работу, то пригласилъ ее письмомъ пріѣхать въ Тулу для того, чтобы вмѣстѣ держать квартиру и нахлѣбниковъ. Поселившись въ Тулѣ, она познакомилась съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ, какъ знакомыми Сидоренко. Вещи и книги, найденныя въ ея квартирѣ, принадлежатъ ей и Сидоренко. Объ отобранномъ у ней видѣ на жительство на имя Махоткиной Любатовичъ показала, что нашла его случайно въ вагонѣ желѣзной дороги. Затѣмъ, назвавшійся при арестѣ крестьяниномъ Григоріемъ Петровымъ Зайцевымъ, объявилъ, что онъ дворянинъ Кіевской губерніи *Григорій Петровъ Сидорацкій*. Выйдя изъ кіевской военной гимназіи, въ мартѣ 1875 г., съ цѣлью уйти отъ родителей, заняться слесарнымъ ремесломъ и самому зарабатывать хлѣбъ, онъ добылъ отъ знакомаго ему Михайлы паспортъ на имя Зайцева и съ нимъ пріѣхалъ въ Тулу. Михайло, выдавая ему паспортъ, говорилъ, чтобы съ нимъ быть осторожнѣе и предлагалъ ему, Сидорацкому, денегъ на дорогу, но онъ отъ этого отказался. Пріѣхавъ въ Тулу 7 сентября, Сидорацкій въ трактирѣ познакомился съ Ковалевымъ, который привелъ его къ женщинѣ Марьѣ, гдѣ онъ и былъ въ тотъ же день арестованъ. Какъ попали къ нему въ сакъ-вояжъ книги, онъ не знаетъ, и онѣ ему не принадлежатъ. Обвиняемый крестьянинъ *Иванъ Семеновъ Фетисовъ* объяснилъ сначала, что онъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1875 г., уѣхалъ съ родины на заработки. Въ Тулѣ, въ вокзалѣ, онъ случайно познакомился съ Иваномъ Едуковымъ, съ которымъ зашелъ въ трактиръ. Изъ трактира Фетисовъ пошелъ искать себѣ квартиру, и случайно попалъ въ ту квартиру, гдѣ производился обыскъ и гдѣ его задержали. Уличенный наведенными справками въ томъ, что онъ ушелъ съ родины въ 1870 году, жилъ сначала въ Петербургѣ, гдѣ былъ знакомъ съ арестованнымъ по этому же дѣлу Злобинымъ, и что еще 13 мая 1875 г. онъ поступилъ слесаремъ въ тульскую паровозную мастерскую, Иванъ Фетисовъ, признавъ эти факты, показалъ, что въ концѣ августа онъ жилъ на панинскомъ сахарномъ заводѣ, гдѣ будто бы познакомился съ Зайцевымъ и Герасимомъ Петровымъ; въ квартиру же Махоткиной пришелъ потому, что знакомъ съ Едуковымъ по паровозной мастерской. Отъ всякаго участія въ пропагандѣ Фетисовъ отказался. Затѣмъ, обвиняемые крестьяне Иванъ и Николай Ивановы Едуковы показали, что они, около Пасхи 1875 г., перешли на работу изъ Воронежа

въ Тулу, такъ какъ въ Воронежѣ уменьшили заработную плату. Въ мастерской въ Тулѣ они познакомились съ какимъ-то Петромъ Махоткинымъ, который и пригласилъ ихъ къ знакомой Махоткину женщинѣ Марьѣ въ нахлѣбники. 2 сентября Николай Едуковъ уѣхалъ въ Воронежъ за своими вещами и вернулся только 7 сентября, въ день ареста. Ковалева и Зайцева они совсѣмъ не знаютъ. Бывали ли у Махоткина сборища—тоже не знаютъ, въ пропагандѣ не участвовали и никакихъ преступныхъ разговоровъ въ квартирѣ Махоткина не слыхали. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, по показаніямъ Ковалева, Матвѣева и Григорьевой, мѣщанинъ Иванъ Кураковъ не призналъ себя виновнымъ ни въ томъ, что принадлежалъ къ сообществу пропагандистовъ, ни въ томъ, что зналъ о существованіи лицъ, занимающихся преступной пропагандой. Несмотря на принятыя мѣры, лица, называвшіяся Петромъ Сидоренко и Герасимомъ Петровымъ, разысканы не были.

III.

Изъ переписки, отобранной у обвиняемыхъ въ Иваново-Вознесенскѣ, видно, что лица, проживавшія въ Москвѣ и въ Иваново-Вознесенскѣ, принадлежащія къ одному и тому же преступному сообществу, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ членами общины, живущими въ Кіевѣ. По показанію обвиняемаго Семена Агапова, ему извѣстно было, что хохлачка Ѳеклуша (Александра Хоржевская, она же княгиня Циціанова) занималась преступной пропагандой въ Кіевѣ въ то время, когда Агаповъ съ другими обвиняемыми жилъ въ Иваново-Вознесенскѣ. По обыску въ Тулѣ, у обвиняемой Ольги Любатовичъ было отобрано письмо, приготовленное ею къ отправкѣ въ Кіевъ на имя акушерки Гельфманъ. По показанію Ковалева, въ Кіевѣ дѣйствительно существовалъ кружокъ людей, поставившихъ себѣ задачей не только распространеніе книгъ преступнаго содержанія, но и пріобрѣтавшихъ новыхъ членовъ для своей общины, разсылая ихъ по другимъ губерніямъ. Какъ на членовъ такого кружка, Ковалевъ указалъ на княгиню Марью, офицера Петра, у котораго хранилась касса общины, Прохора, Михайлу и Герасима Петрова. Эти лица, какъ утверждаетъ Ковалевъ, уговаривали его ѣхать для пропаганды въ Тулу и снабдили его и Герасима Петрова деньгами на проѣздъ, адресами въ Тулу и фальшивыми паспортами. Личность, назвавшаяся Михайломъ, снабдила фальшивымъ паспортомъ и обвиняемаго Сидорацкаго. Въ силу таковыхъ обстоятельствъ дѣла, у акушерки Гельфманъ, въ г. Кіевѣ, былъ произведенъ обыскъ, но ничего предосудительнаго у Гельфманъ найдено не было. Въ числѣ книгъ, принадлежащихъ Гельфманъ, найдена книжка изъ библіотеки Донцова на имя Глѣбовой. При обыскѣ Гельфманъ отказалась отъ знакомства съ Глѣбовой. Между тѣмъ, показаніями квартирной хозяйки, у которой жила Гельфманъ, Марины Казимировой и дочери ея Александры, было обнаружено, что у Гельфманъ ежедневно собирается очень много молодыхъ людей и женщинъ и что Гельфманъ ведетъ значительную переписку. Вслѣдствіе этого за квартирой Гельфманъ былъ учрежденъ надзоръ, и въ этой квартирѣ въ самый день обыска были задержаны: неизвѣстнаго званія человѣкъ, отказавшійся назвать себя, мужчина, назвавшійся Михаиломъ Степановымъ Петровымъ, и женщина Марья Горощенкова. Затѣмъ, послѣ ареста Гельфманъ, на ея имя, для передачи Вѣрѣ Григорьевнѣ, были получены два письма. Одно изъ Москвы отъ 10 сентября такого содержанія: „Жду съ нетерпѣніемъ кого-нибудь къ себѣ на подмогу. Напишите отъ себя Рыжему, чтобы онъ непремѣнно пріѣзжалъ, измѣнивъ предварительно свой наружный видъ и принявъ къ свѣдѣнію, что по прежнимъ мѣстамъ жительства ходить не надо, on le cherche... Черезъ нѣкоторое время я вамъ сообщу квартиру, на которую можно будетъ являться. Пиши сейчасъ, по полученіи сего письма, получила ли деньги сполна на адресъ Минье. Мутруку напиши тоже, чтобы пріѣхалъ, но только не на этотъ адресъ, а зашелъ бы къ Минье, гдѣ узнаетъ мой адресъ. Была вчера у Ольги, она, слава Богу, жива и здорова. Волченокъ шлетъ поклонъ. Прощай, напиши одесскій адресъ немедленно. Je suis seule. Пусть извѣстятъ Эсельяни, чтобы онъ остерегался всего дурного“. Письмо это частью было зашифровано. Другое письмо, полученное на имя Вѣры Григорьевны, было адресовано изъ Орла и къ нему приложено 300 руб. денегъ. Письмо такого содержанія: „Посылаю Вамъ триста руб., а Вы перешлите тому, кому слѣдуетъ“. Подписано „Воейкова“. Кромѣ

того, къ дѣлу была вытребована депеша, посланная въ Кіевъ изъ Одессы отъ имени Аристарховой, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Депеша эта слѣдующаго содержанія: „Кіевъ, Большая Васильевская, домъ Ткаченко, Гельфманъ. Вѣра, не присылай сюда ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышлю свой адресъ“. По заключенію экспертовъ, какъ оба приведенныя выше письма, такъ и депеша писаны Надеждой Субботиной, принадлежность которой къ московской общинѣ доказывается обстоятельствами дѣла ниже изложенными. Сопоставивъ эти письма и депешу Надежды Субботиной съ обстоятельствами дѣла, обнаруженными дознаніями въ Тулѣ и Иваново-Вознесенскѣ, получится полное доказательство тому, что лица, составлявшія кіевскую общину, принадлежатъ къ одному сообществу съ общинами ивановской и тульской, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и вполнѣ опредѣлится характеръ квартиры акушерки Гельфманъ, какъ мѣста, гдѣ сосредоточивались взаимныя сношенія другихъ общинъ съ общиною кіевскою. Допрошенная по обстоятельствамъ дѣла мозырская мѣщанка Геся Мироновна Гельфманъ показала, что она окончила курсъ акушерства въ 1874 году, жила одна и никого въ Кіевѣ знакомыхъ не имѣетъ, а равно не знаетъ тѣхъ лицъ, которыя были арестованы въ ея квартирѣ. Затѣмъ, при дальнѣйшихъ допросахъ, Гельфманъ измѣнила свое показаніе и объяснила, что подъ именемъ Вѣры Григорьевны она знала какую-то молодую женщину, съ которой познакомилась въ ботаническомъ саду въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. Уѣзжая изъ Кіева, Вѣра Григорьевна взяла ея адресъ съ цѣлью переписываться, и этимъ только Гельфманъ объясняетъ полученіе ею писемъ на имя Вѣры Григорьевны. По предъявленіи трехъ лицъ, задержанныхъ въ квартирѣ Гельфманъ, обвиняемому Ковалеву, этотъ послѣдній призналъ въ нихъ именно тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ заявлялъ въ Тулѣ. Такъ, неизвѣстнаго человѣка Ковалевъ призналъ за Прохора. Михаила Петрова—за Михайлу и Марью Горощенкову—за княгиню Марію. Назвавшійся Михаиломъ Петровымъ на первомъ допросѣ показалъ, что онъ крестьянинъ Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, дер. Ивановки и живетъ въ Кіевѣ съ своей беременной сестрой Натальей, которой понадобилась помощь акушерки, вслѣдствіе чего онъ пришелъ къ Гельфманъ, гдѣ и былъ задержанъ. На другой день послѣ ареста Михаилу Петрову было предложено указать его квартиру, и онъ привелъ въ домъ Котикова. По осмотру означенной квартиры, живущихъ въ ней не оказалось, а найдено было много изорванной бумаги. По показанію хозяина дома, Котикова, Петровъ жилъ съ какимъ-то товарищемъ и беременной женщиной, которая въ день ареста Петрова ночью съ квартиры неизвѣстно куда скрылась. Между тѣмъ дознано было, что передъ переѣздомъ въ домъ Котикова, Михаилъ Петровъ съ своимъ товарищемъ проживалъ съ 15 іюля до 19 августа въ квартирѣ Анны Продьминой, а конецъ августа, вмѣстѣ съ тѣмъ же товарищемъ и еще съ какой-то женщиной,—въ домѣ Вѣтровой. Михаилъ Петровъ, неизвѣстный человѣкъ и Марья Горощенкова были признаны указанными выше лицами за тѣхъ, которые жили въ квартирѣ Продьминой и въ домѣ Вѣтрова. при чемъ неизвѣстный человѣкъ назывался Прохоромъ. По показанію свидѣтельницы Анны Продьминой, у Петрова и Прохора каждый вечеръ бывали сборища, на которыхъ всѣ говорили тихо, и двери въ комнаты всегда запирали. Въ предъявленныхъ Продьминой—Ковалевѣ и обвиняемомъ Григоріи Александровѣ—Продьмина признала лицъ, посѣщавшихъ Петрова и Прохора. Съ другой стороны, хозяйка дома, Вѣтрова, и сосѣдка по ея дому, мѣщанка Богданова, признали въ Горощенковой женщину, нанимавшую домъ Вѣтровой и жившую у нихъ съ Петровымъ и Прохоромъ. По показанію свидѣтельницъ, всѣ эти лица прожили въ домѣ Вѣтровой одну недѣлю. Съѣхали они внезапно потому, что изъ лицъ, посѣщавшихъ жильцовъ, Вѣтрова узнала свою знакомую, акушерку Елисѣеву. Елисѣева была въ это время беременна. Вслѣдъ за симъ было обнаружено, что личность, назвавшаяся Михаиломъ Петровымъ, часто посѣщала отставного штабсъ-капитана Подгородецкаго, застрѣлившагося 5 октября, ранѣе возбужденія настоящаго дѣла. Кіевская мѣщанка Марья Драгунова, жившая одно время съ Подгородецкимъ, а затѣмъ постоянно его посѣщавшая, признала въ Петровѣ и Прохорѣ лицъ, часто бывавшихъ у Подгородецкаго. Подгородецкій говорилъ свидѣтельницѣ, что эти лица—студенты, и что черезъ нихъ онъ познакомился съ какимъ-то господиномъ „рыжей бородой“ и многими другими, что онъ, Подгородецкій, этому знакомству очень не радъ, да дѣлать нечего, когда познакомятъ. Студенты приносили Подгородецкому читать книги: „Богъ-то Богъ, да самъ не будь плохъ“, „Сказку о копѣйкѣ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ и др. Под-

городецкій получалъ письма на имя Петрова и передавалъ ихъ Петрову при его посѣщеніяхъ. Вслѣдствіе указанія Драгуновой на то, что оба арестованныя въ квартирѣ Гельфманъ лица—студенты, было обнаружено ихъ званіе, и оказалось, что оба они бывшіе студенты Петровской Земледѣльческой Академіи. Изъ нихъ: Михаилъ Петровъ, проживавшій по паспорту крестьянина Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда, Троицкой волости,—отставной подпоручикъ артиллеріи Михаилъ Воропковъ, а второй, извѣстный подъ именемъ Прохора,—дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій. Затѣмъ, назвавшійся Михаиломъ Петровымъ, признавая свое званіе, объяснилъ, что, выйдя въ 1873 г. въ отставку, онъ поступилъ въ Петровскую Академію, откуда вышелъ, не окончивъ курса, въ 1874 году. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни и въ то же время желая изучить бытъ рабочихъ, Воропковъ досталъ себѣ за три рубля фальшивый паспортъ, съ которымъ и проживалъ въ Кіевѣ, работая на желѣзной дорогѣ и въ мастерскихъ. На работѣ онъ познакомился съ Мартыномъ Млодецкимъ и поселился съ нимъ и знакомой Млодецкаго Натальей Егоровой. Кто такой Млодецкій и Егорова, онъ, Воропковъ, не скажетъ. Съ Млодецкимъ бывалъ у Подгородецкаго и давалъ ему читать книги, дозволенныя цензурой. Воропковъ получалъ отъ своего брата письма черезъ Подгородецкаго. Съ своей стороны, дворянинъ Мартынъ Млодецкій показалъ, что живетъ въ Кіевѣ съ лѣта 1875 г., ранѣе сего пріѣзжалъ въ Кіевъ нѣсколько разъ и разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ, но гдѣ именно и у кого въ Кіевѣ останавливался—не скажетъ. Гельфманъ знаетъ и бывалъ какъ у знакомой. Адресъ Гельфманъ онъ, Млодецкій, получилъ отъ кого-то въ Москвѣ. Съ Михаиломъ (Воропковымъ) онъ жилъ, Наталья же Егорова жила не съ нимъ, Млодецкимъ, а съ Михаиломъ. Знаетъ Млодецкій и офицера Петра, живущаго на полигонѣ. Познакомился съ нимъ черезъ Гельфманъ и, по порученію Марьи, ходилъ къ офицеру Петру за полученіемъ 100 р. денегъ. За этими деньгами Млодецкій ходилъ, зная, что Петръ обязанъ былъ ихъ дать. Въ преступной пропагандѣ и въ принадлежности къ революціонному сообществу Млодецкій виновнымъ себя не призналъ, добавивъ, однако, что, можетъ быть, о существованіи такого общества и слыхалъ. По предъявленіи Млодецкому письма отъ 26 августа, присланнаго въ Тулу обвиняемому Злобину, Млодецкій призналъ, что таковое писано имъ, но дать по этому поводу какое-либо разъясненіе отказался. Задержанная 9-го сентября въ квартирѣ Гельфманъ женщина, назвавшаяся Марьей Горощенковой, показала, что она дочь инженера Александра Сергѣева Хоржевская. Отецъ ея живетъ въ Одессѣ, а она пріѣхала въ Кіевъ недавно, безъ особенной цѣли, только потому, что Кіевъ ей очень нравится. Въ Кіевѣ она знаетъ одну Гельфманъ, но гдѣ съ нею познакомилась—не помнитъ. По обыску у Хоржевской, найдена записная книжка, телеграфная квитанція, а въ узлѣ—мужская рубашка и грязная мужская блуза. О записной книжкѣ и квитанціи Хоржевская показала, что нашла ихъ на улицѣ, а о грязномъ бѣльѣ объяснила, что получила его отъ Гельфманъ. Виновной въ принадлежности къ преступному сообществу и распространенія книгъ Хоржевская себя не признала, а равно и отказалась отъ совмѣстнаго съ Млодецкимъ и Воропковымъ проживательства въ домѣ Вѣтровой. Между тѣмъ, дознаніемъ обнаружено, что Александра Хоржевская, это та самая личность, которая вышла замужъ за дворянина Кикодзе, выдавая его за князя Циціанова, о чемъ будетъ сказано ниже, и жила въ Сыромятникахъ у Скворцовой подъ именемъ хохлачки Феклуши. Затѣмъ, по показанію свидѣтелей Михаила и Матрены Пахилевичей, Хоржевская въ августѣ 1875 г. вмѣстѣ съ Ковалевымъ, подъ видомъ простой крестьянской дѣвушки, приходила къ нимъ нанимать квартиру. По осмотру записной книжки, найденной при Хоржевской, въ ней замѣчены адресы, записанные шифромъ, въ числѣ ихъ—тульскій адресъ „Ива—у С—м—пову Криво—огов. ул., домъ Куракова“, т.-е. очевидно, адресъ Ивана Семенова Фетисова, а сношеніе кіевскаго кружка съ Фетисовымъ еще ранѣе было удостовѣрено въ Тулѣ показаніями Ковалева. Сношенія Хоржевской съ обвиняемымъ Здановичемъ, членомъ московской администраціи, доказывается тѣмъ, что шифръ „бродяжникъ“, „грѣховодникъ“, найденный у Здановича, какъ это удостовѣрено экспертами, писанъ рукою Хоржевской (княгиней Циціановой). Кромѣ того, въ 20 числахъ августа мѣсяца въ Москвѣ было получено изъ Кіева письмо, адресованное на имя обвиняемой по московскому дознанію Елены Медвѣдевой. Въ этомъ письмѣ, несомнѣнно написанномъ Хоржевской, эта послѣдняя проситъ увѣдомить скорѣе о новомъ адресѣ квартиры въ Москвѣ, въ которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣю-

щіе пріѣхать изъ Кіева. Письмо это было зашифровано. Въ виду показанія Василія Ковалева и Мартына Млодецкаго, были приняты мѣры къ отысканію личности, извѣстной подъ именемъ офицера Петра, живущаго на полигонѣ. Личность эта была разыскана, и офицеръ Петръ оказался техническимъ мастеромъ 1 разряда кіевскаго полигона Григоріемъ Александровымъ Александровымъ. По произведенному у Александрова обыску у него было найдено 50 экземпляровъ книгъ и газетъ преступнаго содержанія, пять листовъ гербовой бумаги, на лѣвомъ углу которыхъ имѣются оттиски фальшивыхъ печатей разныхъ полицейскихъ и волостныхъ правленій, два клочка бумаги, на которыхъ записаны шифры „Эй Фомичъ“ и „одному тебѣ“, вырѣзанныя на аспидныхъ кружкахъ печати полицейскихъ и волостныхъ правленій, аспидный кружокъ, на которомъ еще ничего не вырѣзано, нѣсколько заостренныхъ проволокъ и желѣзная палочка, красная для печатей краска, рукопись „Разсказъ бывалаго солдата“ и другая—„Говоритъ честный человѣкъ, говорящій правду“. Эксперты-граверы, осмотрѣвъ печати на аспидныхъ кружкахъ, признали, что онѣ вырѣзаны неумѣлой рукой и при томъ тѣми орудіями, которыя найдены у Александрова. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Григорій Александровъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣвшему цѣлью распространеніе революціонныхъ идей и книгъ въ массѣ народа, но подробныхъ по дѣлу объясненій не далъ, а показалъ, что Прохора и Марью онъ знаетъ. У него, Александрова, хранились деньги, которыя скоплялись иногда до 150 р. Деньги эти передавались ему Прохоромъ и Николаемъ (личность эта не разыскана). Прохоръ дѣйствительно бралъ у него деньги для отправки въ Тулу Герасима и Василія. Гельфманъ и Михайлу тоже знаетъ и въ обществѣ этомъ встрѣчалъ Сидорацкаго, Василія и Герасима. Самъ онъ въ обществѣ пропагандистовъ своимъ именемъ не назывался, а извѣстенъ былъ подъ именемъ Петра. Блуза и рубашка, взятыя у Хоржевской, принадлежатъ ему. Листы гербовой бумаги, фальшивыя печати, формы паспортовъ и билетовъ пріобрѣтены имъ въ кабакѣ для себя; краска куплена для мѣтки бѣлья. Рукописи приготовлены для печати, но, кѣмъ писаны, не скажетъ. Относительно книгъ Александровъ, отказываясь сначала указать отъ кого онѣ имъ получены, объяснилъ затѣмъ, что онѣ переданы ему умершимъ Подгородецкимъ. По заключенію экспертовъ, паспортъ на имя Николая Егорова (скрывшагося) и письмо, взятое въ Тулѣ и начинающееся словами: „Ваше письмо получено“, писаны рукой Хоржевской (кн. Цицiановой). Паспортъ на имя Григорія Зайцева написанъ Александровымъ, а два другіе паспорта—на имя Василія Ковалева и Петра Сидоренко—Млодецкимъ. Въ подтвержденіе показанія Василія Ковалева о томъ, что на сахарномъ заводѣ, гдѣ онъ жилъ, распространеніемъ преступнаго содержанія книгъ занимался крестьянинъ Герасимъ Петровъ, на означенномъ заводѣ былъ произведенъ обыскъ, и у рабочихъ были найдены книжки: „Богъ-то Богъ“, „Емелька Пугачевъ“, „Сказка о копѣйкѣ“, „Хитрая механика“ и др. По показанію рабочихъ книги эти были принесены на заводъ Герасимомъ Петровымъ. Наконецъ, 14 сентября Ковалевъ сдѣлалъ новое заявленіе о томъ, что къ кіевской общинѣ пропагандистовъ принадлежатъ еще крестьянинъ Родіонъ Максимовъ и дворникъ дома Денисовой Петръ Акимовъ Островъ. Родіонъ Максимовъ по дознанію разысканъ не былъ; что же касается до крестьянина Петра Острова, то оказалось, что онъ 13 сентября, т.-е. наканунѣ заявленія Ковалева и черезъ 4 дня послѣ обыска у Гельфманъ, скрылся изъ Кіева, захвативъ съ собою 25 руб. денегъ, данныхъ ему г. Денисовой для покупки въ аптекѣ лѣкарства. Островъ былъ разысканъ на родинѣ, въ дер. Дубровкѣ, Мстиславскаго уѣзда; по произведенному у него обыску были найдены 12 сочиненій преступнаго содержанія въ количествѣ 20 экземпляровъ, и среди нихъ такія, содержаніе которыхъ недоступно пониманію простого крестьянина, а потому и не могли быть даны Острову для прочтенія. Кромѣ того, у него найдены три листа бумаги съ печатями волостныхъ правленій и съ печатью и подписью адъютанта костромского пѣхотнаго полка, четыре разныхъ документа на имя повивальной бабки Елисѣевой, три паспорта—на имя Маріи Горошенковой, Родіона Максимова и Петра Акимова—и три заграничныхъ лотерейныхъ билета. Спрошенный по обстоятельствамъ дознанія, крестьянинъ Петръ Островъ показалъ, что всѣ найденныя у него книги онъ получилъ отъ скрывшагося крестьянина Родіона Максимова. Книги эти даны были ему для прочтенія, а документы, у него отобранные, находились между книгами и газетами.

IV.

9 августа 1875 г. арестованные въ г. Иваново-Вознесенскѣ лица препровождались изъ Иваново-Вознесенска въ г. Шую по желѣзной дорогѣ подъ жандармскимъ конвоемъ. Въ это время на Иваново-Вознесенской станціи желѣзной дороги былъ замѣченъ какой-то господинъ, который, стукнувъ въ окно вагона, переговаривался знаками съ одной изъ арестованныхъ женщинъ. Вслѣдствіе этого господинъ этотъ былъ задержанъ, и оказался дворяниномъ Антимозомъ Евдовымъ Гамкрелидзе, а въ числѣ женщинъ, задержанныхъ въ Ивановѣ, находилась жена его Екатерина Петровна Гамкрелидзе. Гамкрелидзе, какъ оказалось, жилъ въ Москвѣ, въ 12-мъ номерѣ гостиницы „Украйна". По произведенному у Гамкрелидзе обыску у него найдено было 300 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія, рукопись „Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ"—книга, появившаяся позднѣе среди пропагандистовъ уже отпечатанной,—3 револьвера, изъ которыхъ два заряженныхъ, и посылка съ лѣкарствами на имя Бегляра Мартынова Степанова въ Шемаху. Во время обыска, въ квартиру Гамкрелидзе явился и былъ задержанъ неизвѣстный мужчина, предъявившій заграничный паспортъ на имя князя Кочакидзе. Когда обыскъ въ квартирѣ Гамкрелидзе подходилъ къ концу и о томъ составлялся надлежащій протоколъ, въ номеръ заглянули послѣдовательно неизвѣстные женщина и мужчина. Женщина была задержана, а мужчина, увидавъ жандармовъ и полицію, бросился бѣжать, но посланными за нимъ городовыми былъ задержанъ и приведенъ въ номеръ Гамкрелидзе. Неизвѣстные мужчина и женщина стали при этомъ поносить производившаго обыскъ прапорщика Ловягина неприличными словами. По окончаніи обыска, прапорщикъ Ловягинъ, поручивъ мѣстному помощнику надзирателя Ѳедорову присмотръ за арестованными лицами, съ цѣлью отправиться изъ номера Гамкрелидзе, сталъ надѣвать поданную ему городовымъ шинель; въ это время неизвѣстный мужчина, вынувъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ г. Ловягина. Вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ второй. Въ то же время неизвѣстная женщина бросилась на надзирателя Ѳедорова, душила его за горло, стараясь освободить изъ рукъ послѣдняго стрѣлявшаго мужчину. Оба выстрѣла не имѣли дурныхъ послѣдствій, ибо обѣ пули пролетѣли мимо Ловягина и ударились въ стѣнку и дверь комнаты. Обстоятельства вышеизложенныя подтверждены показаніями Ловягина, Ѳедорова и свидѣтелей: Ивана Евтихіева, Григорія Галактіонова, купца Николая Васильева, а равно и осмотромъ 12-го номера „Украйны", гдѣ найдены были въ стѣнѣ и двери слѣды пуль и самыя пули. Неизвѣстные мужчина и женщина отказались давать какія-либо показанія, при чемъ стрѣлявшій въ Ловягина мужчина добавилъ, что онъ имѣлъ цѣлью убить Ловягина. Затѣмъ, дальнѣйшимъ ходомъ дознанія было обнаружено, что женщина, душившая Ѳедорова—дочь коллежскаго асессора, Вѣра Любатовичъ, а мужчина, стрѣлявшій въ Ловягина — князь Александръ Цициановъ, проживавшій въ Москвѣ, въ домѣ Толстой, подъ именемъ и по виду дворянина Зедгенидзе. По окончаніи обыска были приняты мѣры наблюденія за появленіемъ въ 12-мъ номерѣ „Украйны" новыхъ лицъ, при чемъ задержаны были явившіеся въ этотъ номеръ дочь штабсъ-капитана Евгенія Субботина вмѣстѣ съ сыномъ священника Михаиломъ Овчинниковымъ и бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій. Арестованный въ квартирѣ Гамкрелидзе и назвавшійся княземъ Кочакидзе заявилъ послѣ обыска, что въ его квартирѣ остался значительный денежный капиталъ. Вслѣдствіе чего, была немедленно осмотрѣна квартира князя Кочакидзе, и въ ней найдено 8545 рублей кредитными билетами, билетъ С.-Петербургскаго Учетнаго Банка на имя Тумановой въ 1100 руб., записная книжка, кистень и два большихъ ключа отъ другихъ квартиръ. Находясь подъ стражей, лицо, назвавшееся княземъ Кочакидзе, покушалось тайно отъ производившихъ дознаніе переслать три письма черезъ жандармскаго унтеръ-офицера Дунева. Два изъ этихъ писемъ были зашифрованы. Одно изъ нихъ предназначалось къ отправкѣ въ Одессу, на имя князя Микеладзе, другое—въ Орелъ на имя Афонскаго и, наконецъ, третье, на нѣмецкомъ языкѣ, было адресовано на имя дрезденскаго почтамта. Это послѣднее письмо, подписанное фамиліей Кардашева, послужило къ обнаруженію званія лица, именовавшагося княземъ Кочакидзе. По предъявленіи писемъ обвиняемому, онъ сознался, что его зовутъ Степаномъ Мартыновымъ Кардашевымъ, что онъ —

отставной коллежскій регистраторъ и числится студентомъ дрезденской политехнической школы. Вслѣдъ за симъ произведенъ былъ обыскъ въ домѣ Толстой, въ квартирѣ именовавшагося дворянином Зедгенидзе князя Александра Циціанова, и по обыску, въ особомъ чемоданѣ найдено значительное количество книгъ преступнаго содержанія, переписка, письма и записки, писанныя шифрами, фальшивая печать, подложные и вытравленные виды на жительство и записныя книжки. Въ дорожной сумкѣ найдена копія съ письма, писаннаго, какъ оказалось потомъ, арестантомъ Чеконидзе, и послужившая основаніемъ къ обнаруженію званія Чеконидзе, какъ о томъ сказано выше. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ квартиры оказались переписка, книги и прокламаціи: тамъ найденъ „Колоколъ", прокламація „Народной Расправы", прокламація на малороссійскомъ языкѣ, печать гжатской управы, револьверъ, красныя и черныя чернила, порошки и жидкость въ скляпкахъ, а также женская одежда и бѣлье, вѣнчальные цвѣты и тафта подъ ноги, употребляемая при вѣнчаніи. Затѣмъ, 19 сентября, въ Москвѣ получена телеграмма Начальника Харьковскаго Жандармскаго Управленія о томъ, что изъ Кишинева, черезъ Харьковъ, въ Москву съ пассажирскимъ поѣздомъ, подъ видомъ кожевеннаго товара, отправлено три ящика революціонныхъ книгъ вѣсомъ 8 пудовъ 13 фунтовъ по квитанціи на предъявителя. Обстоятельство это сдѣлалось извѣстнымъ вслѣдствіе того, что въ предположеніи воспользоваться кожевеннымъ товаромъ, одинъ ящикъ былъ артельщиками украденъ и замѣненъ тюкомъ съ дровами, а книги были распроданы торговцамъ, о чемъ въ Харьковѣ производится особое дѣло. 19 сентября на станціи Московско-Курской желѣзной дороги задержанъ былъ неизвѣстнаго званія человѣкъ, явившійся за полученіемъ означенныхъ трехъ мѣстъ. Этотъ неизвѣстный покушался бѣжать со станціи, но былъ задержанъ и назвался Вернеромъ. По справкамъ оказалось, что Вернеръ прибылъ въ Москву 18 сентября и остановился въ номерахъ Гурьева. Сдавъ свой чемоданъ швейцару Якову Поршакову, Вернеръ тотчасъ же ушелъ, вечеромъ заходилъ на полчаса и болѣе не возвращался. По предъявленіи Поршакову неизвѣстнаго, задержаннаго на станціи 19 сентября, онъ былъ признанъ за того самаго Вернера, который остановился въ номерахъ Гурьева. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго неизвѣстный отказался объявить свое званіе и просилъ называть его Иваномъ Андреевымъ, объясняя, что паспортъ Вернера, у него отобранный, онъ купилъ на Хитровомъ рынкѣ. По осмотрѣ товарныхъ мѣстъ, за полученіемъ которыхъ по накладной явился Иванъ Андреевъ, найдены въ одномъ изъ нихъ дрова, кирпичи и мусоръ, а въ другихъ двухъ до 2450 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія. Затѣмъ, по обыску у самого Ивана Андреева, кромѣ паспорта Вернера отобранъ заряженный револьверъ, рукописная на почтовой бумагѣ „*программа дѣятельности, уставъ революціонера и организація тайнаго общества*"; на отдѣльномъ почтовомъ листѣ „*условія межобщиннаго сношенія*", списокъ адресовъ въ Швейцаріи, Сербіи, Вѣнѣ, Моравіи, Карлсруэ, квитанціи на товаръ, оказавшійся книгами преступнаго содержанія, шифры: „бродяжникъ, грѣховодникъ, заискиваніе" и т. д., записная книжка, листокъ бумажки, на которомъ написанъ такой расходъ: перевозчикамъ 5 руб., номеръ Одесса 2 р. 50 к., номеръ Кишин. 6 р., отсылка 25 р.; письмо, начинающееся словами: „признаюсь, критика ваша на мое письмо вышла крайне плоха". Въ номерѣ у Ивана Андреева найдены 2 скляпки съ жидкостями для окраски волосъ. Иванъ Андреевъ во время ареста имѣлъ волосы на головѣ и усахъ темные, но по осмотру головы оказалось, что волосы крашены. Это обстоятельство подтвердилось тѣмъ, что съ теченіемъ времени волосы приняли ихъ естественный цвѣтъ съ рыжимъ оттѣнкомъ. Иванъ Андреевъ отказался отъ того, что найденныя у него бумаги принадлежатъ ему, а равно и отказался давать какія-либо объясненія. По дознанію въ г. Кишиневѣ, оказалось, что всѣ три мѣста товара были отправлены однимъ лицомъ, назвавшимся Нахтѣевымъ. Во все время производства дознанія назвавшійся Иваномъ Андреевымъ упорно скрывалъ свое имя и званіе, но, тѣмъ не менѣе, было обнаружено, что онъ кавказскій уроженецъ, сынъ отставного штабсъ-капитана Георгій Феликсовъ Здановичъ, и цѣлый рядъ лицъ, допрошенныхъ по этому поводу на Кавказѣ, удостовѣрилъ его званіе. Въ виду подобнаго удостовѣренія и самъ Иванъ Андреевъ призналъ себя за Здановича. Изъ числа лицъ, знавшихъ Здановича, бывшій воспитанникъ Технологическаго Института Николай Дмитріевъ показалъ, что онъ зналъ Здановича еще въ 1871 г. и встрѣчалъ его въ Петербургѣ у обвиняемаго Ивана Джабадари, у котораго въ то же время бывалъ и Че-

кондзе. Товарищи и знакомые звали Здановича „*Рыжимъ*“. Здановичъ этимъ названіемъ не обижался, и оно обратилось въ кличку, усвоенную самимъ Здановичемъ до того, что онъ въ письмахъ подписывался Георгіемъ Рыжимъ. Лѣтомъ 1874 г. Дмитріевъ былъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Джабадари и Чекондзе; къ этимъ послѣднимъ Здановичъ писалъ письма изъ Петербурга, адресуя къ „братьямъ гражданамъ“, и подписывался Рыжимъ. Здановичъ отличался фразерствомъ, либеральностью взглядовъ и открыто признавалъ себя противникомъ русскаго правительства. Показанія Дмитріева относительно клички „Рыжій“ подтвердилъ Іоселіани, знавшій Здановича еще въ то время, когда онъ воспитывался въ Петербургѣ. Нелишнимъ будетъ замѣтить, что показанія Дмитріева и Іоселіани служатъ прямымъ опроверженіемъ показаній Джабадари, Чекондзе и Здановича, утверждавшихъ, что первые двое знакомы съ послѣднимъ. Отобранная у Здановича (Рыжаго) программа революціонной дѣятельности и оказавшаяся, по заключенію экспертовъ, писанной его рукою, является для всего дѣла документомъ особенно важнымъ и существеннымъ. Документъ этотъ представляетъ отчетливую характеристику образа дѣйствій пропагандистовъ и основаній, на которыхъ учреждено было тайное общество съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія. Документъ этотъ служитъ самой убѣдительной уликой къ обвиненію всѣхъ привлеченныхъ по настоящему дѣлу лицъ, преступная дѣятельность которыхъ вполнѣ согласовалась съ началами, положенными въ основаніе этой программы, и такимъ образомъ, сама программа не представляется однимъ только проектомъ, но была осуществлена и примѣнена на дѣлѣ. Содержаніе означеннаго документа слѣдующее: *I. Принципы, на которыхъ основывается организація.* 1. Абсолютное равенство всѣхъ членовъ во всѣхъ дѣлахъ организаціи. 2. Полная солидарность. 3. Полное довѣріе и откровенность въ дѣлахъ организаціи. *II. Способъ учрежденія общины.* 1. Всякая новая община учреждается членами одной изъ существующихъ общинъ, на основаніи программы этой общины. *III. Условія пріема въ члены общины.* 1. Только та личность, которая искренно и всецѣло посвятила себя революціонной дѣятельности, можетъ быть членомъ общины. 2. Любовь и дружба не должны служить помѣхою для революціонной дѣятельности: всякій долженъ быть готовъ ради дѣла порвать всѣ личныя связи. 3. Самоотверженность и способность хранить тайны — необходимыя качества члена организаціи. 4. Членъ долженъ быть въ положеніи простого работника, объ исключеніяхъ рѣшаетъ община. 5. Личность должна быть способна къ исполненію, по крайней мѣрѣ, одной изъ главныхъ функцій революціонной дѣятельности. 6. Личность, прежде чѣмъ быть принятою въ члены общины, должна быть испытана на дѣлѣ. 7. Пріемъ членовъ долженъ быть единогласный. *IV. Обязанности членовъ общины.* 1. Всѣ дѣла организаціи членъ долженъ хранить въ тайнѣ. 2. Каждый членъ долженъ давать отчетъ общинѣ о своей революціонной дѣятельности. 3. Всѣ свѣдѣнія, касающіяся какой-нибудь партіи, кружка или лица, находящихся внѣ нашей организаціи, или въ связи съ ней, членъ обязанъ сообщать общинѣ, за исключеніемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя въ революціонной практикѣ называются секретами; но для прочности дѣла признается необходимымъ сообщать въ подробностяхъ нѣсколькимъ лицамъ организаціи по выбору общины. 4. Членъ общины не въ правѣ вступать въ договоры въ важныхъ дѣлахъ съ лицами, кружками и партіями, состоящими внѣ нашей организаціи, безъ согласія общины, а въ мелкихъ дѣлахъ обращается за совѣтомъ къ администраціи. 5. Свѣдѣнія, получаемыя чрезъ общину о дѣятельности лица, партіи, или кружка, не могутъ быть никому сообщены безъ согласія общины. 6. Членъ обязанъ выполнять возложенныя на него общиною порученія. 7. Членъ общины не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста своего нахожденія безъ согласія общины. 8. Членъ общины не въ правѣ переходить изъ одной общины въ другую безъ обоюднаго согласія общинъ. 9. Членъ не можетъ имѣть личной собственности. *V. Права члена.* 1. Всѣ члены имѣютъ право на равное участіе въ дѣлахъ общины. 2. Каждый членъ имѣетъ право требовать нужныя свѣдѣнія отъ управленія. 3. Каждый членъ имѣетъ право контроля. 4. Члену предоставляется право созывать исключительныя собранія. *VI. Администрація.* 1. Управленіе назначается для того, чтобы текущія дѣла не останавливались бы отъ того, что всѣ члены общины находятся на работѣ. 2. Управленіе освобождается отъ работъ на фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ. 3. Члены управленія назначаются не по выбору, а по очереди и взаимному соглашенію членовъ. 4. Въ управленіи должны перебывать всѣ

члены общины 5. Въ составъ управленія должны всегда входить члены какъ изъ интеллигенціи, такъ и изъ рабочихъ. 6. Число членовъ управленія опредѣляется общиною сообразно ея нуждамъ (въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ). 7. Каждая очередь управленія продолжается мѣсяцъ. 8. Управленіе должно вести постоянныя сношенія съ другими общинами по части книжнаго дѣла, денегъ и вообще веденія переписки по дѣламъ общинъ. 9. Управленіе обязано заботиться о наймѣ квартиръ и снабженіи ихъ всѣмъ нужнымъ. 10. Управленіе хранитъ книги, деньги, въ количествѣ, опредѣленномъ общиною, адресы и т. д. 11. Управленіе должно предупреждать объ опасности, угрожающей членамъ общины и вообще организаціи. 12. При арестѣ кого-либо изъ членовъ общины, управленіе должно увѣдомлять объ этомъ всѣхъ членовъ какъ своей, такъ и другихъ общинъ. 13. Управленіе поддерживаетъ сношенія съ заключенными и сообщаетъ общинѣ о причинахъ ареста и о показаніяхъ кого-либо-изъ членовъ общины. 14. При выдачѣ суммъ на какія-либо предпріятія свыше опредѣленной цифры, управленіе обязано предварительно снестись объ этомъ съ общиною. 15. *Права управленія:* а) управленіе можетъ входить въ сношеніе съ революціонными кружками, стоящими внѣ общины; б) управленіе снабжаетъ революціонные кружки деньгами, книгами и всѣмъ нужнымъ для революціонной дѣятельности въ размѣрѣ, опредѣленномъ общиной. 16. Дѣйствія администраціи контролируются всей мѣстной общиной. 17. Для удобства сношенія одной мѣстной общины съ другой, послѣдняя увѣдомляется о личномъ составѣ управленія. *VII. Способъ дѣйствія во время пропаганды.* 1. Члену общины предоставляется полнѣйшая самостоятельность въ способѣ революціонной дѣятельности, не вредя самой организаціи общины. 2. Членъ общины долженъ стараться поставить себя въ денежномъ отношеніи къ тѣмъ, среди которыхъ онъ пропагандируетъ, такъ, чтобы они относились къ нему какъ къ работнику, иначе говоря, онъ не долженъ допускать никакихъ денежныхъ подарковъ. 3. Членъ общины дѣйствуетъ при пропагандѣ только отъ своего имени, не подавая ни малѣйшаго вида о существованіи у него организованнаго кружка или артели, до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ членовъ общины не признаютъ его надежнымъ, и пока вся община не признаетъ нужнымъ сообщить о своей организаціи. 4. Членъ общины не имѣетъ права приводить кого-либо на квартиру общины, не удостовѣрившись хотя бы нѣкоторыхъ изъ членовъ въ благонадежности его. 5. Пропагандирующій не долженъ довольствоваться лишь тѣмъ, что пропагандируемый согласенъ имѣть тѣсную связь съ нимъ, или съ нѣсколькими другими, а обязанъ выпытать у него, сочувственно ли онъ относится къ идеѣ общинной организаціи. 6. Членъ-пропагандистъ обязанъ, во время идеи организаціи, не пропускать ни одного революціоннаго кружка, ни даже одной революціонной силы. 7. Тайну организаціи общины каждый членъ доводитъ до такого максимума, что онъ отрекается отъ близкаго знакомства даже передъ революціонерами, не входящими въ организацію, если отреченіе такого рода не вредитъ общинѣ. *VIII. Группа наиважнѣйшихъ способовъ при пропагандѣ.* 1. Способъ простого разговора. 2. Способъ чтенія книжекъ, какія находитъ нужнымъ пропагандистъ. 3. Способъ возбужденія. 4. Способъ простого сплачиванія. 5. Способъ созданія организованнаго кружка, находящагося внѣ организаціи общины. 6. Община обязываетъ своихъ членовъ учреждать кассы, библіотеки среди организованныхъ ими кружковъ. 7. Члены общины, живущіе среди рабочихъ, должны еще стремиться къ тому, чтобы на мѣстахъ жительства устраивались сходки организованыхъ ими кружковъ. *IX. Объ агитаціи.* А. разница между пропагандой и агитаціей состоитъ въ томъ, что первая служитъ для выясненія взглядовъ на революціонное дѣло, а агитація имѣетъ цѣлью побудить личности или кружки прямо на активную революціонную дѣятельность. В. Агитація идетъ рядомъ съ пропагандой, она состоитъ: а) въ побужденіи другихъ лицъ и кружковъ къ пропагандѣ, б) къ образованію артелей, кассъ и библіотекъ и в) къ образованію органовъ внѣ нашей организаціи. С. Чистая агитація. 1. *Въ мирное время:* а) она ведется посредствомъ организованныхъ шаекъ; б) шайки образуются или лицами нашей организаціи, или же лицами, стоящими внѣ нашей организаціи; въ послѣднемъ случаѣ необходимо, чтобы существующая шайка довѣряла бы одному изъ членовъ общины; в) цѣль подобныхъ шаекъ—наводить страхъ на правительство и на привилегированные классы, и, кромѣ того, отводить взоры правительства отъ революціонныхъ дѣятелей; г) поднимать

духъ народа и этимъ дѣлать его болѣе способнымъ къ принятію революціонныхъ идей; д) чрезъ нихъ пріобрѣтать денежныя средства для дѣятельности общины; е) употреблять ихъ на помощь при освобожденіи заключенныхъ; ж) направленіе шаекъ должно быть чисто соціально-революціонное. 2. *Во время бунтовъ:* а) при бунтахъ дѣятельность членовъ состоитъ въ направленіи бунтовъ; б) при бунтахъ выдвигаются личности, и члены общины должны давать имъ направленіе соціально-революціонное; в) относясь сочувственно къ движенію другихъ общинъ, наша община помогаетъ средствами и всѣмъ, чѣмъ можетъ, и рядомъ съ этимъ, если она находитъ возможнымъ, призываетъ къ движенію въ своемъ мѣстѣ; г) участіе членовъ общины въ самомъ движеніи допускается въ такомъ размѣрѣ, чтобы община не уничтожалась и тѣмъ не вредила всеобщей организаціи. *X. Денежная сторона организаціи.* 1. Каждая община имѣетъ свой самостоятельный фондъ. 2. Средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не вредили бы безопасности и кредиту организаціи. Вообще каждый членъ обязанъ добывать средства изъ доступныхъ ему источниковъ по своему усмотрѣнію. Никто изъ членовъ общины не можетъ исключительно заниматься добываніемъ денежныхъ средствъ, отдѣльные же случаи, когда необходимо участіе извѣстныхъ лицъ, рѣшаетъ община. 3. Храненіе денегъ поручается управленію общины. Большія суммы не должны сохраняться въ рукахъ управленія. Они будутъ храниться по частямъ въ банкахъ. 4. Сумма, необходимая на постоянные расходы управленія и каждаго члена, опредѣляется общимъ собраніемъ сообразно нуждамъ на мѣсяцъ. 5. Кромѣ того, какъ управленіе, такъ и каждый членъ должны располагать деньгами на непредвидѣнные расходы не свыше количества, опредѣленнаго общиною. 6. Заемъ у лицъ, стоящихъ внѣ организаціи, заключается отдѣльными членами. *XI. Книжное дѣло.* 1. Община высылаетъ на время лицъ, устраивающихъ сношенія съ издателями книгъ. 2. Эти же лица устраиваютъ пути для перевозки книгъ черезъ границу и затѣмъ передаютъ управленію. *XII. О собраніяхъ общины.* 1. Община собирается разъ въ мѣсяцъ для обсужденія текущихъ дѣлъ. 2. Время и мѣсто назначаются управленіемъ. 3. Собраніе считается дѣйствительнымъ только тогда, когда всѣ члены предупреждены, и отсутствующіе заявятъ причину неявки. *XIII. Условія межобщиннаго сношенія.* 1. Пользованіе взаимно деньгами изъ общаго фонда. 2. Увѣдомленіе объ общинномъ шифрѣ. 3. Пользованіе общимъ словаремъ для телеграммъ. 4. Необходимо давать знать о паролѣ путемъ телеграммы. 5. Извѣщеніе о кличкахъ личнаго состава администраціи. 6. Извѣщеніе о вводѣ новаго члена. 7. Предупрежденіе общинами другъ друга объ опасности. 8. Увѣдомленіе о движеніи въ своей мѣстности, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется общины всероссійской организаціи. 9. Совѣщаніе объ устройствѣ и содержаніи типографіи и книжное дѣло за-границей. 10. О періодическихъ изданіяхъ. 11. Увѣдомленіе о секретныхъ адресахъ общины. Обращаясь затѣмъ къ обстоятельствамъ дѣла, разъясненнымъ дознаніемъ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на значеніи тѣхъ документовъ, книгъ и переписокъ, которые были найдены по обыскамъ въ Москвѣ, въ квартирахъ князя Циціанова, Гамкрелидзе и Кардашева. По подробному осмотру разнаго рода переписокъ, бумагъ и вещей, найденныхъ въ домѣ Толстой, у князя Циціанова, оказалось, что вещи и бумаги принадлежатъ какъ князю Циціанову, такъ и дворянину Николаю Федорову Цвиленеву. Среди массы бумагъ были найдены: 1. *Виды на жительство* на имя Шатрова, Полякова и студента Смирнова, изъ которыхъ первые два оказались фальшивыми. 2. *Два вытравленныхъ вида* на жительство, очевидно приготовленные для составленія подложныхъ видовъ, при чемъ въ той же квартирѣ отобраны были всѣ необходимые для составленія подложныхъ документовъ матеріалы: снимки печати и печать. 3. *Разныя рукописи:* изъ нихъ одна—„о необходимыхъ условіяхъ подготовки для успѣха дѣятельности пропагандиста, рѣшившагося итти въ народъ въ качествѣ рабочаго“; другая—„разсказъ солдата о томъ, какъ Царь, бары, чиновники, купцы и кулаки-міроѣды обираютъ мужичка“ и, наконецъ, третья—корреспонденція о бывшихъ въ Кіевѣ безпорядкахъ. Двѣ послѣднія рукописи, повидимому, были приготовлены для печати. Первая рукопись „О необходимыхъ условіяхъ подготовки“ написана Цвиленевымъ, а разсказъ солдата писанъ рукою Вѣры Любатовичъ. 4. *Адресы разныхъ лицъ*, написанные шифромъ. 5. *Записныя книжки*, изъ которыхъ одна оказалась принадлежащею обвиняемому Овчинникову. Въ книжкѣ, принадлежащей Цвиленеву, найденъ шифръ: „Чаще держать экзамены“. 6. *Нѣсколько шифрованныхъ писемъ* отъ обвиняемаго Георгіевскаго, напи-

сашныхъ имъ изъ-подъ стражи и указывающихъ какимъ образомъ можно организовать побѣгъ. Письма эти были зашифрованы по шифру „Чаще держать экзамены“. 7. Письмо отъ арестанта дворянина Чекондзе. Подлинникъ этого письма, также шифрованный, не найденъ, а отобранъ переводъ съ него, писанный Вѣрой Любатовичъ. Письмо это было зашифровано по шифру: „Эй Фомичъ“, найденному въ Иваново-Вознесенскѣ, какъ это разъяснено самимъ Чекондзе въ письмѣ его къ Рыжему (Здановичу), во время содержанія ихъ обоихъ въ тюремномъ замкѣ. 8. *Переписка съ другими сообщниками, находившимися на свободѣ.* Изъ нея обращаютъ на себя вниманіе: а) *письмо отъ 4 іюля*, какъ оказалось по сличенію почерковъ, написанное рукою Лидіи Фигнеръ. Въ письмѣ этомъ сообщается, что время проходитъ бездѣятельно, такъ какъ знакомыхъ мало и сойтись ни съ кѣмъ не успѣли. „Всѣ сдѣлались членами клуба, за исключеніемъ нищущей Анюты“. Внизу письма приписка: „бабъ здѣсь совершенно достаточно и было бы прекрасно, если бы больше не паѣзжало“. б) *Шифрованная* по ключу „Эй Фомичъ“ записка такого содержанія: „пришли немедленно копію Волчанскаго паспорта“. в) *Письмо отъ 30 іюня:* „Вѣра, передай Катѣ (очевидно, Вѣра Любатовичъ и Екатерина Гамкрелидзе), чтобы она подождала письма, которое получитъ отъ Михаила Ивановича, знакомаго Рыжаго, тамъ просятъ сдѣлать кое-какія покупки“. 9. *Революціонныя книги* и клочекъ бумаги, на которомъ написано карандашемъ: „напиши на этомъ клочкѣ, сколько книгъ ты взялъ, когда первый разъ отправилъ, какія и куда“. Внизу написано: „Работ. 1 и 2 около 37, 2 и 3 по 20, Коммуна 5, Сказка 5, Пугачъ 6 и мелкія брошюрки“. Съ другой стороны, по обыску въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе было, найдено до 300 книгъ преступнаго содержанія и рукопись „Сказка о Мудрицѣ Наумовнѣ“, написанная частью рукой обвиняемаго Овчинникова. По показанію Гамкрелидзе, эти книги и рукопись были даны ему на сохраненіе княземъ Циціановымъ. Правдоподобность подобнаго объясненія Гамкрелидзе доказывается сопоставленіемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какъ это будетъ объяснено ниже, съ княземъ Циціановымъ проживала Вѣра Любатовичъ, куда она переѣхала только передъ обыскомъ. Между тѣмъ, изъ переписки, найденной въ Иваново-Вознесенскѣ, видно, что члены ивановской общины требовали присылки изъ Москвы копіи именно съ этой рукописи и, судя по отвѣту Вѣры Любатовичъ, требовали этого именно отъ нея, такъ какъ она отказывалась ее переписывать, а предлагала нанять писцовъ. Такимъ образомъ, нельзя не считать вполнѣ доказаннымъ, что у Вѣры Любатовичъ была означенная рукопись, и что она легко могла попасть въ квартиру Гамкрелидзе тѣмъ путемъ, какъ онъ это утверждаетъ. Сопоставивъ результаты, добытые обысками въ квартирахъ Циціанова и Гамкрелидзе, съ обязанностями, возлагаемыми программой на администрацію общины и имѣя въ виду, что въ квартирахъ найденъ складъ книгъ преступнаго содержанія, фальшивые виды на жительство, рукописи преступнаго содержанія, приготовленныя для печати, шифрованные адреса разныхъ лицъ, шифрованная переписка съ разными пропагандистами, отчетъ о выдачѣ книгъ, предметы, необходимые при совершеніи браковъ, шифрованная переписка съ арестантами, членами того же сообщества,—нельзя не придти къ полному убѣжденію въ томъ, что въ домѣ Толстой была обнаружена квартира, въ которой помѣщалась администрація сообщества и жили члены этой администраціи, обязанной хранить книги, адресы и т. п. (п. 10), снабжать общины и членовъ ея всѣмъ необходимымъ (п. 15), поддерживать сношеніе и вести переписку съ другими общинами и членами общины (п. 8), устраивать и вести сношеніе съ заключенными (п. 13). Между прочимъ, на ту же администрацію общины программа возлагаетъ обязанность нанимать и устраивать квартиры (п. 9), очевидно, какъ пріютъ для членовъ общины, гдѣ бы они могли скрыться отъ преслѣдованій, какъ о томъ свидѣтельствуетъ показаніе обвиняемаго Агапова и свидѣтеля Корнюхина. Дознаніемъ обнаружено, что и квартира князя Циціанова въ д. Толстой не была его квартирой, а принадлежала какъ ему, такъ и обвиняемой Вѣрѣ Любатовичъ и дворянину Николаю Цвиленеву, хотя и была нанята на имя дворянина Зедгенидзе, по виду котораго проживалъ князь Циціановъ. Что квартира въ домѣ Толстой была квартирой администраціи общины, это еще яснѣе доказывается слѣдующими обстоятельствами дѣла: изъ показанія обвиняемаго Семена Иванова Агапова видно, что въ то время, когда часть пропагандистовъ жила въ Иваново-Вознесенскѣ, то „всѣми дѣлами въ Москвѣ заправляли Вѣра и Рыжій“, причемъ Вѣра жила въ домѣ Эйнбродтъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ, находив-

шейся въ это время въ Ивановѣ. Владиміръ Александровъ въ то же время говорилъ Агапову, что отъ преслѣдованія полиціи весьма легко укрыться именно въ домѣ Эйнбродтъ. Съ другой стороны, важное въ этомъ отношеніи значеніе имѣетъ письма 19 и 26 іюля, найденныя въ Ивановѣ. Въ этомъ письмѣ сообщаются всѣ тѣ свѣдѣнія, сообщать которыя членамъ общества обязательно для администраціи; оно уже удостовѣряетъ, что всѣ необходимыя для пропагандистовъ вещи доставляются лицами, писавшими это письмо; въ немъ сообщаются предположенія о перемѣщеніи членовъ изъ одной общины въ другую, разъясняется необходимость подчиняться распоряженіямъ администраціи и сообщается о принятіи въ общину новаго сочлена, Санчо. При этомъ лицо, сдѣлавшее въ письмѣ приписку отъ 26 іюля, говоритъ о себѣ, какъ о членѣ администраціи, и указываетъ на то обстоятельство, что оно, какъ это предписывается программой, прослужило въ администраціи свой мѣсяцъ и требуетъ замѣну себя кѣмъ-либо изъ ивановскихъ пропагандистовъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить также, что это письмо удостовѣряетъ существованіе *организаціи кличекъ* и указываетъ на цѣль, которую имѣютъ пропагандисты: „убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте“ —пишетъ авторъ этого письма. Такимъ образомъ, несомнѣннымъ представляется, что, согласно съ программою общины, письмо это написано въ Иваново-Вознесенскъ лицами, составлявшими администрацію общины, а—какъ выше было уже сказано—письмо это написано Рыжимъ (Здановичемъ) и Вѣрою Любатовичъ. Между тѣмъ, дознаніемъ доказано, что Вѣра Любатовичъ и Рыжій (Здановичъ) проживали въ это время въ д. Эйнбродтъ. По справкамъ оказалось, что первоначально въ д. Эйнбродтъ квартира занята была обвиняемой Марьей Субботиной, которая и проживала тамъ съ 5 по 26 мая 1875 года. Затѣмъ квартира эта была передана Марьей Субботиной Лидіи Фигнеръ, что признала и послѣдняя, и отъ чего Марья Суботина отказалась. Квартира въ домѣ Эйнбродтъ, какъ снова удостовѣряютъ справки, съ 30 мая до 6 августа числилась за Лидіей Фигнеръ, несмотря на то, что Фигнеръ съ конца іюня или первыхъ чиселъ іюля мѣсяца жила по подложному паспорту въ Иваново-Вознесенскѣ. Въ это время въ домѣ Эйнбродтъ проживала подъ именемъ Фигнеръ Вѣра Любатовичъ. Это обстоятельство удостовѣрено показаніями Агапова, кухарки г-жи Эйнбродтъ Софьи Красновой и дочери священника Ансеровой, знавшихъ проживавшую въ домѣ Эйнбродтъ Вѣру Любатовичъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ. Такимъ образомъ, изъ изложеннаго ясно, что квартира администраціи общины до 6 августа помѣщалась въ д. Эйнбродтъ. Затѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ, Вѣра Любатовичъ вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ и Кардашевымъ приходили нанимать и наняли квартиру въ д. Толстой. Въ этой квартирѣ поселились первые двое, причемъ квартирой завѣдывала Вѣра Любатовичъ, у которой и хранился отъ квартиры ключъ. Обстоятельства эти вполнѣ подтверждены показаніями дворника дома Толстой, Ивана Жохова. Кардашевъ жилъ на отдѣльной квартирѣ, но за то въ д. Толстой найдены всѣ вещи третьяго лица, дворянина Цвиленева, причемъ въ его чемоданѣ найдена часть бумагъ, о которыхъ сказано выше. Очевидно, что та же администрація, которая находилась въ д. Эйнбродтъ, перебралась на новую квартиру въ д. Толстой, но при этомъ составъ администраціи нѣсколько измѣнился. Въ д. Эйнбродтъ въ составъ администраціи входили Вѣра Любатовичъ и Здановичъ (Рыжій). Какъ выше указано, Вѣра Любатовичъ желала выйти изъ администраціи, но, не будучи никѣмъ замѣнена, осталась въ ней, ибо въ противномъ случаѣ она должна была уѣхать на работу въ Кіевъ. Что касается до Здановича (Рыжаго), то онъ выбылъ изъ Москвы по порученію общины на границу и, такимъ образомъ, выбылъ изъ администраціи. О немъ Вѣра Любатовичъ писала въ Иваново: „Рыжему не хотѣлось ѣхать на границу, а между тѣмъ онъ поѣхалъ“. О немъ же Евгенія Субботина писала въ Иваново Аннѣ, что его нѣтъ въ Москвѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что, согласно программѣ, администрація въ то время должна была состоять изъ трехъ лицъ. Дознаніе не могло опредѣлить третье лицо, входившее въ составъ администраціи въ д. Эйнбродтъ, но въ д. Толстой найдены вещи и бумаги, принадлежащія тремъ лицамъ: Любатовичъ, князю Циціанову и Цвиленеву, а подобное сочетаніе трехъ лицъ вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ программы. Переѣзжая изъ дома Эйнбродтъ, Вѣра Любатовичъ приняла мѣры скрыть свое мѣстопребываніе. Такъ, въ полиціи Лидія Фигнеръ 6 августа была отмѣчена выѣхавшею въ Казань, а дворнику дома Эйнбродтъ былъ указанъ ея адресъ въ № 12-мъ гостиницы „Украйна“, каковой адресъ и былъ сообщенъ дворникомъ свидѣтельницѣ Ансеровой. Къ этому обстоятельству слѣдуетъ присоединить

и то, что въ № 12-мъ „Украйны“, въ квартирѣ Гамкрелидзе, найдена часть общиннаго имущества (книги и рукопись), переданная ему на храненіе членами администраціи. Все вышеизложенное ясно доказываетъ исполненіе администраціей требованія программы о наймѣ и устройствѣ квартиръ, а, съ другой стороны, служитъ прямымъ доказательствомъ того значенія, которое имѣли въ общинѣ обвиняемые: Здановичъ, Вѣра Любатовичъ, кн. Циціановъ, Цвиленевъ, Гамкрелидзе и Кардашевъ. Затѣмъ, по отношенію къ обвиненію отставного коллежскаго регистратора Кардашева, дознаніемъ обнаружено, что этотъ послѣдній хранилъ при себѣ и расходовалъ деньги, составлявшія матеріальныя средства общины. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что Кардашевъ, принадлежа къ кавказскимъ уроженцамъ, давно былъ знакомъ съ главными по настоящему дѣлу обвиняемыми Чекоидзе, Джабадари, княземъ Циціановымъ и другими. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 г. Кардашевъ пріѣзжалъ въ Москву изъ Петербурга и жилъ вмѣстѣ съ Чекоидзе въ гостинницѣ Шевалдышева. Ранѣе указано было, что вслѣдъ затѣмъ Чекоидзе, вступивъ въ общину пропагандистовъ, былъ 4-го апрѣля уже арестованъ въ числѣ прочихъ въ домѣ Корсакъ; Кардашевъ же, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственноручная записная книжка, укрылся за границу. Изъ той же записной книжки видно, что, находясь за границей, Кардашевъ велъ переписку съ Рыжимъ, съ Вѣрой Любатовичъ и съ другими лицами, отмѣченными только буквами, и что приблизительно въ концѣ іюня мѣсяца 1875 г. Кардашевъ снова прибылъ въ Россію. По показанію Красновой, служителей гостинницы „Украйна“ и дворника дома Толстой, Жохова, Кардашевъ часто посѣщалъ Гамкрелидзе и Вѣру Любатовичъ. Какъ выше было указано, у Кардашева было найдено 8545 руб. денегъ и билетъ въ 1100 рублей на имя Тумановой. Въ книжкѣ Кардашева записаны такіе расходы: Санчо 15 руб., Санчо 25, Волч. 20 руб., Гамкѣ 15 р., Свадьба 41 р. Ниже будетъ подробно объяснено значеніе этихъ именъ, теперь же будетъ достаточно указать, что имена Санчо, Гамка, Волченокъ— суть клички членовъ преступнаго сообщества. Эти записи свидѣтельствуютъ о томъ, что Кардашевъ расходовалъ деньги на членовъ общины. Принимая во вниманіе безусловное правило, устанавливаемое программой, по которому ни одинъ членъ общества не долженъ имѣть личной собственности, но получаетъ необходимыя для него средства отъ общины, и что денежныя средства общины не должны храниться въ администраціи общины, то станетъ совершенно ясно, что денежныя суммы, отобранныя у Кардашева, составляютъ денежный фондъ преступнаго сообщества. Соображеніе, только что изложенное, находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ обстоятельствахъ дѣла. Какъ оказалось, Кардашевъ ѣздилъ въ города Тулу и Орелъ вмѣстѣ съ княземъ Циціановымъ (Зедгенидзе). Въ Тулѣ Кардашевъ, согласно показанію свидѣтеля Введенскаго, видѣлся съ обвиняемымъ Злобинымъ, а въ Орлѣ, какъ это удостовѣрила прислуга гостинницы Тотьепъ, останавливался въ этой гостинницѣ и видѣлся съ обвиняемой Марьей Субботиной. Кромѣ того, поѣздка эта удостовѣрена и самимъ Кардашевымъ. Расходъ на эту поѣздку, какъ по отношенію къ Кардашеву, такъ и по отношенію къ князю Циціанову, записанъ въ той же книжкѣ Кардашева, да и расходы на жизнь и поѣздки самого Кардашева, принадлежавшаго къ той же общинѣ и носившаго кличку Мавра, въ виду вышеизложеннаго,—не могутъ не быть отнесены на счетъ общиннаго фонда. Еще болѣе значенія имѣетъ для дѣла нахожденіе у Кардашева билета Петербургскаго Ссуднаго Банка въ 1100 рублей на имя Тумановой. Билетъ этотъ былъ выданъ матерью Тумановой дочери ея Екатеринѣ, какъ приданое при выходѣ послѣдней замужъ за обвиняемаго Антимоза Гамкрелидзе. Бракосочетаніе Гамкрелидзе съ Тумановой послѣдовало 13 іюля 1875 г. въ Москвѣ. Въ обыскной книгѣ въ числѣ свидѣтелей брака расписался князь Александръ Циціановъ, на свадьбѣ распоряжался всѣмъ тотъ же князь Циціановъ, а въ числѣ присутствовавшихъ находились, кромѣ того, Вѣра Любатовичъ, Кардашевъ и обвиняемая Варвара Батюшкова, о которой будетъ сказано ниже. Свадьба эта была совершена при особой, исключительной обстановкѣ. Невѣста пріѣхала въ церковь въ сопровожденіи квартирной хозяйки Сидоровой, неодѣтая въ подвѣнечное платье, поведеніе лицъ во время бракосочетанія поражало постороннихъ лицъ полнымъ пренебреженіемъ къ обрядности бракосочетанія. Въ церкви не были даже приготовлены или приглашены необходимые свидѣтели, и одного изъ нихъ пришлось разыскивать. Немедленно послѣ свадьбы и закуски въ номерахъ Рубилиной, молодая уѣхала, оставивъ своего молодого мужа ночевать одного, а затѣмъ супруги Гамкрелидзе, какъ это указано выше, разъѣхались совсѣмъ,

причемъ Екатерина Гамкрелидзе отправилась въ Иваново-Вознесенскъ на преступную пропаганду. Билетъ въ 1100 руб., поступившій въ приданое Екатеринѣ Гамкрелидзе, перешелъ къ Кардашеву, а у этого послѣдняго записана въ записной книжкѣ выдача 15 р. Гамкѣ и 41 р. расхода по свадьбѣ, при чемъ именно Кардашевымъ уплачены деньги священнику за вѣнчаніе Гамкрелидзе. Лучшимъ доказательствомъ того, какое значеніе этому браку придавали сами обвиняемые, служитъ письмо, найденное въ Иваповѣ, въ которомъ пишутъ слѣдующее: „не желаете ли получить по почтѣ m-lle Гамку, хотя она и вышла замужъ за Катю, но все-таки теряетъ право называться мадамшею". Самъ Антимосъ Гамкрелидзе показалъ, что тотчасъ же послѣ свадьбы онъ рѣшилъ выдать женѣ своей отдѣльный видъ для проживанія во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Очевидно, такимъ образомъ, что бракъ Гамкрелидзе имѣетъ фиктивное значеніе и заключенъ былъ съ единственною цѣлью пріобрѣтенія приданаго, которое вслѣдъ за бракосочетаніемъ и поступило въ общій фондъ къ обвиняемому Кардашеву. Слѣдуетъ замѣтить, что бракъ Гамкрелидзе не былъ единственнымъ явленіемъ подобнаго рода среди этого преступнаго сообщества. Членами сообщества былъ заключенъ другой бракъ съ тѣмъ же характеромъ. Ранѣе неоднократно уже упоминалось имя обвиняемой княгини Циціановой, задержанной въ Кіевѣ подъ именемъ Марьи Горощенковой. Оказалось, что именующая себя княгиней Циціановой, рожденная Хоржевская, вышла замужъ за князя Александра Циціанова въ г. Одессѣ и вѣнчалась съ нимъ 13-го іюля 1875 г., т.-е. въ тотъ же самый день, когда кн. Александръ Циціановъ, присутствовалъ въ качествѣ свидѣтеля въ г. Москвѣ при бракосочетаніи супруговъ Гамкрелидзе. Произведеннымъ по этому предмету дознаніемъ обнаружено, что въ Одессѣ, при содѣйствіи обвиняемыхъ Ольги Любатовичъ и Надежды Субботиной, въ домъ Хоржевскихъ, къ отцу обвиняемой, былъ введенъ Александрою Хоржевской, подъ именемъ князя Александра Циціанова, дворянинъ Кикодзе, скрывшійся и дознаніемъ не разысканный. Эта личность обвѣнчалась съ Александрою Хоржевской по документамъ князя Циціанова. Обстоятельства эти вполнѣ удостовѣрены свидѣтельскими показаніями отца, сестры Хоржевской и свидѣтелей бракосочетанія которымъ была предъявлена фотографическая карточка Кикодзе, такъ и сличеніемъ подписей въ обѣихъ обыскныхъ книгахъ. Хоржевской выдано было приданое, неизвѣстно куда исчезпувшее, а, между тѣмъ, сама Хоржевская является дѣятельнымъ членомъ кіевской общины, имѣвшей свой самостоятельный денежный фондъ. Между тѣмъ, была совершена попытка заключить еще третій бракъ такого же характера. Дочь священника г. Москвы, Екатерина Ансерова, воспитывалась въ гимназіи вмѣстѣ съ сестрами Субботиными, подъ вліяніемъ которыхъ пожелала вмѣстѣ съ ними и на ихъ средства ѣхать за границу, на что родители Ансеровой не согласились. Тогда Евгенія Субботина предложила Ансеровой получить свободу путемъ фиктивнаго брака съ однимъ господиномъ по фамиліи Іоселіани, который для знакомства съ Ансеровой приходилъ нѣсколько разъ въ церковь, а затѣмъ просилъ у отца Ансеровой позволенія бывать у нихъ въ домѣ, въ чемъ священникъ Ансеровъ ему отказалъ. Въ виду подобной неудачи Евгенія Субботина уговорила Ансерову бѣжать, составила планъ побѣга и дала Ансеровой для жизни на первое время послѣ побѣга 35 рублей. Ансерова, узнавъ въ это время, что Субботина арестована, прервала съ ней всякое знакомство. Желая окончательно раздѣлаться съ Субботиными, Ансерова принесла должные ею Евгеніи Субботиной 35 рублей въ гостиницу „Украйну", вслѣдствіе чего и была препровождена къ дознанію. По словамъ Ансеровой, бракъ этотъ устраивался для того, чтобы Ансерова, получивъ отъ отца приданое, могла бы передать его своему мужу, а сама за это получила бы полную свободу. По предъявленіи Кардашева Ансеровой, эта послѣдняя признала въ немъ того господина, который выдавалъ себя за Іоселіани; Кардашевъ, съ своей стороны, не отвергая того, что желалъ познакомиться съ Ансеровой, но получилъ отказъ, не сознался въ томъ, что выдавалъ себя за Іоселіани. Показаніе Ансеровой нашло себѣ полное подтвержденіе въ показаніи ея отца. Что устройство фиктивныхъ браковъ входило въ разсчеты членовъ преступнаго сообщества, тому, кромѣ примѣровъ вышеприведенныхъ, служитъ доказательствомъ письмо, найденное у обвиняемой Варвары Батюшковой, при чемъ и это письмо доказываетъ, что цѣль подобныхъ браковъ есть пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ. Въ письмѣ этомъ лицо, оставшееся необнаруженнымъ, пишетъ, что до выхода замужъ оно не можетъ получить завѣщанныхъ ей денегъ, а потому проситъ найти на

фиктивный съ нею бракъ охотника, который согласился бы „продѣлать эту комедь“. Письмо оканчивается замѣчаніемъ, что въ данномъ случаѣ цѣль оправдываетъ средства. Въ виду подобныхъ фактовъ, значеніе билета Петербургскаго Ссуднаго Банка въ 1100 р., найденнаго у Кардашева, становится совершенно яснымъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что какъ самъ Кардашевъ, такъ мужъ и жена Гамкрелидзе дали по этому поводу самыя разнорѣчивыя показанія и не умѣли объяснить, какимъ образомъ билетъ Тумановой попалъ къ Кардашеву. Въ продолженіе всего дознанія Кардашевъ упорно отказывался объяснять, откуда получены имъ эти суммы, утверждая, что это будетъ сдѣлано имъ впослѣдствіи, и что лично ему принадлежитъ билетъ въ 1100 р. На другомъ допросѣ Кардашевъ измѣнилъ свои показанія и показалъ, что всѣ деньги принадлежатъ ему, исключая билета въ 1100 руб., который ему не принадлежитъ. Причина, по которой Кардашевъ медлилъ дать какія-либо объясненія по поводу найденныхъ у него денегъ, вскорѣ объяснилась. По обыску, произведенному 1 декабря 1875 г. въ квартирѣ обвиняемыхъ Надежды Георгіевской и Екатерины Введенской, были найдены 4 конверта, доставленные изъ тюремнаго замка. По вскрытіи означенныхъ конвертовъ въ нихъ оказались письма, написанныя Кардашевымъ къ его братьямъ, Бегляру и Сергѣю Степановымъ, въ Шемаху и Елисаветполь. Въ этихъ письмахъ Кардашевъ проситъ своихъ братьевъ устроить такъ, чтобы при допросѣ одинъ изъ братьевъ или мать Кардашева показали бы, что деньги 9000 р. даны ими для коммерческихъ оборотовъ Кардашеву. Для того, чтобы подкрѣпить подобное показаніе, Кардашевъ посылаетъ имъ написанныя задними числами письма, въ которыхъ даетъ отчетъ въ употребленіи этого капитала. Кромѣ того, приложено еще письмо отъ 5 августа 1875 г., въ которомъ Кардашевъ пишетъ къ брату, что пріѣхалъ въ Москву для устройства типографскаго дѣла, но компаньонъ его надулъ, и дѣло не состоялось. Это послѣднее письмо его братъ долженъ былъ представить при допросѣ къ дознанію для доказательства того, съ какою цѣлью Кардашевъ пріѣхалъ въ Москву. Въ отдѣльныхъ конвертахъ оказались векселя, написанные на имя Бегляра и Елисаветы Степановой по 9000 р. на каждое имя. Всѣ эти письма и векселя должны были быть отправлены черезъ Георгіевскую и Введенскую съ нарочно посланнымъ человѣкомъ на Кавказъ. Въ письмѣ на имя Бегляра Степанова, въ которомъ Кардашевъ излагаетъ весь планъ дѣйствій, предпринимаемый имъ для введенія правосудія въ заблужденіе, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: „Полагаютъ, что эти деньги у меня кружковыя, членскія, т. е. что это сборъ съ революціоннаго кружка. Теперь вся суть у меня пока вертится на томъ, чтобы найти человѣка, который взялся бы сказать, что это его деньги, что онъ мнѣ ихъ далъ..... Спасите деньги, чужія хотя для васъ, но для меня это деньги дорогихъ мнѣ людей. Нарочно, чтобы передать вамъ мое письмо, снаряжается человѣкъ.“ Вмѣстѣ съ этими письмами въ той же квартирѣ было найдено еще письмо Кардашева, въ которомъ этотъ послѣдній учитъ, какъ надо ѣхать въ Шемаху и, между прочимъ, говоритъ, „я положительно не знаю, что же будетъ дальше, то предлагаете новый планъ, то письмо. Если хотите мой планъ выполнить, то пришлите мнѣ еще два листа почтовой бумаги: очень, очень важно написать ихъ. Они послужатъ славнымъ доказательствомъ для моего оправданія. Во всякомъ случаѣ вашъ планъ пусть остается въ резервѣ, а если хотите, двигайте понемногу вашъ планъ, но я увѣренъ, что дѣло съ моимъ однимъ вполнѣ удастся, развѣ если у васъ нѣтъ господина для отправки туда.“ Значеніе денежныхъ суммъ, отобранныхъ у Кардашева, разъяснено самимъ Кардашевымъ въ шифрованномъ письмѣ на имя князя Микеладзе. Въ немъ, Кардашевъ, сообщая объ арестахъ Рыжему и предупреждая его о томъ, что его ищутъ, пишетъ: „Въ Москвѣ всѣ деньги до 10 тысячъ взяты“. Съ другой стороны, Здановичъ (Рыжій) въ письмѣ, отобранномъ въ квартирѣ Георгіевской и Введенской, напоминаетъ лицамъ, которымъ адресованы письма, о ихъ нравственной обязанности озаботиться, чтобы задуманный планъ къ спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ *капиталъ для дѣла пропадетъ*. Допрошенный по поводу найденныхъ у Георгіевской писемъ Кардашевъ, признавая ихъ за свои, отказался дать какія-либо объясненія, но по поводу денежныхъ расходовъ, записанныхъ въ его книжкѣ, объяснилъ, что подъ именемъ Гамки, Санчо и Волченка онъ зналъ Гамкрелидзе, кн. Циціанова и Вѣру Любатовичъ, которымъ и давалъ деньги, но въ долгъ. Такимъ образомъ, взаимное сопоставленіе всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ и писемъ,

писанныхъ самимъ обвиняемымъ, приводитъ къ окончательному и несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что въ рукахъ Кардашева находился фондъ московской революціонной общины, а самъ Кардашевъ былъ кассиромъ этой общины. Послѣ ареста членовъ администраціи преступнаго сообщества, была вновь произведена попытка членами сообщества создать новую администрацію въ квартирѣ дочерей священниковъ Надежды Георгіевской (сестры обвиняемаго Георгіевскаго) и Екатерины Введенской. Эта попытка не удалась вслѣдствіе своевременнаго и случайнаго обнаруженія ея. 1 декабря приставомъ Сущевской части составленъ былъ актъ о томъ, что въ принесенномъ Надеждою Георгіевской брату своему хлѣбѣ найдена шифрованная записка отъ Надежды Георгіевской къ ея брату. По дешифрированіи записки оказалось, что въ ней сообщалось Георгіевскому о способѣ сношеній, установленныхъ съ арестантами въ Срѣтенской и Сущевской частяхъ, и извѣщеніе о безпорядкахъ въ Технологическомъ Институтѣ. По поводу означенной записки, признанной Георгіевской за написанную ею, былъ произведенъ у Георгіевской обыскъ, и оказалось, что она живетъ вмѣстѣ съ Екатериной Введенской. Передъ началомъ обыска какъ Георгіевская, такъ и Введенская стремительно бросились къ столу и успѣли изорвать нѣсколько бумагъ, но отъ дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствій были удержаны. По обыску у нихъ были отобраны: 1) письма, приготовленныя для отправки на Кавказъ, написанныя Кардашевымъ, о которомъ сказано выше; 2) шифрованное письмо, по своему содержанію, очевидно, написанное обвиняемымъ Гамкрелидзе; 3) два листа почтовой бумаги, исписанные шифромъ, какъ оказалось потомъ письмо Рыжаго изъ тюрьмы къ пропагандистамъ; 4) клочекъ бумаги съ шифрованнымъ письмомъ Василія Георгіевскаго и 5) переводы шифрованныхъ писемъ (Рыжаго) Здановича. Что касается до писемъ Кардашева, то содержаніе и значеніе ихъ указано выше; въ письмѣ Гамкрелидзе этотъ послѣдній проситъ лицо, которое поѣдетъ на Кавказъ, повидаться въ Одессѣ съ братомъ Гамкрелидзе и условиться съ нимъ о томъ, какія братъ его долженъ дать показанія для того, чтобы бракъ Гамкрелидзе съ Тумановой потерялъ свой фиктивный характеръ. Въ шифрованныхъ письмахъ, Здановичъ, обращаясь къ членамъ сообщества, оставшимся на свободѣ, даетъ подробныя наставленія о пользѣ устройства мастерскихъ для веденія пропаганды въ народѣ, разъясняетъ, какъ нужно поступать для окончанія начатаго авторомъ писемъ труда по составленію словаря для телеграммъ, предусмотрѣннаго въ программѣ организаціи, напоминаетъ лицамъ, которымъ адресованы письма, о ихъ нравственной обязанности озаботиться, чтобы задуманный планъ къ спасенію арестованнаго капитала удался, ибо въ противномъ случаѣ капиталъ для дѣла пропадетъ, сообщаетъ, что авторъ письма писалъ Медвѣдевой наставленіе, какъ она должна показывать, и увѣдомляетъ, что необходимо увѣрить, что „Рыжій“ на свободѣ за-границей и что онъ, авторъ писемъ, не есть Рыжій, при чемъ спрашиваетъ, посланы ли его документы на родину, подговорены ли свидѣтели и какой отвѣтъ послѣднихъ. Спрошенныя по поводу найденныхъ у нихъ переписокъ Георгіевская и Введенская отказались дать какія-либо объясненія, утверждая, что письма Кардашева и Гамкрелидзе принесены въ ихъ квартиру неизвѣстнымъ человѣкомъ, причемъ Георгіевская признала, что переводъ писемъ Рыжаго сдѣланъ ею. Въ тотъ же вечеръ, когда произведенъ былъ у означенныхъ выше лицъ обыскъ, въ ихъ квартиру явился мужчина, одѣтый по дорожному. При задержаніи его, мужчина этотъ бросилъ на землю записку, оказавшуюся шифрованной. По доставленіи его въ Жандармское Управленіе, неизвѣстный отказался объявить о своемъ званіи и успѣлъ схватить со стола и изорвать брошенную имъ записку. Затѣмъ, на послѣдующемъ допросѣ, неизвѣстный оказался бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго университета Алексѣемъ Ивановымъ Пуромскимъ. Прибытіе свое на квартиру Георгіевской Пуромскій объяснилъ знакомствомъ, но указать свою квартиру и давать какія-либо объясненія отказался. Содержась уже подъ стражей, Пуромскій, получивъ черезъ обвиняемаго Агапова записку, отвѣчалъ на нее письмомъ, въ которомъ излагалась сущность даннаго имъ при дознаніи показанія, при чемъ самое письмо было зашифровано по ключу, бывшему въ употребленіи среди членовъ преступнаго сообщества. Такимъ образомъ, произведеннымъ у Георгіевской и Введенской обыскомъ вполнѣ доказано, что черезъ нихъ и въ ихъ квартирѣ вновь были организованы сношенія съ арестованными лицами; что Георгіевская и Введенская принимали дѣятельное участіе въ томъ, чтобы отыскать человѣка для отправки его съ письмами на Кавказъ, что они вели

со Здановичемъ переписку о продолженіи преступной пропаганды и что имъ содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи обвиняемый Нуромскій. Такого рода дѣятельность безспорно составляетъ часть обязанностей, возлагаемыхъ программой на администрацію сообщества. Кромѣ вышеуказанныхъ обвиняемыхъ, дознаніемъ обнаружена принадлежность къ той же преступной организаціи еще цѣлаго ряда лицъ. Прежде всего слѣдуетъ остановиться на томъ дѣятельномъ участіи, которое принимали въ дѣлахъ общины три сестры: Марья, Евгенія и Надежда Дмитріевы Субботины. Выше нѣсколько разъ уже упоминались имена этихъ лицъ. При производствѣ дознанія объ ивановскихъ пропагандистахъ обнаружено было, что московская цеховая Анна Топоркова, по убѣжденію и на средства Субботиныхъ ѣздила въ Цюрихъ, откуда вернувшись, посвятила себя преступной пропагандѣ. Тѣ же Субботины убѣждали свидѣтельницу Ансерову ѣхать вмѣстѣ съ ними за-границу и предлагали ей на это свои средства. Затѣмъ, настоящимъ дознаніемъ къ обвиненію Субботиныхъ обнаружены слѣдующія данныя: какъ выше было сказано, обвиняемый Степанъ Кардашевъ покушался отправить черезъ унтеръ-офицера Дунева два письма: одно въ Орелъ, на имя присяжнаго повѣреннаго Афонскаго и другое—въ Одессу, на имя князя Микеладзе. Письмо, адресованное Афонскому, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой, незашифрованной части, Кардашевъ проситъ Афонскаго передать это письмо Маріи или Евгеніи Субботинымъ, которыя „прочтутъ, что написано шифромъ“, а Афонскій не пойметъ, да это ему и не нужно. Вторая часть письма зашифрована по общинскому ключу „Эй Фомичъ“. Въ ней Кардашевъ сообщаетъ Субботинымъ, что „наши московскіе друзья больны ужасно, эпидемически, начиная съ Волчен., Сапчо и Мавра и кончая уже чортъ знаетъ кѣмъ, пусть извѣстятъ кому найдутъ нужнымъ“. Написаніе подобнаго письма Кардашевымъ къ Субботинымъ служитъ непосредственнымъ доказательствомъ тому, что Евгеніи и Марьѣ Субботинымъ извѣстенъ не только шифръ, употребляемый общиною, но извѣстны клички членовъ общины и тѣ лица, кого объ арестахъ слѣдуетъ предупредить. Затѣмъ, по отношенію къ Евгеніи Субботиной слѣдуетъ имѣть въ виду, что она устраивала неудавшійся фиктивный бракъ Ансеровой съ Кардашевымъ, выдавая послѣдняго за Іоселіани, что письмо отъ Евгеніи къ Аннѣ, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, въ которомъ Евгенія выражаетъ свое прямое сочувствіе дѣятельности пропагандистовъ и безпокоится о томъ, что дѣло ведется слишкомъ неосторожно, написано, какъ признали эксперты и, отчасти сама Субботина, тою же Евгеніею Субботиною. Затѣмъ, прибытіе Субботиной изъ Петербурга съ обвиняемымъ Михаиломъ Овчинниковымъ, несомнѣннымъ членомъ общины, при чемъ оба эти лица прямо съ желѣзной дороги прибыли вмѣстѣ въ 12-й № „Украйны“, въ квартиру Гамкрелидзе, служитъ яснымъ доказательствомъ принадлежности Субботиной къ преступному сообществу. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то, что въ квартирѣ администраціи общины найдена была абонементная книжка Евгеніи Субботиной изъ библіотеки Улитиныхъ. Уликами къ обвиненію Марьи Субботиной служатъ, кромѣ письма Кардашева, наемъ ею квартиры въ д. Эйнбродтъ и передача этой квартиры Лидіи Фигнеръ. Въ письмѣ, отобранномъ въ Иваново-Вознесенскѣ, сообщается, что Манька хлопочетъ о сапогахъ, а сапоги эти, какъ разъяснилъ обвиняемый Агаповъ, на языкѣ членовъ общины значитъ фальшивые виды на жительство. Въ письмѣ Евгеніи Субботиной, найденномъ по обыску у Маріи Субботиной, первая говоритъ о необходимости предупредить „Маньку“ объ арестахъ, произведенныхъ въ Москвѣ, а по показанію самой Евгеніи Субботиной подъ именемъ Маньки она понимала сестру свою Марью Субботину. Близкія сношенія Марьи Субботиной съ членами общины доказываются показаніями прислуги гостиницы Тотьенъ въ г. Орлѣ, признавшей въ фотографической карточкѣ Марьи Субботиной женщину, посѣщавшую Кардашева во время его пріѣзда въ Орелъ. Какое значеніе имѣла Марья Субботина среди пропагандистовъ, и насколько эти послѣдніе о ней заботились, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Кардашевъ, увѣдомляя Рыжаго объ арестахъ въ Москвѣ, находилъ нужнымъ дать знать о томъ, что во время обыска у Гамкрелидзе имя Марьи Дмитріевны Субботиной было записано. Наконецъ, лица, знавшія Марью Субботину, какъ напр., вдова штабсъ-капитана Четвергова и сынъ священника Царевскій приходили для свиданія съ Марьей Субботиной въ 12-й № гостиницы „Украйна“, что съ своей стороны указываетъ также на близость сношеній Субботиной съ Гамкрелидзе, однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ преступной общины. При изложеніи обстоятельствъ дѣла, относящихся до дѣятельности

пропагандистовъ въ г. Кіевѣ, указаны были улики къ обвиненію третьей сестры Надежды Дмитріевны Субботиной. Здѣсь не лишнимъ будетъ припомнить, что, при содѣйствіи той же Надежды Субботиной, Александра Хоржевская вышла замужъ за дворянина Кикодзе, выдавая его за князя Циціанова. Кромѣ того, дознаніемъ, произведеннымъ въ Москвѣ, къ обвиненію Надежды Субботиной, а вмѣстѣ съ нею и дочери титулярнаго совѣтника Елены Медвѣдевой, обнаружены слѣдующія данныя: обвиняемый Степанъ Кардашевъ, кромѣ письма на имя Афонскаго, покушался переслать черезъ унтеръ-офицера Дунева еще другое—въ Одессу, на имя князя Микеладзе. Въ этомъ шифрованномъ письмѣ Кардашевъ пишетъ Рыжему, что въ Москвѣ всѣ схвачены, деньги до 10 т. р. взяты и что пишущій слыветъ еще пока подъ именемъ князя Кочакидзе. „Санчо далъ два выстрѣла по офицеру, но не попалъ, это очень хорошо, а то бы бѣда... Тебя ищутъ, книгъ захватили пропасть, бумагъ ничего, кажется, у Санчо и Вѣры кое-что... Всѣ бумаги у Медвѣдихи, но, кажется, уже былъ шпіонъ, но это пустяки, ты можешь спросить о ней въ гостиницѣ Черпышева, у Виницкой. Вообще дѣла очень плохи“. Вслѣдствіе указанія, сдѣланнаго Кардашевымъ въ этомъ письмѣ на Виницкую, была разыскана „Медвѣдиха“, которая оказалась дочерью титулярнаго совѣтника Еленою Медвѣдевой. По обыску, у Медвѣдевой ничего предосудительнаго найдено не было, но изъ показанія самой Медвѣдевой и Виницкой выяснилось, что Медвѣдева весьма близко была знакома съ Кардашевымъ, скрывшимся отъ дознанія дворяниномъ Кикодзе, женившимся подъ именемъ князя Циціанова на Хоржевской, посѣщала Гамкрелидзе и имѣла для передачи лицамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву, адресъ послѣдняго. У ней же, какъ свидѣтельствуетъ письмо Кардашева, хранились важныя для общины бумаги. Изъ шифрованнаго грузинской азбукой письма Елены Медвѣдевой, написаннаго ею во время нахожденія ея подъ стражей, видно, что она знала Рыжаго, а изъ указаннаго выше письма Рыжаго (Здановича), найденнаго у Георгіевской, ясно, что Медвѣдева принадлежала къ тому же преступному сообществу. На другой день послѣ ареста Елены Медвѣдевой на ея имя получена была изъ Одессы депеша, подписанная Аристарховою, такого содержанія: „Вѣра, не присылай ни одного письма, я уѣзжаю, скоро вышлю свой адресъ“. Затѣмъ, въ 20-хъ числахъ августа изъ Кіева на имя Медвѣдевой получено было письмо, написанное, какъ это безусловно признано, княгиней Александрою Циціановой. Въ этомъ письмѣ Циціанова проситъ какъ можно скорѣе увѣдомить ее о новомъ адресѣ квартиры въ Москвѣ, въ которой могли бы остановиться рабочіе и интеллигентные, имѣющіе пріѣхать изъ Кіева. Спрошенная по поводу этихъ обстоятельствъ, Елена Медвѣдева не дала никакихъ объясненій, ссылаясь на то, что всѣ письма и депеши, ею полученныя, принадлежали не ей, а женщинѣ, съ которой она случайно познакомилась на бульварѣ и по просьбѣ которой получала для передачи какой-то Матвѣевой всѣ ея письма. Указать это лицо или мѣсто ея жительства Медвѣдева отказалась. По произведенному въ г. Одессѣ обыску у князя Пармена Микеладзе ничего подозрительнаго найдено не было, но были отобраны двѣ квитанціи на отправленныя въ Москву и Кіевъ депеши. По показанію кн. Микеладзе, лѣтомъ 1875 г. онъ познакомился въ Одессѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, называвшимся Иваномъ Григорьевымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ знакомства Иванъ Григорьевъ, говоря, что онъ цѣлый день бываетъ на работахъ и что почтальонамъ трудно его разыскивать, просилъ князя Микеладзе получать отъ родныхъ письма на его, Микеладзе, имя, на что послѣдній и согласился. Вслѣдствіе этого князь Микеладзе сталъ получать письма изъ Москвы, Кіева и Кишинева. Одно письмо было изъ Ялты, что подстрекнуло любопытство князя Микеладзе, и онъ письмо это распечаталъ, но прочесть не могъ, ибо оно было писано цифрами. Всѣ получаемыя письма князь Микеладзе передалъ Ивану Григорьеву, такъ какъ самъ Микеладзе ни отъ кого никогда писемъ не получалъ. Разъ какъ-то Иванъ Григорьевъ позвалъ Микеладзе кататься въ лодкѣ и тамъ познакомилъ его съ дѣвушкой, которую звали Надькой. Послѣ этого князь Микеладзе посѣщалъ Надьку и получилъ отъ нея для прочтенія „Парижскую коммуну“. Надька, въ свою очередь, познакомила его съ семействомъ Хоржевскихъ. Двѣ депеши, посланныя по квитанціямъ, найденнымъ у князя Микеладзе, сданы имъ на станцію по просьбѣ Надьки. Содержанія депешъ онъ не помнитъ, но обѣ онѣ подписаны Аристарховой. Князь Микеладзе указалъ въ Одессѣ квартиры гдѣ жили Иванъ Григорьевъ и Надька. Депеши, сданныя Микеладзе на станцію, оказались именно тѣми, которыя были адресованы на имя Медвѣдевой въ Москву и Гельфманъ въ Кіевъ. Эксперты признали, что подлинныя депеши, доставленныя къ дознанію

телеграфнымъ начальствомъ, написаны рукою Надежды Субботиной. По предъявленіи Надежды Субботиной кн. Микеладзе, онъ призналъ ее за ту самую Надьку, которую онъ зналъ въ Одессѣ. По указаніямъ князя Микеладзе было дознано, что въ Одессѣ проживалъ неизвѣстнаго званія человѣкъ подъ именемъ Ивана Григорьева, скрывшійся съ квартиры 29 августа, т.-е. немедленно послѣ ареста князя Микеладзе, бросивъ на квартирѣ свое бѣлье и не заплативъ хозяйкѣ за квартиру. Съ другой стороны оказалось, что въ домѣ Тихапова въ Одессѣ, указанномъ княземъ Микеладзе, жили двѣ женщины: одна подъ именемъ Махоткиной, а другая—подъ именемъ Степановой. Обѣ онѣ выдавали себя за швей, и 29 августа, въ тотъ же день, когда скрылся Иванъ Григорьевъ, съѣхали съ квартиры. Въ Степановой, какъ выше сказано, князь Микеладзе призналъ Надежду Субботину, а въ карточкѣ Ольги Любатовичъ квартирная хозяйка признала Махоткину, жившую у ней со Степановой. Хоржевскіе, отецъ и дочь, признали въ Субботиной знакомую Александры Хоржевской, бывавшую у нихъ въ домѣ подъ именемъ Надежды. Сверхъ того, дознаніемъ вполнѣ доказано, что лѣтомъ 1874 г. Надежда Субботина жила въ Орлѣ у жены губернскаго секретаря Погорѣльской вмѣстѣ съ Лидіею Фигнеръ, Надежда Субботина при допросѣ категорически отказалась отъ всякаго знакомства съ княземъ Микеладзе и Хоржевскими. Послѣ обыска въ 12-мъ № гостиницы „Украйна“ въ квартирѣ Гамкрелидзе былъ задержанъ бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванъ Рождественскій. Въ карманѣ у него найдено было письмо на имя Ивана съ требованіемъ о высылкѣ разныхъ преступнаго содержанія книгъ, какъ-то: „Хитрая механика“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“ и др. Какъ оказалось, Рождественскій пріѣхалъ въ тотъ же день въ Москву изъ Владикавказа и свое появленіе въ гостиницѣ объяснилъ тѣмъ, что адресъ гостиницы данъ ему какимъ то неизвѣстнымъ господиномъ на желѣзной дорогѣ, а отобранное у него письмо, вѣроятно, кѣмъ-либо ему дорогой подложено. Въ имуществѣ Рождественскаго найдены книги, изъятыя изъ обращенія, а въ записной книжкѣ адресъ дома Эйнбродтъ съ замѣткою: спросить „Рыжаго Іоселіани“. Дознаніемъ обнаружено, что Рождественскій служилъ лѣкаремъ на Ростовско-Владикавказской желѣзной дорогѣ на станціяхъ Прохладной и Кубинской. Въ разговорахъ съ лицами своей среды, Рождественскій нерѣдко высказывалъ, что система настоящаго правленія не достигаетъ своей цѣли, заставляя народъ нести тяжелый трудъ и не давая ему возможности выйти изъ нищеты. Съ рабочими желѣзной дороги Рождественскій находился въ близкихъ отношеніяхъ и часто давалъ имъ читать книги. По показанію мѣстнаго фельдшера Григорія Гея, онъ самъ читалъ книгу, данную ему Рождественскимъ, заглавія которой не помнитъ, но въ которой описывается страданіе народа отъ непосильнаго труда, а по удостовѣренію крестьянина Акима Зойкина рабочіе при немъ читали книгу, полученную ими отъ Рождественскаго, въ которой разсказывалось о ссылкѣ въ Сибирь одного мужика за то, что по избранію своего общества онъ подалъ на помѣщика жалобу за взысканіе лишняго оброка. Ранѣе указано было, что вмѣстѣ съ обвиняемой Евгеніей Субботиной въ 12-й № гостиницы „Украйна“ прибылъ сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинниковъ. Слѣдуетъ припомнить, что записная книжка Овчинникова найдена была среди бумагъ въ квартирѣ администраціи общины въ домѣ Толстой. Часть рукописи преступнаго содержанія „Сказка о Мудрицѣ Наумовичѣ“ написана рукою Овчинникова, что призналъ и самъ Овчинниковъ. По показанію служителей гостиницы „Украйна“, Овчинниковъ часто посѣщалъ квартиру Гамкрелидзе. Отказываясь отъ всякаго знакомства съ Гамкрелидзе, Кардашевымъ, Вѣрою Любатовичъ и кн. Цціановымъ, Овчинниковъ показалъ, что съ Евгеніей Субботиной онъ случайно познакомился въ день его пріѣзда въ Москву на станціи желѣзной дороги, и Субботина пригласила его вмѣстѣ ѣхать въ гостиницу „Украйна“, гдѣ, по словамъ Субботиной, у нея есть знакомый. Между тѣмъ самъ Овчинниковъ показалъ, что онъ служилъ писаремъ въ Петербургѣ, въ Главномъ Штабѣ. Выйдя въ отставку, онъ, на средства своей любовницы, поѣхалъ лѣчиться въ Цюрихъ, откуда черезъ нѣсколько времени переселился въ Эйдкуненъ, на русскую границу, гдѣ и проживалъ у какого-то еврея. Въ Эйдкуненѣ онъ жилъ потому, что тамъ хорошъ воздухъ. Возвратясь изъ-за границы, опредѣленныхъ занятій не имѣлъ, а жилъ своими собственными средствами. Будучи оставленъ на свободѣ, Овчинниковъ вслѣдъ затѣмъ былъ арестованъ по поводу подстрекательства свидѣтеля Корпюхина на преступную пропаганду, о чемъ будетъ сказано ниже. Всѣ вышеназванныя лица, допрошенныя въ качествѣ обвиняемыхъ, кромѣ показаній, въ подлежащихъ мѣстахъ на-

стоящаго обвинительнаго акта указанныхъ, въ большинствѣ случаевъ уклонялись давать какія-либо показанія, стараясь скрыть свои взаимныя сношенія, и упорно отказывались отъ всякаго другъ съ другомъ знакомства. Между тѣмъ, ихъ взаимная связь и принадлежность къ одному и тому же преступному сообществу, кромѣ обстоятельствъ дѣла, подробно изложенныхъ, доказывается общностью имущества, употребленіемъ условныхъ кличекъ и шифровъ. Кромѣ пользованія каждымъ изъ обвиняемыхъ денежными средствами изъ общественныхъ суммъ, показаніями самихъ подсудимыхъ и ихъ взаимною перепиской, вполнѣ доказано, что всѣ необходимыя вещи, бѣлье, оружіе получалось пропагандистами отъ администраціи общества, всѣ заработанныя деньги вносились въ общую кассу. Наглядпымъ доказательствомъ общности имущества служатъ осмотры бѣлья, найденнаго у разныхъ обвиняемыхъ. Изъ этихъ осмотровъ видно, что всѣ почти женщины носили бѣлье, принадлежащее всѣмъ имъ вмѣстѣ, а въ квартирѣ администраціи находился складъ бѣлья съ мѣтками всѣхъ обвиняемыхъ. Затѣмъ, программа общества предписываетъ членамъ его употребленіе кличекъ. Изъ изложеннаго видно, что клички дѣйствительно употреблялись между обвиняемыми. Здановичъ носилъ кличку Рыжаго, князь Циціановъ—Санчо, Кардашевъ—Мавра, Вѣра Любатовичъ—Волченка, Вѣрки, Гамкрелидзе—Гамки, Надежда Субботина—Надьки, Лидія Фигнеръ—Лидьки, Кикодзе—Кики. Эти клички извѣстны были всѣмъ обвиняемымъ, и они употребляли ихъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и перепискахъ. Такъ въ письмахъ Рыжаго (Здановича) и Любатовичъ къ ивановскимъ пропагандистамъ употреблены одиѣ только клички, чѣмъ доказывается знаніе этихъ кличекъ членами ивановской общины. Кардашевъ употреблялъ эти же клички въ письмѣ къ Субботинымъ. Надежда и Евгенія Субботины сами употребляютъ въ письмахъ и телеграммахъ клички, и подобное обстоятельство не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности лицъ, знающихъ клички, къ преступному сообществу. Еще болѣе значенія для обвиненія вышеназванныхъ лицъ въ принадлежности ихъ къ преступному сообществу служитъ употребленіе ими общихъ шифровъ для взаимной переписки. Единство шифровъ, употреблявшихся разными лицами въ разныхъ мѣстахъ, не можетъ не служить прямымъ доказательствомъ принадлежности какъ писавшаго шифрованную записку, такъ равно и лица, которому она предназначалась, къ одному и тому же сообществу, тѣмъ болѣе, что употребленіе шифровъ осуществляетъ собою въ дѣйствительности программу организаціи революціонныхъ общинъ, отобранную у Здановича, въ которой есть подробное указаніе на значеніе шифровъ, какъ способа сношеній между членами преступнаго сообщества. 1) Такъ, въ бумагахъ Цвиленева въ квартирѣ администраціи былъ найденъ шифръ: „Чаще держать экзамены“. Этимъ шифромъ была ведена переписка администраціи съ Василіемъ Георгіевскимъ во время нахожденія послѣдняго подъ стражей. Содержаніемъ писемъ доказано, что письма эти написаны Георгіевскимъ. Переводъ одного изъ этихъ писемъ сдѣланъ обвиняемой Екатериною Гамкрелидзе, документы найдены въ квартирѣ администраціи. 2) Наиболѣе употреблявшійся между пропагандистами шифръ былъ найденъ и разобранъ по бумагамъ иваново-вознесенской общины. Шифромъ этимъ: „Эй, Ѳомичъ, кубышкою владѣй“, были написаны слѣдующіе адресы, письма и записки: а) адресы, найденные въ Иваново-Вознесенскѣ; б) письмо, найденное въ Иваново-Вознесенскѣ, за подписью „Твой Митрій“, въ которомъ ивановскіе пропагандисты предупреждались о томъ, что къ нимъ направился сыщикъ; в) письмо, найденное въ квартирѣ администраціи и написанное Лидіей Фигнеръ, въ которомъ эта послѣдняя проситъ о высылкѣ копіи съ Волчанскаго паспорта; г) письмо отъ 3 августа Михаила Чекондзе, переводъ котораго, написанный Вѣрою Любатовичъ, найденъ въ дорожной сумкѣ въ квартирѣ администраціи; д) два письма Кардашева: одно въ Орелъ—Субботинымъ, другое въ Одессу—Рыжему; е) двѣ записки, найденныя въ Иваново-Вознесенскѣ—списокъ книгъ и рецептъ, какъ вытравлять чернила. 3) Послѣ ареста ивановской общины, когда шифръ „Эй, Ѳомичъ“ сдѣлался уже извѣстнымъ, начали попадаться письма, писанныя шифромъ: „Эй, подлецъ, негодная тварь“. Этимъ шифромъ написаны: а) письмо княгини Циціановой на имя Елены Медвѣдевой; б) письмо, отобранное у Ольги Любатовичъ въ Тулѣ; в) письмо, написанное Надеждой Субботиной въ Кіевъ на имя Гельфманъ, въ которомъ требуется скорѣйшій пріѣздъ Рыжаго въ Москву, такъ какъ въ Москвѣ всѣ арестованы. 4) Шифромъ: „Быстро рѣшающіе задачи“, написаны записки, писанныя Чекондзе и Вѣрою Любатовичъ къ Рыжему, во время совмѣстнаго содержанія ихъ подъ стражей въ тюрьмѣ, а также и записка,

брошенная и затѣмъ изорванная Алексѣемъ Муромскимъ. 5) Обвиняемая Надежда Георгіевская желала передать своему брату записку, написанную по шифру: „Неумѣстно безпощадно грубіянить“. 6) Шифръ: „Южный цвѣтущій лѣсъ“, употреблялся для сношенія арестованныхъ лицъ съ новой администраціей. Этимъ шифромъ написаны найденныя въ квартирѣ Георгіевской и Введенской письма Гамкрелидзе и Здановича. 7) Посредствомъ седьмого шифра: „Привычки завсегда дѣлаются потребны“ переписывались, содержась подъ стражей, обвиняемые Батюшкова и Цвиленевъ. 8) Обвиняемый Муромскій покушался черезъ дежурнаго мушкетера передать записку, написанную восьмымъ шифромъ: „Рубять цвѣтущій южный лѣсъ“. 9) Шифръ: „Бродяжникъ, грѣховодникъ“, найденный у Здановича, писанъ рукою кн. Цицiановой. Кромѣ того, найдено было у разныхъ лицъ еще семь шифровъ, но документовъ, ими записанныхъ, обнаружено не было. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что способъ употребленія шифровъ и написанія ими записокъ и писемъ былъ у всѣхъ обвиняемыхъ одинъ и тотъ же. Онъ состоялъ въ томъ, что составлялась табличка, раздѣленная продольными и поперечными линіями на 9 или 10 клѣтокъ. Въ этихъ клѣткахъ расписывалась фраза, составляющая шифры такъ что въ каждую клѣтку приходилось по одной буквѣ. Каждый, какъ продольный, такъ и поперечный рядъ клѣтокъ обозначался цифрой, такъ что каждая клѣтка, а, слѣдовательно, и каждая находившаяся въ ней буква, соотвѣтствовала двумъ цифрамъ: одной продольнаго ряда клѣтокъ, а другой—поперечнаго ряда. Такимъ образомъ, изъ перечисленныхъ шифровъ и документовъ, ими написанныхъ, видно, что обвиняемые употребляли сами или имъ предназначались письма, писанныя условными и при томъ однообразно употребляемыми шифрами, и это обстоятельство, какъ и было уже замѣчено выше, служитъ непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности всѣхъ ихъ къ одному преступному сообществу. Все вышеизложенное, доказывая существованіе преступнаго сообщества и нахожденіе администраціи общинъ въ Москвѣ, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что послѣ ареста обвиняемыхъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ, преступная пропаганда перенесена была, главнымъ образомъ, изъ Москвы въ губерніи. По крайней мѣрѣ дознаніемъ не обнаружено, что въ самой Москвѣ члены сообщества дѣятельно занимались преступной пропагандой. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы члены сообщества, проживавшіе въ Москвѣ, оставались бы вполнѣ бездѣятельны. Въ Москвѣ была сдѣлана попытка выслать на пропаганду, свидѣтеля Корнюхина, и изъ Москвы же отправлены были книги преступнаго содержанія въ Саратовскую губернію. Въ этомъ отношеніи дознаніемъ обнаружены слѣдующія данныя: 1) Въ августѣ 1875 г. въ Жандармское Управленіе явился крестьянинъ Андрей Степановъ Корнюхинъ и, представляя три книги преступнаго содержанія („Парижская Коммуна“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и „Хитрая механика“), заявилъ, что 5 августа къ нему приходилъ нѣкто Григорій Сбромірскій вмѣстѣ съ крестьяниномъ Николаемъ Ѳедоровымъ. Сбромірскаго Корнюхинъ зналъ ранѣе, такъ какъ братъ Корнюхина жилъ работникомъ въ переплетной мастерской Сбромірскаго. Среди разговора о жалованьи и заработкахъ Сбромірскій обѣщалъ Корнюхину помѣстить его куда-то на должность слесаря съ жалованьемъ 25 р. въ мѣсяцъ и велѣлъ придти за этимъ къ себѣ на квартиру. 15 августа Корнюхинъ пришелъ къ Сбромірскому и засталъ у него того же Николая Ѳедорова. Отсюда втроемъ они отправились на лугъ близъ Смоленскаго вокзала, куда вслѣдъ за ними пришли Иванъ Васильевъ Бариновъ и Михаилъ Овчинниковъ. Здѣсь всѣ четверо стали уговаривать Корнюхина ѣхать въ Орелъ или Тулу для того, чтобы поступить на фабрику и распространять среди рабочихъ книги преступнаго содержанія, за что обѣщали Корнюхину 25 р. жалованья въ мѣсяцъ. Видя нерѣшительность Корнюхина, Овчинниковъ доказывалъ ему, что бояться нечего, что въ случаѣ бѣды товарищи его предупредятъ, выручатъ, и у нихъ всегда можно скрыться, при чемъ приводилъ въ примѣръ себя и разсказывалъ о задержаніи его въ гостинницѣ „Украйна“ вмѣстѣ съ Субботиной. Когда Корнюхинъ согласился, то ему тутъ же переданы были представленныя имъ книги, и на другой день велѣно явиться въ трактиръ близъ Сухаревой башни для полученія сапогъ, денегъ на дорогу и паспорта. Корнюхинъ долженъ былъ вслѣдъ за тѣмъ отправиться въ Тулу. На другой день, въ указанномъ Корнюхинымъ трактирѣ были задержаны: Сбромірскій, Бариновъ, Овчинниковъ и Ѳедоровъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что самъ Корнюхинъ немедленно послѣ его заявленія и до ареста означенныхъ лицъ былъ задержанъ въ Жандармскомъ Управленіи. Заявленіе Корнюхина нашло подтвержденіе, кромѣ ареста означенныхъ лицъ, въ томъ, что, по показанію

свидѣтеля Голубкина, у котораго живетъ братъ Корнюхина, Сбромірскій приходилъ разузнавать адресъ Андрея Корнюхина, а вслѣдъ за тѣмъ этотъ послѣдній говорилъ свидѣтелю, что Овчинниковъ, Сбромірскій и Барановъ посылаютъ его на пропаганду въ Тулу, а по показанію свидѣтеля Макарова, въ тотъ день, о которомъ говоритъ Корнюхинъ, какой-то молодой человѣкъ заходилъ за Корнюхинымъ и увелъ его куда-то съ собой. Изъ числа арестованныхъ въ трактирѣ лицъ, Николай Ѳедоровъ оказался крестьяниномъ Иваномъ Тимофеевымъ Смирновымъ, нынѣ уже сосланнымъ по другому дѣлу. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго Сбромірскій, не отвергая того, что онъ былъ у Корнюхина, а затѣмъ со всѣми остальными на лугу у Смоленскаго вокзала, въ подговорѣ Корнюхина на пропаганду не сознался и утверждалъ, что разговоръ былъ самый обыкновенный, и книгъ Корнюхину никто не передавалъ. Овчинниковъ и Барановъ съ своей стороны, не сознаваясь въ подговорѣ Корнюхина, утверждали, что на лугу они не были и свое присутствіе въ трактирѣ у Сухаревой башни объяснили простой случайностью. Между тѣмъ, связь этихъ лицъ съ остальными пропагандистами доказывается, во-первыхъ, участіемъ въ подговорѣ Корнюхина, Овчинникова и Баранова, несомнѣнныхъ членовъ преступнаго сообщества, и запиской, написанной Смирновымъ во время содержанія его подъ стражей. Записка эта заключаетъ въ себѣ слѣдующія фразы, обращенныя къ арестантамъ: „Желалъ бы знать, что дѣлается на волѣ, *есть ли кто изъ нашихъ, нужно бы кое-что сообщить*... конспирировать (по объясненію Смирнова, шифровать) не умѣю, отвѣчайте также, по если нужно конспирируйте, павѣрное разберу“. 2) 1-го августа 1875 г. Начальнику Саратовскаго Жандармскаго Управленія чинами мѣстной полиціи было дано знать, что у нѣкоторыхъ бывшихъ воспитанниковъ Саратовской Духовной Семинаріи есть книги преступнаго содержанія. По произведеннымъ обыскамъ, дѣйствительно у Дмитрія Соколова и у Александра Иванова были найдены: „Сказка о копейкѣ“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Пугачевъ“, „Чтой-то, братцы“ и др. Показаніями какъ Соколова и Иванова, такъ и другихъ свидѣтелей, вполнѣ доказано, что книги получены ими изъ квартиры коллежскаго регистратора Павла Трубецкого при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ половинѣ іюля мѣсяца, въ г. Саратовъ, въ квартиру Павла Трубецкого, пріѣхалъ сельскій учитель Александръ Виноградовъ и привезъ тюкъ съ книгами, прося передать книги брату Трубецкого, Александру Трубецкому. Разсмотрѣвъ книги и увидавъ, что эти книги запрещенныя, Павелъ Трубецкой велѣлъ сестрѣ своей сжечь ихъ, но оказалось, что сестра, Марья Трубецкая, и свояченица, Елизавета Потапова, не сожгли ихъ, а вечеромъ въ тотъ же день разсказали Иванову, Сушкову и Николаю Трубецкому о томъ, что у нихъ есть запрещенныя книги. Въ тотъ же вечеръ названныя выше лица, заинтересовавшись тѣмъ, что книги запрещенныя, пришли къ Трубецкому въ домъ и разобрали книги. Часть книгъ Ивановъ взялъ себѣ; то, что осталось, Павелъ Трубецкой на другой день сжегъ. Сельскій учитель Виноградовъ, подтверждая вполнѣ ссылку на него Павла Трубецкого, объяснилъ, что лѣтомъ 1875 г. въ село Алмазовъ-Яръ, гдѣ онъ, Виноградовъ, служитъ сельскимъ учителемъ, пріѣхалъ изъ Москвы сынъ мѣстнаго священника Александръ Бѣляевскій, котораго Виноградовъ зналъ еще по семинаріи какъ своего товарища. Узнавъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, что Виноградовъ ѣдетъ въ Саратовъ, Бѣляевскій прислалъ къ нему на квартиру съ своимъ отцомъ, священникомъ Бѣляевскимъ, зашитыя въ холстъ книги и просилъ передать этотъ тюкъ въ Саратовѣ Александру Трубецкому, а если его не застанетъ, то оставить у брата послѣдняго, Павла Трубецкого. Виноградовъ, не зная какія книги зашиты въ холстъ, исполнилъ порученіе Бѣляевскаго. Показаніе Виноградова подтвердилъ какъ свидѣтель Зубковскій, такъ отецъ и сынъ Бѣляевскіе. Вслѣдствіе таковыхъ показаній у Александра Бѣляевскаго былъ произведенъ обыскъ, по которому были найдены: „Сказка о копейкѣ“, „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ“, „Государственность и Анархія“, „Анархія по Прудону“ и „Программа работниковъ“, Лассаля. Привлеченный къ дознанію въ качествѣ обвиняемаго бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи Александръ Петровъ Бѣляевскій, показалъ, что зимой 1874 и 1875 гг. въ Петровской Академіи между студентами появились запрещенныя книги: „Исторія французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ“ и друг. По поводу этихъ книгъ онъ, Бѣляевскій, съ товарищемъ своимъ Александромъ Трубецкимъ рѣшили распространять подобныя книги въ народѣ. Эта рѣшимость укрѣпилась еще болѣе подъ вліяніемъ частнаго учителя Льва Иванова, съ ко-

торымъ Бѣляевскій познакомился у кого-то изъ товарищей по Академіи. Левъ Ивановъ, часто посѣщая Бѣляевскаго и Трубецкого, говорилъ, что онъ, Ивановъ, можетъ снабжать ихъ революціонными книгами. На этомъ основаніи Трубецкой, уѣзжая въ іюнѣ мѣсяцѣ на каникулы въ Саратовскую губернію, обратился къ Иванову съ просьбой дать ему книгъ, и получилъ отъ Иванова разныя запрещенныя книги: „Сказку о копейкѣ", „Сказку о четырехъ братьяхъ", Исторію французскаго крестьянина", „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ" и др. Всѣ эти книги при Ивановѣ и Бѣляевскомъ были уложены въ чемоданъ Трубецкого. Передъ отъѣздомъ самого Бѣляевскаго въ Саратовскую же губернію, Левъ Ивановъ просилъ Бѣляевскаго отвезти еще книгъ Трубецкому, на что Бѣляевскій и согласился. Въ условленное время Бѣляевскій для полученія книгъ сошелся съ Ивановымъ въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ. Отсюда Ивановъ повелъ Бѣляевскаго на квартиру къ какой-то Батюшковой. Батюшкову они не застали дома и остались ее ожидать. Черезъ нѣсколько времени Батюшкова пришла и принесла съ собою завернутыя въ простынѣ книги, всего вѣсомъ около полупуда. Бѣляевскій, отнеся книги къ себѣ домой, простыню, въ которой онѣ были завязаны, лично возвратилъ черезъ нѣсколько времени Батюшковой. Всѣ книги были запрещенныя, и онъ, по пріѣздѣ въ Саратовскую губернію, отправилъ ихъ черезъ Виноградова къ Трубецкому. Бѣляевскій еще въ Саратовѣ указалъ квартиру Льва Иванова. Вслѣдствіе показанія Бѣляевскаго былъ произведенъ обыскъ въ домѣ матери Александра Трубецкого, и среди книгъ, ему принадлежащихъ были найдены: „Парижская коммуна" и „Сказка о четырехъ братьяхъ". Сынъ священника, бывшій студентъ Петровской Академіи, Александръ Егоровъ Трубецкой, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, не подтвердилъ показанія Бѣляевскаго, отъ знакомства со Львомъ Ивановымъ отказался и объяснилъ, что найденныя у него книги преступнаго содержанія получены имъ отъ умершаго товарища по Академіи Полякова. Для того, чтобы убѣдиться въ справедливости показанія Бѣляевскаго, ему при дознаніи было предъявлено 28 фотографическихъ карточекъ, въ числѣ которыхъ находились карточки Иванова и Батюшковой. Бѣляевскій, не колеблясь, узналъ ихъ и отдѣлилъ отъ прочихъ карточекъ, а по предъявленіи ему Иванова и Батюшковой призналъ ихъ за тѣхъ, о которыхъ даны имъ показанія. Вслѣдъ за тѣмъ, Бѣляевскому предложено было указать въ Москвѣ квартиры Иванова и Батюшковой, и онъ безошибочно указалъ ихъ квартиры, что сверхъ того подтвердилось справками въ домовыхъ книгахъ. По произведеннымъ обыскамъ, въ квартирѣ Льва Иванова ничего предосудительнаго не найдено, а у Батюшковой найдено нѣсколько книгъ, изъятыхъ изъ обращенія, и 9 номеровъ заграничнаго изданія „Впередъ". Кромѣ того, у Батюшковой отобрано: 1) рукопись—описаніе соціально политической борьбы рабочихъ въ Германіи; 2) письмо, подписанное „твой отецъ капуцинъ", въ которомъ авторъ письма проситъ устроить фиктивный бракъ, и содержаніе котораго приведено уже ранѣе; 3) записки отъ имени Аркадакскаго, личности, скрывшейся отъ дознанія, произведеннаго генералъ-лейтенантомъ Слезкинымъ подъ наблюденіемъ прокурора Саратовской Судебной Палаты; 4) письмо съ неразборчивою подписью, очевидно, касающееся распространенія книгъ преступнаго содержанія. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что „посылаю въ Москву кое-что изъ книгъ, но не знаю, какое количество *тутъ необходимо*, а потому, коли у барышенъ, которымъ я ихъ послалъ, будетъ недостаточно, то сообщите. Передайте барышнямъ, что недостающее количество № 3-хъ я перешлю со скоро имѣющейся быть оказіей". Всѣ перечисленные документы были выпуты находившимся при обыскѣ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ изъ пріемника отхожаго мѣста, куда таковые были брошены тайкомъ Батюшковой, часть этихъ бумагъ была вырвана Батюшковой изъ рукъ жандарма и засунута ею себѣ въ ротъ съ цѣлью ихъ проглотить, но бумаги были у ней отобраны. Во время обыска, въ квартирѣ Батюшковой были задержаны: обвиняемый Николай Ѳедоровъ Цвиленевъ, о которомъ сказано выше, и дворянинъ Николай Аносовъ, проживавшій въ Москвѣ подъ именемъ и по виду отставного губернскаго секретаря Захарова. Аносовъ предается суду по дознанію, произведенному генералъ-лейтенантомъ Слезкинымъ. Въ числѣ бумагъ, отобранныхъ у Батюшковой, найдены были двѣ четвертушки бумаги съ разными адресами въ Тулѣ, Вологдѣ, Вологодской губерніи, Москвѣ, Иркутскѣ, Уральскѣ, Вяткѣ, Саратовской губерніи, Терской области, Курской губерніи, Кіевѣ, Рязани, Смоленскѣ и Вильнѣ. Всѣ эти адреса принадлежатъ, очевидно, тѣмъ лицамъ, черезъ посредство кото-

рыхъ ведутся сношенія по преступной пропагандѣ. Въ этомъ убѣждаетъ, во-первыхъ, отказъ Батюшковой отъ знакомства съ этими лицами; во-вторыхъ, нежеланіе ее объяснить, откуда получены ею адреса; и въ-третьихъ, самые адреса. Такъ, найдены адреса Окушко и Андреевскаго въ Вильнѣ. По справкамъ оказалось, что оба лица привлечены по обвиненію въ преступной пропагандѣ въ Виленской губерніи; адреса Блинова, Щуравина, Грачева—суть адреса лицъ, обвиняемыхъ по политическому дознанію, производящемуся въ Вятской губерніи. Дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Батюшкова и отставной штабсъ-капитанъ Левъ Ивановъ, не смотря на собранныя противъ нихъ улики, не признали себя виновными ни въ принадлежности къ преступному сообществу, ни въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, при чемъ они отказались отъ взаимнаго между собою знакомства, а равно и отъ знакомства съ Бѣляевскимъ. Между тѣмъ, знакомство Батюшковой съ Ивановымъ вполнѣ доказано показаніемъ квартирной хозяйки, у которой жилъ Ивановъ, мѣщанки Домасюкъ. По предъявленіи фотографической карточки Батюшковой въ числѣ другихъ карточекъ, Домасюкъ признала въ ней особу, посѣщавшую Иванова. Домасюкъ подтвердила свое показаніе и по предъявленіи ей самой Батюшковой. Содержась подъ стражей въ Москвѣ, въ Сущевской части, Батюшкова передала бывшему жандармскому унтеръ-офицеру Буланову шифрованныя письма для передачи обвиняемому Цвиленеву. Въ этихъ письмахъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву и спрашиваетъ его совѣта о томъ, какъ ей отдѣлаться отъ показанія Бѣляевскаго. Предлагая свой планъ, она говоритъ: „Я отъ этого ничего не жду, а все какъ будто надо попытать“. Затѣмъ Батюшкова сообщаетъ Цвиленеву свѣдѣнія о Чекоидзе, Джабадари, Петрѣ Алексѣевѣ, Георгіевскомъ, Введенской и Ольгѣ, какъ о лицахъ, извѣстныхъ Цвиленеву, при чемъ къ имени Ольги не присоединяетъ даже фамиліи Любатовичъ. При этомъ Батюшкова выражаетъ свое безпокойство о чемоданѣ Цвиленева (въ его чемоданѣ, въ квартирѣ администраціи, были найдены различныя бумаги, указанныя ранѣе сего). Она пишетъ: „А какъ меня мутилъ вашъ чемоданъ, все казалось—я во всемъ виновата“. Бывшій унтеръ-офицеръ Булановъ, приговоренный въ настоящее время къ арестантскимъ ротамъ за содѣйствіе арестантамъ въ ихъ тайныхъ между собою сношеніяхъ, подтвердилъ, что приведенныя выше письма написаны и переданы ему Батюшковой, а письма эти служатъ непосредственнымъ доказательствомъ принадлежности какъ Батюшковой, такъ и Цвиленева къ тому преступному сообществу, о которомъ произведено настоящее дознаніе.

* * *

Независимо отъ обстоятельствъ дѣла вышеизложенныхъ, дочь коллежскаго асессора Ольга Спиридонова Любатовичъ привлечена къ отвѣтственности за то, что лѣтомъ 1872 г., при возвращеніи изъ-за границы, тайно провезла въ Москву и Петербургъ письма отъ различныхъ лицъ, проживавшихъ за границей, въ чемъ сама Ольга Любатовичъ признала себя виновною и уличается показаніями свидѣтельницъ Буреминой и Александровой.

* * *

По тщательному разсмотрѣнію и соображенію всѣхъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что произведенныя дознанія, начавшіяся весною 1875 года въ Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно производившіяся въ 1875 и 1876 гг. во Владимірской и Саратовской губерніяхъ, и городахъ Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, обнаружили несомнѣнное существованіе тайнаго организованнаго сообщества, задавшагося цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это сообщество состояло первоначально изъ одного кружка лицъ и существовало въ Москвѣ. Создалось оно подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся за границу, преимущественно въ Швейцарію, и возвратившихся обратно въ отечество съ единственною цѣлью заняться пропагандой революціонныхъ идей среди рабочаго класса *Имперіи*. Таковы обвиняемые: Здановичъ, Кардашевъ, Чекоидзе, Джабадари, князь Циціановъ, Бардина, Фигнеръ, Топоркова, Александрова и сестры Субботины. Испуганные дознаніемъ, возникшимъ въ мартѣ 1875 года, при чемъ многіе изъ названныхъ лицъ были

арестованы, оставшіеся на свободѣ члены сообщества перенесли свою практическую дѣятельность въ губерніи, разбились на отдѣльные кружки, называемые въ программѣ „общинами“, и основали въ Москвѣ центральное управленіе общинами подъ именемъ администраціи. Обнаруженное дознаніемъ преступное сообщество имѣло свой уставъ, точно исполняемый всѣми отдѣльными членами, и кассу, имѣвшую въ своемъ распоряженіи капиталъ почти въ десять тысячъ рублей. Отдѣльныя общины образовались преимущественно въ большихъ городахъ: Кіевѣ, Тулѣ, Одессѣ, Иваново-Вознесенскѣ, гдѣ имѣются фабрики и заводы съ значительнымъ количествомъ рабочихъ и мастеровыхъ. Эти отдѣльныя общины имѣли назначеніе вести непосредственно дѣло пропаганды революціонныхъ идей, общая же связь между общинами и сношеніе съ другими революціонными общинами поддерживались управленіемъ, „администраціей“, преступнаго сообщества. Преступная пропаганда - „работа“, какъ говорятъ обвиняемые,—лежала, главнымъ образомъ, на членахъ общинъ, именуемыхъ „рабочими“. Члены общины, исполнявшіе обязанности рабочихъ, нанимались на фабрики, заводы и въ мастерскія подъ видомъ простолюдиновъ и, стараясь не отличаться ни по наружности, ни по образу жизни, костюму и привычкамъ отъ другихъ рабочихъ, входили въ сношеніе съ послѣдними, заводили съ ними знакомство, старались узнавать образъ мыслей, понятія и убѣжденія каждаго отдѣльнаго лица. Затѣмъ, сообразно особенностямъ и индивидуальнымъ способностямъ того или другого фабричнаго или мастерового, начинали дѣйствовать въ смыслѣ революціонномъ, заводя прежде всего рѣчь о трудности жизни рабочаго, о недостаточной оплатѣ его труда, эксплуатаціи его со стороны фабрикантовъ и о возможности улучшенія положенія рабочихъ. Заинтересовавъ слушателей съ этой стороны, пропагандисты переходили къ указанію средствъ, которыми можно, по ихъ мнѣнію, достигнуть улучшенія быта рабочихъ. При этомъ рабочимъ толковалось, что земля принадлежитъ простому классу народа и должна быть раздѣлена между всѣми поровну, что фабричный трудъ долженъ приносить пользу только однимъ рабочимъ, и что для этого необходимо уничтожить власти, помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ и всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ. Объясненіе подобнаго рода оканчивалось прямымъ воззваніемъ къ уничтоженію существующаго порядка путемъ вооруженнаго возстанія всей массы народа противъ Правительства и Царя. Словесная пропаганда революціонныхъ идей поддерживалась книжками преступнаго содержанія, которыя въ значительномъ количествѣ раздавались рабочимъ, читались и толковались имъ пропагандистами въ вышеуказанномъ направленіи. Обязанности „администраціи“, ясно очерченныя въ программѣ революціонной дѣятельности, приложенной къ дознанію, выполнялись членами, входившими въ ея составъ, вполнѣ согласно съ этой программой и заключались въ снабженіи пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ: адресами, книгами, деньгами, бѣльемъ, одеждой, фальшивыми паспортами, въ устройствѣ квартиръ, въ передвиженіи членовъ, „рабочихъ“, изъ одной мѣстности въ другую, въ сношеніяхъ и организаціи побѣговъ арестованныхъ членовъ сообщества. Хотя преступная дѣятельность членовъ сообщества и не была успѣшна, хотя повсемѣстно, при первыхъ же попыткахъ дать болѣе широкое развитіе пропагандѣ революціонныхъ идей и книгъ, обвиняемые встрѣчались съ полнымъ несочувствіемъ рабочаго класса народа къ идеямъ, ими пропагандируемымъ, несочувствіемъ, кончавшимся обыкновенно тѣмъ, что сами рабочіе выдавали полиціи пропагандистовъ,—тѣмъ не менѣе имъ удалось сбить съ пути нѣсколькихъ весьма немногихъ рабочихъ и лицъ, принадлежащихъ къ одному съ ними сословію. Часть изъ этихъ лицъ примкнула къ пропагандистамъ и присоединилась къ преступному сообществу, сдѣлавшись членами сообщества. Другая часть, не вступая въ сообщество въ качествѣ членовъ, но, пользуясь книгами отъ обвиняемыхъ первой группы, старалась распространять эти книги среди простого народа. На основаніи вышеизложеннаго, всѣ обвиняемые по настоящему дѣлу, согласно съ падающимъ на каждаго изъ нихъ обвиненіемъ, распредѣляются на слѣдующія группы: 1) Дворянинъ Тифлисской губерніи *Иванъ Спиридоновъ Джабадари*, 22 лѣтъ; дворянинъ *Михаилъ Чекоидзе*, 24 лѣтъ; сынъ штабсъ-капитана *Георгій Феликсовъ Зановичъ*, 26 лѣтъ; отставной коллежскій регистраторъ *Степанъ Мартыновъ Кардашевъ*, 25 лѣтъ; сынъ священника *Василій Григорьевъ Георгіевскій*, 25 лѣтъ; бывшій студентъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института *Александръ Осиповъ Лукашевичъ*, 22 лѣтъ; крестьянинъ Московской губ., Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой *Николай Васильевъ*, 30 лѣтъ; дворянка *Софья Илларіонова*

Бардина, 22 лѣтъ; дворянка *Лидія Николаева Фигнеръ*, 21-го года; потомственная почетная гражданка *Варвара Иванова Александрова*, 22 лѣтъ; именующая себя княгиней Циціановой, жена дворянина *Александра Сергѣева Кикодзе*, рожденная Хоржевская, 23 лѣтъ; дочери коллежскаго асессора *Ольга Спиридонова*, 24 лѣтъ, и *Вѣра Спиридонова Любатовичъ*, 21 года; крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, д. Добриной *Иванъ Васильевъ Бариновъ*; московскій мѣщанинъ *Семенъ Ивановъ Агаповъ*; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, д. Новинской *Петръ Алексѣевъ*, 26 лѣтъ; крестьянинъ той же губерніи, уѣзда и деревни *Пафнутій Николаевъ*, 29 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, д. Сычихи *Филатъ Егоровъ*, 23 лѣтъ; сынъ статскаго совѣтника *Владиміръ Петровъ Александровъ*, 20 лѣтъ; московская цеховая *Анна Григорьева Топоркова*, 21 года; жена дворянина *Екатерина Петрова Гамкрелидзе*, 21 года, рожденная Туманова; бывшій воспитанникъ Технологическаго Института *Иванъ Андреевъ Злобинъ*, 25 лѣтъ; крестьянинъ Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда *Иванъ Семеновъ Фетисовъ*, 24 лѣтъ; дворянинъ *Григорій Петровъ Сидорацкій*, 18 лѣтъ; крестьянинъ Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго *Иванъ Ивановъ Едуковъ*, 24 лѣтъ; крестьянинъ той же деревни *Николай Ивановъ Едуковъ*, 25 лѣтъ; солдатскій сынъ *Василій Онуфріевъ Ковалевъ*, 21 года; тульскій мѣщанинъ *Иванъ Александровъ Кураковъ*, 36-ти лѣтъ; отставной подпоручикъ *Михаилъ Оедоровъ Воронковъ*, 25 лѣтъ, дворянинъ *Мартынъ Александровъ Млодецкій*, 23 лѣтъ; техническій мастеръ 1 разряда кіевскаго артиллерійскаго полигона *Григорій Александровъ Александровъ*, 23 лѣтъ; мозырская мѣщанка *Геся Миронова Гельфманъ*, 22 лѣтъ; крестьянинъ Кіевской губерніи *Петръ Акимовъ Островъ*, 31 года; дворянинъ *Антимосъ Евдоевъ Гамкрелидзе*, 23-хъ лѣтъ; князь *Александръ Циціановъ*, 25 лѣтъ; дворянинъ *Николай Оедоровъ Цвиленевъ*, 23 лѣтъ; дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Варвара Николаева Батюшкова*, 25 лѣтъ; дочери штабсъ-капитана *Надежда Дмитріева Субботина*, 20 лѣтъ, *Евгенія Дмитріева Субботина* и *Марія Дмитріева Субботина*, 21 года; дочь титулярнаго совѣтника *Елена Петрова Медвѣдева*, 25 лѣтъ; дочь священника *Надежда Григорьева Георгіевская*, 18 лѣтъ; дочь священника *Екатерина Александрова Введенская*, 20 лѣтъ; студентъ С.-Петербургскаго университета *Алексѣй Ивановъ Нуромскій*, 21 года, и сынъ священника *Михаилъ Павловъ Овчинниковъ* обвиняются въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, т.-е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ отд. 2, ст. 250 улож. о наказ. 2) Сверхъ того, подсудимые: *Джабадари*, *Чекоидзе*, *Здановичъ*, *Кардашевъ*, *Лукашевичъ*, *Васильевъ*, *Бардина*, *Фигнеръ*, *Александрова*, *Кикодзе* (княгиня *Циціанова-Хоржевская*), *Ольга* и *Вѣра Любатовичъ*, *Бариновъ*, *Агаповъ*, *Алексѣевъ*, *Николаевъ*, *Егоровъ*, *Александровъ*, *Топоркова*, *Екатерина Гамкрелидзе*, *Фетисовъ*, *Ковалевъ*, *Сидорацкій*, *Воронковъ*, *Млодецкій*, *Александровъ*, *Антимосъ Гамкрелидзе*, князь *Циціановъ*, *Цвиленевъ*, *Батюшкова*, *Надежда Субботина* и *Овчинниковъ*—обвиняются въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной—въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 251 улож. о наказ. 3) Въ томъ же преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 251 улож. о наказ., обвиняются и тѣ лица, которыя, не принадлежа къ составу преступнаго сообщества, тѣмъ не менѣе получали отъ членовъ того сообщества и распространяли книги, имѣвшія цѣлью возбужденіе къ явному неповиновенію Власти Верховной. Таковы: студентъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи *Иванъ Рождественскій*, 30 лѣтъ; отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи *Левъ Андреевъ Ивановъ*; потомственный почетный гражданинъ *Григорій Алексѣевъ Сбромірскій*, 27 лѣтъ; бывшіе студенты Петровской Земледѣльческой Академіи *Александръ Петровъ Бѣляевскій*, 20 лѣтъ, и *Александръ Егоровъ Трубецкой*, 19 лѣтъ. 4) Независимо отъ вышеизложеннаго, обвиняемые князь *Александръ Циціановъ* и дочь коллежскаго асессора *Вѣра Любатовичъ* обвиняются въ томъ, что, во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе, съ цѣлью лишить жизни прапорщика Ловягина и помощника квартальнаго надзирателя Оедорова первый изъ нихъ сдѣлалъ по Ловягину два выстрѣла изъ револьвера, а вторая душила руками Оедорова, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣли, такъ какъ

князь Циціановъ промахнулся, а Вѣра Любатовичъ была удержана бывшими при обыскѣ свидѣтелями. Преступныя дѣянія, въ совершеніи которыхъ обвиняются князь Циціановъ и Вѣра Любатовичъ, предусмотрѣны ст. 114 и 1455 улож. о наказ. 5) Наконецъ, дочь коллежскаго асессора Ольга Любатовичъ обвиняется въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1126 улож. о наказ. А потому, всѣ вышеозначенные обвиняемые, согласно § 2 закона 7 іюля 1872 г., предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, учрежденнаго для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Составленъ въ С.-Петербургѣ. Ноября 30 дня 1876 г. Подлинный подписалъ исправляющій должность Товарища Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената *Жуковъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно. И. д. Оберъ-Секретаря *В. Поповъ*.

* * *

На вопросъ Первоприсутствующаго, признаютъ ли подсудимые себя виновными въ составленіи и участіи въ противозаконномъ сообществѣ, всѣ 45 обвиняемыхъ въ этомъ преступленіи отвѣчали отрицательно, при чемъ сдѣлали заявленія: Подс. *Баринова*. Прошу покорнѣйше считать мое показаніе неправильнымъ. Подс. *Ковалевъ*. Мои доказательства есть ложь. Я объявляю это раньше. Подс. *Островъ*. Я въ одномъ виноватъ—что безъ вѣдома уѣхалъ изъ Кіева, а въ остальномъ ни въ чемъ не виноватъ. На вопросъ о виновности въ распространеніи преступныхъ сочиненій подсудимые отвѣчали: Подс. *Зоановичъ*. Не признаю. Подс. *Циціановъ* (князь). Признаю, что держалъ у себя книги и выдавалъ рабочимъ. Подс. *Любатовичъ* (Вѣра), *Цвиленевъ*, *Гамкрелидзе* (Аптимосъ) и *Фигнеръ*. Не признаю. Подс. *Чекоидзе*. Я только одну книжку переслалъ товарищу. Подс. *Александрова* (Варвара). Цѣль моей поѣздки въ Иваново-Вознесенскъ была вести пропаганду. Насколько же сдѣлано на практикѣ, это будетъ видно изъ показанія свидѣтелей. Подс. *Кардашевъ*, на вопросъ о виновности въ томъ, что, храня денежныя суммы, принадлежащія противозаконному сообществу, расходовалъ ихъ на покупку и привозъ изъ-за границы книгъ, возбуждающихъ къ бунту, зная, что онѣ распространяются между членами сообщества, къ которому онъ принадлежалъ, заявилъ, что не признаетъ себя виновнымъ. На вопросъ о виновности въ передачѣ преступныхъ сочиненій разнымъ лицамъ, въ видахъ распространенія и возбужденія рабочаго населенія къ бунту, и въ чтеніи этихъ книжекъ рабочимъ, подсудимые отвѣчали: Подс. *Джабадари*. Не признаю себя виновнымъ, потому что показаній рабочихъ объ этомъ нѣтъ. Подс. *Егоровъ*. Не признаю себя виновнымъ, но признаю, что давалъ книжки. Я не признаю ихъ преступными. Подс. *Алексѣевъ*. На предположеніе составителя обвинительнаго акта и на ваше я не желаю давать никакихъ отвѣтовъ. *Первоприсутствующій*. Вы могли сказать просто, что не признаете себя виновнымъ. Подс. *Николаевъ*. Не признаю. Подс. *Любатовичъ* (Ольга). Нѣтъ, не признаю. Подс. *Бардина*. По поводу своей дѣятельности никакихъ объясненій давать не желаю. Подс. *Васильевъ*. Никогда не передавалъ. Подс. *Баринова*. Не признаю. Книжку далъ, но виновнымъ себя не признаю. Подс. *Александровъ* (Владиміръ). Я не отрицаю того, что распространялъ революціонныя идеи, но никакихъ показаній относительно своей дѣятельности давать не желаю. Подс. *Агаповъ*. Книжки распространялъ, но виновнымъ себя не признаю. Подс. *Топоркова*. Жарковскому книгъ никогда не давала. Подс. *Ковалевъ* (на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что передалъ тремъ неизвѣстнымъ сапожникамъ одинъ экземпляръ „Сказки о четырехъ братьяхъ"[4]). Признаю себя виновнымъ въ томъ, что получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка книжки и показывалъ сапожникамъ, и спрашивалъ ихъ, какія это книги. Они сказали—противоправительственныя. Я понесъ въ часть. Я получилъ ихъ отъ неизвѣстнаго человѣка съ фальшивымъ паспортомъ. Я не признаю, чтобы на какое-нибудь лицо доносилъ. Я былъ обезпеченъ 12000 награды; меня поняли виномъ. Больше я не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ. Подс. *Фетисовъ*, *Александровъ* (Григорій), *Воронковъ*, *Ивановъ*, *Субботина* (Надежда) и *Хоржевская* (Циціанова). Нѣтъ, не признаю. Подс. *Млодецкій*. Нѣтъ, не признаю. Это обвиненіе могло явиться только благодаря крайнему пристрастію прокуратуры. Подс. *Батюшкова* не признала факта передачи книгъ Бѣляевскому. Подс. *Бѣляевскій* заявилъ, что передалъ книги Трубецкому, а получилъ ихъ

отъ неизвѣстнаго. Подс. *Трубецкой*, на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что получивъ отъ Ивана книги, распространялъ ихъ среди рабочаго населенія Саратовской губерніи, отвѣтилъ: нѣтъ. Подс. *Овчинниковъ* и *Обромірскій*, на вопросъ о передачѣ разныхъ книгъ съ цѣлью возбудить къ бунту Корнюхина, отвѣчали, что не признаютъ себя виновными. Подс. *Рождественскій*, на вопросъ о передачѣ рабочимъ книжекъ, отвѣтилъ: признаю, что передавалъ книги, но не запрещенныя. Подс. *Циціановъ* (князь), на вопросъ, признаетъ ли себя виновнымъ въ томъ, что во время обыска, съ цѣлью лишить жизни Ловягина, сдѣлалъ на него два выстрѣла изъ револьвера, но не совершилъ убійства, потому что не попалъ, отвѣтилъ: выстрѣлы были сдѣланы, но личностью Ловягина я вовсе не занимался. Умысла убить его не имѣлъ, но извѣстныя обстоятельства вызвали меня на выстрѣлы. Въ обвинительномъ актѣ очень эластично выражено, что я будто бы показалъ, что имѣлъ цѣлью убить. Я вовсе не такъ показалъ. На вопросъ, съ какою цѣлью стрѣлялъ, я сказалъ: съ какой обыкновенно стрѣляютъ, чтобы попасть въ цѣль. Но я предумышленной цѣли не имѣлъ. *Первоприсутствующій*. Подсудимая Вѣра Любатовичъ, вы обвиняетесь въ томъ, что во время обыска въ квартирѣ Гамкрелидзе, когда Циціановъ выстрѣлилъ изъ револьвера, вы бросились на Ѳедорова, схватили его за горло и стали душить съ цѣлью лишить жизни. Признаете ли вы себя въ этомъ виновною? Подс. *Любатовичъ* (смѣется, смѣются и другіе подсудимые). Нѣтъ, не признаю. *Первоприсутствующій*. Прошу не смѣяться и вести себя на судѣ приличнѣе. Подс. *Любатовичъ*. Я его вовсе не хотѣла душить. А когда пять человѣкъ бросились на Циціанова и могли его убить, я бросилась, чтобы его не задушили. Подс. *Любатовичъ* (Ольга) на вопросъ виновности въ томъ, что лѣтомъ 1872 г. тайно провозила книги въ Россію, отвѣтила: это было такъ давно, что я забыла. Дѣйствительно, были письма, которыя я возила за границу, а привозила ли въ Россію — не помню. Подс. *Алексѣевъ*. Я прошу слова. Я хочу сдѣлать замѣтки противъ обвинительнаго акта. *Первоприсутствующій*. Вы это можете сдѣлать во время судебнаго слѣдствія. Подс. *Чекоидзе*. Я прошу прочесть письмо. Я не знаю, въ чемъ меня обвиняютъ. *Первоприсутствующій*. Вы можете все это разъяснить на судебномъ слѣдствіи, когда будутъ представлены доказательства за и противъ васъ. Подс. *Ковалевъ*. Я не нахожу возможнымъ, чтобы меня включили въ число этихъ лицъ. Я глупъ, а они не настолько глупы, чтобы со мной знакомиться. Я платилъ оброкъ и находился на работѣ. Довольно будетъ, что я просидѣлъ полтора года въ одиночномъ заключеніи.... *Первоприсутствующій*. Остановитесь. Вы будете имѣть время на судебномъ слѣдствіи сдѣлать свои заявленія. Въ виду многосложности настоящаго дѣла, а также большого числа подсудимыхъ, и того, что нѣкоторыя обстоятельства не касаются всѣхъ обвиняемыхъ, особое присутствіе признало возможнымъ и удобнымъ произвести судебное слѣдствіе по отдѣльнымъ дознаніямъ, вслѣдствіе чего опредѣлило раздѣлить подсудимыхъ на слѣдующія группы: во-1-хъ, по дознанію въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ книгъ между рабочими на московскихъ фабрикахъ отнесены слѣдующіе подсудимые (перечислены 17 человѣкъ); во-2-хъ, по дознаніямъ, произведеннымъ въ Иваново-Вознесенскѣ, отнесены (перечислены 11 человѣкъ); въ-3-хъ, по дознаніямъ, произведеннымъ въ Тулѣ и Кіевѣ, отнесены (перечислены 17 человѣкъ); наконецъ, къ 4-му отдѣлу отнесены (перечислены 27 человѣкъ). Защитники и подсудимые заявили ходатайство о дозволеніи всѣмъ подсудимымъ присутствовать во все время судебнаго слѣдствія, при чемъ защитники просили дать имъ время посовѣщаться между собою по этому предмету. Подсудимые сдѣлали при этомъ множество заявленій и нѣкоторые въ такой рѣзкой формѣ, что первоприсутствующій сдѣлалъ нѣсколькимъ замѣчанія и заявилъ, что тѣ, которые еще разъ позволятъ себѣ что-либо подобное, будутъ удалены изъ залы засѣданія. Затѣмъ были опрошены и приведены къ присягѣ свидѣтели, послѣ чего сдѣланъ перерывъ для совѣщанія защитниковъ. По возобновленіи засѣданія, присяжный повѣренный *Герардъ* заявилъ слѣдующее: 1) На основаніи 613 ст. уст. угол. суд. предсѣдатель суда можетъ распорядиться, чтобы судебное слѣдствіе производилось въ отношеніи къ одному, а потомъ въ отношеніи къ другому изъ обвиняемыхъ въ совмѣстномъ совершеніи преступленія; но онъ не въ правѣ устранять никого изъ нихъ отъ предъявленія замѣчаній по существу всего дѣла; что въ силу этой статьи закона подсудимый, пріобщенный по одному обвинительному акту къ другимъ подсудимымъ, не можетъ быть отстраненъ отъ права дѣлать

замѣчанія относительно всего того, что происходитъ на судѣ; что въ этомъ отношеніи законъ не только нигдѣ не стѣсняетъ подсудимаго, но, напротивъ того, это его право подтверждается статьею 630 и указомъ; что отстраненіе подсудимаго отъ присутствованія при какомъ-либо дѣйствіи на судѣ можетъ послѣдовать единственно въ случаяхъ, указанныхъ въ 729 ст. уст. угол. суд., но и въ этихъ случаяхъ, въ силу этой статьи, по возвращеніи его въ залу засѣданія, предсѣдатель суда долженъ сообщить ему съ точностью все, что происходило въ его отсутствіи; что такой порядокъ значительно затруднилъ бы ходъ судебнаго слѣдствія, вмѣсто того, чтобы облегчить его, а потому мы находимъ, что въ силу закона за каждымъ подсудимымъ должно быть признано право присутствовать въ залѣ засѣданія въ теченіе всего судебнаго слѣдствія, хотя бы допрашиваемые свидѣтели не касались его непосредственнаго въ дѣлѣ участія. 2) По примѣненію къ настоящему дѣлу необходимость эта ощущается еще сильнѣе, ибо изъ шестидесяти подсудимыхъ сорокъ пять обвиняются въ составленіи *одного противозаконнаго сообщества*, и, слѣдовательно, всякій вопросъ, касающійся участія одного подсудимаго въ этомъ сообществѣ и самаго характера этого сообщества, не можетъ не имѣть значенія для судьбы и остальныхъ подсудимыхъ. 3) Каждый изъ насъ, защитниковъ, считаетъ для себя обязательнымъ пользоваться указаніями подсудимыхъ, болѣе близко знакомыхъ со всѣми подробностями дѣла. Имѣя это въ виду, мы просимъ Правительствующій Сенатъ предоставить всѣмъ подсудимымъ право присутствовать при судебномъ слѣдствіи, при разсмотрѣніи и тѣхъ отдѣловъ, въ которые они не включены по предположенію особаго присутствія Сената. Независимо отъ этого, защитники просили допустить во всякомъ случаѣ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, не имѣющихъ защитниковъ или заинтересованныхъ въ тѣхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ они исключены. Выслушавъ всѣ эти заявленія, особое присутствіе удалилось для совѣщанія, послѣ котораго первоприсутствующій объявилъ: „Особое присутствіе, оставаясь при томъ постановленіи, что судебное слѣдствіе должно производиться по группамъ, приняло во вниманіе ходатайство защиты и, вслѣдствіе этого, разрѣшило оставаться всѣмъ подсудимымъ при производствѣ слѣдствія по отдѣльнымъ группамъ.“ Затѣмъ былъ сдѣланъ перерывъ на $^1/_2$ часа.

По возобновленіи засѣданія, *Первоприсутствующій* заявилъ слѣдующее: Прежде, чѣмъ приступить къ производству судебнаго слѣдствія, я долженъ напомнить подсудимымъ, что, въ виду сдѣланнаго особымъ присутствіемъ разрѣшенія присутствовать имъ при допросѣ всѣхъ по этому дѣлу свидѣтелей, они должны вести себя не такъ, какъ вели до сихъ поръ, и что если они будутъ затруднять ходъ засѣданія неумѣстными заявленіями и вообще вести себя такъ, какъ вели до настоящаго времени, то я, въ силу данной мнѣ власти, буду удалять ихъ изъ залы засѣданія. Затѣмъ особое присутствіе приступило къ производству слѣдствія по первой группѣ. Свидѣтель *Яковъ Яковлевъ* (крестьянинъ) показалъ: Я былъ знакомъ съ крестьяниномъ Иваномъ Васильевымъ Бариновымъ, а этотъ познакомилъ меня съ Николаемъ Васильевымъ. Иванъ Васильевъ далъ мнѣ книжку по совѣту Николая Васильева. Съ Николаемъ Васильевымъ мы пили чай, и онъ говорилъ, что нужно сдѣлать такъ: ты согласись пятокъ подготовить и я тоже пятокъ подговорю, и такимъ манеромъ соберется 4000, а за границей уже всѣ готовы. — *Первоприсутствующій*. Какую книжку вы получили? — Свидѣтель *Яковлевъ*. „Емелька Пугачевъ.“ — Тов. *оберъ-прок.* По какому поводу и для чего онъ говорилъ, что нужно собраться?— Свид. *Яковлевъ*. Такое мнѣніе, чтобы сдѣлать бунтъ. Чтобы всякій свой хлѣбъ ѣлъ, а чтобы чужой трудъ не съѣдали. Я говорю: какъ это можно сдѣлать?—„А такъ, говоритъ, можно: ты пятокъ подговоришь и другой еще пятокъ подговоритъ, а такимъ манеромъ 4000 соберется“.—В. Николай Васильевъ не обѣщалъ васъ познакомить съ кѣмъ-нибудь?—О. „Завтра, говоритъ, познакомлю тебя съ человѣкомъ, который все можетъ подробно разъяснить“. Мы съ нимъ о религіи заговорили и онъ мнѣ это сказалъ.—В. Что же вы сдѣлали?—О. Жандармскому управленію заявилъ и двѣ книжки принесъ: „Емелька Пугачевъ“ и „Французскій писатель“. Эту я получилъ отъ Вѣтрова.—В. Какъ вы ее получили?—О. Иванъ Васильевъ говорилъ, что у Вѣтрова есть книжки.—В. Въ жандармскомъ управленіи вы сказали, гдѣ можно найти этихъ лицъ?—О. Я сказалъ, что мы будемъ въ трактирѣ на Покровкѣ. Со мной отправился сыщикъ, и я показалъ ему этотъ трактиръ. На другой день я пришелъ, подождалъ ихъ на улицѣ, и, когда усмотрѣлъ Ивана Васильева и Николая Васильева, мы

ношли въ трактиръ.—В. При васъ ихъ взяли?—О. При мнѣ. Съ Николаемъ было два узла, 65 руб. денегъ. и на диванъ онъ бросилъ закладку свинцовую (гирька). „Я, говоритъ, ношу ее на случай". Свидѣтелю предъявлены книжки, которыя онъ призналъ за полученныя имъ.—Прис. пов. *Боровиковскій*. Вы грамотны?—Свид. *Яковлевъ*. Малограмотный.—В. Читали книжки?—О. Читать не пришлось. Когда я услыхалъ, что онѣ строго воспрещены, я ихъ и предоставилъ.—В. Кто вамъ сказалъ, что онѣ запрещены?—О. Мой братъ. Онъ служитъ приказчикомъ на фабрикѣ.—Подс. *Васильевъ*. Когда я познакомился съ вами?—Свид. *Яковлевъ*. Въ первое или второе воскресенье Великаго поста.—В Баринов вамъ передавалъ обо мнѣ?—О. Нѣтъ. Я лишняго не согласенъ говорить.—В. Книгу вы при мнѣ получили?—О. При васъ, въ трактирѣ.—В. Отъ Баринова вы слышали, что я былъ грамотный?—О. Нѣтъ.—В. Знаете, грамотный я или нѣтъ?—О. Я зналъ васъ только двѣ недѣли, и не дай Богъ знаться съ такимъ народомъ.—В. Вы слыхали: былъ ли я грамотенъ?—О. Я видѣлъ, что вы расписывались, когда васъ взяли и протоколъ составили.—Подс. *Васильевъ*. Яковлевъ говоритъ, что я въ протоколѣ при арестѣ моемъ расписался. Но какъ я до ареста не зналъ читать ни одной буквы, такъ могъ ли я говорить съ нимъ такую идею, то, что за границей—такую подвижную вещь...—*Первоприсутствующій*. Скажите яснѣе, на что вы хотите обратить вниманіе.—Подс. *Васильевъ*. Онъ подтвердилъ, что я писалъ..—Свид. *Яковлевъ*. Вы, конечно, сперва упирались, а потомъ васъ принудили и вы подписались.—Подс. *Васильевъ*. Ну, скажите, пожалуйста, гиря мнѣ принадлежитъ?—Свид. *Яковлевъ*. Да, вы сами это знаете. Смерть не страшна, въ комъ совѣсть чиста.—В. Гирю при мнѣ взяли?—О. Вы бросили ее на диванъ, а раньше мнѣ показывали и говорили, что для случая залѣпить кому-нибудь.—В. Кому же залѣпить?—О. Не знаю, кому ты хотѣлъ залѣпить.—В. Скажи, пожалуйста, когда меня увели въ особую комнату, при мнѣ оказалась гиря эта самая?—О. Да, вѣдь, взяло же ее правительство. Что лишній разговоръ затѣвать.—В. Какъ къ намъ жандармы пришли?—О. Пришли протокулярно одѣты, какъ купечество, и сидѣли противъ насъ. Я затѣялъ съ вами разговоръ. Говорю: вотъ какъ на наши деньги гуляютъ. А вы сказали: тише, тише...—В. Я одно у васъ спрашиваю: когда увели меня въ особую комнату, то при обыскѣ гиря оказалась при мнѣ или нѣтъ?—О. Чего вы лишнее толкуете. Вы на диванъ ее бросили; а кто ее взялъ—не знаю. Вѣдь, она попала сюда, значитъ ясное доказательство, это, братъ, ужъ извините.—В. Я опять одно спрашиваю, оказалось ли...—О. И я одно буду говорить.—В. Когда меня привели въ другую комнату, оказалась ли гиря при мнѣ?—О. Я не знаю (махнулъ рукою).—*Первоприс.* Свидѣтель нѣсколько разъ сказалъ, что видѣлъ, какъ вы бросили гирю на диванъ.—Подс. *Васильевъ*. Почему же она не оказалась у меня, когда я бросилъ ее на диванъ. (Къ свид.). Почему вы не сказали тогда?—О. Вы не сбивайте, пожалуйста. Тамъ есть мое показаніе.—Прис. пов. *Ольхинъ*. Тѣ книги, о которыхъ вы говорили, вы сами разобрали, какого онѣ рода, или вамъ кто-нибудь сказалъ?—Свид. *Яковлевъ*. Я не то что по книгамъ, а по разговорамъ разобралъ. Тутъ нечего было и книжки разбирать.—В. Кромѣ вашего брата, вамъ никто не говорилъ о томъ, что книжки запрещенныя?—О. Тутъ общій разговоръ былъ, что запрещенныя.—В. Гдѣ же этотъ разговоръ пошелъ?—О. Да они сами мнѣ говорили, чтобы опасаться, что строго запрещено.—Прис. пов. *Боровиковскій*. Отъ Баринова вы слышали ли что нибудь, онъ говорилъ вамъ что-нибудь?—Свид. *Яковлевъ*. Нѣтъ, онъ только далъ книжку.—Подс. *Васильевъ*. Прокуроръ, который дознаніе дѣлалъ и обвиненіе на меня писалъ, будетъ обвинять меня, что я признался въ показаніяхъ своихъ, что именно оговоръ Баринова и Яковлева не подтверждалъ, но этого показанія у меня не было.—Подс. *Джабадари* просилъ спросить Яковлева, не встрѣчалъ ли онъ его въ Москвѣ.—Свид. *Яковлевъ*. Я вашу личность не знаю.—Свид. *Прокофій Баринов* (братъ подсудимаго) показалъ, что получилъ книжку отъ брата, который сказалъ, что ее далъ ему Петръ Алексѣевъ. Свидѣтель читалъ ее и, увидавъ, что она противозаконная, сжегъ. Николая Васильева зналъ, а Алексѣева и въ глаза не видалъ.—Подс. *Алексѣевъ*. Г. Баринов, не говорилъ ли вашъ братъ, отъ какого Петра Алексѣева онъ получилъ книжку? Петровъ Алексѣевыхъ много можетъ быть.—Свид. *Баринов*. Нѣтъ, не говорилъ.—Подс. *Джабадари*. Въ обвинительномъ актѣ говорится, что свидѣтель призналъ Михаила Петрова, т.-е. меня, а, между тѣмъ, онъ меня не признавалъ.—Свид. *Баринов*. Меня еще въ жандармскомъ управленіи спрашивали, но я его не знаю.—Подс. *Васильевъ*. Можетъ быть, не слыхали ли вы

отъ брата или отъ меня какихъ-нибудь предсказаній противъ этихъ книжекъ, что вы сожгли.—Свид. *Баринов*ъ. Касательно этого—нѣтъ.—Прис. пов. *Боровиковскій*. Съ братомъ своимъ вы часто видѣлись?—Свид. *Баринов*ъ. На одной фабрикѣ жили.—В. Онъ давалъ вамъ книжку, какъ брату?—О. Я самъ бралъ. Я имѣлъ право въ его сундукъ ходить, такъ какъ я старшій братъ.—В. Говорилъ ли вамъ онъ, что нужно рѣзать, убивать?—О. Нѣтъ; я читалъ, а онъ слушалъ. Я по священному писанію опровергалъ книжку.—Подс. *Алексѣев*ъ. Позвольте допросить подсудимаго Баринова о томъ, отъ какого Петра Алексѣева получилъ онъ книжки и передалъ Прокофью Баринову, отъ меня или отъ другого лица.—Подс. *Баринов*ъ. Я не бралъ отъ Петра Алексѣева книжекъ. Я его и не зналъ совсѣмъ. Прошу оставить безъ вниманія мое первое показаніе, потому что я неправильно говорилъ.—Подс. *Джабадари*. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что подсудимый Баринов упоминалъ о кружкѣ, въ число котораго входилъ Михаилъ Петровъ, т.-е. я. Я теперь хочу знать, признаетъ ли онъ въ лицѣ моемъ Михаила Петрова, который говорилъ ему о революціонныхъ идеяхъ.—Подс. *Баринов*ъ. Я со вчерашняго дня вижу васъ только первый разъ. Въ виду разнорѣчія устнаго показанія свидѣтеля Баринова съ его показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочитать это послѣднее. Изъ показанія этого, между прочимъ, видно, что свидѣтель говорилъ на слѣдствіи, что пилъ чай съ Петромъ Алексѣевымъ, рабочимъ съ фабрики Тимашева, при чемъ Петръ Алексѣевъ говорилъ ему, что существуютъ хорошія книжки, совѣтовалъ прочитать и исполнять то, что тамъ написано; черезъ недѣлю братъ принесъ книжку „Хитрая механика“. и въ теченіе Великаго поста—листокъ „Чтой то, братцы“, „Емельку Пугачева“ и другія. Свидѣтель читалъ ихъ, но, убѣдясь въ преступномъ содержаніи, сжегъ. Чтеніе это производило различное впечатлѣніе на фабричныхъ: большинство слушавшихъ смѣялись; были такіе, которые выражали сочувствіе, и были такіе, которые находили книги преступными и говорили, что ихъ нужно сжечь. Свидѣтель, съ братомъ и Н. Васильевымъ, задержаннымъ вмѣстѣ съ братомъ 29-го марта, сходились раза три въ трактирѣ, и каждый разъ Васильевъ говорилъ, что книжки нужно болѣе распространять, что нужно подготовлять народъ къ возстанію, нужно образовать кружки одномысленныхъ, въ которыхъ постоянно читать, и, когда силы достаточно развернутся, то произвести революцію и перерѣзать господъ, чиновниковъ, купцовъ и богатыхъ крестьянъ. Свидѣтель убѣждалъ брата, что дѣло задумано нехорошее, что евангеліе предписываетъ уважать власти, а не возставать противъ нихъ, но, „повидимому, братъ мой сочувствовалъ не моимъ словамъ, а внушеніямъ Алексѣева и Васильева“. Далѣе въ этомъ показаніи, между прочимъ, сказано, что никакого Михаила Петрова свидѣтель не знаетъ. Подс. *Джабадари* снова обратилъ на это обстоятельство вниманіе. *Тов. об. прок.* замѣтилъ, что въ обвинительномъ актѣ не говорится того, на что указываетъ подсудимый. Подс. *Васильевъ* (къ свидѣтелю). Разскажите, что и вамъ говорилъ: говорилъ ли то, что прочитано въ показаніи.—Свид. *Баринов*ъ. Здѣсь написано много. Я не знаю. Вы мнѣ ничего не говорили. Много тутъ есть лишняго. Показаніе было только на одной страницѣ написано.—*Первоприсутствующій*. Вы грамотный?—Свид. *Баринов*ъ. Грамотный.—В. Подписывали показаніе?—О. Подписалъ. Свидѣтелю предъявляется показаніе. Онъ осматриваетъ и говоритъ: „Да, я подписалъ“.—Прис. пов. *Боровиковскій*. Можете прочитать, что написано?—Свид. *Баринов*ъ. Нѣтъ.—В. Знаете, что значатъ слова: „сочувствіе“, „одномысленныхъ“, „революція“?—О. Нѣтъ, не знаю. „Революцію“ послѣ узналъ, что это бунтъ.—Прис. повѣренный *Ольхин*ъ. Вамъ тогда прочитывали показаніе?—Свид. *Баринов*ъ. Прочитали.—В. Такъ читали, какъ здѣсь?—О. Не могу припомнить.—Подсудимый *Васильев*ъ. Вы знали меня давно?—Свидѣтель *Баринов*ъ. Я ходилъ къ вамъ, какъ вы жили на фабрикѣ, до распространенія этихъ книжекъ за два года или больше; пили чай, но, я ничего отъ васъ не слыхалъ.—В. Я зналъ грамотѣ или нѣтъ?—О. Этого я не знаю.—В. Отъ брата не слыхали?—О. Ничего не говорилъ. Свид. Дарья *Скворцова* показала: Пріѣхалъ Петръ Алексѣевъ изъ Петербурга и приходитъ въ заведеніе, въ которомъ мы жили. Вызываетъ за ворота Н. Васильева. Онъ былъ занятъ дѣлами и послалъ меня; я вышла. Всѣ личности его знакомыхъ я знаю, но этого никогда не видала. Я стала спрашивать: какъ объ васъ сказать. Онъ говоритъ: „скажите, что Петръ Алексѣевъ изъ Петербурга пріѣхалъ“. Я сказала Н. Васильеву, а онъ говоритъ: „скажите, чтобы подождалъ меня въ трактирѣ“. Потомъ Н. Васильевъ пошелъ въ трактиръ. Такъ было время съ недѣлю,

или больше: то до обѣда, то послѣ обѣда уйдутъ. Я стала спрашивать, а они не сказывали, куда ходили. Я пошла въ трактиръ посмотрѣть и вижу ихъ—сидятъ; народу много. Я сказала Николаю Васильеву: вамъ нужно домой идти. Они пошли. Я спрашивала его: что вы прежде не ходили, а теперь стали ходить? Онъ сказалъ: „ты ничего не знаешь“. Я еще погодила. Потомъ онъ приходитъ и говоритъ: „поѣдемъ на квартиру“. Что мы, говорю, дѣлать будемъ? „У насъ, говоритъ, нахлѣбники будутъ; Петръ Алексѣевъ нахлѣбниковъ нашелъ“. Я сказала, что у насъ нѣтъ ничего, нужно все покупать. „Это, говоритъ, дѣло не наше“. Мы поѣхали на квартиру. Народъ, вижу, приходитъ одѣтый и хорошо, и плохо, а личности ихъ доказываютъ, что народъ хорошій, т.-е. лицомъ изъ благородныхъ. Я спросила разъ и два; они говорятъ: „если наши женщины пріѣдутъ, то ихъ пригласить“. Пріѣхала ихъ женщина, и я пригласила. Я спросила, гдѣ они живутъ, и она сказала, что на машинахъ. Потомъ другая пріѣхала, потомъ еще двѣ, такъ всего собралось семь женщинъ. Онѣ потомъ пошли искать на фабрикахъ мѣста. Съ фабрики приходили ко мнѣ, а все не сказываютъ ничего. Ходятъ, живутъ, а не говорятъ, что дѣлаютъ. Потомъ пріѣзжаетъ одинъ господинъ передъ масленицей и привозитъ онъ книгъ чемоданъ очень порядочный. Потомъ мнѣ говорятъ, нельзя ли ихъ убрать подальше, а я ничего не сказала. Потомъ я говорю П. Васильеву, что Ѳедоръ привезъ книгъ и велитъ убрать, а онъ отвѣтилъ: „скажи имъ, чтобы они увезли эти книги“. Пришелъ Михайло, и я ему сказала. Онъ разсердился на меня, взялъ и повезъ книги. Я все вижу, что что-то не такъ, а не знаю хорошенько. Въ пятницу на масленицѣ всѣ ушли, а я осталась одна. Мнѣ все хочется узнать. Пришелъ П. Васильевъ и одна дѣвушка, Маша. Я сказала, что съ Носовой фабрики приходилъ приказчикъ и спрашивалъ Машу и Пашу, и я ему сказала, что не знаю, когда вы будете дома. Они сейчасъ примѣтили, что это—шпіонъ, и потомъ переѣхали на другую квартиру. Намъ съ П. Васильевымъ кормиться стало нечѣмъ, и я говорю, поѣдемъ въ Лефортову часть. Мы поѣхали. Потомъ имъ бѣлье негдѣ было стирать, потому что костюмы были все разные. Они говорятъ Николаю: „не будетъ ли Дарья стирать“. Я согласилась, стирала и относила имъ бѣлье. Но они меня стали очень бояться и говорятъ: „мы будемъ сами носить бѣлье“. Я больше и не ходила. Потомъ они съ своей квартиры опять съѣхали. Когда П. Васильева забрали, я стала разузнавать, гдѣ онъ сидитъ. Пошла къ Николаевской машинѣ, они тамъ все жили. Вижу идетъ мужчина; я спросила его, гдѣ П. Васильевъ. „Его, говоритъ, взяли; поди въ жандармское управленіе, тамъ узнаешь“. Я была. Потомъ опять пошла къ вокзалу и вижу въ домѣ окна занавѣшены. Думаю, должно быть они тутъ, потому что они все занавѣшивали окна. Я постучала. Михайло выглянулъ. Что же, говорю, вы не скажете, что П. Васильева взяли. Онъ говоритъ: „тебѣ жалко, а намъ десять разъ жальчѣе. Онъ, говоритъ, въ жандармскомъ управленіи“. Я, говорю, была уже тамъ. Тутъ я у нихъ ночевала двѣ ночи. Они стали увязывать чемоданчики и разговариваютъ, чтобы я уходила. Такъ какъ мнѣ обидно показалось, то я пошла въ жандармское управленіе и доказала.—*Тов. об.-прок.* Кто обзаведеніе покупалъ?—Свид. *Скворцова.* Василій съ нами ходилъ.—В. На квартирѣ въ домѣ Костомарова кто у васъ жилъ?—О. Василій, Михайло, Ѳедоръ, Петръ Алексѣевъ; приходилъ и Иванъ Ивановичъ, небольшого роста; а женщины — Маша, Наташа, Ѳеклуша, Саша, Вѣра, Аннушка и Дуняша.—В. Разговоры ихъ васъ не поражали?—О. Мнѣ некогда было ихъ слушать; я по хозяйству занята.—В. Въ Бога они вѣрили?—О. Они Бога на небеси признавали, а только личность не признавали.—В. Говорили о томъ, чтобы уравнять богатыхъ и бѣдныхъ?—О. Былъ разговоръ, чтобы жили всѣ равно, а не могу сказать, какъ это будетъ, чтобы жили всѣ равно.—В. А былъ разговоръ о томъ: оставаться ли въ Москвѣ, или уѣхать?—О. По разнымъ мѣстамъ хотѣли разъѣхаться весной, когда будетъ потеплѣе.—В. Вы знаете Филата Егорова?—О. Тоже ходилъ къ нимъ на фатеру въ домѣ Костомарова.—В. Маша и Аннушка гдѣ работали?—О. Маша и Наташа работали у Носовыхъ, а Аннушка у Лазарева. Дуняша на Дѣвичьемъ полѣ, но не знаю, на какой фабрикѣ.—В. Отчего Дуняша оставила фабрику?—О. Не знаю. Тогда онѣ уже одинъ жили. Я пришла къ нимъ, а Дуняша лежитъ на постели! Я спрашиваю: что это вы? Она говоритъ: я совсѣмъ было попалась, но въ чемъ, не говорила.—Подс. *Джабадари.* Когда пріѣхалъ Алексѣевъ, до Рождества, или послѣ?—Свид. *Скворцова.* До Рождества.—В. Когда наняли квартиру у васъ?—О. Послѣ Рождества.—В. Когда же послѣ?—Я не знаю числа; скоро

послѣ Крещенія. Вы мѣсяцъ прожили на этой квартирѣ.—В. Когда же наняли квартиру: черезъ два дня или черезъ десять дней послѣ Рождества?—О. Я не помню теперь. Знаю только, что послѣ Рождества.—Подс. *Джабадари*. Я напираю на это потому, что въ то время я жилъ въ другомъ мѣстѣ. Можно спросить подсудимую Медвѣдеву?—*Первоприсутствующій*. Это совершенно не нужно въ виду того, что свидѣтельница не говоритъ положительно дня.—Подс. *Джабадари*. Значитъ, показаніе это не имѣетъ силы?—*Первоприсутствующій*. Это оцѣнитъ особое присутствіе.—Подс. *Джабадари*. Потомъ въ показаніи Скворцовой... она говоритъ, что Михайло купилъ мебель... Свид. *Скворцова*. Михайло давалъ деньги Василью, и онъ со мною ходилъ. Потомъ Михайло далъ и мнѣ самой въ руки пять рублей.—Подс. *Джабадари*. О чемъ тамъ говорили; о рѣзнѣ и бунтѣ говорили?—Свид. *Скворцова*. Это говорили.—В. А какъ же вы сейчасъ сказали, что только о Богѣ говорили и объ уравненіи?—О. И это говорили. Подсудимый сдѣлалъ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ, на что́ первоприсутствующій замѣтилъ, что вопросы подсудимаго указываютъ на его совершенное незнакомство съ судебными уставами.—Подс. *Джабадари*. До арестовъ видѣли Михаила Петрова?—Свид. *Скворцова*. Я не знала Петрова; онъ назывался Михайломъ, а отчества я не знала.—В. Послѣ того, какъ они отъ васъ скрылись, вы не встрѣчали кого-нибудь изъ нихъ?—О. Михайло приходилъ въ Лефортову разъ или два. Хохлушка бѣлье приносила.—Подс. *Джабадари*. Я свидѣтельницу признавалъ самъ, а въ обвинительномъ актѣ сказано, что я не признаю.—*Первоприсутствующій*. Вы теперь признаете?—Прис. пов. *Спасовичъ*. По закону я защитникъ Джабадари; но онъ самъ находилъ нужнымъ допрашивать свидѣтельницу. Позвольте мнѣ предложить ей нѣсколько вопросовъ (къ свидѣтельницѣ). Вы не имѣли участія въ ихъ разговорахъ и дѣлаете только свое заключеніе, что они ведутъ къ бунту?—Свид. *Скворцова*. Они говорили только между собою.—В. Такъ что вы только прислушивались; о бунтѣ была у нихъ рѣчь, они сговаривались?—О. Если бы я была ученая, то я лучше еще могла бы разсказать, а теперь не могу разсказать Говорили, чтобы у насъ не было Великаго Государя. Затѣмъ свидѣтельница, по распоряженію первоприсутствующаго, осмотрѣла подсудимыхъ и опознала тѣхъ, о которыхъ показывала, при чемъ въ отношеніи подсудимаго Баринова заявила, что онъ бывалъ у Васильева прежде и что „въ этой компаніи“ она его не считаетъ.—Подс. *Васильевъ*. Какъ я хотѣлъ снять квартиру?—Свид. *Скворцова* повторяетъ разсказъ вышеприведенный.—В. Не говорилъ ли я вамъ, что своимъ дѣломъ заниматься будемъ и пріискалъ квартиру для собственнаго своего дѣла?—О. Нѣтъ, не говорили.—В. Не говорилъ ли я, что тебя выучу за станкомъ работать?—О. Ничего этого не было.—Подс. *Чекоидзе* заявилъ, что онъ послѣ масленицы пріѣхалъ въ Москву и жилъ въ гостинницѣ Шевалдышева.—Прис. пов. *Спасовичъ*. Вы указали въ числѣ другихъ на Вѣру Любатовичъ. Она тоже хотѣла уѣхать весною?—Свид. *Скворцова*. Не слыхала.—В. Такъ что не можете сказать, всѣ ли они собирались ѣхать весною, или только нѣкоторые?—О. Не могу этого сказать.—Подс. *Чекоидзе*. Когда покупали мебель, былъ ли съ вами еще третій, Ѳедоръ?—Свид. *Скворцова*. Ѳедоръ покупать мебель не ходилъ, но при немъ Михайло давалъ деньги.—Подс. *Филатъ Егоровъ*. Къ кому я приходилъ?—Свид. *Скворцова*. Къ товарищамъ своимъ Михаилу и Ѳедору.—В. Почему вы знаете, что я зналъ Михайлу?—О. Я вижу—приходите, спрашиваете его, разговариваете съ нимъ.—Подс. *Чекоидзе*. Какъ же вы показали, что я приходилъ только обѣдать, а теперь говорите, что я жилъ у васъ и нанималъ квартиру?—Свид. *Скворцова*. Приходили обѣдать и ужинать, и ночевали.—В. Значитъ, жилъ?—О. Жили: у васъ было сто квартиръ. Придете, почуете одну ночь здѣсь, другую тамъ...—В. Вы говорите: сто квартиръ. Укажите хоть пять или двѣ, или одну.—О. Я видѣла васъ въ Красномъ Селѣ, когда приносила бѣлье.—Свид. *Щедринъ* (дворникъ дома Федорова) по предъявленіи подсудимыхъ опозналъ сначала Фетисова за жившаго въ этомъ домѣ Мудрова, а потомъ узналъ подсудимаго Лукашевича.—Свид. *Ѳедоръ Кузьминъ* показалъ, что у него на квартирѣ жилъ Василій Григорьевъ, къ которому раза два приходилъ товарищъ. Послѣ его ареста приходили къ нему какія-то двѣ дѣвушки. Ни Григорьева, ни товарища, ни дѣвушекъ свидѣтель въ числѣ подсудимыхъ признать не могъ.—Подс. *Георгіевскій*. Я самъ признаю свидѣтеля.—Подс. *Чекоидзе*. Вы видѣли меня?—Свид. *Кузьминъ*. Не могу признать.—Свид. *Иванъ Юрьевъ* показалъ, что служитъ на фабрикѣ Лазарева мастеромъ. Разъ пришли 2 дѣвушки и просили работы. Ихъ приняли. На другой—пришла только одна Аннушка и

принесла паспортъ. Ее опредѣлили въ отдѣлочное отдѣленіе, и она работала, какъ слѣдуетъ: „мирно, тихо“. Потомъ ее перевели въ другое отдѣленіе—полегче. Она работала три недѣли тамъ. Разъ ночью въ мужской спальнѣ она стала книжку читать. Пришелъ приказчикъ и говоритъ: „Зачѣмъ ты, Аннушка, здѣсь? Мужикамъ нужно вставать въ 4 часа утра; имъ нужно отдохнуть“. Прогналъ ее. На другой день утромъ Аннушка жаловалась хозяину, что приказчикъ дерется. Хозяинъ сказалъ, что не позволитъ драться. Но она сказала, что не хочетъ больше оставаться на фабрикѣ и просила разсчета. Въ это время въ контору пришелъ приказчикъ и разсказалъ, за что онъ ее прогналъ изъ мужской спальни. Ей дали разсчетъ, и она ушла. Недѣли черезъ полторы свидѣтель въ своемъ отдѣленіи замѣтилъ толпу рабочихъ, которые при его входѣ разошлись; остался только одинъ, который на вопросъ: что такое? сказалъ, что ничего. Свидѣтель вернулся назадъ и сталъ за дверь въ темномъ коридорѣ. Собралось человѣкъ двѣнадцать, и одинъ держалъ въ рукахъ книжку. Книжка эта оказалась „Хитрая механика“. Не умѣя читать, свидѣтель приказалъ одному почитать ему эту книжку. Отойдя къ окну, мужикъ сталъ читать. Я думалъ сначала, говоритъ свидѣтель, что онъ меня дурачитъ. Поэтому онъ перевернулъ нѣсколько листовъ и опять заставилъ читать. Видитъ, что опять не хорошо. Перевернулъ еще нѣсколько листовъ, и мужикъ еще прочелъ. Свидѣтель убѣдился, что мужикъ, значитъ, не вретъ, а читаетъ, что напечатано; тогда онъ спросилъ: откуда взяли книжку. Мужикъ сказалъ, что изъ другихъ отдѣленій. Свидѣтель замѣтилъ: Эта книга нехорошая. Эта книга бунтъ учиняетъ. Я сказалъ хозяину, молодому Лазареву, онъ смѣется, говоритъ: „мужикъ, должно быть, тебя дурачилъ“. Я сказалъ: три мѣста давалъ читать, и все не хорошо. Онъ сказалъ: „когда папаша пріѣдетъ, скажешь ему“. Но когда тотъ пріѣхалъ и приказалъ принести книжку, то ея не оказалось. Давали три рубля, но мужики сказали, что у нихъ книжку украли. Затѣмъ они объяснили, что Аннушка продавала эти книжки, кому за три, а кому за пять копѣекъ; знакомымъ давала даромъ. Хозяинъ сообщилъ о случившемся въ жандармское управленіе. Когда свидѣтель явился туда и увидѣлъ Аннушку, то спросилъ ее: Аннушка, какъ ты попала сюда?—„Я, говоритъ, тебя не знаю“.—Я сказалъ: какъ не знаешь; я пятьсотъ человѣкъ свидѣтелей поставлю; маленькія дѣти тебя знаютъ.—А она все говоритъ, что на фабрикѣ Лазарева не жила. По предъявленіи подсудимыхъ, свидѣтель узналъ Бардину. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня).

Свид. *Григорій Петровъ* показалъ, что служитъ приказчикомъ на фабрикѣ Лазарева. Аннушка жила на фабрикѣ пять недѣль. Когда онъ засталъ ее читающею книжку въ спальнѣ рабочихъ, то приказалъ ей уйти. Но она не слушалась, и онъ „вынужденъ былъ“ взять ее за руку и вывести. У рабочихъ были отобраны: „Хитрая механика“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Они говорили, что Аннушка дала имъ книжки въ трактирѣ. Свидѣтель призналъ подсудимую Бардину.—Свид. *Павелъ Игнатовъ* (рабочій фабрики Лазарева) показалъ: Когда мы жили на фабрикѣ Лазарева, тамъ жила Аннушка; читала у насъ въ спальнѣ книжки при огнѣ; когда пришелъ приказчикъ, свѣчьу погасили. Аннушка ушла, а книжки оставила на постели. Послѣ мы взяли ихъ и читали.—*Тов. оберъ-прок.* Какія книги читала вамъ Аннушка?—Свид. *Игнатовъ*. „О четырехъ братьяхъ“, „Хитрая механика“ и „Пѣсенникъ“—книгъ до шести было.—В. Она поясняла, когда читала?—О. Скажетъ, когда не поймешь.—В. Не осталось ли какой-нибудь книжки у васъ?—О. У меня „Пѣсенникъ“ остался. Я передалъ его хозяину.—Свид. *Никита Мухановъ* (управляющій фабрикою Посовыхъ) показалъ: 5-го февраля 1875 г. приходятъ двѣ дѣвушки и просятъ работы. По взгляду моему, онѣ къ работѣ были неспособны. Я имъ отказалъ. Они говорили, что не здѣшнія, что въ Москвѣ знакомства не имѣютъ и просили дать имъ работу. Я сказалъ, что считаю ихъ неспособными, что у насъ работа грязная, а вы одѣты чисто. Онѣ говорили, что мы не имѣемъ средствъ къ существованію. Я убѣдился ихъ просьбою и взялъ. Спросилъ паспорта, изъ которыхъ одна оказалась солдаткой Тамбовской губерніи Марья Петрова Краснова, а другая—Наталья Семенова Волкова, крестьянка Костромской губерніи. На другой день, 6-го февраля, онѣ вступили на работу. Черезъ недѣлю въ будни онѣ стали проситься со двора, а у насъ въ будни не имѣютъ права уходить безъ разрѣшенія конторы. Я сказалъ имъ: дайте ваши книжки, и отпустилъ ихъ на нѣсколько часовъ. Онѣ сказали, что имъ нужно сходить къ знакомымъ. Я говорю: какъ же вы, когда нанимались, говорили, что у васъ знакомыхъ нѣтъ. Онѣ говорили: „все-таки кто нибудь

найдется". Я подумалъ, что имъ не нравится у насъ работать и что онѣ хотятъ поискать другого мѣста. Я сказалъ: хорошо, сходите, только приходите къ 6-ти часамъ дня. Онѣ были въ ночной смѣнѣ. Онѣ отправились со двора и пришли аккуратно въ 6 часовъ. Я увидѣлъ ихъ исправность. Проходитъ еще двѣ недѣли. Это было въ воскресенье, когда народу не запрещается уходить куда угодно. Во вторникъ сторожъ отъ переднихъ воротъ приводитъ въ контору Наталью Семенову Волкову. По нашимъ правиламъ, кто не явился въ понедѣльникъ, то въ слѣдующіе дни недѣли приводится въ контору. Когда ее привели, я взялъ ея книжку, сдѣлалъ ей разсчетъ, паспортъ ей въ руки и за ворота. Вторая живетъ. Жила мѣсяцъ и 10 дней. Въ пятницу на масленицѣ она приходитъ и просится со двора. Я сказалъ, что у насъ въ пятницу еще работаютъ и что раньше завтрашняго дня идти со двора нельзя. На другой день она ушла и явилась въ среду на первой недѣлѣ. Сторожъ ее привелъ въ контору. Я радъ былъ, что она не во время явилась. Сейчасъ же ей разсчетъ, паспортъ и за ворота. На пятой или на шестой недѣлѣ меня предупредила полиція, что у насъ на фабрикѣ читаются какія-то книжки возмутительнаго содержанія. Я, ничего не зная, далъ слово, что приму мѣры разузнать. Пришелъ въ контору. Тутъ слухъ пронесся, что читаетъ книжки крестьянинъ Ефимъ Даниловъ. Я вызвалъ его и спросилъ: какія ты книжки читаешь?—„Я, говоритъ, никакихъ не читаю". Я захотѣлъ обыскать Данилова. Прошелъ въ спальню и велѣлъ ему отпереть сундукъ. Были тамъ книжки, но простыя: часословъ и другія. Я говорю: нѣтъ, не такая нужна книжка, а противозаконнаго содержанія.—„Нѣтъ, говоритъ, у меня". Потомъ слухъ прошелъ, что какую-то книжку сожгли. Узналъ, что это сторожъ Барышниковъ. Позвать его.—Сжегъ ты книжку?—„Сжегъ".—Какъ ты смѣлъ?—„Виноватъ, говоритъ, потому что скоро случилось: прибѣжалъ Даниловъ и говоритъ: сожги. Я и бросилъ въ печку." — Ты зналъ какая эта книжка, спрашиваю. — „Нѣтъ, говоритъ, не зналъ.". Я за Даниловымъ. Онъ сказалъ: „виноватъ, испугался." Я заявилъ объ этомъ полиціи. Затѣмъ 4-го апрѣля меня потребовали въ жандармское управленіе, гдѣ мнѣ показываютъ эту солдатку Краснову. Я призналъ и назвалъ ее. Ее спросили: „какъ васъ зовутъ?" Она такой отвѣтъ нехорошій сказала—говоритъ: „буквой А зовутъ". Потомъ ее увели прочь. Я разсказалъ все, какъ теперь, и составили актъ. Въ августѣ или сентябрѣ меня опять потребовали въ жандармское управленіе. Являюсь; меня пригласили сѣсть за общій столъ. Тутъ сидѣли генералъ, прокуроръ и какая-то барышня, разодѣтая отлично. Генералъ меня спрашиваетъ: „Не можете ли узнать, не жила ли эта барышня у васъ на фабрикѣ?" Мнѣ это странно показалось. Тогда она была одѣта простенько, хотя и отличалась отъ крестьянскаго быта; тогда же было замѣтно, что не простого званія. Удивительно, я подумалъ, а физіономія въ память врѣзалась. Тогда я думалъ: образованная, а просится въ такую грязную работу. Поэтому я очень запомнилъ личность этой Волковой. Осмотрѣвши ее хорошо, я сказалъ: да, она называлась Натальей Семеновой Волковой. Тогда она сказала: „нѣтъ я не крестьянка, я благородная". Дѣйствительно, говорю, похоже, что благородная, да у насъ то жила подъ именемъ крестьянки. Потомъ составили актъ. По осмотрѣ подсудимыхъ, свидѣтель указалъ на Ольгу Любатовичъ, по другой указать не могъ (то была Камипская, которой нѣтъ въ числѣ подсудимыхъ).—Свид. *Ефимъ Даниловъ* показалъ, что Марья Петровна, работница, до 3-хъ разъ приходила въ мужскую спальню и читала книжки: „Сказку о четырехъ братьяхъ", „Хитрую механику", „Чтой-то, братцы, какъ намъ тяжело живется"—и дала свидѣтелю „Хитрую механику". Когда у него сдѣлали обыскъ, онъ испугался, не зналъ, что дѣлать съ книжкой, и отдалъ ее сторожу, прося сжечь.—Свидѣтели: *Григорій Васильевъ* (помощникъ приказчика на фабрикѣ Гюбнера), *Прасковья Ѳедорова* и *Ольга Иванова* (работницы) показали, что на фабрикѣ жила работница Авдотья; ушла съ фабрики внезапно, оставивъ свой сундучекъ съ вещами, паспортъ и не получивъ разсчета. Всѣ трое указали на подсудимую Фигнеръ. Свид. *Аѳанасій Ермолаевъ* (рабочій на фабрикѣ Тюляевыхъ) показалъ, что подсудимый Егоровъ, познакомившись съ нимъ черезъ Акима Трофимова, пригласилъ его въ трактиръ чай пить и просилъ позвать еще кого-нибудь. Свидѣтель сказалъ, что знаетъ всѣхъ, на что Егоровъ сказалъ: „Зови; у меня денегъ на всѣхъ хватитъ". Свидѣтель набралъ человѣкъ пять, пошли въ трактиръ, напились чаю и вернулись въ заводъ. Еще раньше Егоровъ далъ свидѣтелю двѣ книжки. Потомъ въ одно изъ воскресеній онъ встрѣтилъ его, и пошли вмѣстѣ. Егоровъ зашелъ въ какой-то домъ, прося свидѣтеля подождать — онъ

дождался; Егоровъ вышелъ и позвалъ въ трактиръ, пришли его товарищи, напились чаю, и Егоровъ предложилъ взять у него книжекъ. „Дай, говоритъ, платочекъ, я книжекъ тебѣ дамъ". Я далъ платочекъ, пошли въ домъ; тамъ онъ сталъ давать мнѣ книжки и насовалъ въ карманы. Мнѣ идти съ книжками въ карманахъ было неспособно, я завязалъ ихъ въ платочекъ и принесъ на заводъ. Свидѣтель не зналъ, какія это были книжки. Но потомъ на заводѣ пошелъ разговоръ, что книжки неудобны. Онъ не зналъ, что съ ними дѣлать. Двѣ книжки сжегъ, а остальныя не успѣлъ, потому что „народъ сталъ вставать", и онъ снесъ ихъ на чердакъ и положилъ къ трубѣ, гдѣ впослѣдствіи, по его указанію, ихъ и нашли.—Свид. *Ефремъ Платоновъ* показалъ, что онъ изъ одной деревни съ Петромъ Алексѣевымъ, отъ котораго получилъ книжку „О крестьянскихъ выборахъ". Затѣмъ отъ товарища его, Егорова, получилъ „Сказку о четырехъ братьяхъ", „Хитрую механику" и „Пѣсенникъ".—Свид. *Аникъ Трофимовъ* подтвердилъ ссылку на него Ермолаева и, между прочимъ, показалъ, что Егоровъ пригласилъ обоихъ ихъ въ трактиръ и тамъ далъ имъ книжки. По выходѣ изъ трактира онъ сказалъ свидѣтелю: „смотри, читать вслухъ опасайся". Свидѣтель послѣ этого не зналъ, что дѣлать съ книжкой, и сжегъ ее. Недѣли черезъ двѣ, увидѣвшись съ Ермолаевымъ, взялъ у него еще одну книжку: посмотрѣлъ мѣстахъ въ двухъ, ничего хорошаго не понялъ, взялъ и сжегъ. Книжка была цвѣтомъ синенькая, подъ заглавіемъ „Степь Моздокская" и другая, желтенькая: „О братьяхъ". Это было до масленицы.—Свид. *Семенъ Зотовъ* ходилъ по приглашенію Ермолаева въ трактиръ чай пить. Тамъ видѣлъ неизвѣстнаго человѣка, „по виду не изъ русскихъ", который просилъ его разсказать, какъ онъ ѣздилъ въ Парву. Онъ сказалъ, что ѣздилъ: работать не работалъ, а только убытокъ себѣ получилъ. Человѣкъ этотъ заплатилъ за чай.—*Тов. оберъ-прок.* Можете теперь вы признать этого человѣка?—Свид. *Зотовъ*. Надо быть, что признаю. Мы его въ жандармскомъ управленіи свидѣтельствовали (указываетъ на подсудимаго Джабадари).—Свид. *Ѳаддей Игнатовъ* показалъ, что по приглашенію Ермолаева ходилъ въ трактиръ чай пить. Тамъ сидѣлъ въ приличной одежѣ неизвѣстный человѣкъ черной масти; курилъ табакъ; рѣчей съ нимъ не производили; онъ потчевалъ только папиросами.—Прис. пов. *Спасовичъ*. Чѣмъ угощалъ васъ онъ?—Свид. *Игнатовъ*. Угощенья не было, а деньги отдавалъ этотъ черный человѣкъ (осматриваетъ подсудимыхъ и указываетъ на Джабадари).—Свид. *Осипъ Павловъ* показалъ: Мнѣ Тимоѳей Васильевъ книжку далъ и говоритъ, что ему Пафнутъ Николаевъ далъ почитать. Я сказалъ: положи до праздника. По въ то время приказчикъ у насъ ее отобралъ и насъ предоставили въ полицію.—*Тов. оберъ-прок.* Какое названіе книжки было?—Свид. *Павловъ*. Не могу упомнить. Прис. пов. *Бардовскій*. Не говорилъ вамъ Тимоѳей Васильевъ, чтобы остерегаться съ этой книжкой?—Свид. *Павловъ*. Не слыхалъ.—Свид. Тимоѳей *Васильевъ* показалъ, что получилъ книжку отъ Николаева, и такъ какъ самъ онъ грамотѣ не знаетъ, то предлагалъ ее почитать Павлову. Книжка называлась „Хитрая механика". Николаевъ скрылся съ завода безъ разсчета. Книжки хранились у него въ сундукѣ, откуда онъ и досталъ свидѣтелю книжку.—Подс. *Николаевъ*. Я книгъ вамъ не давалъ. Онѣ лежали на окнѣ, и я даже не могъ знать, когда ихъ брали.—Свид. *Васильевъ*. Нѣтъ, онъ мнѣ изъ сундука далъ. —Подс. *Николаевъ*. Я далъ бы тому, который грамотенъ.—Свид. *Васильевъ*. Вы дали мнѣ, такъ какъ мы земляки.—Подс. *Николаевъ*. Странное дѣло: зачѣмъ вы взяли, когда не грамотны.—Свид. *Васильевъ*. Подъ праздники мы читаемъ сказки, чтобы скуку разогнать.—Свид. *Власъ Алексѣевъ* (братъ подсудимаго) показалъ, что у него были двѣ книжки братниныхъ и что была еще книжка, которую ему встрѣтилось купить, но оказалось, что она „значитъ намъ неугодна, и я ее прекратилъ—сожегъ".—Свид. *Миронъ Емельяновъ* показалъ: Тотъ человѣкъ, который книжки давалъ, сперва съ братомъ моимъ, а потомъ съ братниннымъ зятемъ пріѣзжалъ въ деревню. Далъ книжекъ пять, въ родѣ сказокъ.—*Первоприсутствующій*. Вы грамотны?—Свид. *Емельяновъ*. Нѣтъ. У свидѣтеля товарищъ былъ грамотный и для него онъ взялъ книжки; названія ихъ не помнитъ, но это были тѣ самыя, которыя онъ отдалъ при обыскѣ. Человѣкъ этотъ (подсудимый Егоровъ) пріѣзжалъ два раза. Когда ночевалъ, то читалъ какую-то нехорошую книжку. — Подс. *Егоровъ* заявилъ, что свидѣтеля знаетъ.—Прочитанъ былъ протоколъ обыска, произведеннаго по указанію Дарьи Скворцовой въ домѣ Корсакъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что тамъ застали семерыхъ мужчинъ и двухъ женщинъ; при нихъ найдены деньги,

паспорты, письма, разныя записки и другія вещи въ чемоданахъ и узлахъ. Затѣмъ другой протоколъ обыска, въ домѣ Ѳедоровой, гдѣ проживалъ подсудимый Агаповъ вмѣстѣ съ Лукашевичемъ, удостовѣряетъ, что по указанію Агапова на чердакѣ дома найдены разныя книжки преступнаго содержанія, принадлежавшія, по заявленію Агапова, жившему съ нимъ вмѣстѣ Степанову. Всѣ эти книжки, записки, письма и паспорты были предъявлены сторонамъ и подсудимымъ. Подс. *Агаповъ* призналъ книжки за тѣ самыя, которыя найдены въ домѣ Ѳедоровой. Подс. *Лукашевичъ* заявилъ, что книжки тѣ самыя, которыя ему предъявляли въ жандармскомъ управленіи. Паспортъ тотъ самый, съ которымъ онъ жилъ въ домѣ Ѳедоровой. Наконецъ, разсчетная тетрадь та самая, по которой онъ работалъ на заводѣ. Прис. пов. *Бардовскій* просилъ обратить вниманіе, что подсудимый Барминовъ при первомъ же допросѣ указалъ свое мѣсто жительства и гдѣ работалъ. По просьбѣ подсудимаго *Джабадари* прочитано постановленіе жандармскаго управленія о производствѣ обыска въ домѣ Корсакъ.—Подс. *Джабадари*. Дѣло въ томъ, что я обвиняюсь въ укрывательствѣ своей фамиліи, между тѣмъ, я не имѣлъ никакого на то намѣренія и мотивировалъ свой отказъ сказать фамилію тѣмъ, что мнѣ не было предъявлено постановленія о производствѣ обыска. Я пришелъ 3-го апрѣля на квартиру Бардиной въ домѣ Корсакъ съ цѣлью взять у нея денегъ на дорогу, такъ какъ я отправлялся съ Чекоидзе на Кавказъ. Въ 6 часовъ вечера насъ застали тамъ жандармы и городовые. Ихъ было чрезвычайно много, и на вопросъ, что нужно, они сказали, чтобы мы не безпокоились. Я заявилъ, что вы представляете власть и силу, но я не позволю, чтобы меня арестовали безъ постановленія прокурорскаго надзора и жандармской власти. Поручикъ замѣтилъ, что такого постановленія не полагается и что они могутъ арестовать насъ, когда угодно. Я напиралъ на этомъ постановленіи и говорилъ, что хотя я невѣжда въ знаніи законовъ, но что это есть первая гарантія, что должны представить прокурорское постановленіе. Тутъ произошла сцена, не совсѣмъ пріятная для насъ и для нихъ, такъ что мы пріостановили арестъ до полуночи, когда пріѣхалъ генералъ Воейковъ, который былъ недоволенъ, что мы протестовали противъ ареста, и на этомъ основаніи были поломаны двери и нанесено оскорбленіе многимъ...—*Первоприсутствующій*. Вы прокурорскому надзору объ этомъ заявляли?—Подс. *Джабадари*. Заявлялъ товарищу прокурора Кларку.—В. Письменно?—О. Нѣтъ, на словахъ. Изъ моего показанія видно, что я мотивировалъ свой отказъ сказать фамилію непредъявленіемъ мнѣ прокурорскаго постановленія. Но когда насъ привезли въ жандармское управленіе и я убѣдился, что нахожусь тамъ, и что взявшіе насъ жандармы не переодѣтыя личности, я сейчасъ же сказалъ свою фамилію и званіе, и что живу въ номерахъ Келлера, а въ квартирѣ Бардиной былъ въ гостяхъ.—Подс. *Лукашевичъ*. Въ обвинительномъ актѣ вкралась маленькая ошибка въ отношеніи причины, по которой я явился въ домъ Корсакъ. Тамъ сказано, что я пришелъ къ Павлову для полученія столярной работы. Дѣйствительно, я такъ показалъ, но это было тогда, когда я назывался Ивановымъ, а потомъ я сказалъ свою настоящую фамилію.—Подс. *Алексѣевъ*. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто бы я приглашенъ былъ на квартиру въ домъ Корсакъ ночевать....—*Тов. оберъ-прок.* Я имѣю честь заявить особому присутствію, что въ обвинительномъ актѣ дѣйствительно сказано: „ночевать“. Это ошибка. Алексѣевъ утверждалъ при дознаніи, что онъ приходилъ нанимать квартиру.—Подс. *Чекоидзе*. Въ теченіе всего времени отъ самаго ареста я просилъ предъявить мнѣ обвиненіе, но мнѣ оно не было предъявлено. Только 23 декабря, при заключеніи дознанія, мнѣ было предъявлено, что я обвиняюсь въ соучастіи въ тайномъ обществѣ. Тогда я подписалъ свою настоящую фамилію.—*Первоприсутствующій*. Васъ на дознаніи не допрашивали о чемъ-нибудь?—Подс. *Чекоидзе*. Допрашивали только фамилію сказать; предъявляли меня рабочимъ, но они отъ меня отказались, за исключеніемъ Скворцовой, которая сказала, что я приходилъ къ ней на квартиру. Между тѣмъ, постановлено было, что я содержусь подъ стражею за упорное молчаніе. По поводу предъявленія книжекъ, отобранныхъ у подсудимаго Алексѣева, прис. пов *Ольхинъ* заявилъ, что въ цѣлой пачкѣ этихъ книгъ оказывается только два экземпляра запрещенныхъ, а затѣмъ идутъ „Степные очерки“ Левитова, „Крестьянскіе выборы“, „Сила солому ломитъ“ и другія тому подобныя. Хотя эти сочиненія очень часто встрѣчаются въ дѣлахъ, подобныхъ настоящему, но ни одна изъ этихъ книгъ не издана помимо цензуры. Впослѣдствіи на нѣкоторыя изъ этихъ книжекъ обращено было вниманіе,

но онѣ не могутъ быть причислены къ преступнымъ.—*Тов. оберъ-прок.* замѣтилъ, что распространіе этихъ книгъ и не ставится въ вину подсудимымъ.—Подс. *Георгіевскій.* Паспортъ, который у меня нашли, дѣйствительно мнѣ принадлежалъ. Я хотѣлъ съ нимъ поступить на работу, потому что по своимъ документамъ я не имѣлъ возможности получить работу. Дѣло въ томъ, что на свидѣтельствѣ о принадлежности моей къ духовному званію, несмотря на то, что это свидѣтельство выдается навсегда, написано, что я былъ студентомъ. Такимъ образомъ меня сдѣлали вѣчнымъ студентомъ, и я не могъ съ этимъ видомъ найти работы. Назвался же подложнымъ именемъ потому, что я совершенно не думалъ, чтобы меня обвиняли въ какомъ-нибудь сообществѣ, потому что противъ меня никакого преслѣдованія не было, и до полученія обвинительнаго акта я не думалъ, чтобы я былъ причисленъ къ сообществу.—*Первоприсутствующій.* Но вѣдь вы были допрашиваемы при дознаніи по извѣстному обвиненію и вамъ предъявляли постановленіе о заключеніи васъ подъ стражу, а въ этомъ постановленіи всегда указываются тѣ статьи закона, по которымъ лицо обвиняется.—Подс. *Георгіевскій.* Мнѣ ни разу не заявляли, чтобы я обвинялся въ соучастіи въ сообществѣ. — Подс. *Николаевъ.* Я книжку получилъ отъ Павлова. Познакомился съ нимъ въ трактирѣ. Онъ сказалъ мнѣ адресъ своей квартиры. Когда я скрылся, то пришелъ къ нему на квартиру.—*Первоприсутствующій.* Почему же вы скрылись?—Подс. *Николаевъ.* Я зналъ, что сдѣлали обыскъ —Предъявлена справка о томъ, что Евгенія Субботина нанята 3-го апрѣля въ гостинницѣ Рудпева въ Москвѣ 120-й номеръ, отдала деньги за мѣсяцъ впередъ, но въ тотъ же день ушла и болѣе не возвращалась.—Подсудимая *Субботина* (*Евгенія*) заявила, что она жила въ номерѣ этой гостинницы, но не въ 120-мъ номерѣ, а въ другомъ.—Подсудимая *Субботина* (*Марья*) заявила, что она приходила въ нумера къ сестрѣ и ночевала у нея.—Подс. *Лукашевичъ.* Сначала я занимался перепискою, но эта работа крайне невыгодна и непостоянна. Поэтому я рѣшился воспользоваться моимъ знаніемъ слесарнаго мастерства, пріобрѣтеннымъ въ технологическомъ институтѣ, и искать работы по этой части на фабрикѣ. Будучи студентомъ, я не могъ найти такого мѣста и поэтому принужденъ былъ воспользоваться подложнымъ паспортомъ; и дѣйствительно, съ этимъ паспортомъ жилъ въ домѣ Ѳедоровой. Затѣмъ были найдены книжки, которыя здѣсь были мнѣ предъявлены; но обыскъ былъ произведенъ безъ меня, въ присутствіи Агапова, который самъ указалъ на эти книжки. Я же увидѣлъ ихъ первый разъ только въ жандармскомъ управленіи. Поэтому я желаю спросить подсудимаго Агапова, подтверждаетъ ли онъ прежній свой оговоръ, что эти книжки мои?—Подс. *Агаповъ.* Оговоръ этотъ я совершенно отрицаю. Бумаги масляныя и съ надписями принадлежатъ мнѣ, но откуда получены, я не желаю показать. Книги же принадлежатъ Лукашевичу.—Подс. *Бардина.* Я отказываюсь отъ прежнихъ показаній по отношенію Джабадари и Чекондзе. Я познакомилась съ ними лѣтомъ 1874 года за границей. За недѣлю до ареста я встрѣтилась съ Джабадари въ Москвѣ на улицѣ и дала свой адресъ. Они были у меня нѣсколько разъ просить денегъ взаймы на дорогу. Я сказала, что въ настоящее время нѣтъ, но что должна получить и просила зайти. Относительно другихъ подсудимыхъ я подтверждаю ихъ показанія. Потомъ въ обвинительномъ актѣ есть маленькая ошибка: сказано, что я пріѣхала въ Москву съ Павловымъ, между тѣмъ, я на дознаніи показала, что встрѣтила Павлова только за три дня до ареста.—Подс. *Джабадари.* Такъ какъ первая группа кончается, и я узнаю изъ свидѣтельскихъ показаній, что меня нельзя обвинять ни въ распространеніи книгъ, ни въ пропагандѣ, потому что даже свидѣтели подтверждаютъ мое показаніе, то поэтому я считаю нужнымъ объяснить, какимъ образомъ я былъ знакомъ съ рабочими. Я не отрицаю, что меня могли знать Зотовъ, Игнатовъ и другіе, на томъ основаніи, какъ я съ перваго раза показалъ, что ходилъ въ Сыромятники вмѣстѣ съ хозяиномъ квартиры, Васильевымъ, у котораго жилъ въ Красномъ-Селѣ. Между тѣмъ, я обвиняюсь въ томъ, что пропагандировалъ революціонныя идеи и распространялъ книжки. Я признаю, что ходилъ на квартиру въ Сыромятники, и очень можетъ быть, что на этой квартирѣ меня знали многіе изъ рабочихъ, но они ничего не показываютъ, чтобы я говорилъ съ ними что-нибудь. Они говорятъ только, что сидѣлъ съ ними въ трактирѣ и курилъ папиросы, но не говорятъ, чтобы я пропагандировалъ или давалъ книги. Я былъ проѣздомъ въ Москвѣ и долго жить не хотѣлъ. Думалъ поступить въ Московскій университетъ, но раздумалъ, и ожидалъ выѣзда, но денежныя обстоятельства

не позволяли. Отъ Бардиной я долженъ былъ получить 60 руб. Я получилъ письмо отъ отца, который требовалъ, чтобы я скорѣе оставилъ Москву; 3-го апрѣля, когда я хотѣлъ выѣхать, меня арестовали.—Подс. *Субботина (Евгенія)* заявила, что она два мѣсяца жила безъ паспорта, потому что онъ находился въ жандармскомъ управленіи, а свидѣтельства ея не хотѣли прописывать. Она просила возвратить паспортъ, но ей не возвращали. На этомъ *Первоприсутствующій* объявилъ судебное слѣдствіе по первой группѣ оконченнымъ. Защита представила списки документовъ, почерки которыхъ желала провѣрить черезъ вызванныхъ по ея ходатайству въ судъ экспертовъ. Обвинитель просилъ нѣсколько минутъ времени для разсмотрѣнія этихъ списковъ и по возобновленіи засѣданія далъ заключеніе. Защита частью настаивала на сличеніи указанныхъ ею документовъ и частью измѣнила прежнее указаніе на извѣстные документы. Подс. *Здановичъ* заявилъ: Такъ какъ прокурорскій надзоръ требуетъ, чтобы почеркъ документовъ, приписываемыхъ мнѣ, былъ сличенъ съ показаніемъ, которое я самъ писалъ, то, чтобы не ввести экспертовъ въ заблужденіе, я заявляю, что всѣ мои показанія писаны фальшивою рукою, т.-е. я перемѣнялъ почеркъ во время написанія показаній. Затѣмъ онъ признался, что „Программа революціонной дѣятельности“ писана его рукою. *Первоприсутствующій* объявилъ, что постановленіе особаго присутствія, по ходатайству защиты о сличеніи почерковъ, въ виду многочисленности указанныхъ документовъ, будетъ объявлено на слѣдующій день, и что особое присутствіе въ настоящее время приступитъ къ производству слѣдствія по второй группѣ. Затѣмъ прочтенъ протоколъ объ арестѣ и обыскѣ въ Иваново-Вознесенскѣ. Сущность его изложена въ обвинительномъ актѣ и, кромѣ этого, въ немъ еще значится, что обыскъ въ квартирѣ подсудимыхъ и составленіе протокола были пріостановлены вслѣдствіе того, что противъ дома собралась значительная толпа народа, заставившая власти усомниться въ сохраненіи порядка, арестованныхъ лицъ и вещественныхъ доказательствъ; къ тому же явился хозяинъ дома, Кисинъ, въ нетрезвомъ состояніи и, когда его вывели, онъ вошелъ въ средину толпы, „сталъ разсуждать и толпа стала прибывать“. Поэтому арестованные были отправлены подъ стражу, а вещественныя доказательства опечатаны и перенесены въ полицейское управленіе. Наконецъ, сказано, что вслѣдствіе буйства и для усмиренія ткача Николаева ему связали руки, причемъ у одного жандарма оказался укушеннымъ палецъ. Этотъ протоколъ ткачи и ткачихи подписать отказались.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Агаповъ, въ прочитанномъ протоколѣ встрѣчается ваша фамилія. Не желаете ли поэтому объяснить что-либо, напримѣръ, какимъ образомъ вы попали въ Иваново-Вознесенскъ, когда уже были задержаны въ Москвѣ, въ домѣ Корсакъ?—Подс. *Агаповъ.* Послѣ освобожденія изъ-подъ стражи, я отправился въ Иваново-Вознесенскъ на пропаганду.—В. Въ чемъ должна была заключаться пропаганда?—О. Устная пропаганда и распространеніе книгъ.—В. Вы по собственному побужденію это сдѣлали?—О. По собственному.—В. Почему же вы пришли въ домъ Кисина?—О. Я съ Владиміромъ Александровымъ встрѣтился на станціи Ковки, и мы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали и отыскали квартиру.—В. Долго пробыли въ этой квартирѣ?—О. Мѣсяца два.—В. Какимъ образомъ вы пропагандировали?—О. Знакомился съ рабочими, говорилъ, читалъ книги.—В. Какія книги?—О. Вообще революціонныя, онѣ извѣстны.—В. Вы это дѣлали одинъ или съ другими?—О. Иногда вмѣстѣ съ Александровымъ; но болѣе ни съ кѣмъ.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Владиміръ Александровъ, что вы имѣете сказать?—Подс. *Влад. Александровъ.* Я ничего не желаю говорить. Я не отрицаю, что распространялъ революціонныя идеи посредствомъ устной пропаганды и книгъ, но не желаю давать объясненій, такъ какъ дѣйствовалъ по своему убѣжденію.—По просьбѣ защиты былъ спрошенъ свидѣтель *Барановъ*, который показалъ, что братъ его пришелъ въ деревню около 20 августа и пробылъ три недѣли. Говорилъ, что былъ въ Москвѣ, а говорилъ ли, что былъ въ Иваново-Вознесенскѣ, свидѣтель не помнитъ. (За симъ всѣ свидѣтели первой группы были отпущены совсѣмъ, и засѣданіе прервано до 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія въ залу были приглашены эксперты. Первоприсутствующій прочелъ постановленіе особаго присутствія. Затѣмъ документы для сличенія почерковъ были вручены экспертамъ, и они удалились въ особую комнату. Свид. *Нилъ Литвиновъ* показалъ, что „Сказку о четырехъ братьяхъ“ онъ получилъ черезъ мальчика Зобаева,

который занимался у него въ конторѣ писцомъ. Свидѣтель тотчасъ же далъ знать Зубкову, который на второй или третій день пріѣхалъ, и началось слѣдствіе. Зобаеву передалъ книжку Трухинъ. „Я прочиталъ—сказалъ свидѣтель—въ газетахъ, что какой-то господинъ хотѣлъ отправиться въ Иваново Вознесенскъ съ подобнымъ порученіемъ, и сталъ слѣдить за появленіемъ запрещенныхъ книгъ на фабрикѣ“.—Свид. *Тимовей Буровъ* показалъ, что кумъ его, Широковъ, училъ ткать одну женщину, которая пригласила его къ себѣ въ гости и просила, чтобы онъ, Широковъ, приводилъ къ ней своихъ родственниковъ или хорошихъ знакомыхъ. Ихъ попотчевали чайкомъ. Свидѣтель увидѣлъ на окнѣ книжку и сталъ ее смотрѣть. Одинъ изъ бывшихъ въ квартирѣ мужчинъ спросилъ: „грамотѣ знаешь?“ — Знаю, говорю. — „Это, говоритъ, книжка пустяшная, а вотъ возьми „Сказку о четырехъ братьяхъ“. — „У меня на фабрикѣ отобрали книжку, и меня представили въ полицію“. Въ полиціи свидѣтель разсказалъ, откуда взялъ книжку и указалъ квартиру пропагандистовъ. Книжку далъ ему Иванъ Петровъ. Тамъ жилъ еще Николай и четыре женщины, которыя одѣвались просто „по рабочему“. Свидѣтель былъ подъ арестомъ съ недѣлю. Въ первое посѣщеніе свидѣтель былъ въ домѣ Бурылина, а во второе—въ домѣ Кисина; книжку получилъ дня за два или за три до Спаса Преображенія. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ: Екатерину Гамкрелидзе, Барипова, Александрова и другихъ, которыхъ видѣлъ въ Ивановѣ.—Подс. *Вл. Александровъ.* Буровъ сначала сказалъ въ полиціи, что купилъ книжку на базарѣ, а когда былъ подъ строгимъ арестомъ, онъ показалъ, что ему дали.—*Первоприсутствующій.* Здѣсь свидѣтель далъ показаніе подъ присягою.— На вопросы защиты свид. *Буровъ* показалъ, что при обыскѣ присутствовалъ; протоколъ подписывалъ у полиціймейстера въ домѣ, кажется, на другой день обыска. Толпу передъ домомъ Кисина не замѣтилъ.—Подс. *Фигнеръ* заявила, что свидѣтель улицу видѣть не могъ, потому что сидѣлъ въ задней комнатѣ.—Подс. *Вл. Александровъ.* Въ обвинительномъ актѣ сказано только, что при помощи жандармовъ былъ возстановленъ порядокъ при обыскѣ. Но дѣло было такъ: когда я пришелъ на квартиру въ домъ Кисина, которая была нанята на мое имя, я нашелъ тамъ полиціймейстера Успенскаго, его помощника и 8 человѣкъ жандармовъ. Когда я спросилъ, что имъ нужно, то полиціймейстеръ кричалъ на меня и велѣлъ раздѣваться, говоря, что нужно обыскать. Я просилъ показать предписаніе прокурора, но онъ сказалъ, что это не полагается. На ихъ сторонѣ была сила, и я далъ себя обыскать, послѣ чего сѣлъ въ углу. Въ это время Александрова хотѣла уничтожить какую-то записку, но на нее бросились два жандарма и стали душить за горло, такъ что языкъ высунулся. Я бросился на нихъ и отбилъ ее. Но на меня напали 6 жандармовъ, побили и связали, а потомъ еще въ сѣняхъ били.—*Первоприсутствующій.* Вы, значитъ, подтверждаете то, что изложено въ протоколѣ.—Подс. *Фигнеръ.* Я хочу указать на противозаконныя дѣйствія полиціймейстера Успенскаго. Протоколъ составленъ не на мѣстѣ обыска и не сейчасъ послѣ него: спустя часовъ 6 или 7 онъ сталъ составлять протоколъ, послѣ того, какъ насъ привели въ полицію. Я была свидѣтельницею спора между полиціймейстеромъ и его помощникомъ относительно того, гдѣ найденъ былъ кошелекъ съ шифрами. Полиціймейстеръ говорилъ, что у меня въ карманѣ, а помощникъ отрицалъ это, и я отрицала. Теперь я нахожу показаніе унтеръ-офицера, что я достала кошелекъ изъ кармана, между тѣмъ, я достала его изъ стола. Я не отрицаю, что кошелекъ принадлежитъ мнѣ, а это показаніе жандарма для меня ново. Вѣроятно, протоколъ составленъ не въ одномъ экземплярѣ, потому что въ томъ протоколѣ, который тогда составляли, этого показанія не было. Изъ прочитаннаго показанія *Кузьмы Семенова*, между прочимъ, видно, что подсудимый Агаповъ, поступивъ на фабрику ткачемъ, ткать совсѣмъ не умѣлъ и учился у свидѣтеля. Онъ приходилъ къ нему въ гости; разъ получилъ отъ него листокъ „Чтой-то, братцы“, который онъ прочиталъ и отдалъ назадъ. Потомъ получилъ еще „Сказку“; прочиталъ, но не могъ понять и далъ ее прочитать Аѳанасію, „такъ какъ онъ хорошо знаетъ по-божественному“. Аѳанасій сказалъ, что тутъ все пустое. Свидѣтель возвратилъ сказку Семену (Агапову). Потомъ Семенъ и Николай читали „Хитрую механику“ и „Богъ да Богъ“. „Въ ней ругали купцовъ—книга пустая, и я пересталъ къ нимъ ходить“.—Свид. *Михаилъ Широковъ* показалъ, что училъ одну дѣвицу ткать; она его пригласила къ себѣ въ гости и просила приводить съ собой другихъ. Онъ сходилъ. Тамъ его „чайкомъ угостили и водочки под-

несли". Потомъ онъ былъ съ Буровымъ, при чемъ повторилъ показаніе Бурова относительно полученія книжки.—Свид. *Аванасій Андреевъ* показалъ, что съ нимъ на фабрикѣ работалъ Иванъ Петровъ, которому онъ помогалъ. Былъ у него въ гостяхъ и видѣлъ тамъ Николая и трехъ женщинъ. Былъ по приглашенію дѣвицы, которая звала чайку попить. Кузьма Семеновъ давалъ свидѣтелю читать книжку, которую онъ возвратилъ Семенову.—Подс. *Вл. Александровъ*. Я признаю этого свидѣтеля.—Свид. *Егоръ Борисовъ* показалъ, что разъ къ нимъ въ комнату, на фабрикѣ Лопатина, Василій Ильичевъ принесъ книжку и сказалъ: „Огъ скуки почитайте, книжка очень любопытная". Свидѣтель не обратилъ на нее вниманія, и она цѣлую недѣлю валялась на окнѣ.—Свид. *Василій Ильичевъ* показалъ, что съ нимъ на фабрикѣ Лопатина жилъ человѣкъ, называвшійся „Евстратіемъ Николаевымъ". Разъ онъ увидалъ у него книжку „Очерки рабочей жизни" и попросилъ почитать. Онъ далъ. „Потомъ мнѣ пришлось, сказалъ свидѣтель, въ одномъ отдѣленіи съ нимъ работать. Между работой разговорку завели. Я спросилъ, кто онъ и откуда. Онъ говоритъ: „Тульской губерніи мѣщанинъ". Я сказалъ, что далеко заѣхалъ работать въ Иваново, въ Москвѣ ближе и лучше. — „Ну, говоритъ, вездѣ испробовать надо. Однако, говоритъ, въ Москвѣ рабочіе стали поправляться". — Чѣмъ, спрашиваю? — „А вотъ, говоритъ, есть книжки такія; они читаютъ, дѣлаютъ стачки: бросятъ работу и станутъ требовать уменьшенія часовъ работы и прибавки жалованья. Если угодно, я, говоритъ, покажу такую книжку." — Я сказалъ: покажи. — Онъ принесъ двѣ книжки: „Четырехъ братьевъ" и „Исторію французскаго крестьянина". „О четырехъ братьяхъ" я прочиталъ, а другую отдалъ Егору Борисову. Потомъ я ушелъ на праздникъ въ деревню; мнѣ вышло другое мѣсто въ Ивановѣ, я больше не вернулся и ихъ не видалъ.—*Тов. оберъ-прокурора* просилъ прочитать показаніе отсутствующаго свидѣтеля Жарковскаго. Прис. пов. *Ольхинъ и Боровиковскій* просили не читать этого показанія. Особое присутствіе, принимая во вниманіе, что всѣ документы, находящіеся въ производствѣ, подлежатъ разсмотрѣнію особаго присутствія; что въ силу этого вопросъ о прочтеніи показанія отсутствующаго свидѣтеля имѣетъ особое значеніе только на судѣ съ присяжными засѣдателями, и что прочтеніе показанія Жарковскаго дастъ возможность защитѣ и подсудимымъ представить суду, если они то найдутъ нужнымъ, свои возраженія по поводу этого показанія, постановило: прочесть показаніе Жарковскаго. Вслѣдствіе этого прочитано слѣдующее показаніе *Жарковскаго*: „Ѳедоръ Михайловъ Жарковскій, иваново-вознесенскій мѣщанинъ, 20-ти лѣтъ, православный, грамотный, холостой, проживаю въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ и въ послѣднее время мѣсяцевъ шесть занимался въ депо желѣзной дороги помощникомъ слесаря, куда поступилъ 1 февраля текущаго года, а недѣли за полторы или за двѣ до этого числа я прибылъ изъ Владиміра, гдѣ содержался въ тюрьмѣ по дѣлу Шрейдера. Недѣли за четыре до нынѣшняго дня, я однажды пришелъ въ трактиръ Бутова, находящійся въ г. Иваново Вознесенскѣ, и пилъ пиво. Когда я за столомъ въ трактирѣ Бутова сидѣлъ и пилъ пиво, то за другой столъ сѣлъ неизвѣстный мнѣ дотолѣ Агаповъ, который предложилъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ выпить пива. Я не старался догадаться, зачѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ желаетъ меня угощать; выпили мы съ нимъ три бутылки пива и онъ меня спрашивалъ, кто я и гдѣ работаю. что я ему и объяснилъ, и въ свою очередь я узналъ отъ него, что онъ пріѣзжій изъ Москвы Семенъ Ивановъ Агаповъ, пріѣхалъ въ Иваново-Вознесенскъ мѣсяца два или три, работалъ на заводѣ у Шипова молотобойцемъ, а теперь пріискиваетъ мѣсто. Въ это первое свиданіе я не разсказывалъ Агапову, что сидѣлъ въ острогѣ. Выпивши три бутылки пива, мы потомъ еще употребляли какое-то вино, и я сдѣлался такъ сильно пьянъ, что поѣхалъ прямо домой на извозчикѣ, а Агаповъ остался. Въ это свиданіе Агаповъ только говорилъ, что когда-нибудь увидимся, но меня въ гости къ себѣ не приглашалъ и не разсказывалъ, гдѣ онъ квартируетъ. Точно также въ этотъ разъ онъ мнѣ не объяснилъ, есть ли у него пріѣхавшіе съ нимъ товарищи и почему онъ пріѣхалъ для работы изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ. На другой день, или дня черезъ два, я шелъ съ работы домой, и когда я проходилъ мимо дома Кисина, то Агаповъ закричалъ мнѣ въ окно, чтобы я зашелъ къ нему на новоселье. Это было въ 6 часовъ вечера, и я, не заходя къ Агапову, отправился сперва къ себѣ домой, гдѣ пробылъ съ полчаса только, переодѣлся и пошелъ къ Агапову. Въ квартирѣ его я увидалъ самого Агапова, другого мужчину, который называется Николаемъ

или Николаевымъ и третьяго, мнѣ неизвѣстнаго мужчину, лѣтъ 30-ти, ростомъ выше Агапова, т.-е. средняго роста; одѣтъ этотъ неизвѣстный былъ въ ситцевой рубашкѣ, не помню какого цвѣта, и жилетъ; полагаю, что онъ изъ простого сословія, но рѣчь смахивала на московскую, съ черной бородой; тутъ же была одна женщина рыжеватая, которую называли Анной. Всѣ они сидѣли, пили чай и на столѣ стояла бутылка водки. Агаповъ пригласилъ меня пить чай, и тутъ я узналъ, что одного изъ мужчинъ зовутъ Николаемъ. Въ этотъ разъ я у Агапова былъ недолго и никакихъ особенныхъ разговоровъ у насъ не было. Агаповъ говорилъ только, что въ Москвѣ на фабрикахъ жить лучше, но я не спрашивалъ его—почему же если въ Москвѣ жить лучше, а онъ пріѣхалъ въ Иваново-Вознесенскъ. Послѣ того я неоднократно, разъ шесть посѣщалъ квартиру Агапова, иногда заходилъ въ рабочіе дни вечеромъ, а иногда по праздникамъ. Ходилъ я туда отъ скуки, потому что мои товарищи изъ деревни Воронякова, которые ходятъ гулять въ нашу улицу, заняты были крестьянскими работами. Во время посѣщеній моихъ Агапова я первоначально встрѣчалъ тамъ, кромѣ вышеупомянутой Анны, еще двухъ женщинъ, изъ которыхъ одну называли Елизаветой, а какъ звали другую — не знаю. Послѣ того я увидалъ тамъ еще четвертую женщину, которую называли Ольгою, она чернорабочая. Женщина эта появилась въ квартирѣ Агапова незадолго до нашего арестованія, но въ точности времени опредѣлить не могу; мужчинъ же, кромѣ указанныхъ мною, я у Агапова не встрѣчалъ. При мнѣ никого другихъ гостей изъ мѣстныхъ жителей или рабочихъ не бывало. Хотя я спрашивалъ Агапова объ отношеніяхъ его къ женщинамъ, но онъ мнѣ объ этомъ ничего не объяснялъ. Въ разговорахъ разсказывалъ Агапову, что я былъ заарестованъ по дѣлу Шрейдера и объяснялъ, что Шрейдеръ сынъ генералъ-маіора, который работалъ на фабрикѣ Лопатина въ ученикахъ слесарныхъ, съ которымъ я познакомился на работѣ и ходилъ вмѣстѣ гулять и который, удалившись изъ Иванова, оставилъ своей квартирной хозяйкѣ взятыя изъ библіотеки книги для передачи мнѣ, а въ числѣ этихъ книгъ оказались три книжки, именно: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и третья, кажется, „Степька Разинъ“ въ стихахъ; что, прочитавъ эти книги, я нашелъ, что онѣ дурныя, и сжегъ ихъ и что послѣ того начались розыски Шрейдера, и я былъ заарестованъ. На это Агаповъ мнѣ ничего не говорилъ, чтобы у нихъ въ квартирѣ былъ складъ книгъ преступнаго содержанія и чтобы ему случалось самому читать эти книги. Агаповъ только совѣтовалъ мнѣ уѣхать изъ Иванова на работу куда-нибудь въ другое мѣсто, Москву или Петербургъ, такъ какъ тамъ лучше заработки. Женщины въ разговоръ нашъ не вмѣшивались и во время моихъ посѣщеній занимались или шитьемъ, или пили чай, иногда читали книги, но не вслухъ, и книги, какъ я могъ замѣтить, были изъ общественной мѣстной библіотеки; пѣсенъ онѣ при мнѣ не пѣли и стиховъ не говорили. Однажды Агаповъ мнѣ сказалъ, что онъ поступилъ къ Зубкову, а о Николаѣ я зналъ, что онъ живетъ у Лопатина, но въ какой должности — мнѣ неизвѣстно. Какъ можно было замѣтить при моихъ посѣщеніяхъ, всѣ обращались съ требованіями подать что-либо — къ Аннѣ; но кто былъ главнымъ распорядителемъ изъ мужчинъ — я не знаю. Я преимущественно былъ знакомъ съ Агаповымъ, а съ Николаемъ объяснялся мало, и съ женщинами также почти былъ не знакомъ. Съ Агаповымъ или кѣмъ-либо изъ жившихъ съ нимъ я гулять никуда не ходилъ, а ходилъ иногда съ Агаповымъ въ трактиръ пить чай и въ кабакъ пить вино; вообще, хотя я съ Агаповымъ былъ знакомъ только 3 недѣли, но сдружился съ нимъ, потому что у меня такой характеръ. Сиживалъ я въ квартирѣ у Агапова часовъ до 8 вечера, а иногда и до 10, но рѣдко. Повторяю, что никогда во время посѣщеній моихъ я не имѣлъ съ Агаповымъ и другими его товарищами никакихъ преступныхъ разговоровъ. При мнѣ Иванъ Кузьминъ Кисинъ никогда въ квартирѣ Агапова не бывалъ, а только я слышалъ при разговорѣ съ Агаповымъ или его товарищами, что въ день переѣзда ихъ въ домъ Кисина, или на другой день, Кисинъ пьяный ломился къ нимъ въ дверь и вообще кричалъ имъ, зачѣмъ они сюда пришли; но когда они объяснили ему, что они жильцы, то онъ ушелъ. Женщины, какъ я слышалъ отъ Агапова, именно двѣ, Елизавета и другая, мнѣ неизвѣстная по имени, были ткачихи, кажется, у Зубкова, но работали ли онѣ—я не знаю. Что дѣлали Ольга и Анна, я тоже не знаю. Анна только стряпала. Въ разговорахъ я никогда не любопытствовалъ узнать у Агапова о денежныхъ средствахъ его и его товари-

щей. Человѣка съ черною бородою, котораго я увидалъ у Агапова въ первое мое посѣщеніе, я, кажется, только и видѣлъ одинъ разъ, а потомъ я его уже тамъ болѣе не встрѣчалъ. Наканунѣ нашего заарестованія я, по случаю праздника Преображенія, весь день не работалъ; часовъ до 2-хъ былъ дома, а затѣмъ шлялся: ходилъ въ рощу одинъ, потому что товарищей не было; потомъ въ этотъ же вечеръ былъ у Агапова часовъ до 7-ми, а потомъ вмѣстѣ съ нимъ были въ разныхъ питейныхъ заведеніяхъ часовъ до 10-ти, пили чай, а водку пили мало. Ходили мы просто для того, чтобы гулять. Въ 10 часовъ мы разошлись по домамъ. На другой день, 7 го числа, я опоздалъ на работу, потому что пилъ чай. Увидавъ, что я опоздалъ, пошелъ домой, сходилъ купаться, а потомъ къ Агапову. Это было часовъ въ 8 или 9 утра. Когда я шелъ мимо Агапова, то онъ зазвалъ меня и спросилъ, не знаю ли я какой квартиры. Я ему указалъ на домъ Ирины Ѳедоровой Тихомировой. Я не знаю ея ли это домъ, потому что у нея живъ еще отецъ. Домъ этотъ расположенъ сзади нашей усадьбы: огородъ нашъ и огородъ Тихомировой сходятся вмѣстѣ. Когда мы пришли съ Агаповымъ, то застали дома одну Ирину Ѳедорову, и она намъ указала переднюю комнату, которая перегорожена и гдѣ въ прихожей квартируетъ приставъ Харлампій Ивановъ съ своей женою, а передняя часть этой комнаты свободна. Но Ирина не отдала тогда окончательно внаймы эту комнату, а сказала, чтобы пришли нѣсколько позже, когда будетъ дома ея отецъ. Мы отправились съ Агаповымъ въ кабакъ, а потомъ на рѣку купаться, и послѣ того снова пришли къ Тихомировымъ, но Ирины уже не застали. Дома былъ отецъ ея Ѳедоръ Ѳедоровичъ, который предложилъ условіе, чтобы въ этой комнатѣ, находящейся въ верхнемъ этажѣ, не курить табаку и указалъ другую комнату, въ нижнемъ этажѣ, но не рѣшился сказать цѣны безъ дочери. Агаповъ говорилъ Тихомировымъ, что квартирантовъ будетъ шесть человѣкъ. Почему Агаповъ и его товарищи хотѣли съѣхать изъ дома Кисина - я не знаю. Отъ Тихомировыхъ мы отправились къ Агапову, и едва я успѣлъ тамъ выпить чашку чаю, какъ явилась полиція и насъ заарестовали. Когда я съ Агаповымъ возвратился отъ Тихомирова, то Николая дома не было, а также въ первый разъ, когда я въ этотъ день приходилъ къ Агапову и пилъ чай у того самаго окна, на которомъ лежали книги преступнаго содержанія, но до обыска книгъ этихъ я не замѣтилъ. Въ настоящее время мнѣ при допросѣ заявляется, что въ числѣ книгъ преступнаго содержанія, лежавшихъ на окнѣ, находились „Сказка о 4-хъ братьяхъ“ и „Исторія одного французскаго крестьянина“, но я объясняю, что не смотря на то, что подобныя книги въ прошломъ году были у меня въ рукахъ, но тѣмъ не менѣе лежавшія на окнѣ въ квартирѣ Агапова книги мнѣ не бросились въ глаза. Во время обыска пришелъ Кисинъ и сталъ у дверей, а когда его удалили, то онъ сталъ подъ окномъ на улицѣ; былъ онъ выпивши, но я не слыхалъ, чтобы онъ кричалъ. Во время обыска я видѣлъ, какъ у одной изъ женщинъ, которую я не знаю какъ зовутъ, вырывали письмо, но я не знаю, откуда появилось у нея это письмо, и не видалъ, какъ она себѣ его взяла въ ротъ, потому что все происходило скоро. Оказавшіяся при мнѣ вещи: ключъ отъ ящика съ инструментомъ, кронъ-циркуль, а не клещи, какъ они названы въ полицейскомъ актѣ, мои собственныя, а марка изъ депо есть табельный номеръ, по которому повѣряется приходъ рабочему. Во время обыска я слышалъ, что жандармы передавали полиціймейстеру, что задержанныя женщины объясняются между собою на иностранномъ языкѣ, но я самъ ни во время обыска, ни при прежнихъ посѣщеніяхъ Агапова не слыхалъ, чтобы женщины эти разговаривали между собою на иностранномъ языкѣ; также я не видывалъ, чтобы онѣ объяснялись какими либо условными знаками. Посѣщая квартиру Агапова, я только бывалъ у нихъ въ передней комнатѣ, а въ другихъ помѣщеніяхъ ихъ квартиры не бывалъ. Ходя въ квартиру Агапова, я не зналъ, что посѣщалъ шайку преступниковъ. Я не содѣйствовалъ имъ ни въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, ни въ сношеніяхъ съ другими лицами той же преступной шайки, находящимися въ другихъ мѣстностяхъ. Въ дополненіе къ данному мною вчера показанію заявляю, что около мѣсяца тому назадъ, когда я не былъ на работѣ, то пришелъ въ мастерскую неизвѣстный мнѣ человѣкъ, оказавшійся потомъ Агаповымъ, и спрашивалъ Андріана Жарковскаго. Я сказалъ, что я Ѳедоръ Жарковскій, и неизвѣстный пригласилъ меня придти въ трактиръ Бутова. Здѣсь, въ трактирѣ, Агаповъ спросилъ меня, знаю ли я Марью Андрееву, и когда я сказалъ, что знаю, то Агаповъ сказалъ, что она пи-

сала ему обо мнѣ, и онъ искалъ меня мѣсяца полтора, такъ какъ обо мнѣ писано было, что я живу у Шипова. При посѣщеніяхъ моихъ Агапова, онъ и товарищи его увлекали меня, чтобы я уѣхалъ изъ Иванова-Вознесенска, говоря, что здѣсь за мною наблюдаютъ, и намекали мнѣ, что мнѣ будетъ все содержаніе, если я поѣду съ цѣлью пропаганды въ Петербургъ или куда-нибудь. Я говорилъ имъ, что здѣсь за мною слѣдятъ, что недавно за мною присылалъ полиціймейстеръ и поэтому-то они мнѣ и предлагали уѣхать. Читалъ я у нихъ на квартирѣ книгу „Хитрую механику“, но кто далъ эту книгу — не помню,—только одна изъ женщинъ. При мнѣ получено было однажды письмо, въ которомъ подъ строками были написаны цифры. Предложеніе мнѣ уѣхать дѣлали мнѣ всѣ, но преимущественно Агаповъ и одна изъ женщинъ. Николаевъ говорилъ менѣе другихъ. Незадолго до дня ареста, когда я былъ у Агапова, то пріѣхали къ нимъ какіе-то люди на лошадяхъ, которыхъ я, впрочемъ, не видѣлъ, а слышалъ только бубенчики, и Агаповъ куда-то уходилъ или уѣзжалъ съ однимъ изъ пріѣзжихъ, который средняго роста, черноватый, съ небольшою бородою. Письмо, о которомъ я сказалъ, одна изъ женщинъ читала, а другая карандашомъ писала цифры. Разсказывали они, что въ Серпуховѣ была стачка рабочихъ въ числѣ 4000 чел. и сдѣлано было, какъ желали рабочіе, т.-е. чтобы въ праздникъ не работать. О Марьѣ Андреевой Агаповъ говорилъ, что она въ Курской губ., а Шрейдеръ въ Петербургѣ. О Тулѣ они мнѣ говорили, что туда нужны люди и предлагали ѣхать туда; говорили мнѣ, что тамъ у нихъ есть хорошій человѣкъ, слесарь, но имени и фамиліи его я не знаю, можетъ быть, они мнѣ говорили, но я забылъ. Полиціймейстеръ призывалъ меня еще до моего знакомства съ Агаповымъ, спрашивалъ меня о моей семьѣ, моемъ званіи, лѣтахъ, вѣроисповѣданіи, спрашивалъ меня, правда ли, что я будто бы хожу въ лѣсъ читать книги. Я ему отвѣтилъ, что этого не бывало и онъ мнѣ сказалъ, что мнѣ нужно быть осторожнѣе, потому что я нахожусь подъ надзоромъ. Объ этомъ-то, т.-е. что нахожусь подъ надзоромъ, я между разговорами и разсказывалъ Агапову и его товарищамъ. Когда при мнѣ подъ письмомъ подписывались цифры, то я не любопытствовалъ узнать, зачѣмъ это дѣлается: они мнѣ только объясняли, что это шифрованное письмо, но я не спрашивалъ ихъ, съ кѣмъ производится такая переписка и почему она не пишется обыкновеннымъ письмомъ. Вообще я долженъ объяснить, что никакихъ опредѣленныхъ разговоровъ относительно пропаганды съ Агаповымъ и его товарищами не имѣлъ. Однажды, когда я читалъ у нихъ книгу „Пугачевцы“, то на предложеніе ихъ куда-либо мнѣ уѣхать, я спрашивалъ ихъ, какія на это есть средства и откуда они берутся, какими цѣлями они руководятся, и выражалъ, что если я уже разъ приму ихъ предложеніе, такъ сказать, продамся имъ, то и долженъ буду исполнять возлагаемыя на меня обязанности, для чего, конечно, я долженъ сперва узнать все, такъ какъ, быть можетъ, мнѣ будутъ поручать то, что противно моей совѣсти, и тогда отказываться уже будетъ трудно. Собственно говоря, я имѣлъ сношенія или знакомство съ Агаповымъ и его товарищами по слѣдующимъ моимъ соображеніямъ, которыя я имъ, однако-же, не высказалъ. Еще прежде, когда я былъ знакомъ со Шрейдеромъ, онъ говорилъ мнѣ, что въ Петербургѣ можно получить мѣсто за жалованье около семидесяти рублей въ мѣсяцъ и при работѣ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки. По семейнымъ обстоятельствамъ и своему нездоровью я долженъ былъ искать себѣ болѣе удобнаго мѣста и предполагалъ, что Агаповъ или его товарищи могли содѣйствовать мнѣ въ полученіи такового мѣста. Когда пріѣзжали въ квартиру Агапова какіе-то люди, о которыхъ я упомянулъ въ показаніи своемъ 17-го августа, то я не замѣтилъ, чтобы кто-либо изъ нихъ былъ особенно въ родственныхъ отношеніяхъ къ лицамъ, проживавшимъ въ означенной квартирѣ. Когда я прочелъ книжку „Хитрая механика“, то они спрашивали моего мнѣнія какъ объ этой книгѣ, такъ и о „Сказкѣ о четырехъ братьяхъ“ и другихъ прочтенныхъ мною книжкахъ, и я имъ высказалъ, что это ерунда и еще какъ-то выразился — не помню. На вопросъ ихъ, почему таково мое мнѣніе, я, не желая выразиться болѣе рѣзко, сказалъ, что „Сказка“—сказка и есть. Кромѣ упомянутыхъ уже мною книгъ, они дали мнѣ еще книгу „Коммуна“, другую, названія которой не помню, и 3 листа какой-то газеты; все это я оставилъ у себя въ домѣ и еще не читалъ. Книги эти мнѣ дала „Анна Григорьева“.— Изъ протокола обыска квартиры Жарковскаго видно, что тамъ найдено въ комодѣ подъ дномъ нижняго ящика одна книга подъ названіемъ: „Парижская коммуна“ № 2, изд. 1874 г. въ Женевѣ,

три номера газеты подъ названіемъ „Впередъ“ за № 1, 2 и 3; въ кушеткѣ въ ящикѣ оказалась одна книга со штемпелемъ иваново-вознесенской публичной библіотеки подъ названіемъ „Пугачевцы“, томъ третій, часть первая, „Два Коповода“, сочиненія Ев Саліаса, изд. въ 1874 г. Въ жилетѣ Ѳедора Жарковскаго найдена записка, довольно смятая и пошенная, въ которой написано: „Всеобщая Исторія Берте“ и проч. Болѣе ничего и нигдѣ въ помѣщеніяхъ дома Жарковскаго подозрительнаго не найдено.—Затѣмъ свидѣтели 2-ой группы были отпущены.—Подс. *Фигнеръ* заявила, что книги, найденныя у Жарковскаго, принадлежатъ ей и она, завернувъ ихъ въ бумагу, просила Топоркову передать свертокъ Жарковскому.—Подс. *Агаповъ* объяснилъ, что былъ знакомъ съ Жарковскимъ, но не говорилъ ему ни о Марьѣ, ни о Шрейдерѣ, а слышалъ отъ него, что онъ былъ арестованъ, потому что жилъ вмѣстѣ съ Шрейдеромъ.—Подс. *Топоркова*. Я хорошо не могу припомнить обстоятельства, о которомъ говоритъ Фигнеръ, но отъ себя я не давала Жарковскому книгъ. Я въ Ивановѣ-Вознесенскѣ жила и поѣхала туда не съ цѣлью пропаганды Съ Фигнеръ я познакомилась за границей въ маѣ 1875 г. Недѣли за двѣ до отъѣзда въ Иваново я случайно встрѣтила ее въ Петербургѣ и возобновила съ нею знакомство. Во время нашихъ разговоровъ вопросъ коснулся рабочаго движенія на Западѣ. Я сказала, что не нахожу книгъ по этому вопросу и что странно, что такое важное общественное явленіе какъ-будто никого не интересуетъ. Она сказала, что если этотъ вопросъ васъ интересуетъ, то можно обойтись безъ книгъ и изучить его лично, на практикѣ, и что она можетъ доставить мнѣ этотъ случай, напр., пріискать мѣсто кухарки, и что если я согласна принять это предложеніе, то она дастъ мнѣ адресъ. Недѣли черезъ двѣ она пришла и дала мнѣ адресъ, куда мнѣ отправиться и гдѣ я буду жить. Тутъ я опредѣленнаго ей ничего не сказала. Между тѣмъ, предложеніе ея мнѣ очень понравилось. Я считала страшнымъ зломъ, что рабочіе живутъ у насъ хуже скота. Но какъ помочь, я не знала. Я искала этихъ средствъ. Я не могла относиться безучастно къ этому вопросу. Фигнеръ представляла мнѣ такой прекрасный, рѣдкій случай—самой познакомиться съ рабочимъ вопросомъ. Я, не долго думая, согласилась и, не видя въ томъ ничего преступнаго, отправилась съ своимъ паспортомъ въ Иваново-Вознесенскъ. Тамъ я занималась исключительно только однимъ хозяйствомъ. *Первоприсутствующій*. А собранія тамъ бывали? Подс. *Топоркова*. У насъ на квартирѣ не было собраній. Къ жильцамъ моимъ ходили гости.—В. Какіе гости? -О. Рабочіе.—В. Какъ вы одѣвались?—О. Я была переодѣта; выдавала себя за женщину простого сословія.—По просьбѣ прис. пов. *Люстига* предложенъ былъ вопросъ подсудимому *Агапову* о томъ, какъ именовалась подсудимая Гамкрелидзе, подсудимый отвѣтилъ, что она называлась Екатериною.—Подс. *Вл. Александровъ*. Невѣрность показанія Жарковскаго произошла отъ того, что его держали въ шуйской банѣ; не было помѣщенія, и вслѣдствіе дурного содержанія, надѣясь получить свободу, онъ далъ такое показаніе. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня).

По открытіи засѣданія, въ залу были приглашены эксперты, которымъ во вчерашнемъ засѣданіи были предложены слѣдующіе вопросы: 1) Письмо, отобранное въ г. Кіевѣ у обвиняемой Ольги Любатовичъ и адресованное на имя Гельфманъ,—подвергнуть сличенію съ почеркомъ Ольги Любатовичъ на ея прошеніи 14 декабря 1876 года, находящимся въ производствѣ Правительствующаго Сената, при чемъ эксперты должны сличить съ почеркомъ Любатовичъ адресъ на конвертѣ, слова, встрѣчающіяся въ шифрованномъ письмѣ и надпись на оборотѣ письма. 2) Сличить переводъ письма арестанта, писанный чернилами на почтовой бумагѣ, съ почеркомъ обвиняемой Екатерины Гамкрелидзе въ протоколахъ допроса, въ томѣ V, на листахъ 160—161. 3) Сличить почеркъ, которымъ писаны паспорта на имя крестьянъ Петра Матвѣева Сидоренко и Василія Иванова Юркова, съ почеркомъ обвиняемаго Млодецкаго на протоколѣ допроса тома IV, листа 71 и прошенія 14-го декабря 1876 г. въ производствѣ Правительствующаго Сената. 4) Сличить почеркъ, которымъ писано письмо, начинающееся словами: „Другъ Ваня“, съ надписью, сдѣланной на конвертѣ, приложенномъ къ письму, и въ протоколѣ допроса обвиняемаго Рождественскаго, тома V, листа 347. 5) Сличить почеркъ, которымъ писаны письма: первое—за подписью Воейковой и второе, начинающееся словами „милѣйшій другъ“, съ протоколами допросовъ Надежды Субботиной, тома V, листовъ 251—255 6) Сличить: а) почеркъ, которымъ писаны паспорты на имена: Елизаветы Ушаковой, Александры Ивановой, Ольги Ивановой и Евтропія

Николаева; б) почеркъ, которымъ написанъ полулистъ почтовой бумаги и на которомъ сдѣлана надпись: „протоколъ номеръ 4-й, содержащій въ себѣ изложеніе программы“; в) изъ сшитыхъ въ отдѣльную пачку листковъ,—почеркъ, которымъ писанъ счетъ расходовъ, адресъ: Спасская ул., Докучаевъ переулокъ; г) почеркъ, которымъ писано письмо 19-го іюля 1875 года, отобранное въ Иваново-Вознесенскѣ, съ почеркомъ протоколовъ допроса обвиняемаго Здановича (онъ же Вернеръ и Иванъ Андреевъ) на листахъ 32, 33 и 34 тома X. На эти вопросы эксперты отвѣчали: *На 1-й вопросъ*: Почеркъ руки на письмѣ, адресованномъ на имя Гельфманъ, совершенно сходенъ съ почеркомъ адреса на конвертѣ письма по слѣдующимъ признакамъ: по манерѣ письма, которая на этихъ двухъ документахъ одинакова, а равно и по отдѣльнымъ буквамъ: В, я, в, с, р, д, б, ж, ф, т, ь, е, а, также знакъ краткій надъ буквой й. Надпись на оборотѣ письма „прошу передать В. Глѣбовой“ сдѣлана тѣмъ же лицомъ, которое писало конвертъ и, все вышеупомянутое имѣетъ положительное сходство съ почеркомъ руки на прошеніи на имя прокурора окружнаго суда отъ 14 го декабря 1876 года. *На 2-й вопросъ:* Почеркъ руки „переводъ письма арестанта“ сходствуетъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквахъ, какъ, напримѣръ, прописныхъ: О, В и строчныхъ: у, др (эти двѣ буквы въ связи между собою), т, которая пишется какъ цифра 7, съ почеркомъ протокола допроса на листахъ 160 и 161. Хотя сходство указанныхъ буквъ такъ велико, что трудно допустить случайное ихъ появленіе въ текстѣ „перевоъ письма арестанта“, но, несмотря на это, сказать утвердительно не можемъ, писанъ ли этотъ переводъ почеркомъ руки Гамкрелидзе, по недостаточности найденнаго нами матеріала. *На 3-й вопросъ*: Почеркъ руки на паспортахъ крестьянъ: Петра Матвѣева Сидоренко и Василія Иванова Юркова по манерѣ письма и отдѣльнымъ строчнымъ буквамъ: а, р, к, е,—имѣетъ значительное сходство съ почеркомъ, которымъ писано прошеніе въ особое присутствіе Правительствующаго Сената отъ 14 декабря 1876 года. При этомъ считаемъ необходимымъ присовокупить, что почеркъ руки Млодецкаго на протоколѣ допроса до того измѣненъ сравнительно съ почеркомъ прошенія, что мы не признали возможности даже сличать паспорты съ протоколомъ его допроса. *На 4-й вопросъ:* Почеркъ руки, писавшей письмо, начинающееся словами: „Другъ Ваня“, имѣетъ сходство съ почеркомъ руки на конвертѣ, что ясно можно видѣть по совершенно однородной шаткости почерка и по слову „Другъ“, въ которомъ буквы разставлены такъ, что изобличаютъ привычку одного и того же лица: въ обоихъ случаяхъ въ словѣ „другъ“ слогъ „гъ“ отставленъ отъ слова „дру“, а также буква „у“ въ томъ же словѣ писана совершенно одинаково. Что же касается до почерка протокола, то хотя онъ представляется на первый взглядъ какъ бы несхожимъ съ почеркомъ письма и конверта, но, по внимательномъ разсмотрѣніи, и въ протоколѣ встрѣчаются буквы, какъ, напримѣръ, х, п, з (эта послѣдняя пишется какъ французская буква s), въ особенности же буква и, которая пишется Рождественскимъ въ одномъ случаѣ какъ буква и, а въ другомъ — какъ буква и, и это послѣднее видоизмѣненіе этой буквы, написанной правильно, встрѣчается въ такой же совершенно формѣ на письмѣ и на конвертѣ, а потому можно допустить, что какъ письмо, такъ и надпись на конвертѣ писаны какъ бы его, Рождественскаго, рукою. *На 5-й вопросъ:* Сличали почеркъ руки, писавшей письма: 1-е—за подписью Воейковой и 2-е,—начинающееся со словъ „милѣйшій другъ“, съ протоколами допроса на страницахъ 251 и 255 и нашли сходство только въ отдѣльныхъ буквахъ: прописной П и строчныхъ: ж, х (начало этой послѣдней пишется какъ французская буква s), к, и въ связи двѣ буквы *ва*. Такъ какъ болѣе никакихъ признаковъ сходства въ сличаемыхъ документахъ не представляется, то мы не можемъ опредѣлить, писано ли это почеркомъ руки писавшаго протоколъ. *На 6-й вопросъ:* а) Четыре паспорта по почерку имѣютъ нѣкоторое сходство съ почеркомъ руки на протоколахъ тома X, листовъ 32, 33 и 34, но это сходство до того незначительно, что мы не можемъ принять его въ соображеніе для вывода заключенія, написаны ли паспорты рукою, подписавшей протоколы, хотя и встрѣчаются одинаковые пріемы написанія буквъ; такъ, напримѣръ, буква л, написанная какъ французская буква h. буквы д, р, а также весьма многія буквы съ подстрочной чертой — имѣютъ къ слѣдующей буквѣ особенную характерную привязку, если таковыя буквы находятся въ срединѣ слова. б) Почеркъ написаннаго полулиста съ почерками вышеупомянутыхъ протоколовъ имѣетъ сходство, хотя написанъ мельче и сжатѣе. Слѣдующія буквы совершенно между собою схожи: прописныя

С, В, строчныя д, р, у. в) Почеркъ сшитыхъ въ одну пачку листовъ имѣетъ сходство съ почеркомъ протоколовъ и по тѣмъ же вышеуказаннымъ признакамъ. г) Почеркъ письма отъ 19-го іюля 1875 года имѣетъ сходство съ тѣми же протоколами и по тѣмъ же признакамъ.—Послѣ перекреснаго допроса экспертовъ были прочитаны слѣдующія письма, найденныя у подсудимыхъ: I. „Вы начинаете свое письмо словами „прежде всего“; начнемъ и мы такимъ же манеромъ. Прежде всего мы должны поставить вамъ на видъ, что вы имѣете неимовѣрныя претензіи; будто не знаете условій здѣшнихъ. Второе, напрасно силитесь вы доказать, что письмо ваше написано правильно: никакой чортъ его не пойметъ. Мы его храпимъ какъ документъ. Мы не крючкотворы и на этомъ покончимъ полемику съ вами, хотя при желаніи можно было бы найти многое, за что васъ выругать слѣдуетъ. Но, Богъ съ вами, прощаемъ.—Новостей много, есть хорошія, и скверныя. Начнемъ съ „отцовъ“. Пріѣхали отцы Михаила и Бетьки. Прежде первый, затѣмъ и второй. Дѣло Михаила, какъ передавалъ отецъ, стоитъ очень хорошо: его, быть можетъ, выпустятъ на поруки подъ залогъ. Посмотримъ. Дѣло Бетьки неизвѣстно. Отецъ поѣхалъ хлопотать въ Питеръ. Интересно, что не мы ихъ отыскали и познакомили другъ съ другомъ, а сами спюхались и разсказали каждый про свое горе другому. Оказалось, что они имѣютъ точки соприкосновенія, и соединились. Мы думаемъ, что скоро составится кружокъ „отцовъ“. Отыскали тетьку, она сидитъ въ городской части. Написали письмо; она почему-то поблѣднѣла, разорвала его и бросила на полъ. Не знаемъ объясненія этой странности. Письмо писано рукой Вѣры. Дѣло Ѳедора будто бы подвигалось и было готово, только прогнали служителя тюрьмы, и сношенія прекращены. Михаилъ проситъ уговорить Ивана Вас. отказаться отъ своего показанія на него, что онъ познакомился съ нимъ чрезъ Николая и зналъ, какъ Михаила Петрова. Жени нѣтъ, уѣхала домой. Я думаю скоро уѣхать по дѣлу о пути. Путь пропалъ: перехватили Гинцбуряты, т.-е. устроили такимъ образомъ, что и книги должны провозится черезъ нашъ путь. Нужно уничтожить подкопы. Вотъ каковы эти Гинцбуряты проклятые, а мы большіе дураки: довѣряемъ имъ, а они проводятъ насъ. Съ юга вообще неутѣшительныя вѣсти. Ив. Ал. и Соня на отрѣзъ отказались остаться въ Одессѣ и уѣхали въ Кіевскую губерпію въ деревню. Съ нимъ въ Одессѣ наши имѣли разговоръ и онъ вышелъ изъ нашей организаціи, разошелся съ нами. Мотивируетъ это тѣмъ, что онъ прежде ошибался, думая, что возможна какая-нибудь организація. Сколько его не убѣждали, „онъ остался непоколебимъ, какъ скала“. Поступилъ въ какую-то шайку, не признающую будто бы организаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такой сильной централизаціей, что они не должны знать другъ друга, раздѣляются на разряды и т. д., какъ обыкновенно бываетъ. Изъ Одессы пишутъ, что на счетъ этой компаніи ходятъ неодобрительные слухи. Вообще мы мало что понимаемъ въ этой комедіи. Это писали наши, а онъ самъ ничего объ этомъ намъ не писалъ, только мотивируетъ свой отъѣздъ изъ Одессы тѣмъ, что ему тамъ опасно оставаться, имѣя много знакомыхъ. Ерунда, тысячу разъ ерунда Здѣсь что-то не ладно: узнаемъ, посмотримъ. Была Вѣра въ Тулѣ. Тульскіе ведутъ себя преступно. Огромное у нихъ знакомство между рабочими и еще ни одной революціонной книги не читали имъ, „по осторожности“, молъ. Хороша осторожность! Почва очень хорошая, сдѣлать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо болѣе энергичнаго, чѣмъ эти рыбообразные дѣятели, осторожные пропагандисты, осколки Ив. Ал—ва. Мы думаемъ, что Ольгѣ и Ванюшѣ не мѣшало бы туда переселиться, такъ какъ имъ положительно нельзя въ Одессѣ оставаться. Ихъ ищутъ. на нихъ сдѣланъ доносъ негодяемъ Зигеромъ. Вахтель по тому же доносу сидитъ. Надя нашла уже работу. Василью тоже обѣщали. Если только почему-нибудь нельзя будетъ Ольгѣ уѣхать въ Тулу, то придется отнять человѣка отъ Вас., такъ какъ *необходимо*, въ виду, во-первыхъ, того, что тамъ огромное знакомство и прелестная почва, нужно только подталкиваніе, а во-вторыхъ—этого Злобина можетъ Ив. Ал. перетянуть. Тогда Тула ушла у насъ изъ рукъ, а этого нельзя дѣлать. Сапоговъ ни откуда нѣтъ. Никакихъ вѣстей ни отъ Саратовца, ни отъ Егора, а въ Тулѣ подавно: смѣнили писаря, есть новый, съ которымъ Злобинъ обѣщался поговорить, но Аллахъ вѣдаетъ, когда все это будетъ. Впрочемъ, Женя пишетъ, что „есть надежда“, что Маня скоро получитъ. Надежды-то много, да толку мало. Ѳеклуша вышла замужъ за князя Мутрука. Свадьба сыграна, отецъ доволенъ, обѣщалъ деньги. но теперь не имѣетъ на рукахъ, и то хорошо. Знаете: Кабарда об-

вѣнчалась съ Россіей. Къ вопросу о Кабардѣ—пріѣхалъ Мут. сюда и разсказалъ много утѣшительнаго на счетъ Кабарды. Сильное возбужденіе въ мѣстной молодежи, борьба партій (политикановъ и соціалистовъ). Соціалисты берутъ верхъ. Вообще, страшная оживленность и жизнь. Въ Сванетіи (мѣстность на Кавказѣ, племя съ особымъ языкомъ. но большинство говоритъ по-грузински, живутъ въ неприступной котловинѣ, въ горахъ) бунтъ; вырѣзали гарнизонъ солдатъ, перебили начальниковъ, засорили дороги. Все это произошло по поводу акциза—наложили акцизъ на водку. Они не признаютъ такого беззаконія, и вольные сванетинцы сговорились и взялись за свои всегда готовыя оружія. Подробности еще неизвѣстны, но дѣло должно быть жаркое: отъ Намѣстника посланъ Трубецкой усмирять бунтъ. Въ Кутаисѣ схвачены осетинцы, пригнавшіе табунъ лошадей. Арестъ мотивируется тѣмъ, что будто бы они присланы отъ осетинцевъ къ грузинамъ для „переговоровъ“. Дай Богъ! Поговариваютъ, что взбунтуется Абхазія. Черкесы, прогнанные въ Турцію, на сторожѣ, готовые совершенно, и только ждутъ случая. Кавказъ, словомъ, на военной ногѣ. Туда послали вдесятеро больше солдатъ, чѣмъ было до сихъ поръ. Это Кавказъ, а вотъ поглядите и на Россію. 1) Посылаемъ кор. (другую) о Чичеринѣ. 2) Былъ бунтъ рабочихъ въ Серпуховѣ, на фабрикѣ Коншина. Бунтовало 4000 чел., требовали отмѣны работы подъ праздникъ, т.-е. ночь субботы. Отказались работать. Стачка продолжалась 14 дней. Ихъ удовлетворили вполнѣ. Пріѣзжалъ туда губернаторъ и другіе, обходились съ народомъ очень вѣжливо, льстили рабочимъ до безобразія. Видно струхнули. Подробную кор. получите скоро. 3) Былъ бунтъ въ Тулѣ на казенномъ заводѣ. Мастера потеряли или прокутили машины; стали спрашивать съ рабочихъ, которые отказались и стали бунтовать, когда на нихъ наложили штрафъ въ уплату растраченныхъ машинъ. Подробностей не знаемъ. Злобинъ обѣщалъ корреспонденцію. 4) Въ Питерѣ была стачка каменщиковъ противъ частнаго хозяина. 5) На дняхъ въ главномъ штабѣ крикнули: „да здравствуетъ революція!“; сейчасъ обыскъ, но ничего не нашли. Хотѣли прогнать писаря, крикнувшаго такую „дерзкую фразу“, но почему-то помилосердствовали. 6) Въ Питерѣ читали недѣли 3 или 4 тому назадъ на Конной площади приговоръ одному „адъютанту“, который, какъ говорятъ одни, найденъ за печатнымъ станкомъ во Владимірской губерніи, въ селѣ Павловѣ; другіе говорятъ, что на фабрикѣ. Такъ этотъ „адъютантъ“ говорилъ революціонную рѣчь. „Это ничего, ребята, что насъ казнятъ, ссылаютъ; не падайте духомъ, продолжайте свое дѣло. Долой всѣ власти!“ Телеграфировали и прислали барабанщиковъ, которые заглушили „проклятаго революціонера“. Вотъ оно какъ! А прочтите вдобавокъ циркуляръ Палена, который пересылаемъ вамъ. Какъ труситъ наше правительство революціонеровъ и ничего подѣлать не можетъ. Дѣлаетъ промахи, рядъ непослѣдовательностей; для нихъ гибель, намъ на руку. Циркуляръ посланъ для отпечатанія за границу отдѣльною брошюрою, съ должными комментаріями. Онъ будетъ имѣть успѣхъ громадный. Платье получите съ Катею, съ нею же книги дозволеннаго содержанія. Такъ какъ здѣсь не особенно много имѣется денегъ, то пока посылаемъ 100 руб. Посылаемъ книги, посылаемъ револьверы съ патронами. Убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте! Горькая наша доля! Карабкаться приходится Вѣрѣ и мнѣ: мы думаемъ сбѣжать. Началось дѣло Дьякова. Мы будемъ посылать номера газетъ, гдѣ будетъ отчетъ о дѣлѣ. Первый номеръ отсылаемъ теперь же. Кажется, не успѣли выслать *интереснаго* циркуляра. Пошлемъ съ Катею. 19-го іюля 75 года. Москва. Р. Не-желаете ли получить по почтѣ М-lle Гамку; хотя она и вышла замужъ за Катю, но все-таки теряетъ права называться мадамшею. Одесская община предложила принять въ нашу организацію Санчо, мотивируя тѣмъ, что кромѣ его качествъ какъ человѣка, еще и то, что онъ будетъ на Кавказѣ, а намъ необходимо имѣть тамъ своего человѣка. Московскіе чл. организаціи согласны и поддерживаютъ предложенія одесскихъ; вообще, остановка только за вами, а то всѣ согласны“.—П. „Отвѣчайте, вы или нѣтъ—С. К....ли. Напрасно ты пускаешь въ меня мокрыми ракетами; онѣ меня не трогаютъ, потому что, какъ тебѣ извѣстно, я не изъ слюнявыхъ. Пора бы тебѣ отучиться отъ сантиментальностей; ей Богу, онѣ тебѣ не къ лицу; впрочемъ, мое такое мнѣніе, что онѣ ни къ кому нейдутъ. Объясни мнѣ, пожалуйста, чѣмъ это мы обидѣли родного человѣка; тѣмъ, что дѣло требовало пребыванія твоего (или кого-нибудь изъ Нв., для насъ все равно и мы прямо на тебя не указывали)? Въ Тулѣ Рыжій выше объясняетъ положеніе дѣлъ въ Тулѣ и зачѣмъ это нужно. О, бѣдный родной человѣкъ, какъ дѣйствительно тебя обижаютъ, я бы на твоемъ мѣстѣ непремѣнно распла-

калась!! Однако, разберемъ вполнѣ серьезно, имѣли ли мы право предложить.....Иван. переѣхать въ Тулу? Я думаю—да. А основанія вотъ какія: какъ вамъ извѣстно, вездѣ недостатокъ людей, а больше всего скопилось народу въ Ив., такъ что меньше всего будетъ ущерба для дѣла, если отнять одного человѣка у Ив. На этомъ основаніи мы было и порѣшили сдѣлать предложеніе Ив., чтобы они выслали одну изъ бабъ въ Тулу. Кажется, ничего здѣсь нѣтъ ужаснаго и никакого преступленія противъ родного человѣка?! Не все только то приходится дѣлать, что пріятно; напримѣръ, Рыжему очень не хотѣлось ѣхать за границу, а, между тѣмъ, онъ поѣхалъ, когда дѣло того требуетъ; мнѣ очень и очень не хотѣлось и не хочется сидѣть здѣсь и исполнять всѣ ваши глупые капризы и прихоти, а я сижу. Напиши, пожалуйста, Сашка, послала ли ты денегъ саратовцамъ на сапоги или нѣтъ; отъ нихъ до сихъ поръ нѣтъ письма. Напиши, что дѣлать и какъ къ нимъ можно обратиться. Ты кажется забыла, что родить сапоговъ нельзя; ты знаешь съ какимъ трудомъ они достаются, и потому мы не виноваты, что ихъ нѣтъ. Равно—навсегда говорю вамъ, что прихотей вашихъ исполнять не буду, а приказаній или требованій подавно. У меня не только свѣту въ окошкѣ, что вы Наумовну переписывать не буду; если хотите, нанимайте писцовъ, а я отказываюсь быть писцомъ для Иванова. Посылаю вамъ Дьяковское дѣло; буду вамъ высылать только тѣ номера, въ которыхъ есть что-нибудь интересное, а ежедневно высылать не буду; считаю это требованіе съ вашей стороны прихотью. Теперь относительно меня. Вамъ извѣстно, что я согласилась остаться въ администраціи только мѣсяцъ, да и въ программѣ сказано такъ, а сегодня 26 іюля, какъ разъ мѣсяцъ, такъ что я предлагаю, чтобы кто-нибудь изъ васъ замѣнилъ меня въ этой должности. Долго занимать эту должность я не хочу; мнѣ кажется, что непріятныя должности должны падать равномѣрно на всѣхъ, а не на одного человѣка. Прошу мнѣ на это скорѣе отвѣтить. Дольше оставаться не хочу. Работать я, вѣроятно, поѣду въ Кіевъ. Вѣроятно, отъ васъ не потребуется человѣка въ Тулу: Ольга должно быть поѣдетъ туда. Сношенія съ заключенными идутъ своимъ чередомъ. Завтра будетъ попытка къ освобожденію Ѳедора. 26-го іюля 1875 года. Москва.“—III. „Анна, давно, давно я тебѣ не писала, но теперь пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ нѣсколько строкъ. Вчера только я возвратилась изъ путешествія, измыкалась страсть какъ; ѣздила и по желѣзной, и на перекладныхъ (200 верстъ отмахала), останавливалась не больше какъ на одинъ день. Приходилось быть въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Опять пришлось мнѣ быть въ положеніи соціалистки. Ахъ, Анна, въ этотъ разъ это положеніе показалось мнѣ еще ужаснѣе, можетъ отъ присоединенія къ другимъ непріятностямъ—цѣлованье ногъ, поклоны, съ одной стороны, дранье кожи—съ другой. Я смотрѣла, смотрѣла, вертѣлась, вертѣлась, но наконецъ, терпѣнье мое лопнуло и я разразилась истерикой. Была я еще у одной соціалистки—условія для пропаганды прекрасныя, народъ отличный особенно замѣчателенъ бабій элементъ. Какихъ интересныхъ личностей приходилось видѣть—такихъ удальцовъ мало, описала бы, да мѣста не хватитъ, т.-е. главное времени. Условія же жизни этой пропагандистки самыя ужасныя: безъ всякой связи, оторванная отъ всего міра, безъ книгъ, безъ средствъ, принужденная работать съ утра до ночи, чтобы поддерживать свое существованіе. Хорошая, толковая она женщина и хорошо бы дѣло у нея пошло, если бы были средства, а во-вторыхъ, люди. Людей, людей, давайте, слышится отовсюду! Но гдѣ же ихъ взять, а недостатокъ чувствуется ощутительный. Грѣшно будетъ вамъ, господа, если вы не примете всѣхъ зависящихъ отъ васъ мѣръ, чтобы не ухнуть. О вашихъ ив. дѣлахъ я слушала разсказъ (Вѣры) вовсе не съ радостнымъ чувствомъ. Вы идете скорыми шагами къ погрому, который останется безслѣднымъ для Ив. и въ то же время ужаснымъ для общаго хода дѣлъ. Вы ведете дѣло даже болѣе неосторожно, чѣмъ оно велось прежде въ Москвѣ! Что же, ухайте, господа, но помните, что одинъ, два погрома—и мы остались на мели Вѣра хочетъ уѣзжать въ Кіевъ, надо чтобы кто нибудь пріѣхалъ замѣстить ее; хорошо было бы, если бы пріѣхала ты. Рыжаго нѣтъ здѣсь; я ѣду сегодня для дѣлъ матери (въ Питеръ) на нѣсколько дней. Въ Москвѣ осталось народу изъ рабочихъ мало—всѣ разъѣхались на покосъ, но съ августа опять всѣ съѣдутся и наступитъ опять жаркое время. Нѣсколько словъ о себѣ лично. Я работаю положительно запоемъ, вездѣ, гдѣ попадается, хорошая система страшно напряжена—боюсь, какъ бы струнка не лопнула, будетъ скандалъ! Чтой-то скверно чуется мнѣ. Мнѣ предстоитъ одна страшная непріятность, но писать тебѣ объ ней не буду—потомъ, когда со-

вершится. Однако, довольно—il ne faut pas....поговорила бы я съ тобой! Твоя Евгенія. P. S. Маня скучаетъ, ужасно больна, была у доктора, онъ прописалъ ей кумысъ. Мой дружескій привѣтъ всѣмъ товарищамъ; скажи имъ, что я обязуюсь высылать вамъ газету, напиши только адресъ, куда".—Затѣмъ были предъявлены различныя вещественныя доказательства и нѣкоторыя изъ нихъ прочитаны, какъ, напр., адресы и другія.—Подсуд. *Фигнеръ*. Письма, отобранныя въ Ивановѣ, принадлежатъ мнѣ и писаны ко мнѣ. Они писаны по адресу въ Иваново-Вознесенскъ, Аннѣ. Я ее знала раньше и этимъ объясняется, что въ нѣкоторыхъ письмахъ, обращаясь ко мнѣ, называютъ меня Анной.—Подс. *Здановичъ*. Письмо 19-го іюля приписывается мнѣ, хотя эксперты утвердительно не сказали, что оно писано моею рукою; но такъ какъ прокуроръ обращаетъ на это особое вниманіе и подчеркиваетъ фразу: „убивайте, стрѣляйте, работайте, бунтуйте", и на основаніи этой фразы ставитъ все дѣло на иную точку, то я желалъ бы знать, придаётся ли этой фразѣ серьезное значеніе?—*Первоприсутствующій*. Теперь не время для этого. Это будетъ предметомъ судебныхъ преній.—Подс. *Здановичъ*. Изъ разныхъ мѣстъ письма видно, что эта фраза не имѣетъ серьезнаго значенія и что буквально ее нельзя понимать. Наконецъ, я просилъ бы допросить арестованныхъ въ Ивановѣ лицъ о томъ, получено ли это письмо шифрованнымъ, или было написано обыкновенными буквами.—В. Кого же именно вы хотите спросить?—О. Кого-нибудь изъ ивановцевъ.—В. Укажите, кого.—О. Я не знаю, потому что не знаю, у кого нашли это письмо.—В. Если кто-нибудь изъ ивановцевъ пожелаетъ заявить, то можетъ.—Подс. *Здановичъ*. Я хочу спросить, что есть ли это письмо копія съ шифрованнаго или самый оригиналъ?—Подс. *Фигнеръ*. Это письмо писано ко мнѣ. Оно получено зашифрованнымъ и было разобрано тамъ, на мѣстѣ.—*Первоприсутствующій*. Кѣмъ же оно было писано?—Подс. *Фигнеръ*. На этотъ вопросъ я отказываюсь отвѣчать.—Подс. *Джебадари*. Въ этомъ письмѣ упоминается о Михаилѣ. Подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ меня. Я хотѣлъ бы спросить, на какомъ основаніи Здановичъ дѣлаетъ свое замѣчаніе. Принимаетъ ли онъ эти письма на себя, и если онъ отрицаетъ тотъ фактъ, что письмо принадлежитъ ему, то почему онъ сдѣлалъ такое заявленіе?—*Первоприсутствующій*. Эти преніи вовсе не разъясняютъ дѣла, и я признаю ихъ излишними.—Прис. пов. *Люстигъ*, между прочимъ, проситъ ссылаться на опись вещей Екатерины Гамкрелидзе, въ виду того, что обвиненіе удостовѣряетъ, что она ходила въ крестьянскомъ платьѣ, а между тѣмъ по описи такого платья не значится. *Тов. оберъ-прок.* замѣтилъ, что Гамкрелидзе была взята въ крестьянскомъ платьѣ. Прис. пов. *Спасовичъ* просилъ прочесть экспертизу сличенія почерка, которымъ написана приписка 26-го іюля, съ почеркомъ Вѣры Любатовичъ. Изъ этой экспертизы видно, что вообще всѣ протоколы показаній, писанные рукой Вѣры Любатовичъ, съ которыми сличалось лишь письмо 26-го іюля, такъ и другіе документы, указанные въ обвинительномъ актѣ, писаны искаженнымъ почеркомъ. Въ сличаемыхъ же документахъ тѣмъ не менѣе встрѣчается много буквъ и даже отдѣльныхъ словъ, которыя имѣютъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ Вѣры Любатовичъ на протоколахъ. Письмо 26-го іюля имѣетъ наименьшее сходство съ ея почеркомъ. Послѣ этого особое присутствіе приступило къ производству судебнаго слѣдствія по третьей группѣ. *Тов. оберъ-прок.* заявилъ, что онъ долженъ сдѣлать слѣдующія двѣ поправки въ обвинительномъ актѣ: во-первыхъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что скрывшійся Герасимъ Петровъ *Лепесинъ* скрывался въ Тулѣ, въ квартирѣ Куракова, между тѣмъ, по показанію свидѣтельницы Матвѣевой, онъ не скрывался въ квартирѣ Куракова, а она видѣла Лепесина вмѣстѣ съ Кураковымъ на площади. Во-вторыхъ, при дознаніи было сдѣлано начальникомъ воронежскаго жандармскаго управленія указаніе на свидѣтеля Щукина и, согласно съ этимъ указаніемъ, объясненія Щукина внесены въ актъ. Допрошенный затѣмъ Щукинъ не далъ прямого отвѣта по этому предмету. Вызванный на судъ Щукинъ не явился, и потому невозможно точно обслѣдовать справедливость заявленія, сдѣланнаго воронежскимъ жандармскимъ управленіемъ. Въ виду этого представляется справедливымъ выраженія, приписанныя Щукинымъ Едукову, исключить изъ числа уликъ къ обвиненію Николая Едукова. Прочитанъ протоколъ обыска, произведеннаго въ Тулѣ въ квартирѣ Махоткиной. Сущность его изложена въ обвинительномъ актѣ.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Иванъ Едуковъ, вы были въ квартирѣ Махоткиной въ то время, когда производился тамъ обыскъ?—Подс. *Едуковъ*. Пѣтъ, я пришелъ, когда обыскъ уже начался.—В. По какому поводу вы пришли?—О. Я тамъ

жилъ.—В. У Махоткиной?—О. Я зналъ только, что она Марья. Подсудимая *Ольга Любатовичъ* заявила, что назвалась Махоткиной только при обыскѣ.—*Первоприсутствующій* (къ подсудимому Ивану Едукову). Какъ вы сошлись съ Марьей?—Подсудимый *Иванъ Едуковъ*. Черезъ посредство Сидоренки. Онъ назывался Махоткинымъ. Я работалъ съ нимъ вмѣстѣ на желѣзной дорогѣ и онъ рекомендовалъ меня къ ней на квартиру.—В. Сколько времени вы тамъ жили?—О. Съ 24-го августа по 7-е сентября.—В. Вы одни жили?—О. Нѣтъ, и братъ мой Николай жилъ.—В. А еще кто-нибудь жилъ?—О. Петръ Сидоренко.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Николай Едуковъ, вы жили у Махоткиной?—Подс. *Н. Едуковъ*. Жилъ.—В. Какъ туда попали?—О. Черезъ посредство Петра Сидоренко, въ одно время съ братомъ.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Фетисовъ, вы жили у Махоткиной?—Подс. *Фетисовъ*. Нѣтъ.—В. Во время обыска у нея были?—О. Я попалъ въ концѣ обыска или въ серединѣ.—В. По какому поводу вы пришли туда?—О. Въ тотъ день я встрѣтился съ товарищемъ по ремеслу Иваномъ Едуковымъ и съ нимъ пошелъ искать себѣ мѣста. Онъ пригласилъ меня къ себѣ; говорилъ, что можно и почевать.—В. Вы первый разъ были на квартирѣ Махоткиной?—О. Да, первый разъ. Прежде я ее не зналъ.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Сидорацкій, вы были въ квартирѣ у Махоткиной?—Подс. *Сидорацкій*. Нѣтъ, я пріѣхалъ только въ тотъ день въ Тулу, когда меня арестовали на квартирѣ Махоткиной.—В. Какимъ образомъ вы, только что пріѣхавъ въ Тулу, попали прямо къ Махоткиной?—О. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Въ одномъ вагонѣ сидѣлъ Фетисовъ и Едуковъ. Не имѣя гдѣ остановиться, я узналъ отъ нихъ, что есть квартира, на которой можно прожить нѣсколько дней.—В. По какому поводу вы пріѣхали изъ Кіевской губерніи въ Тулу?—О. Если желаете выслушать мои показанія, то я могу разъяснить, какимъ образомъ я получилъ паспортъ на имя Зайцева.—В. Отъ кого вы его получили?—О. Отъ техническаго мастера кіевскаго полигона Григорія Александрова.—В. Вещи ваши были на квартирѣ Махоткиной?—О. Да, былъ сакъ-вояжъ.—В. Что у васъ въ немъ было?—О. Было бѣлье; сакъ-вояжъ былъ не запертъ. Во время обыска изъ него вынули пачку книгъ, завязанныхъ въ платокъ. Я тогда же заявилъ, что вещи, завязанныя въ платокъ, мнѣ не принадлежатъ.—В. Вы были при самомъ обыскѣ?—О. Да, былъ.—В. Развѣ вы не видали тѣхъ дѣйствій, которыя тамъ производились? Какъ могъ этотъ узелъ попасть къ вамъ въ сакъ-вояжъ?—О. Я думаю, что его положили еще въ селѣ...Подс. *Ольга Любатовичъ*. Петръ Сидоренко взялъ книги изъ моей комнаты и положилъ въ сакъ-вояжъ Сидорацкаго.—Подс. *Сидорацкій*. Мое показаніе, приведенное въ обвинительномъ актѣ, относительно того, что я будто бы получилъ паспортъ отъ Михайлы, невѣрно. Я тогда желалъ скрыть имя того лица, отъ котораго получилъ. Теперь я назвалъ его фамилію и желаю объяснить тѣ причины, по которымъ я взялъ фальшивый паспортъ. Лѣтомъ 1875 года, не желая продолжать ученія въ училищѣ, а имѣя намѣреніе зачислиться въ ремесло слесарей, я просилъ у матери, чтобы она дала мнѣ паспортъ. Она отказала. Тогда я обратился къ своему знакомому Александрову и просилъ, не можетъ ли онъ достать мнѣ паспортъ. Онъ обѣщалъ и просилъ меня придти въ одну изъ библіотекъ, такъ какъ полигонъ былъ очень далеко отъ моей квартиры. Въ библіотекѣ онъ вручилъ мнѣ паспортъ. Такъ какъ поздно было идти домой и къ тому далеко, то онъ пригласилъ меня переночевать въ одной квартирѣ, чтобы потомъ ѣхать въ Тулу. Такимъ образомъ я попалъ въ квартиру на Дмитровкѣ. Утромъ я уѣхалъ въ Тулу. Въ Тулѣ я зашелъ въ трактиръ и тамъ познакомился съ Фетисовымъ, который жилъ въ домѣ Куракова. Онъ пригласилъ меня къ себѣ; я согласился и прожилъ нѣсколько дней у него на квартирѣ. Потомъ мы отправились въ село Панино.—*Первоприсутствующій*. Почему вы не обучались слесарному ремеслу въ Кіевѣ?—Подс. *Сидорацкій*. Вслѣдствіе того, что мать не хотѣла, и такъ какъ у меня былъ фальшивый паспортъ, то меня могли тамъ разыскать. Кромѣ того я слышалъ, что въ Тулѣ много фабрикъ и заводовъ.—В. (По просьбѣ защиты). Вы пріѣхали вмѣстѣ съ Фетисовымъ и обоими Едуковыми?—О. Кажется Иванъ Едуковъ былъ. Мы всѣ пріѣхали изъ Панина. Я долженъ заявить, что въ обвинительномъ актѣ есть невѣрность: тамъ сказано, будто бы изъ Москвы я уѣхалъ изъ гостиницы вмѣстѣ съ Марьей Махоткиной, но я въ то время былъ уже въ селѣ Панинѣ. Я пріѣхалъ въ Тулу числа 16-го или 17-го и поступилъ на заводъ 19-го, а Махоткина выѣхала изъ Москвы только 19-го августа. У Фетисова прожилъ дня три. Квартира его была совершенно отдѣльная.—Подс. *Иванъ Едуковъ*. Я не ѣхалъ въ вагонѣ,

это братъ ѣхалъ.—Подс. *Николай Едуковъ*. Да, я.—Подс. *Ольга Любатовичъ*. При мнѣ показывали прислугѣ гостиницы карточку Сидорацкаго, но прислуга отрицала его.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Григорій Александровъ, что вы имѣете сказать? — Подс. *Григорій Александровъ*. Я не отрицаю показанія Сидорацкаго. — В. Откуда вы получили паспортъ?—О. Не желаю объяснить. — *Первоприсутствующій*. Подсудимый Кураковъ, жили у васъ Едуковы?—Подс. *Кураковъ*. Нѣтъ, жилъ у меня Фетисовъ. Послѣднее время проживали нѣсколько дней Григорій и Петръ. Я не заявлялъ объ этомъ, потому что они не были прописаны.—В. Вы не знали этихъ лицъ?—О. Нѣтъ.—В. Вы были хозяиномъ квартиры?—О. Хозяинъ; но они къ нему приходили.—Подс. *Сидорацкій*. Квартира Фетисова отдѣльная, такъ что Кураковъ не могъ видѣть, кто бывалъ у Фетисова.—*Первоприсутствующій*. Подсудимая Ольга Любатовичъ, вы признаете, что жили въ Тулѣ?—Подсудимая *Ольга Любатовичъ*. Подъ именемъ Марьи жила. Во время обыска назвалась Махоткиной, потому что у меня былъ паспортъ на Махоткину.—Свид. *Василій Мансуровъ* показалъ, что мастеровой Злобинъ раздавалъ рабочимъ тульскаго оружейнаго завода разныя книжки и, въ томъ числѣ, свидѣтель бралъ четыре книжки, изъ коихъ три возвратилъ, а четвертую Злобинъ ему подарилъ. Онъ говорилъ объ этой книжкѣ съ товарищемъ; разговоръ услышалъ мастеръ и доложилъ генералу, которому свидѣтель и представилъ книжку. Это были „Очерки фабричной жизни“, а три, которыя возвратилъ: „Юровая ярмарка“, „Безоброчный“ и „У перевоза“. Прис. пов. *Ольхинъ* замѣтилъ, что всѣ эти книги не запрещенныя. *Тов. обер.-прок.* заявилъ, что Злобинъ и не обвиняется въ распространеніи запрещенныхъ книгъ. Свид. *Николай Аксеновъ* показалъ, что также получилъ отъ Злобина книжку о томъ, отчего происходитъ громъ и молнія: затѣмъ читалъ „Юровую ярмарку“, „О разведеніи картофеля“ и еще одну, которую не помнитъ. Свид. *Александръ Введенскій* показалъ, что весной 1874 года Злобинъ пріѣхалъ въ Тулу. Осенью уѣхалъ въ Петербургъ, вернулся обратно въ февралѣ 1875 года и въ скоромъ времени поступилъ на ружейный заводъ. Вскорѣ по его пріѣздѣ, свидѣтель получилъ два или три письма съ передачею Злобину, и передалъ. Нѣсколько разъ видалъ его товарищей; одного, котораго видѣлъ нѣсколько разъ, звали Иваномъ Семеновымъ (Фетисовъ). Послѣ ареста Злобина, свидѣтель получилъ для передачи ему еще три письма. Изъ числа подсудимыхъ свидѣтель опозналъ Фетисова.—Подс. *Фетисовъ*. Я никогда не бывалъ у Злобина и первый разъ вижу Введенскаго здѣсь на судѣ.—Свид. *Введенскій* призналъ еще подсудимаго Сидорацкаго.—Подс. *Сидорацкій*. Вы ошибаетесь, я ни разу не былъ у Злобина.—Свид. *Введенскій*. Я васъ узнаю. На дознаніи свидѣтель узнавалъ еще подсудимаго Кардашева, но не лично, а по фотографической карточкѣ: въ то время Кардашевъ былъ безъ бороды, а теперь съ бородою. Поэтому свидѣтель не могъ признать его въ числѣ подсудимыхъ. *Тов. оберъ-прок.* объяснилъ, что онъ съ своей стороны, уже сдѣлалъ заявленіе о томъ, что свидѣтель не призналъ на судѣ Кардашева, а это заявленіе въ интересахъ подсудимаго. Свид. *Михаилъ Родіоновъ* показалъ, что у него на квартирѣ всего одну недѣлю жила Марья (Махоткина) и потомъ переѣхала на другую. Жило ихъ трое, а именно: Марья, Петръ, а третьяго свидѣтель не знаетъ какъ звать. Подсудимые: *Ольга Любатовичъ* и *оба Едуковы* признали, что жили вмѣстѣ на квартирѣ. Свид. *Наталья Куловлева* показала, что у нея на квартирѣ жила дѣвушка Махоткина и двое мужчинъ, которыхъ не знаетъ какъ звать. Ходили они въ крестьянскомъ платьѣ. Мужчины уходили на работу, а дѣвушка готовила кушанье и вообще занималась хозяйствомъ. Свид. *Павелъ Дороговъ* показалъ, что нанялъ квартиру у Куракова, гдѣ жилъ Иванъ Семеновъ (Фетисовъ). Черезъ нѣсколько времени къ нему пріѣхали изъ Кіева товарищи Григорій и Петръ, а еще черезъ нѣсколько времени пріѣхали Василій и Герасимъ. Къ нимъ ходили люди, читали книжки и вели разговоры. Потомъ Иванъ Семеновъ и Герасимъ отправились въ Панино, а остальные перешли на другую квартиру. Какія книжки читали — свидѣтель не знаетъ, но помнитъ одну на малороссійскомъ языкѣ. Во время разговоровъ спорили. Во все это свидѣтель не вслушивался, такъ какъ приходилъ домой ненадолго, имѣя постоянныя занятія на станціи желѣзной дороги. Разъ Фетисовъ вечеромъ завелъ разговоръ со свидѣтелемъ о томъ, отчего онъ не богатъ. Свидѣтель сказалъ, что не всѣмъ быть богатымъ, что нужно быть кому-нибудь и бѣднымъ. Вообще онъ долго спорилъ съ нимъ, опровергалъ его доводы, и онъ, какъ будто разсердившись сказалъ: „Ты не знаешь, какому Богу молиться: ты молишься

деревяшкамъ". На это свидѣтель отвѣтилъ, что разговаривать съ нимъ, Фетисовымъ, больше не будетъ. Свидѣтель жилъ съ Фетисовымъ въ одной квартирѣ около мѣсяца. Въ Панино они уѣхали недѣли за двѣ до ареста. Въ квартирѣ оставались Василій и Герасимъ. Когда читали книжки, то Кураковъ при этомъ, кажется, не былъ: онъ неграмотный и въ собраніяхъ свидѣтель не всегда его видалъ.—*Помощн. прис. пов. Нечаевъ.* Какъ вы поняли разговоръ объ иконахъ. Не то ли онъ хотѣлъ сказать, что иконы имѣютъ значеніе только по тѣмъ изображеніемъ, которыя на нихъ написаны, а не самая доска?—Свид. *П. Дороговъ.* Я не знаю, что онъ хотѣлъ сказать, но я понялъ, что онъ безбожникъ. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ Сидорацкаго, Фетисова и Едуковыхъ.—Подс. *Фетисовъ.* Дѣйствительно, я называлъ деревяшками, но онъ не понялъ меня. Я говорилъ въ томъ смыслѣ, что лику написанному нужно вѣрить, а не дереву. Когда пріѣхали Ковалевъ и Герасимовъ въ Тулу, я въ то время жилъ уже въ Панинѣ.—Свид. *Акулина Алифанова* показала, что къ ней появился Ковалевъ и просилъ взять его въ нахлѣбники. Но она не рѣшилась. Жившій у меня Матвѣевъ (отставной рядовой) посовѣтовалъ ей взять Ковалева, и она послушалась. Онъ ходилъ на работу, а вечеромъ приносилъ книжки. Принесъ одну и заставилъ Матвѣева читать. Тотъ нѣсколько прочиталъ и сказалъ: „Наплевать въ эту книжку", и сталъ уговаривать Ковалева: „оставь, говоритъ, эти глупости и будешь ты отъ Бога награжденъ. Богъ у насъ одинъ и Царь одинъ".—Свид. *Дмитрій Матвѣевъ.* Василій Ковалевъ пришелъ 1-го или 2-го сентября проситься на квартиру; хотя я не имѣлъ своего дома, но я просилъ хозяйку, какъ будто у меня предчувствіе сердца было. Она послушалась и приняла его. На другой день Ковалевъ сталъ меня склонять въ ихъ дѣла. Но я, какъ твердый своему отечеству и присягѣ, не согласился и убѣдительно его просилъ, чтобы онъ покончилъ это свое дѣло. Онъ сталъ произносить разныя вещи: „Ты, говоритъ, не имѣешь богатства, а другіе богаты". Я говорю, если не далъ Богъ мнѣ богатства, то нельзя его отбирать у другихъ съ разбоемъ. Да какъ быть: возьмемъ мы съ тобой, говорю, двѣ чашки—одна хорошая, а другая плохая. Кому брать хорошую и кому плохую? Ты скажешь, что тебѣ хорошую, а я скажу—мнѣ Какъ же мы будемъ дѣлить богатство? Одинъ раздоръ будетъ, и мы другъ друга только перебьемъ. Онъ говоритъ: „Такъ и будетъ; будемъ убивать, всѣхъ убьемъ". Я говорю: Какъ стадо коровъ нельзя пустить безъ пастуха, такъ и намъ нельзя быть безъ Царя. Если у насъ не будетъ Царя, не будетъ начальниковъ, не будетъ войска, тогда правительства иностранныя придутъ и какъ мочалкой будутъ нами помыкать. Онъ сталъ клониться на мою сторону. Потомъ говоритъ: „А что, дадутъ мнѣ тысячу рублей—я все скажу?" Тутъ я ему насулилъ нѣсколько тысячъ, обѣщалъ и чиновъ. Онъ согласился высказать и все предъявилъ приставу.—*Тов. оберъ-прокурора.* Онъ не говорилъ вамъ, откуда его прислали?—Свид. *Матвѣевъ.* Изъ Кіева.—В. Не говорилъ ли онъ вамъ, съ кѣмъ живетъ онъ въ Тулѣ?—О. Онъ говорилъ только о Герасимовѣ и о дѣвушкѣ. Называлъ ее Марьей. Онъ сердился на нее, потому что занялъ у нея сорокъ копѣекъ; она ихъ требовала, а онъ не имѣлъ.—В. Вы ему говорили, что онъ получитъ награду?—О. Да, я самъ отъ себя говорилъ.—В. Васъ никто не просилъ это сдѣлать?—О. Никто этого и не зналъ, пока онъ не объяснилъ частному приставу, и дѣло дошло до тайной полиціи —В. Кураковъ не бывалъ у Ковалева?—О. У насъ случилось мертвое тѣло, и Кураковъ былъ въ понятыхъ, и я былъ. Онъ сталъ мнѣ дѣлать упреки, что я уговорилъ Ковалева объяснить на товарищей. Это, говоритъ, не твое дѣло: обошлось бы безъ тебя. Ковалевъ слышалъ этотъ разговоръ нашъ, пошелъ и донесъ жандармскому генералу. — Подс. *Ковалевъ.* Когда я пришелъ къ вамъ, то книжки тогда при мнѣ были или не были?—Свид. *Матвѣевъ.* При тебѣ не было; ты принесъ ихъ послѣ. Сначала „Сказку о четырехъ братьяхъ" изустно говорилъ, а потомъ принесъ „Хитрую механику". Эту книжку онъ тайно сходилъ и взялъ, чтобы снести ее въ часть. Онъ просилъ найти человѣка, чтобы написать прошеніе. Я ему сказалъ, что это не нужно, а что можно такъ разсказать, а ужъ тамъ поймутъ. Онъ хотѣлъ весь чемоданъ взять: возьму, говоритъ, съ книгами и представлю. Я ему запретилъ это, такъ какъ тогда они всѣ разбѣгутся. Онъ послушалъ и взялъ только эту книжку „Хитраго механика".—Подс. *Ковалевъ.* Это не вѣрно: у меня вовсе не было чемодана.—Свид. *Матвѣевъ.* Я этого и не говорилъ.—Прис. пов. *Коршъ.* Скоро Ковалевъ поддался на ваши убѣжденія?—Свид. *Матвѣевъ.* Скоро. Онъ три дня прожилъ и вскорѣ сталъ уже выслушивать меня и свои пред-

логи оставилъ.—В. Онъ говорилъ вамъ, кто его прислалъ изъ Кіева?—О. Говорилъ, что изъ своего общества. Поминалъ о какой-то княгинѣ, объ акушеркѣ, о дѣвушкѣ.—Помощн. прис. пов. *Нечаевъ*. Вы не знали въ Тулѣ Фетисова?—Свид. *Матвѣевъ*. Зналъ. Въ то время, когда братъ пріѣзжалъ за паспортомъ, я приходилъ къ нему и тамъ увидѣлся съ Фетисовымъ. Я спрашивалъ при мѣстѣ онъ или нѣтъ. Онъ сказалъ, что безъ мѣста.—Присяжн. пов. *Борщовъ*. Вы не знаете, почему Ковалевъ переѣхалъ съ той квартиры?—Свид. *Матвѣевъ*. Онъ сказалъ, что тамъ они живутъ всѣ на своемъ содержаніи. Но я, говоритъ, не могу, оттого, что дорого.—В. Вы хорошо знаете Куракова?—О. Знаю, мы родственники съ нимъ.—В. Какое у него семейство?—О. Остались мальчикъ и дѣвочка. Жена умерла. У нихъ былъ домъ. Родительница его продала и купила другой.—Подс. *Фетисовъ*. По обвинительному акту извѣстно, что когда Герасимъ Петровъ пріѣхалъ съ Ковалевымъ въ Тулу, то я уже въ это время въ селѣ Панинѣ жилъ. Я Матвѣева совсѣмъ не зналъ.—Подс. *Ковалевъ*. Свидѣтель говоритъ, что я у Куракова на квартирѣ жилъ. Я поступилъ на квартиру къ хозяйкѣ своей. Ходилъ на работу, а вечеромъ приходилъ домой. Разговоровъ съ нимъ не имѣлъ никакихъ особенныхъ относительно пропаганды. Когда пришелъ вечеромъ въ субботу, то я двѣ книжки принесъ, которыя получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка, и ему показалъ. Онъ прочиталъ книжки и говоритъ, что онѣ противоправительственныя: заяви, говоритъ, въ полицію; получишь за это себѣ награду.—Свид. *Елизавета Матвѣева* (жена предыдущаго свидѣтеля) подтвердила показанія мужа и, между прочимъ, объяснила относительно разговора между Ковалевымъ и ея мужемъ: „Онъ (Ковалевъ) свои законы говорилъ, а мой свои говорилъ“. Ковалевъ приносилъ двѣ книжки и говорилъ, что получилъ ихъ отъ Марьи, жившей въ домѣ Кузовлева Разъ приходилъ Герасимъ и спрашивалъ Ковалева, но его не было дома. Потомъ свидѣтельница видѣла Герасима вмѣстѣ съ Ковалевымъ гулявшими по площади во время представленія акробатовъ.—Подс. *Ковалевъ*. Свидѣтельница никакъ не могла меня видѣть. Я пріѣхалъ изъ Кіева и зашелъ къ Марьѣ, такъ какъ знакомъ былъ. Потомъ дѣйствительно я пообѣдалъ у Едуковыхъ. Такъ какъ я показалъ, что получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка книжки, то я получилъ ихъ отъ Петра, а а не отъ Марьи.—*Первоприсутствующій*. Кто это Петръ?—Подс. *Ковалевъ*. Сидоренко.—Свидѣтель *Михаилъ Шильниковъ* показалъ, что работалъ въ мастерской вмѣстѣ съ Иваномъ Семеновымъ. Потомъ онъ ушелъ, впослѣдствіи ушелъ и свидѣтель и поступилъ на заводъ въ Панино. Иванъ Семеновъ былъ уже тамъ вмѣстѣ съ Зайцевымъ, котораго онъ называлъ двоюроднымъ братомъ. Потомъ къ нимъ прибылъ третій—Герасимъ. Оттуда они, взявши разсчетъ, уѣхали 7-го сентября. Свидѣтель получилъ отъ нихъ книжку „Исторія фабричной жизни“, которую онъ представилъ директору завода. „Сказку о четырехъ братьяхъ“ разсказывалъ Иванъ Семеновъ. Они говорили свидѣтелю, что прежде жили въ Кіевѣ. Изъ тульскихъ знакомыхъ „поминали дѣвку Машку“. Подс. *Фетисовъ* и *Сидорацкій* признали свидѣтеля. Прочитано показаніе неявившагося свидѣтеля Михаила *Кукина*. Между прочимъ, изъ этого показанія видно, что Фетисовъ, Зайцевъ и Петровъ проживали вмѣстѣ съ свидѣтелемъ на квартирѣ въ Панинѣ. Зайцевъ и Герасимъ называли себя родственниками. Петровъ пріѣхалъ послѣ въ Панино. При встрѣчѣ съ толпою рабочихъ онъ прямо подошелъ къ Ивану Семенову. Между Зайцевымъ и Фетисовымъ были близкія отношенія и они постоянно на постели шушукались. Говорили, что у Ивана Семенова въ Тулѣ есть хорошія книжки, которыя онъ хотѣлъ привезти. Жена свидѣтеля слышала, какъ Иванъ Семеновъ ругался съ Герасимомъ изъ-за книжекъ. Иванъ Семеновъ разсказывалъ „сказку о четырехъ братьяхъ“. Свидѣтель хорошо ее не разслушалъ, потому что былъ занятъ чтеніемъ библіи. Разговоровъ противоправительственныхъ отъ Ивана Семенова не слыхалъ. Потомъ Иванъ Семеновъ ушелъ съ завода, хотѣлъ отправиться въ Кіевъ, или Курскъ, а потомъ ушелъ Зайцевъ, говоря, что безъ Ивана ему нечего оставаться. Свид. Семенъ *Голубевъ* показалъ, что одна госпожа занимала номеръ въ гостиницѣ, бывшей Кокорева, въ Москвѣ. Свидѣтель подавалъ ей чай и вообще прислуживалъ. Уѣхала она одна.—Подс. *Ольга Любатовичъ*. Я признаю, что была въ гостиницѣ, но Сидорацкаго тамъ не было. Стороны заявили ходатайство о предъявленіи и прочтеніи нѣкоторыхъ вещественныхъ доказательствъ. Предъявленъ паспортъ Махоткиной, на которомъ есть отмѣтки о проживательствѣ ея въ Кіевѣ.—Подс. *Ольга Любатовичъ*. У меня отобрали всѣ бумаги и не возвратили. Поэтому я принуждена была пользоваться этимъ паспортомъ.—Подс. *Ковалевъ*.

Такъ какъ по пріѣздѣ изъ деревни въ Кіевъ на сахарный заводъ я напялся здѣсь по контракту на шесть мѣсяцевъ и взялъ пятнадцать рублей впередъ, то обязанъ былъ исполнить контрактъ. Я не хотѣлъ оставаться и просилъ директора дать разсчетъ. Онъ сказалъ, что „я представлю тебя къ мировому судьѣ“. Тогда я бросилъ деньги и паспортъ—купилъ подложный и поѣхалъ въ Тулу. Я пріѣхалъ съ Герасимомъ, съ которымъ жилъ на заводѣ въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Тулу, онъ уѣхалъ въ Панино, а я остался. Пришли мы съ Герасимомъ, гдѣ жила Марья; послѣ обѣда пошли искать работу, а потомъ я нашелъ себѣ квартиру. Взялъ двѣ книжки отъ Петра Сидоренко и показалъ сапожнику (свид. Матвѣевъ). Онъ сказалъ, что книжки противоправительственныя. Заявите, говоритъ, ихъ въ часть. Я предъявилъ это дѣло и сказалъ, что проживаю по подложному паспорту и имѣю двѣ книжки. Представьте ихъ куда слѣдуетъ, а меня препроводите на родину. Приставъ познакомилъ меня съ генераломъ и съ прокуроромъ. Тогда начались допросы. Я, дѣйствительно, всѣхъ не могъ знать лично. Видѣть видалъ на подобіе этихъ личностей, но всѣхъ не зналъ. Мнѣ уже тамъ сказали, что я къ тайному обществу принадлежалъ, а я никакого общества не зналъ. Затѣмъ мнѣ говорили, чтобы я на судѣ сказалъ, что я все доподлинно знаю.—*Первоприсутствующій.* А вы почему это знаете?—Подс. *Ковалевъ.* Когда повезли въ Кіевъ, меня посадили въ тюремный замокъ. Я хотѣлъ объяснить высшему начальству, если бы могъ подать прошеніе, но я сидѣлъ за замкомъ. Мнѣ разныя грубости произносили за то, что я хотѣлъ разъяснить. Меня сажали такъ, что не было звука, никакого зрѣнія. Больше ничего на имѣю.—По просьбѣ защиты Ковалевъ спрошенъ о томъ, принадлежалъ ли Злобинъ къ пропагандистамъ.—Подс. *Ковалевъ.* Относительно Злобина я ничего не говорилъ и не понималъ его.—Прис. пов *Ольхинъ.* Говорила ли Ольга Любатовичъ, что Злобинъ извѣстенъ въ компаніи подъ именемъ Ваньки?—Подс. *Ковалевъ.* Нѣтъ, не говорила.—Подс. *Ольга Любатовичъ.* Я Злобина совсѣмъ не знаю, слѣдовательно, не могла и говорить.—Затѣмъ были предъявлены три письма, изъ которыхъ прочитано два; содержаніе ихъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Подс. *Хоржевская* и *Млодецкій* признали, что они писаны ими. Затѣмъ въ отношеніи третьяго письма Любатовичъ заявила, что оно писано не ея рукою, но экспертиза признала, что оно писано ею, и она сказала: „а потому, мнѣ все равно“.—*Первоприсутствующій.* Оно у васъ было отобрано?—Подс. *О. Любатовичъ.* Да, на постели.—Подс. *Млодецкій.* На дознаніи я призналъ письмо своимъ и сказалъ, что болѣе разъяснять не буду. Я сдѣлалъ это потому, что не хотѣлъ компрометировать одну личность, которая умерла, и теперь я могу сказать. Письмо это писано мною по просьбѣ Подгородецкаго. Онъ былъ боленъ и не могъ писать. Онъ далъ мнѣ черновое письмо, и я переписалъ. О значеніи этого письма я и теперь ничего не могу сказать.—Прочитано письмо, писанное по шифру „Эй, подлецъ“. Между прочимъ, говорится: „Ты переврала адресъ. Деньги нельзя получить“. Далѣе, что Василій болтаетъ откуда пріѣхалъ и гдѣ бралъ деньги. Выражается неудовольствіе на знакомство „съ такою сволочью“; что онъ „скоро влопаетъ насъ“. Наконецъ, совѣтуется перемѣнить квартиру. На оборотѣ сказано: „Прошу передать Глѣбовой“. Подсуд. *Хоржевская* заявила, что всѣ письма на имя Глѣбовой присылались къ ней, на имя Хоржевской. Прочитанъ протоколъ обыска въ Кіевѣ, въ квартирѣ Гельфманъ; протоколъ обыска въ квартирѣ Горошенковой, въ домѣ Вѣтровой; протоколъ обыска у крестьянина Острова. Предметы, найденные при этихъ обыскахъ, указаны въ обвинительномъ актѣ. *Тов. оберъ-прок.* обратилъ вниманіе на то, что въ одной изъ книжекъ, взятыхъ у Горощенко, оказались адресы Злобина и Фетисова.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Островъ, не желаете ли объяснить, какимъ образомъ оказались у васъ эти книжки, гербовые листы и чужіе виды.—Подс. *Островъ.* Начальству извѣстно, что я крестьянинъ Мстиславскаго уѣзда, деревни Дубровки. До 1870 года я жилъ, какъ всѣ крестьяне, и имѣлъ землю, но въ 1871 году, обѣднѣвъ и лишившись средствъ къ пропитанію, я выпросилъ годовой паспортъ и пошелъ въ Кіевъ работать на фабрику. Тамъ у меня родственники были: дядя пятнадцать лѣтъ монахомъ въ монастырѣ и одна сродственница кухаркой. Черезъ нихъ я нашелъ себѣ мѣсто у барыни Денисовой. Далѣе подсудимый съ мельчайшими подробностями разсказалъ свою жизнь въ дворникахъ. Что же касается найденныхъ при немъ книгъ и бумагъ, то онъ объяснилъ, что, желая отправиться на родину, онъ просилъ свою хозяйку дать ему разсчетъ. Но она медлила. Разъ къ нему приходитъ рабочій, мусорщикъ Родіонъ, и приноситъ огромный тюкъ книжекъ, между кото-

рыми газеты торчатъ. Онъ сказалъ: „что ты, Петръ, грамотѣ знаешь, а я не знаю—почитай“.—Чьи книги, спрашиваю?—Онъ сказалъ: „наши“.—Куда несешь?—„Къ тебѣ“.—На что?—„Читать“.—Нашелъ, говорю, время читать. Я ему отказался наотрѣзъ читать. На это онъ сказалъ: „хочешь—читай, хочешь—нѣтъ; другое время найдешь—почитаешь. Тутъ есть хорошія книги—можешь выбрать. Пусть, говоритъ, у тебя полежатъ“. А я не разслышалъ, что есть дурныя книги, и сказалъ: положи на полку, пехай лежатъ. Онъ положилъ и исчезъ—по сихъ поръ его не видалъ. Я дожидалъ, пока мнѣ деньги барыня отдастъ.—*Первоприсутствующій.* А какъ попали къ вамъ фальшивые паспорты на имя Елисѣевой, Горощенковой и другихъ.—Подс. *Островъ.* А вотъ, я жду себѣ денегъ, а книги лежатъ безъ вниманія. 14-го сентября приказали мнѣ купить лѣкарства въ аптекѣ и дали бумажку 25 руб. Я взялъ и посчиталъ, сколько мнѣ приходится. Сосчиталъ—за четыре съ половиною мѣсяца 22 р. 50 к. Я забираю 22 р. 50 к., собрался итти, глянулъ на полку и вижу—добрый человѣкъ книги бросилъ, я забралъ ихъ съ собою и пошелъ. Я пробылъ дома съ недѣлю. Пришли десятскій и становой. Спросилъ: покажи паспортъ. Какой, говорю, паспортъ, когда я дома. У тебя, говоритъ, книжки есть, непозволенныя какою-то цензурою. Вотъ, говорю, извольте, а я не знаю. Сталъ онъ разворачивать, а въ книжкахъ были заворочены панскіе виды, штукъ шесть. Я такъ и ахнулъ. Меня взяли и привезли въ Кіевъ.—Прочитанъ протоколъ обыска въ комнатѣ, занимаемой Григоріемъ Александровымъ, при чемъ были найдены книги и газеты преступнаго содержанія, гербовая бумага, печати, вырѣзанныя на аспидныхъ кружкахъ, краска и проч.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Григорій Александровъ. Вы признаете, что всѣ эти вещи найдены у васъ?—Подс. *Григорій Александровъ.* Да, дѣйствительно, всѣ были найдены. Я показалъ, что книги взялъ у Подгородецкаго. Въ то время я уже зналъ, что онъ умеръ, и я хотѣлъ воспользоваться его смертью, чтобы свалить съ своей шеи. Откуда я получилъ книги—сказать не желаю.—Подс. *Хоржевская.* Книги были даны Александрову на храненіе мною.—Свид. *Марина Казимірова* показала, что у нея занимала комнату акушерка. Къ ней много ходило мужчинъ, приходили и женщины. Свидѣтельницѣ это не нравилось, и она стала настоятельно отказывать отъ квартиры. Въ тотъ день, когда ихъ арестовали, акушерка собиралась выбраться съ квартиры. Одно время они получили деньги съ почты, и тогда собралось четверо мужчинъ и двѣ дѣвушки. Послѣ ареста приходили спрашивать акушерку, и эти лица были арестованы жандармомъ, который сидѣлъ въ квартирѣ. Подс. *О. Любатовичъ* заявила, что она первая наняла эту квартиру. Сначала она жила въ гостинницѣ „Grand Hôtel“, а потомъ переѣхала на эту квартиру. Подс. *Гельфманъ* заявила, что она жила въ этой квартирѣ. Подс. *Хоржевская* объяснила, что она познакомила Ольгу Любатовичъ съ Гельфманъ. Любатовичъ собиралась уѣхать, квартира оставалась бы пустая, а такъ какъ Гельфманъ искала квартиру, то подсудимая просила Любатовичъ передать свою квартиру Гельфманъ. Прочитано показаніе свидѣтельницы Екименко, дочери Казиміровой. Сущность этого показанія изложена въ обвинительномъ актѣ. Свид. *Михаилъ Котиковъ* показалъ, что у него квартировали двое мужчинъ и женщина, называвшаяся сестрою одного изъ мужчинъ. Прожили они десять дней. Это было въ августѣ 1875 г. Постоянно жили одинъ мужчина и женщина, а другого мужчину видѣлъ только одинъ разъ. Говорили, что мужчины работаютъ въ мастерской на желѣзной дорогѣ. Женщина была беременна. Съ квартиры они выбрались до свѣту, часа въ два.—Прис. пов. *Коршъ.* Вы утверждаете, что они жили у васъ десять дней въ августѣ?—Свид. *Котиковъ.* Да, въ августѣ. — Подс. *Воронковъ.* Сколько дней жилъ я у васъ? — Свид. *Котиковъ.* Десять дней.—*Первоприсутствующій.* Вы признаете его?—Свид. *Котиковъ.* Да, этотъ.—Подс. *Воронковъ.* Я признаю свидѣтеля.—Въ виду противорѣчія относительно времени, въ которое подсудимые жили у Котикова, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочитать его показаніе, такъ какъ въ немъ сказано, что „вотъ одиннадцатый день, какъ они наняли у меня квартиру“, а показаніе это дано 10-го сентября.—Свид. *Котиковъ.* Не припомню хорошенько: это было во время пріѣзда Государя.—Подс. *Воронковъ* замѣтилъ, что пріѣздъ Государя былъ въ августѣ.—Прис. пов. *Коршъ* (къ свидѣтелю). Вы можете разъяснить это разнорѣчіе?—Свид. *Котиковъ.* Нѣтъ.—В. Подсудимые у васъ жили въ августѣ или сентябрѣ?—О. Въ августѣ жили.—В. Сколько времени прошло послѣ того, когда они у васъ жили и когда васъ допрашивали?—О. Мѣсяца полтора.—*Тов. оберъ-прок.* Тогда выйдетъ, что они жили въ іюлѣ.—Свид. *Анна Продьма* показала, что у нея квартировали два госпо-

дина. Одинъ находился постоянно, а другой приходилъ черезъ два или три дня. Квартирантъ говорилъ, что онъ кузнецъ на вокзалѣ. Впослѣдствіи онъ сказалъ, что не можетъ платить за квартиру, потому что дорого, и выѣхалъ.—*Первоприсутствующій.* Вы помните обѣ эти личности?—Свид. *Продьма.* Могла бы припомнить.—Подс. *Воронковъ.* Я признаю свидѣтельницу.—Свид. *Продьма.* Этотъ жилъ, а потомъ приходилъ высокій блондинъ.—Подс. *Млодецкій.* Не я ли?—Свид. *Продьма.* Да, вы.—Прис. пов. *Коршъ.* Кромѣ этихъ лицъ, жила у васъ еще какая нибудь женщина?—Свид. *Продьма.* Приходила какая-то молоденькая женщина, босая, въ крестьянской одеждѣ.—В. Какъ проводили они праздники?—О. Никогда не были дома. Къ нимъ приходили товарищи и уводили ихъ.—Свидѣтельница не могла узнать изъ числа подсудимыхъ ту женщину, которая приходила.—Прис. пов. *Коршъ.* Къ Воронкову приходилъ кто-нибудь?—Свид. *Продьма.* Иногда приходили.—В. Книгъ у него не видали?—О. Кромѣ сору, ничего не было, даже постели не было, на чемъ спать; двери у него всегда были закрыты.—В. Вы не показывали, что онъ запирался съ кѣмъ-то приходившимъ и говорили тихо?—О. Кажется нѣтъ.—*Первоприсутствующій.* Г. защитникъ, вы не имѣете право дѣлать свидѣтельницѣ вопросъ въ такой утвердительной формѣ. Вы можете ей предложить вопросъ въ обыкновенной формѣ, а не утвердительно.—Прис. пов. *Коршъ.* Я такъ сказалъ, чтобы она лучше поняла. (Къ свидѣтельницѣ). Гостей у него не бывало?—Свид. *Продьма.* Нѣтъ, приходили, но сейчасъ же уходили съ нимъ вмѣстѣ.—В. Можете узнать кого-нибудь изъ тѣхъ, кто приходилъ?—О. Нѣтъ.—Подс. *Воронковъ.* Чемодана у меня не было?—Свид. *Продьма.* У васъ была только одна поддевка.—В. Чтенія въ квартирѣ были?—О. Нѣтъ. Кромѣ гармоніи, я у васъ ничего не слыхала. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

По просьбѣ прис пов. *Корша* спрошена вновь свидѣтельница Продьма. Прис. пов. *Коршъ.* Когда васъ допрашивали въ Кіевѣ, вамъ предъявляли кого-нибудь изъ арестованныхъ?—Свид. *Продьма.* Фотографическія карточки показывали.—В. А въ лицо можете теперь узнать?—О. Теперь лица измѣнились. Времени прошло много. По карточкамъ узнаю.—Защита просила предъявить подсудимыхъ Ковалева и Григорія Александрова. Встаетъ подс. *Ковалевъ.*—Свид. *Продьма.* Онъ приходилъ къ тому, который у меня квартировалъ.—Встаетъ подс. *Григорій Александровъ.*—Свид. *Продьма.* Да, этотъ приходилъ.—Подс. *Г. Александровъ.* Я ни разу не былъ въ этомъ домѣ.—Свид. *Продьма.* Вы приходили и спрашивали меня, дома ли квартиранты?—Подс. *Ковалевъ.* Я даже не знаю, изъ какого города свидѣтельница. Ихъ домъ я совершенно не знаю.—Свид. *Вѣтрова* показала, что она поручила Богдановой сдать квартиру на Деміевкѣ въ своемъ домѣ. Вскорѣ Богданова дала знать, что квартиру она сдала какой-то женщинѣ. Свидѣтельница пришла, чтобы спросить паспортъ. Она застала еще какихъ-то двухъ женщинъ и мальчика. Женщины тотчасъ же ушли, а квартиранткa сказала, что паспортъ у мужа, и что онъ придетъ въ воскресенье и принесетъ. Свидѣтельница пришла въ воскресенье, но женщина сказала, что мужъ еще не приходилъ; потомъ она встрѣтила дочь Богдановой, которая ей сообщила, что жильцовъ уже нѣтъ въ квартирѣ. Женщина называлась курской мѣщанкой и говорила, что мужъ ея плотникъ и работаетъ гдѣ-то на Крещатикѣ. Изъ двухъ женщинъ, встрѣченныхъ на квартирѣ, свидѣтельница узнала въ одной акушерку, такъ какъ прежде мыла на нее бѣлье. Свидѣтельница спрашивала у жилицы, почему такъ скоро ушли эти двѣ женщины. Она сказала, что это горничныя и что имъ нужно идти на Крещатикъ. Осмотрѣвъ подсудимыхъ, свидѣтельница указала на Хоржевскую, какъ на свою жилицу, которая заявила, что признаетъ свидѣтельницу.—Свид. *Сусанна Богданова* показала, что разъ пришла по-деревенски одѣтая женщина и спросила, нѣтъ ли квартиры. Свидѣтельница указала ей на комнатку въ домѣ Вѣтровой, которую та просила отдать. Женщина взяла ее. Съ ней была одна торбочка. Она сказала, что пришла изъ Курска къ мужу, который былъ въ Кіевѣ въ плотникахъ и долженъ былъ поступить на сахарный заводъ. Свидѣтельница дала знать Вѣтровой, которая приходила къ жилицѣ спрашивать паспортъ. Разъ, придя изъ города, свидѣтельница узнала отъ дочери, что жилицы уже нѣтъ. Вмѣстѣ съ нею находился какой-то мальчикъ въ масляной рубашкѣ. Она называла его братомъ. Приходили еще двѣ женщины. Мужчинъ никакихъ не видала. Квартира была занята осенью, передъ пріѣздомъ Государя.—Прочитаны показанія свидѣтеля *Никифора Пахилевича* и его жены. Изъ показаній между прочимъ видно, что къ нимъ приходила какая-то женщина

съ братомъ и нанимала квартиру. По виду супруги думали, что женщина не въ состояніи будетъ платить за квартиру, а потому отказали, и согласились только позволить имъ переночевать. Они переночевали и ушли. Въ предъявленныхъ свидѣтелямъ княгини Циціановой и Ковалевѣ они признали тѣхъ, которые приходили нанимать квартиру.—Подс. *Хоржевская.* Я на этой квартирѣ не жила, но ночевала ли—не помню.—Подс. *Ковалевъ.* Я на этой квартирѣ не былъ.—Свид. *Марья Драгунова* показала, что часто видѣла двухъ лицъ, бывавшихъ у Подгородецкаго. Одинъ назывался Михаилъ Петровъ, а другой Шаремскій. Они приносили Подгородецкому книги: „Богъ-то Богъ", „Сказка о копейкѣ", „Сборникъ русскихъ пѣсенъ и стиховъ" и еще нѣсколько другихъ книгъ, заглавія которыхъ свидѣтельница не знаетъ. Она спрашивала Подгородецкаго, что это за личности, но онъ отвѣчалъ: „это не твое дѣло; тебѣ это лишнее знать". Разъ назвалъ ихъ московскими студентами, а потомъ говорилъ, что они работали на вокзалѣ. Кромѣ того, свидѣтельница разъ видѣла, что приходила какая-то женщина. На имя Подгородецкаго было получено нѣсколько писемъ изъ Москвы и повѣстка съ деньгами для передачи Петрову. Подгородецкій говорилъ свидѣтельницѣ, что онъ познакомился съ Шаремскимъ на вокзалѣ, а черезъ него съ Петровымъ, который познакомилъ его еще съ однимъ господиномъ, съ рыжею бородой. Подгородецкій нерѣдко говорилъ, что недоволенъ этимъ знакомствомъ. Онъ ни чѣмъ не занимался, но приносилъ по 10, 15 и 20 р., а откуда бралъ—свидѣтельница не знаетъ. Послѣднее время онъ получилъ мѣсто учителя и хотѣлъ ѣхать. Подгородецкій говорилъ, что книжки приносилъ бо́льшею частью Петровъ, сказывая, что самъ бралъ отъ рыжаго студента. Свидѣтельница признала подсудимыхъ Воронкова и Млодецкаго за видѣнныхъ ею Петрова и Шаремскаго.—Свид. *Елизавета Хоржевская* (сестра подсудимой) показала, что въ концѣ мая или началѣ іюня 1875 г. познакомилась въ Одессѣ черезъ свою сестру съ дѣвушкою, которая называлась Ольгой. Вмѣстѣ съ нею онѣ выѣхали изъ Одессы. Свидѣтельница отправлялась въ Петербургъ, чтобы поступить въ Надеждинское училище. Въ Кіевѣ остановились въ гостиницѣ, а потомъ перебрались на квартиру къ Гельфманъ. Свидѣтельница должна была остаться нѣсколько времени въ Кіевѣ, такъ какъ не хватило денегъ на дальнѣйшій путь, и она ожидала отъ отца. Ольга называлась Махоткиной. Въ тотъ же день, какъ перебрались къ Гельфманъ, Ольга уѣхала въ Москву, сказавъ свидѣтельницѣ, что она можетъ ее найти въ гостиницѣ Кокорева, и просила привезти ей два платья. Получивъ деньги, свидѣтельница поѣхала въ Петербургъ, но въ Москвѣ узнала, что уже поздно, и возвратилась назадъ. Придя въ Кіевѣ въ квартиру Гельфманъ, она была задержана. Въ Москвѣ она уже не застала Ольгу. Ей сказали, что она куда-то уѣхала съ господиномъ среднихъ лѣтъ. Свидѣтельницѣ предъявлены платья, изъ которыхъ она указала на два, которыя возила къ Ольгѣ.—Подсуд. *Ольга Любатовичъ.* Я признаю. Два, или три, или шесть платьевъ—мнѣ все равно.—*Тов. оберъ-прок.* (къ свид. Хоржевскому, отцу подсудимой). По какому поводу уѣхала ваша дочь Елизавета изъ Одессы?—Свид. *Хоржевскій.* Она была за границей, пріѣхала: сказала, что ей нужно ѣхать, и поѣхала.—В. Развѣ у васъ обѣ дочери, Александра и Елизавета, были за границей?—О. Елизавета не была.—В. Я спрашиваю о Елизаветѣ. О. Она поѣхала по своимъ дѣламъ.—В. Не знаете ли, съ какою цѣлью?—О. Не могу знать. Она сказала, что ей нужно поѣхать, и поѣхала.—В. Вмѣстѣ съ нею никто не поѣхалъ?—О. Никто.—В. Не посѣщала ли вашъ домъ дѣвушка подъ именемъ Ольги?—О. Посѣщали знакомыя, но я на это вниманія не обращалъ. Имени и въ лицо ихъ не знаю.—*Первоприсутствующій.* Не можете ли сказать что-нибудь относительно брака вашей дочери?—Свид. *Хоржевскій.* Когда она пріѣхала изъ-за границы, она сказала, что желаетъ выйти замужъ. Я сказалъ: съ Богомъ. Пріѣхалъ женихъ; она мнѣ представила его, и въ теченіе двухъ недѣль состоялся бракъ.—*Тов. оберъ-прок.* За кого вышла ваша дочь?—Свид. *Хоржевскій.* За князя Циціанова.—В. Не можете ли узнать его здѣсь?—О. (осмотрѣвъ подсудимыхъ). Не могу вамъ сказать.—Подс. *князь Циціановъ.* Я заявляю, что не я былъ женихомъ. Я уговорился съ Хоржевской заключить фиктивный бракъ и просилъ своего знакомаго исполнить это за меня, такъ какъ самому мнѣ нельзя было ѣхать въ Одессу. Знакомый взялъ мои бумаги, чтобы совершить обрядъ.—Прис. пов. *Зубаревъ* (къ свидѣтелю). Приданое вы дали за дочерью?—Свид. *Хоржевскій.* Платье, бѣлье и вообще расходъ стоилъ 1500 р., изъ числа которыхъ я далъ ей деньгами только 200 р. на дорогу.—*Первоприсутствующій.* Подсудимая Хор-

жевская, что вы имѣете сказать?—Подс. *Хоржевская.* Я подтверждаю, что цѣль брака была не для полученія денегъ, такъ какъ денегъ я не получила, а бракъ былъ заключенъ съ тою цѣлью, чтобы отецъ вѣрилъ, что судьба моя вполнѣ обезпечена, и не безпокоился обо мнѣ. На этомъ былъ окончепъ допросъ свидѣтелей по дѣлу Тулы и Кіева.

Предъявлены и прочитаны двѣ депеши отъ имени Аристарховой на имя Гельфманъ и Медвѣдовскаго о томъ, чтобы не присылать въ Одессу и Москву ни одного письма. Депеши подсудимая Надежда Субботина признала за свои. Прочитано письмо изъ Москвы отъ 10 сентября слѣдующаго содержанія: „Мильйшій другъ! Жду съ петерпѣніемъ кого-нибудь на подмогу. Вы не можете себѣ представить мое ужасное положеніе. Напишите отъ себя *Рыжему*, чтобы онъ пріѣзжалъ, измѣнивъ предварительно свой паружный видъ и припявъ къ свѣдѣнію, что по прежнимъ мѣстамъ жительства ходить не надо,—on le cherche. Посылаю адресъ исключительно для послѣдняго: *Демидовскій Малый* переулокъ, домъ *Михайлова*, второй отъ угла переулка, квартира наверху, *во флигелѣ г-жи Майеръ*, спросить *Станчинскаго*, тамъ спросить Антопа, который ему укажетъ, куда идти. Черезъ нѣкое время я вамъ сообщу квартиру, на которую можно являться; но нужно замѣтить, что она общая съ *гинебу* и другими; чортъ возьми, какъ пакостно. Пиши сейчасъ по полученіи сего письма и получила ли деньги сполна на адресъ *Миньо*. Мутруку напиши тоже, чтобы пріѣхалъ, но только не на этотъ адресъ, а зашелъ бы къ *Миньо*, гдѣ узнаетъ мой адресъ. Была вчера у Ольги. Она, слава Богу, жива и здорова; волченокъ шлетъ поклонъ. Прощай. Напиши одесскій адресъ немедленно; je suis seule. Пусть извѣстятъ *Эсеньани*, чтобы онъ остерегался всего дурного". Подсуд. *Надежда Субботина* заявила, что это письмо не ея, такъ какъ она въ то время жила въ Одессѣ. Предъявлены различныя вещественныя доказательства, и въ числѣ ихъ, между прочимъ, рукопись подъ заглавіемъ: „Человѣкъ, любящій правду" и „Разсказъ солдата", а также счетъ книгъ, изъ которыхъ видно ихъ движеніе—приходъ и расходъ. Прис. пов. *Зубаревъ* обратилъ вниманіе суда на то, что въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находятся документы Гельфманъ, посланные ей изъ Гадячской управы, которые были адресованы на имя Допецкой, съ передачей Гельфманъ. Прочитанъ обыскъ на сахарномъ заводѣ и экспертиза печатей.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Григорій Александровъ, желаете дать какія-нибудь объясненія по поводу экспертизы?—Подс. *Григорій Александровъ.* Я уже вчера заявилъ, что относительно найденнаго у меня я показаній давать не желаю.—По просьбѣ защиты, подсудимымъ Ковалеву и Хоржевской были предложены вопросы о томъ—былъ ли первый знакомъ съ Гельфманъ, и если бывалъ у нея, то что дѣлалъ; и когда происходилъ разговоръ, о которомъ упоминается въ обвинительномъ актѣ, начинающійся словами „весною и лѣтомъ онъ работалъ на сахарномъ заводѣ", и т. д.; и по какому поводу вторая познакомилась съ Гельфманъ, и какія у нихъ были отношенія?—Подс. *Ковалевъ.* Относительно Хоржевской я долженъ заявить, что я квартировалъ на Деміевкѣ и не бывалъ въ Кіевѣ, такъ какъ у насъ не дозволено ходить съ завода, и я не имѣлъ счастія познакомиться ни съ кѣмъ изъ нихъ и расхаживать. Потомъ я долженъ заявить, что книгъ не бралъ отъ Герасима Петрова, такъ какъ я неграмотный. Но, дѣйствительно, Герасимъ давалъ книги рабочимъ. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ. Я былъ знакомъ съ нимъ еще до пожара на заводѣ.—Подс. *Хоржевская.* Я познакомилась съ Гельфманъ въ кухмистерской. Это было незадолго до того, какъ Ольга Любатовичъ пріѣхала въ Кіевъ. Я встрѣчала ее въ кухмистерской нѣсколько разъ и бесѣдовала съ нею. Когда Любатовичъ пріѣхала въ Кіевъ и я встрѣтилась съ нею, то посовѣтовала ей нанять квартиру, такъ какъ въ гостиницѣ жить было дорого. Любатовичъ пошла искать квартиру и наняла. Но такъ какъ она должна была уѣхать, и квартира оставалась пустою, то, чтобы не пропадать ей даромъ, при встрѣчѣ въ кухмистерской съ Гельфманъ, я предложила ей эту квартиру, и она согласилась взять ее. Сестру свою я не видала и просила, чтобы ей не говорили, что я въ Кіевѣ, потому что для нихъ въ то время я была на Кавказѣ.—Прис. пов. *Коршъ* просилъ спросить подсудимаго Ковалева относительно его показанія о томъ, что Герасимъ Петровъ познакомилъ его съ Марьей и Николаемъ.—Подс. *Ковалевъ.* Я не знаю, какой это Николай, я зналъ только одну Марью, которая называется теперь Хоржевской.—Подс. *Воронковъ.* Въ обвинительномъ актѣ есть нѣсколько вопросовъ, которыхъ нельзя разъяснить на судебномъ слѣдствіи; тамъ сказано, что я познакомился съ Млодец-

кимъ на работѣ. Но я познакомился съ нимъ въ то время, когда жилъ подъ видомъ студента. Потомъ сказано, что съ Натальей Егоровой меня познакомилъ Млодецкій. Я не знаю, откуда произошла эта ошибка. Я этого не говорилъ; я сказалъ, что меня познакомилъ Подгородецкій, и такъ сказано въ протоколѣ. Ошибка произошла, можетъ быть, потому, что протоколъ очень большой, прокуроръ показывалъ много карточекъ, такъ что писавшій перемѣшалъ фамиліи. Я пришелъ къ Подгородецкому, который сказалъ, что Наталья беременна и не имѣетъ денегъ, и что нѣтъ ли гдѣ-нибудь свободной квартиры. Я сказалъ, что у меня есть двѣ комнаты и въ одной она можетъ жить. Съ Подгородецкимъ я учился вмѣстѣ въ артиллерійскомъ училищѣ три года, значитъ, его хорошо зналъ.—Подс. *Млодецкій*. На дознаніи я показалъ, что слышалъ о Гельфманъ еще въ Москвѣ. Это обстоятельство помѣщено въ обвинительномъ актѣ, и прокуроръ, повидимому, придаетъ этому обстоятельству большое значеніе. Дѣйствительно, я знакомъ былъ съ Вагинымъ, который переписывался съ Гельфманъ. Отъ него я и слышалъ, что она живетъ въ Кіевѣ, и онъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться съ нею. Такимъ образомъ, я и познакомился.—Подс. *Воронковъ*. Относительно писемъ я раньше говорилъ, что получалъ письма отъ брата и изъ Воронежа отъ родителей. Млодецкаго съ Подгородецкимъ познакомилъ я. Мои родители были небогаты. Пища моя была всегда: квасъ, лукъ, рѣдька. Я занимался обыкновенными домашними работами. Крыльцо нужно починить — я починю; вообще дѣлалъ все по хозяйству. Въ военной гимназіи я изучалъ разныя ремесла: столярное, переплетное и другія. У сестры въ деревнѣ я научился полевымъ работамъ. Умѣю косить такъ, что съ любымъ косцомъ поспорю. Вообще вся моя жизнь была такова, что физическій трудъ шелъ у меня наравнѣ съ умственнымъ образованіемъ. На этомъ основаніи обвинять меня въ томъ, что я пошелъ въ качествѣ рабочаго на желѣзную дорогу, будетъ не совсѣмъ удобно. Это все равно, какъ обвинять каменьщика, что онъ кладетъ стѣну, или сапожника, что онъ шьетъ сапоги. Когда мнѣ нечего было ѣсть, я считалъ удобнымъ зарабатывать себѣ хлѣбъ простымъ физическимъ трудомъ, такъ какъ Подгородецкій, житель Кіева, получившій хорошее образованіе, не могъ найти себѣ уроковъ. Слѣдовательно, мнѣ уже не было никакой возможности зарабатывать деньги въ этой сферѣ. На этомъ основаніи, не имѣя денегъ, я поступилъ на вокзалъ, гдѣ получалъ рубль въ день. Я хочу еще сказать, почему я не сказалъ своей фамиліи при первомъ допросѣ. Родители мои —люди пожилые; отцу болѣе 80 лѣтъ. Въ семьѣ у насъ было четырнадцать человѣкъ, изъ которыхъ осталось только два сына. Я, съ своей стороны, такъ же, какъ и они меня, уважаемъ другъ друга. Я слышалъ раньше, что если скажу—кто я, то произведутъ обыскъ и у родителей. Если къ нимъ придутъ ночью, съ шумомъ явятся жандармы, скажутъ: сынъ арестованъ по политическому дѣлу, то они не перенесутъ. Поэтому я скрылъ свою фамилію. А когда мнѣ сказали, что вопросъ о родителяхъ меня не касается и позволили мнѣ писать къ нимъ письма, въ которыхъ я постепенно приготовилъ ихъ, тогда я сказалъ свою фамилію. За то, что я не говорилъ фамиліи, меня содержали въ части, гдѣ мнѣ никакого содержанія не полагалось. Я получалъ только 5 коп. въ сутки и ѣлъ одинъ хлѣбъ, спалъ на голомъ полу, такъ какъ арестованъ былъ въ лѣтней одеждѣ и никакихъ вещей при мнѣ не было.—*Первоприсутствующій*. Вы прежде служили гдѣ-нибудь?—Подс. *Воронковъ*. Служилъ въ артиллеріи. — В. Что же васъ побудило выйти въ отставку и идти въ рабочіе? — О. Я вышелъ сначала по домашнимъ обстоятельствамъ; мое присутствіе тамъ было необходимо. Я полгода пробылъ дома. Потомъ я хотѣлъ изучить агрономію и поступилъ въ Петровскую академію. Но такъ какъ я раньше зналъ эту науку, то оставался тамъ одинъ годъ и оставаться дольше считалъ излишнимъ. Этого года мнѣ было достаточно, чтобы осмотрѣть практическія занятія. Званіе, даваемое тамъ, не имѣетъ въ оффиціальномъ мірѣ никакого значенія. Еще и потому я считалъ излишнимъ тамъ оставаться, такъ какъ мѣстъ никакихъ не даютъ. Я скрылъ отъ родителей выходъ изъ академіи, почему долженъ былъ нѣсколько времени жить въ Москвѣ.—Подс. *Млодецкій*. Обвинительный актъ указываетъ, что я долго скрывалъ свою фамилію, и говоритъ, что только вслѣдствіе указанія Драгуновой фамилія открылась. Это совершенно не такъ было. Когда меня арестовали, я сказалъ, что я особенно взволнованъ грубостью жандармовъ и поэтому не хочу давать никакихъ показаній. Тогда прокуроръ сказалъ, что онъ принужденъ будетъ отправить меня въ качествѣ бродяги въ часть. На другой день я заявилъ свою фа-

милію. Только черезъ четыре дня меня начали допрашивать. Относительно 100 рублей я прошу спросить Александрова. Я заявляю, что приходилъ за ними по порученію Хоржевской, такъ какъ она указала, что Петровъ обязанъ былъ ихъ дать, потому что это деньги ея личныя.—Подс. *Хоржевская*. Деньги дѣйствительно были мои, но находились на сохраненіи у Александрова.—Подс. *Г. Александровъ*. Я подтверждаю показаніе Млодецкаго, а отъ прежнихъ своихъ показаній отказываюсь. При дѣлѣ имѣются блуза и рубашка, и я признаю ихъ за свои. Затѣмъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто я показалъ, что встрѣчалъ Сидорацкаго въ обществѣ пропагандистовъ, между тѣмъ, я показалъ только, что его зналъ и что онъ бывалъ у меня на полигопѣ.—Затѣмъ особое присутствіе приступило къ судебному слѣдствію по 4-й группѣ. Было прочитано нѣсколько актовъ осмотровъ и обысковъ подсудимыхъ и квартиръ.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый князь Циціановъ, вы сдѣлали два выстрѣла?—Подс. *князь Циціановъ*. Сдѣлалъ. Но я долженъ замѣтить, что какъ въ актѣ, такъ и въ протоколѣ говорится не такъ, какъ случилось. Я не знаю, почему обвинитель говоритъ, будто я явился сейчасъ же послѣдовательно послѣ Любатовичъ, тогда какъ актъ говоритъ противное. Я явился послѣднимъ. Увидѣвъ полицію, я прихлопнулъ дверь и побѣжалъ, и меня остановилъ не какой-то купецъ, а погнался за мной переодѣтый. Я упалъ на улицѣ, онъ схватилъ меня и притащилъ. Я обратился къ Ловягину и спросилъ, гдѣ прокуроръ и есть ли предписаніе объ обыскѣ? Онъ сказалъ, что этого не требуется; тогда я заспорилъ съ нимъ и далъ два выстрѣла. Потомъ я хочу заявить, почему я пришелъ въ эту квартиру. Тамъ находилась моя сумка съ книгами и три револьвера. Я за этими вещами и зашелъ. Относительно же сказаннаго въ актѣ, что послѣ выстрѣла я случайно упалъ, то этого не было: меня свалили.—*Первоприсутствующій*. Подсудимая Вѣра Любатовичъ, вы признаете, что...—Подс. *Любатовичъ*. Признаю себя виновною въ томъ, что я не желала убить Ѳедорова. Я вступилась за Циціанова, котораго они могли убить. Потомъ я хотѣла сдѣлать замѣчаніе относительно того, что въ актѣ невѣрно изложено. Говорятъ, что я пришла вмѣстѣ съ Циціановымъ. Это неправда. Я пришла сама и сидѣла до Циціанова часа 4. Послѣ меня пришелъ князь Кочакидзе (подсудимый Кардашевъ). Такъ что обвинять меня въ томъ, что я хотѣла убить, не можетъ быть и рѣчи объ этомъ.—Свид. *Григорій Галактіоновъ* (швейцаръ гостиницы „Украйна“) показалъ, что 11-го августа прошлаго года явились поручикъ Ловягинъ и помощникъ надзирателя Ѳедоровъ, пригласили Евтихіева и приступили къ обыску въ № 12-мъ. Въ это время заглянула въ номеръ какая то дама и тотчасъ же пошла назадъ, но ее вернули. Потомъ пришелъ мужчина, который назвался княземъ Кочакидзе и подалъ поручику свой паспортъ. Его также пригласили остаться, и онъ сѣлъ на диванъ. Затѣмъ, пришелъ еще мужчина, который, заглянувъ въ номеръ, прихлопнулъ дверь и побѣжалъ, но черезъ нѣсколько времени онъ былъ приведенъ. На вопросъ, кто онъ, мужчина не давалъ отвѣтовъ, ходилъ по комнатѣ и щипалъ себѣ бороду, „дѣлая разныя выраженія“. Когда поручикъ Ловягинъ, покончивъ писать, всталъ съ своего мѣста и просилъ подать пальто, тогда вдругъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, а затѣмъ другой. Свидѣтель послѣ перваго же выстрѣла подскочилъ къ стрѣлявшему и толкнулъ его подъ локоть, вслѣдствіе чего пуля пролетѣла въ окно надъ дверью. Послѣ этого свидѣтель ухватилъ стрѣлявшаго сзади, повалилъ на полъ, легъ на него и сталъ отнимать револьверъ. Указательный палецъ правой руки попалъ подъ курокъ и онъ долго не могъ освободить его. „Происшествіе стрѣльбы кончилось въ 4 часа пополудни“. Полиція явилась часовъ въ 11 утра, и вскорѣ начался обыскъ. Когда свидѣтель, лежа на стрѣлявшемъ, отнималъ револьверъ, къ нему на помощь бросился Ѳедоровъ. „Я лежалъ сверху, а онъ сбоку“. Тогда на Ѳедорова бросилась барышня и стала царапать ему лицо. Ѳедоровъ вскочилъ и сталъ отбиваться. Ѳедоровъ—мужчина невысокаго роста, плотный, а женщина также небольшаго роста, худощавая. Послѣ заарестованія этихъ лицъ, свидѣтелю было дано знать, что если кто придетъ и будетъ спрашивать Гамкрелидзе, то „останавливать и препровождать въ кварталъ черезъ полицію“. Такимъ образомъ, было арестовано нѣсколько человѣкъ. Свид. *Иванъ Евтихіевъ* показалъ, что когда пришла полиція и его пригласили, то Гамкрелидзе дома не было. Принесли ключъ, отперли и приступили къ обыску. Вскорѣ пришла дама, которую задержали, потомъ явился мужчина, который назвалъ себя княземъ Кочакидзе и показалъ заграничный паспортъ. Затѣмъ, пришелъ еще мужчина, который, заглянувъ въ нумеръ, бросился

бѣжать, но былъ остановленъ. Онъ былъ очень взволнованъ; ходилъ по комнатѣ, щипалъ себѣ бороду и „говорилъ разныя слова“, которыхъ свидѣтель сказать на судѣ не можетъ. Когда Ловягинъ сталъ падѣвать шинель, раздался выстрѣлъ, а потомъ другой. „Всѣ бросились бѣжать, явились жандармы и полиція, и всѣ три лица были арестованы“. Когда свидѣтель вернулся въ нумеръ, то стрѣлявшій былъ уже связанъ. Послѣ ареста было приказано задержать тѣхъ, кто будетъ спрашивать двѣнадцатый нумеръ. Обыскъ начался въ половинѣ пятаго часа вечера, а окончился около восьми часовъ, арестованные уведены около двѣнадцати часовъ ночи. Второй мужчина явился около семи часовъ вечера. Была сдѣлана очная ставка Евтихіеву и Галактіонову относительно времени обыска, но Галактіоновъ не могъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Онъ то говорилъ, что обыскъ начался въ четыре часа, то, что Ловягинъ и Ѳедоровъ пріѣхали утромъ и приступили къ обыску; Евтихіевъ остался при своемъ показаніи. Свид. *Николай Власьевъ* показалъ, что онъ квартировалъ въ гостиницѣ „Украйна“. Придя домой часа въ четыре, ему въ подъѣздѣ встрѣтилась барышня, которая, миновавъ его, побѣжала. Въ корридорѣ его встрѣтилъ городовой и спросилъ, не видалъ ли онъ барышню. Онъ сказалъ и пошелъ въ свой нумеръ. Напившись чаю, онъ вышелъ посмотрѣть, что дѣлается. Заглянувъ въ двѣнадцатый нумеръ, онъ увидѣлъ, что встрѣтившаяся ему барышня сидитъ на диванѣ. Вдругъ мимо его пробѣжалъ какой-то господинъ по корридору; онъ бросился за нимъ; господинъ споткнулся и упалъ, и свидѣтель его остановилъ. Потомъ онъ опять ушелъ въ свой нумеръ, но его попросили къ Ловягину. Онъ явился и разсказалъ, какъ задержалъ господина. Ловягинъ сказалъ: „благодарю“. А барышня сидитъ и говоритъ мнѣ: „вы отличились, поймали; вамъ за это пятачокъ на чай дадутъ“. Я говорю: очень благодаренъ. Только что я хотѣлъ давать показаніе, вдругъ слышу выстрѣлъ, и я сейчасъ бросился бѣжать. Подс. *Кардашевъ* объяснилъ, что онъ зашелъ въ гостиницу, но ему сказали, что теперь чужихъ не принимаютъ. Онъ вышелъ изъ гостиницы, но на улицѣ его догналъ какой-то полицейскій и попросилъ вернуться. Онъ пришелъ. Прочитано слѣдующее показаніе помощника надзирателя 4-го квартала Арбатской части, Ѳедорова: „Вчера, въ пятомъ часу пополудни, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона Ловягинъ пригласилъ меня въ домъ Миклашевскаго для обыска нумера двѣнадцатаго. Прибывъ туда, двѣнадцатый нумеръ оказался запертымъ; мы потребовали отъ него ключъ и затѣмъ вошли туда, пригласивъ съ собою для присутствованія при обыскѣ завѣдывающаго нумерами въ домѣ Миклашевскаго, Евтихіева, и двухъ корридорныхъ—Гришина и Морозова. По обыску было найдено до двухъ сотъ экземпляровъ разныхъ книгъ противозаконнаго содержанія. Въ то время, когда составлялся по этому предмету протоколъ, какая-то барыня, задержанная по сему дѣлу, отворила дверь изъ корридора въ нумеръ, посмотрѣла на насъ и затѣмъ побѣжала назадъ. Ловягинъ сказалъ мнѣ, чтобы я велѣлъ догнать эту барыню; я послалъ за ней городовыхъ. Тутъ корридорный Гришинъ сказалъ намъ, что барыня эта очень часто бывала у Гамкрелидзе, который занималъ нумеръ, въ которомъ мы производили обыскъ. Вскорѣ барыню эту привели. Войдя въ нумеръ, она начала съ того, что выругала насъ собаками и затѣмъ продолжала бранить насъ всячески; на вопросы Ловягина о ея званіи и жительствѣ она не отвѣтила и объяснила, что вообще отвѣчать намъ ничего не будетъ; затѣмъ Ловягинъ пригласилъ эту барыню остаться въ нумерѣ. Мы продолжали заниматься своимъ дѣломъ; но минутъ черезъ десять въ нумеръ заглянулъ какой-то неизвѣстный мужчина и также пошелъ назадъ; Ловягинъ приказалъ задержать и его; мужчина этотъ зашелъ въ нумеръ и сказалъ свое званіе, мѣстожительство и отдалъ Ловягину свой паспортъ; онъ оказался князь Кочакидзе; велъ онъ себя прилично и никому никакихъ оскорбленій не дѣлалъ. Ловягинъ пригласилъ и его остаться въ нумерѣ. Послѣ того, уже около восьми часовъ вечера, когда мы уже оканчивали протоколъ обыска, въ нумеръ заглянулъ изъ корридора еще какой-то неизвѣстный мужчина и затѣмъ быстро побѣжалъ назадъ отъ нумера по корридору; это мнѣ показалось очень подозрительно и я велѣлъ бывшимъ въ корридорѣ городовымъ, Вдовину и Чибисову, поймать его и привести. Городовые привели его къ намъ, сказавъ, что его уже задержалъ на подъѣздѣ купецъ Власьевъ; вслѣдствіе этого былъ приглашенъ къ намъ и Власьевъ для отобранія показанія. Приведенный неизвѣстный мужчина былъ крайне взволнованъ; какъ только онъ вошелъ въ нумеръ, разбранилъ насъ собаками, затѣмъ сталъ быстро

ходить по комнатѣ и какъ-то неестественно щипалъ свою бороду; на вопросы, Ловягина о его званіи и мѣстожительствѣ, онъ не отвѣчалъ и вообще отъ дачи какихъ бы то ни было отвѣтовъ отказался. Послѣ этого, минутъ черезъ пять, Ловягинъ кончилъ протоколъ и, подойдя къ отворенной двери изъ номера въ корридоръ, позвалъ меня и сталъ говорить мнѣ вполголоса, чтобы я остался здѣсь, караулилъ бы трехъ задержанныхъ лицъ и найденныя по обыску книги, а самъ онъ поѣдетъ за жандармами, съ которыми и отправитъ задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе. Въ это время задержанный неизвѣстный мужчина, стоя возлѣ кровати, выхватилъ изъ-подъ надѣтаго на немъ платья револьверъ и выстрѣлилъ изъ него по направленію въ меня и Ловягина; пуля въ насъ не попала, пролетѣвъ чрезъ отворенную дверь въ корридоръ, гдѣ ударилась въ каменную стѣну. Я и бывшіе тутъ городовые Вдовинъ и Чибисовъ и купецъ Власьевъ бросились на стрѣлявшаго; онъ въ это время еще разъ выстрѣлилъ по тому же направленію, но кто-то изъ насъ толкнулъ его подъ руку, въ которой онъ держалъ револьверъ, а потому пуля прошла выше, черезъ стекло надъ дверью и ударилась въ верхнюю часть каменной стѣны въ корридорѣ. Власьевъ ушелъ, а я съ двумя городовыми, желая обезоружить стрѣлявшаго, схватились съ нимъ; между нами произошла свалка, всѣ мы упали на полъ; въ такомъ положеніи ноги мои находились подъ городовыми, а руками я держалъ стрѣлявшаго за руку, въ которой былъ револьверъ; тогда задержанная барыня, видя мое беззащитное положеніе, сѣла возлѣ меня, одной рукой стала душить меня за шею, а другою за горло, такъ что я не могъ дышать. Наконецъ, чрезъ нѣсколько времени намъ удалось сладить со стрѣлявшимъ, въ то время я барыня бросила душить меня. Отнявъ револьверъ, я приказалъ связать стрѣлявшаго, и когда его связали, то обыскалъ, и когда вынулъ изъ кармана его брюкъ складной ножикъ, то онъ сказалъ мнѣ: „Очень радъ, что убилъ одну собаку, и жалѣю, что не убилъ тебя: этотъ ножикъ былъ предназначенъ для этого; впрочемъ, еще не уйдешь, будетъ тебѣ тоже“. Затѣмъ, по просьбѣ прис. пов. Спасовича, прочитаны слѣдующія четыре показанія: 1) „Звать меня Николаемъ Николаевичемъ, фамилія Ловягинъ, прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона, вѣроисповѣданія православнаго, 25 лѣтъ, подъ судомъ не былъ, живу въ Каретномъ ряду, въ Косомъ переулкѣ, въ домѣ Яковлева. Съ четвертаго часа дня сего числа я по порученію начальства, производилъ по политическому дѣлу обыскъ въ номерѣ двѣнадцатомъ меблированныхъ комнатъ въ домѣ Миклашевскаго, занимаемаго дворяниномъ Гамкрелидзе; обыскъ производился въ отсутствіи послѣдняго, и для присутствія при обыскѣ были приглашены мною: помощникъ надзирателя 4-го квартала Арбатской части, понятые люди, корридорные при домѣ Миклашевскаго, Иванъ Ивановъ Гришинъ, Иванъ Васильевъ Морозовъ и завѣдывающій домомъ Миклашевскаго Иванъ Дмитріевъ Евтихѣевъ. Обыскъ я кончилъ часамъ къ девяти вечера и составилъ по этому предмету актъ; по обыску было найдено то, что̀ предполагалось найти. Мнѣ оставалось только подписать свою фамилію, какъ изъ корридора заглянула въ номеръ неизвѣстная мнѣ женщина, нынѣ задержанная по сему дѣлу, и, увидавъ меня, бросилась назадъ. Корридорный Иванъ сказалъ мнѣ, что женщина та—близкая особа къ Гамкрелидзе и часто у него бываетъ; мнѣ слѣдовало по моей обязанности задержать ее впредь до разслѣдованія, какъ лицо, близкое къ Гамкрелидзе, который обвинялся по политическому дѣлу, а потому я приказалъ задержать эту женщину; ее догнали уже на Спиридоновкѣ и пригласили ко мнѣ. Я спросилъ ее, кто она, гдѣ живетъ и чѣмъ занимается; она положительно отказалась отъ дачи какихъ бы то ни было отвѣтовъ и бранила меня самыми скверными словами; я послалъ за городовыми, чтобы препроводить задержанную женщину въ жандармское управленіе; въ то время посмотрѣлъ изъ корридора въ нумеръ еще неизвѣстный человѣкъ и затѣмъ, увидавъ меня, отстранился, вѣроятно, тоже хотѣлъ уйти, но я пригласилъ его войти. Онъ вошелъ и на вопросы мои объяснилъ свою фамилію, свое званіе и подалъ мнѣ свой паспортъ; онъ оказался княземъ Кочакидзе и на вопросъ мой объяснилъ, что онъ пришелъ къ Гамкрелидзе, какъ къ своему хорошему знакомому. Я долженъ былъ, по своей служебной обязанности, задержать и его, о чемъ и объявилъ; затѣмъ, былъ приглашенъ письмоводитель квартала для составленія акта о задержаніи означенныхъ: женщины и Кочакидзе, а самъ я предполагалъ ѣхать за жандармами, съ которыми слѣдовало препроводить задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе. Въ то время заглянулъ изъ корридора въ нумеръ еще неизвѣстный человѣкъ, впослѣдствіи въ меня стрѣлявшій, и также, увидавъ меня, пошелъ назадъ. Кор-

ридорный Гришинъ сказалъ мнѣ, что и этотъ господинъ бывалъ у Гамкрелидзе. Я послалъ двухъ городовыхъ и бывшаго тутъ же купца Власьева пригласить его ко мнѣ; его привели въ нумеръ минутъ черезъ восемь; онъ былъ очень разсерженъ, сталъ кричать, какъ смѣли его задержать. Я объяснилъ ему причину приглашенія его ко мнѣ и просилъ его объяснить мнѣ о своемъ званіи и жительствѣ. Онъ отказался отъ дачи отвѣта, продолжалъ бранить меня. Я сказалъ помощнику надзирателя, чтобы онъ имѣлъ караулъ надъ означенными тремя лицами, а самъ собрался ѣхать за жандармами для препровожденія задержанныхъ лицъ въ жандармское управленіе, и только что я подошелъ къ двери, ведущей изъ нумера въ коридоръ — она была уже отворена,— какъ послѣдній пришедшій мужчина выстрѣлилъ въ меня. Это меня, конечно, озадачило. Затѣмъ, онъ выстрѣлилъ въ меня въ другой разъ; пуля пролетѣла возлѣ праваго уха такъ близко, что я почувствовалъ сильный обжогъ и упалъ на колѣно, и на меня упалъ городовой, державшій мою шинель. Во время выстрѣловъ стрѣлявшій стоялъ возлѣ комода. Бывшіе при этомъ свидѣтели схватили стрѣлявшаго и тѣмъ прекратили ему дальнѣйшую возможность стрѣлять въ меня. Изъ чего стрѣлялъ въ меня неизвѣстный человѣкъ, объяснить не могу — не замѣтилъ этого. Показанное мною готовъ подтвердить подъ присягою. Послѣ происшествія я немедленно отправился въ жандармское управленіе заявить о случившемся и затѣмъ тотчасъ возвратился назадъ". — 2) „Звать меня Егоръ Андреевъ, фамилія Вдовинъ, унтеръ-офицеръ штаба московской полиціи, служу городовымъ въ 4-мъ кварталѣ Арбатской части, вѣроисповѣданія православнаго, 48 лѣтъ, подъ судомъ не былъ, грамотѣ не знаю. Вчера вечеромъ, часу въ седьмомъ, за мной прислалъ помощникъ надзирателя нашего квартала изъ дома Миклашевскаго, чтобы я туда пришелъ; я тотчасъ отправился туда. Помощникъ надзирателя и прапорщикъ московскаго жандармскаго дивизіона Ловягинъ, были въ № 12-мъ, они тамъ производили обыскъ, и когда я пришелъ, то писали протоколъ; тамъ были понятые, городовые Чибисовъ и Лебедевъ, какая-то неизвѣстная намъ барыня, задержанная по сему дѣлу, и неизвѣстный мужчина, оказавшійся впослѣдствіи князь Кочакидзе. Прапорщикъ Ловягинъ приказалъ мнѣ съ другими городовыми карауль двухъ послѣднихъ лицъ, и потому я остался въ нумерѣ. Вскорѣ еще какой-то неизвѣстный мужчина посмотрѣлъ изъ корридора въ нумеръ и затѣмъ, посмотрѣвъ, побѣжалъ назадъ; Ловягинъ приказалъ мнѣ догнать его и привести въ нумеръ. Я побѣжалъ его догонять, за мной городовой Чибисовъ; сбѣжавъ въ швейцарскую, оказалось, что человѣка того уже задержалъ на подъѣздѣ какой-то купецъ. Этого человѣка мы привели въ № 12-й. Онъ отказался дать отвѣты Ловягину и не сказалъ своего званія, своей фамиліи и своего мѣста жительства. Человѣкъ этотъ былъ очень взволнованъ, все рвалъ себѣ бороду и бранилъ бывшихъ въ нумерѣ прапорщика Ловягина и помощника надзирателя. Наконецъ, послѣ этого, Ловягинъ собрался куда-то ѣхать и подошелъ къ самой двери, ведущей изъ нумера въ корридоръ, которая была отворена. Только что Ловягинъ подошелъ къ двери и велѣлъ подать себѣ шинель, какъ приведенный нами неизвѣстный человѣкъ, стоявшій возлѣ кровати, не болѣе какъ въ четырехъ шагахъ отъ Ловягина, выхватилъ откуда-то у себя револьверъ и выстрѣлилъ прямо въ Ловягина; но пуля прошла мимо чрезъ отворенную дверь въ корридоръ и ударилась въ каменную стѣну корридора. Послѣ перваго же выстрѣла я и другіе бывшіе въ нумерѣ, но кто именно, въ суматохѣ не замѣтилъ, бросились на стрѣлявшаго. Въ то время онъ еще выстрѣлилъ изъ того же револьвера по направленію къ Ловягину, но кто-то изъ бросившихся на него толкнулъ его руку, въ которой онъ держалъ револьверъ, и пуля не достигла своего назначенія. Она прошла выше, чрезъ стекло надъ дверью, и также ударилась въ каменную стѣну корридора. Тутъ уже мы схватили стрѣлявшаго, произошла свалка: стрѣлявшій, я и еще кто-то упали на полъ; я старался вырвать у него револьверъ, но онъ меня кусалъ и старался не дозволить этого, а самъ, между прочимъ, кричалъ: „жаль, если я не убилъ его". Наконецъ, съ трудомъ удалось вырвать у него револьверъ; затѣмъ, мы его связали. Въ этой суматохѣ я не замѣтилъ, душила ли задержанная барыня нашего помощника надзирателя. Болѣе мнѣ по сему дѣлу ничего неизвѣстно; все же мною показанное готовъ подтвердить подъ присягою". Остальныя два показанія, городовыхъ Григорія Чибисова и Петра Лебедева, совершенно сходны съ предыдущимъ показаніемъ унтеръ-офицера Вдовина, за исключеніемъ только одного обстоятельства въ показаніи городового Лебедева, который сказалъ:

„Когда мы возились на полу и помощникъ надзирателя Ѳедоровъ съ нами, то задержанная женщина накинулась на послѣдняго и стала щипать его за шею и горло“. Прочитанъ протоколъ обыска квартиры Кардашева, при чемъ, между прочимъ, найдены: кистень, 8545 р. денегъ и билетъ на имя Тумановой въ 1100 р. съ переводомъ.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Кардашевъ, эти деньги дѣйствительно найдены въ вашей квартирѣ?—Подс. *Кардашевъ.* Да, я самъ просилъ сдѣлать обыскъ.—В. Вы назывались княземъ?—О. Да, это былъ единственный мой видъ. —Затѣмъ былъ прочитанъ протоколъ обыска квартиры Зедгенидзе въ домѣ Толстой, при которомъ были найдены слѣдующіе предметы: большой незаряженный револьверъ, какой-то бѣлый порошокъ въ синей коробкѣ, три сигнатурки для наружнаго употребленія на имя г. Цвиленева; до 60-ти экземпляровъ разныхъ книгъ и брошюръ, большею частью революціоннаго содержанія, въ числѣ коихъ находились: „Историческое развитіе интернаціонала“, „По поводу самарскаго голода“, „Русской соціально-революціонной молодежи“, „Гражданская война во Франціи“—Карла Маркса. „Бунтъ Стеньки Разина“—Костомарова, „Послѣдняя революція“—Гамбона, „Лѣтопись народнаго движенія“, „Очерки политической экономіи“—Чернышевскаго, „Правительство и молодое поколѣніе“, „Руководство сельскимъ кузнецамъ и слесарямъ“, „Очерки фабричной жизни“—Галицинскаго, „Записки декабристовъ“, газета „Колоколъ“, „Прокламаціи въ память людямъ 14-го декабря 1825 года“, „Къ офицерамъ русской арміи“, „Къ женщинамъ“, „Къ дворянству“, „Изданіе Общества Народной Расправы“, брошюра „Ходъ судебъ“, „Въ память столѣтія Пугачевщины“, „Письма безъ адреса“—Чернышевскаго, „Программа работниковъ“, „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“—Ткачева, журналъ „Впередъ“, „Хитрая механика“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Сказка о копейкѣ“, „Богъ-то Богъ“, „Дѣдушка Егоръ“. „Степька Разинъ“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“, „Исторія французскаго крестьянина“, „Антропологическій принципъ философіи“—Чернышевскаго, „Чтой-то, братцы“, газета „Работникъ“, литографированный экземпляръ „Политической программы западно-европейской демократіи“, прошнурованные документы дворянина Николая Цвиленева. Затѣмъ найдены: свидѣтельства Н. Ф. Цвиленева; аттестатъ его же; довѣренность на имя его отца отъ дочери; двѣ книжки на имя слушателя технологическаго института С. Златопольскаго и М. Хоимскаго; свидѣтельство на имя сына губернскаго секретаря А. Б. Шатрова; листъ гербовой бумаги рублеваго достоинства, мытый, съ печатью внизу какого-то полицейскаго управленія, съ отмѣткой сбоку карандашемъ: „Полякову“; вытравленный бланкъ плакатнаго паспорта съ печатью внизу какой-то мѣщанской управы; вытравленный бланкъ плакатнаго паспорта съ двумя вытравленными на оборотѣ штемпелями явки въ кварталѣ, изъ коихъ на одной читается ясно слово „Хамовнической“; записная книжка со вложенными въ оную записками и фотографическою карточкою Пугачева; слѣпокъ съ печати на бумагѣ Юхновскаго уѣзда, Дубровскаго волостного правленія. Въ прихожей комнатѣ найдены три корзинки съ разнымъ женскимъ платьемъ и бѣльемъ, въ которомъ оказались: фотографическая карточка съ надписью на оборотѣ „Назаровой“ и внизу „Суббот.“; брошюра на французскомъ языкѣ: „Нечаевъ, политическій онъ преступникъ или нѣтъ“. Затѣмъ перечислены еще нѣсколько найденныхъ вещей, и между прочимъ слѣдующія французскія книги: „Aide-toi toi même“, „Les huit journées de Mai“ и брошюра, начинающаяся словами: Notre Association и т. д. Кромѣ того, найдены четыре дамскія шляпки; цвѣты вѣнчальные въ коробкѣ, розовая тафта для подножекъ при бракѣ, икона Божіей Матери въ серебряной ризѣ.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый князь Циціановъ, вы жили подъ именемъ Зедгенидзе?—Подсудимый *князь Циціановъ.* Проживалъ.—В. Вещи, означенныя въ протоколѣ, найдены дѣйствительно у васъ?—О. Эти вещи находились у меня, но я не былъ при обыскѣ. Мнѣ предложили присутствовать при обыскѣ, но такъ какъ самъ хозяинъ Гамкрелидзе, отсутствовалъ, то я отказался быть при обыскѣ, предоставивъ его полиціи, но я не отказывался давать показанія по тѣмъ вещамъ, которыя найдутся у меня. Между тѣмъ, до сихъ поръ вещей мнѣ никакихъ не представляли и не требовали никакихъ объясненій. Я долженъ дать объясненіе по нѣкоторымъ вещамъ, потому что тамъ есть нѣкоторыя вещи Цвиленева, и указать при какихъ обстоятельствахъ онѣ попали на мою квартиру. Съ Цвиленевымъ я познакомился въ первыхъ числахъ августа 1875 года на Курской желѣзной дорогѣ Я вошелъ въ вагонъ, кажется, на послѣдней станціи къ Москвѣ. Разговорившись съ нимъ, мы познакомились и съ вокзала поѣхали

вмѣстѣ на одномъ извозчикѣ. Я сообщилъ ему одинъ фактъ, который вычиталъ изъ „Экспедиціи шефа жандармовъ“. Онъ попросилъ у меня „Экспедицію“ для прочтенія. Я далъ, и мы разстались, уговорившись встрѣтиться на Никитскомъ бульварѣ, куда онъ обѣщалъ принести назадъ „Экспедицію“. Такъ какъ у меня не было квартиры, то мы и условились видѣться на бульварѣ. 9-го августа мы сошлись и я, взявъ у него рукопись, пригласилъ къ себѣ, въ домъ Толстой, гдѣ я нанялъ квартиру съ 6-го августа. Онъ оставался у меня около получаса. Въ это время я, желая поручить кому-нибудь чемоданъ, въ которомъ находились революціонныя книги, спросилъ, не знаетъ ли онъ кого-нибудь или не можетъ ли поставить въ свою квартиру на нѣсколько дней. Онъ указалъ мнѣ свой адресъ и взялъ съ собою двѣ рукописи: о солдатѣ и корреспонденцію изъ Кіева о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. 9-го же числа я отвезъ къ нему чемоданъ и сказалъ, что 10-го зайду за рукописями. Утромъ 10-го числа я взялъ у него корреспонденцію, а рукопись о солдатѣ онъ обѣщалъ возвратить черезъ нѣсколько дней, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ запереть въ мой чемоданъ его вещи: дорожную сумку и свертокъ бумагъ. Я положилъ ихъ въ чемоданъ. При уходѣ онъ позвалъ хозяйку, показалъ ей меня и сказалъ, что если я приду безъ него, то чтобы она отдала чемоданъ. 11-го числа я узналъ отъ одного офиціальнаго лица, которое присутствовало при арестѣ Цвиленева, что онъ арестованъ. Я тотчасъ же отправился на его квартиру, чтобы взять чемоданъ для того, чтобы ради моихъ вещей ему не пришлось отвѣчать. Хозяйки въ то время не было дома; я обождалъ съ полчаса; она пришла и спросила о Цвиленевѣ: кто этотъ господинъ и куда онъ ушелъ? Я сказалъ, что это студентъ, и въ настоящее время находится на дачѣ; взялъ свои вещи и отправился къ себѣ на квартиру. Желая всѣ подозрительныя вещи унести изъ квартиры, я уложилъ ихъ въ этотъ же чемоданъ, при чемъ развернулъ вещи Цвиленева. Такимъ образомъ, легко могло случиться, что я смѣшалъ свои вещи съ его. Но изъ вещей, найденныхъ въ этомъ чемоданѣ, мнѣ принадлежали: два вытравленныхъ вида, записная книжка и пешифрованные адресы, а потомъ мелкія записки. Что касается рукописи о солдатѣ, то хотя она приписывается Вѣрѣ Любатовичъ, но я заявляю, что она объ ней не знала. Я знаю лицо, которое писало рукопись, но указать его не могу.—На вопросъ защиты о томъ, какимъ образомъ къ подсудимому попали женскія вещи, князь Цицiановъ объяснилъ, что онъ проживалъ на дачѣ у своего пріятеля, которому пришлось выѣхать изъ Москвы. На время своего отсутствія онъ поручилъ ему корзинку съ вещами и кое-какую мебель. Все это онъ перевезъ къ себѣ на квартиру. Потомъ Гамкрелидзе занесла нѣсколько платьевъ, которыя онъ также положилъ въ корзинку.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Цвиленевъ, какимъ образомъ попалъ вашъ чемоданъ на квартиру Цицiанова?—Подс. *Цвиленевъ.* Я имѣлъ случай объяснить, какимъ образомъ, но теперь я сдѣлаю слѣдующія измѣненія. Когда я спросилъ въ жандармскомъ управленіи—за что я задержанъ, мнѣ сказали, что по обвиненію въ тайномъ обществѣ. А я никакой администраціи въ то время и не предполагалъ. Потомъ я не указалъ на квартиру при дознаніи вслѣдствіе того, что съ нею было связано посѣщеніе моей сестры. Въ настоящее время я совершенно подтверждаю показаніе Цицiанова и повторяю, что дѣйствительно было такимъ образомъ.—Прочитаны: актъ о задержаніи назвавшагося Вернеромъ, который явился на курскій вокзалъ желѣзной дороги за полученіемъ товара, которымъ оказались книги преступнаго содержанія, и протоколъ обыска квартиры Вернера.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Здановичъ, вы были задержаны на станціи?—Подс. *Здановичъ.* Я.—В. И у васъ были найдены перечисленныя въ протоколѣ вещи?—О. Да, у меня.—Свид. *Яковъ Поршаковъ* (швейцаръ меблированныхъ комнатъ Гурьева) показалъ, что пріѣхалъ господинъ, назвавшійся фамиліею Вернеръ, занялъ номеръ, велѣлъ отнести туда чемоданъ и самъ ушелъ. Трое сутокъ его не было; явилась полиція и опечатала чемоданъ. Свид. *Гурій Линьковъ* показалъ, что служитъ въ гостинницѣ въ городѣ Орлѣ. Разъ пріѣхали два господина, заняли комнату № 16 и вскорѣ ушли. Послѣ обѣда пришла какая-то дѣвушка и спросила № 16. Она хотѣла дождаться, но свидѣтель не пустилъ ее въ номеръ. Она ушла. Черезъ нѣсколько времени явились жильцы и съ ними двѣ дѣвушки и приказали подать самоваръ. Вечеромъ одинъ изъ жильцовъ уѣхалъ. Дня черезъ два господинъ попросилъ перевести его въ номеръ подешевле. Свидѣтель перевелъ, а потомъ черезъ нѣсколько времени постоялецъ уѣхалъ. Это было въ іюлѣ и августѣ. Подс. *Кардашевъ* и князь *Цицiановъ* заявили, что они вмѣстѣ были въ Орлѣ. Свид. *Сергѣй*

Новиковъ (другой служитель той же гостиницы) подтвердилъ показаніе предыдущаго свидѣтеля, при чемъ добавилъ, что жившій нѣсколько дней былъ князь Кочакидзе, какъ было означено въ его паспортѣ. Свид. *Софья Краснова* показала, что она жила въ прислугахъ у хозяйки Эйнбродтъ, гдѣ жила Субботина, а потомъ была записана Фигнеръ, и еще одна женщина приходила. На вопросъ, жила ли Вѣра Любатовичъ, свидѣтельница отвѣтила отрицательно. Затѣмъ, осматривая подсудимыхъ, она указала на Фигнеръ, какъ на ту, которая приходила, и на Вѣру Любатовичъ, какъ на ту, которая жила подъ именемъ Фигнеръ. Подс. *Евгенія Субботина* заявила, что она жила у Эйнбродтъ, а *Марья Субботина*—что она бывала тамъ. Первая объяснила, что она переѣхала къ Эйнбродтъ и жила съ сестрою. Имѣя намѣреніе уѣхать въ Петербургъ и встрѣтясь съ Фигнеръ, она предложила ей взять квартиру, и она взяла. Послѣ этого подсудимая уѣхала въ Петербургъ, а сестра ея—въ деревню. Это было въ маѣ. Фигнеръ подтвердила показаніе Евгеніи Субботиной. Прис. пов. *Бардовскій* заявилъ, что Фигнеръ показывала, что она приняла квартиру отъ Евгеніи Субботиной, а, между тѣмъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что она сдала Марьѣ Субботиной. *Товар. оберъ-прок.* замѣтилъ, что на дознаніи, какъ это изложено въ обвинительномъ актѣ, Фигнеръ показала, что она приняла квартиру отъ Марьи Субботиной. Прис. пов. *Бардовскій* возразилъ, что законъ запрещаетъ читать, а, слѣдовательно, и разсказывать на судѣ показанія подсудимыхъ, данныя на предварительномъ слѣдствіи. *Товар. оберъ-прок.* объяснилъ, что рѣшеніями угол. касс. департамента Правительствующаго Сената неоднократно было разъяснено, что показаніе подсудимаго, данное на предварительномъ слѣдствіи и внесенное въ обвинительный актъ, служитъ предметомъ судебнаго слѣдствія и провѣряется допросомъ подсудимаго, а потому ссылка на него сторонъ не составляетъ нарушенія закона. Въ силу такого толкованія обвиненіе имѣетъ полное право ссылаться на показанія обвиняемаго, занесенныя въ актъ. Прис. пов. *Бардовскій* замѣтилъ, что на основаніи рѣшеній Сената дозволяется читать показаніе подсудимаго только въ томъ случаѣ, если онъ самъ этого потребуетъ.—Подс. *Фигнеръ*. Я проживала тамъ и приняла квартиру отъ Евгеніи Субботиной. Я, дѣйствительно, на дознаніи показала, что приняла квартиру отъ Марьи Субботиной, но на самомъ дѣлѣ это было не такъ.—*Товар. оберъ-прок.* обратилъ вниманіе особаго присутствія, насколько правильно было заявленіе защиты. (Засѣданіе прервано до 11-ти часовъ слѣдующаго утра).

Тов. оберъ-прок. указалъ на имѣющіеся въ дѣлѣ документы, а именно справки изъ домовыхъ книгъ, виды на жительство и проч., изъ которыхъ видно, въ какое время и гдѣ проживали Субботины, Кардашевъ и Чекоидзе; что Марья Субботина жила въ гостиницѣ Шевалдышева, 5-го мая переѣхала въ домъ Эйнбродтъ, гдѣ прожила до 26-го мая, а съ того времени въ этой квартирѣ поселилась Фигнеръ и прожила до 6 августа. Тѣми же справками доказывается, что въ февралѣ 1875 г. въ гостиницѣ Шевалдышева проживалъ Кардашевъ у Чекоидзе. Свид. *Иванъ Жоховъ* показалъ, что жильцы проживали въ домѣ Толстой семь дней, и 11-го августа скрылись неизвѣстно куда. Спустя два дня, онъ на третій, утромъ, объявилъ объ этомъ управляющему, который сказалъ, что нужно заявить въ кварталъ. Свидѣтель хотѣлъ идти со двора, но ему встрѣтился поручикъ и спросилъ: всѣ ли жильцы дома. Онъ отвѣтилъ, что не всѣ. Пошли въ часть, куда пріѣхалъ судебный слѣдователь и взялъ свидѣтеля за Бутырскую заставу. Тамъ онъ призналъ господина и дѣвушку, а потомъ въ жандармскомъ управленіи узналъ послѣднюю.—*Тов. оберъ-прок.* Кто нанималъ у васъ квартиру?—Свид. *Жоховъ*. Двое мужчинъ и одна дѣвушка. — В. Оба господина жили? — О. Оба. — В. У кого былъ ключъ отъ квартиры?—О. У дѣвушки. Она больше ихъ приходила.—В. Когда мужчины приходили домой, случалось, что квартира была заперта? — О. Другой разъ придутъ, спросятъ: дѣвушка здѣсь? Я скажу, что нѣтъ: они вернутся и послѣ приходятъ съ нею вмѣстѣ.—Прис. пов. *Хартулари*. Вы говорите, что всѣ трое жили въ квартирѣ?—Свид. *Жоховъ*. Всѣ.—В. Не помните ли, не показывали ли вы иначе, а именно, не говорили ли, что жили только одинъ мужчина и женщина, а другой мужчина лишь приходилъ?—О. Никакъ нѣтъ. Трое приходили; я квартиру показывалъ.—*Первоприсутствующій*. Вы хорошо ли помните, что въ теченіе этихъ семи дней жили постоянно двое — мужчина и женщина, а третій только приходилъ, или... Свид. *Жоховъ*. Они всѣ жили постоянно. Всѣ трое приходили ночевать въ квартиру. Ну, а иной разъ и не замѣтишь.—Прис. пов. *Хартулари* просилъ

прочитать изъ дознанія показаніе свидѣтеля. *Тов. оберъ-прок.* призналъ, что, дѣйствительно, на дознаніи Жоховъ показалъ, что жили мужчина и женщина, другой же только приходилъ, т.-е. приходилъ Кардашевъ.—Защита этимъ объясненіемъ была удовлетворена. Прочитанъ протоколъ осмотра бумагъ Цвиленева, по которому оказалось: въ связкѣ съ надписью „Изъ чемодана Цвиленева“: 1) два бланка плакатныхъ паспортовъ съ приложенными на нихъ печатями, но вытравленнымъ текстомъ, слѣды коего ясно замѣтны; на оборотѣ одного ясно замѣтны слѣды двухкратной прописки паспортовъ въ полиціи, при чемъ на одной ясно читается: „Хамовнической части, домъ №, записанъ... надзиратель“. Въ одномъ изъ этихъ бланковъ былъ вложенъ на клочкѣ бумаги, на оборотѣ исписанной, оттискъ печати „Оханскаго уѣзда, добровскаго волостнаго правленія“, очевидно, фальшивый. 2) Два листа гербовой бумаги рублеваго достоинства и листъ простой бумаги; на одномъ изъ гербовыхъ листовъ написано: „свидѣтельство, выданное изъ херсонскаго городскаго полицейскаго управленія на прожитіе сыну губернскаго секретаря Александру Борисову Шатрову, за № 164“ и съ приложеніемъ голубой печати, но безъ означенія въ оставленномъ пробѣлѣ „года, мѣсяца и числа“, а потому, очевидно, фальшивое; на другомъ гербовомъ листѣ приложена голубая печать саратовскаго городскаго управленія, но текстъ вытравленъ и слѣды прежняго письма ясно замѣтны; на этомъ листѣ подъ гербомъ написано карандашемъ: „Полякову“; на простомъ же листѣ бумаги написано карандашемъ: „черное свидѣтельство саратовскаго городскаго полицейскаго управленія на имя окончившаго курсъ въ саратовской духовной семинаріи Михаила Полякова отъ 7-го августа 1874 года, за № 13588“. 3) Двѣ книжки, выданныя на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ за уменьшенную плату, отъ 25-го апрѣля за № 553 и отъ 14-го мая за № 586, на имя слушателей с.-петербургскаго технологическаго института Михаила Холенскаго и Савелія Златопольскаго. 4) Аттестатъ медико-хирургической академіи за № 801, отъ 7-го апрѣля 1875 года, выданный на имя Николая Ѳедорова Цвиленева, удостовѣряющій о томъ, что онъ, оставшись на второй годъ на первомъ курсѣ, вышелъ изъ академіи по собственному желанію, и свидѣтельство на его же имя, выданное елецкимъ предводителемъ дворянства 1874 года 21-го мая за № 92. 5) Довѣренность, выданная штабсъ-капитану Ѳедору Михайловичу Цвиленеву дочерью его Александрою и засвидѣтельствованная у московскаго нотаріуса Павлова 23-го іюля 1875 года. 6) Письмо на пяти съ половиною листахъ почтовой бумаги малаго формата, безъ означенія времени и подписи. По смыслу этого письма, оно писано особой, находящейся въ замужествѣ за Иваномъ Ивановичемъ изъ Кропивны, къ лицу проживавшему прежде въ Петербургѣ, съ которымъ она была въ Тулѣ въ близкихъ отношеніяхъ, а въ Петербургѣ въ любовной связи; лицо это, какъ видно изъ письма, посвятило себя пропагандѣ соціальной революціи. Затѣмъ, отвѣтъ на это письмо, безъ конца, имѣющій сходство руки съ почеркомъ дворянина Цвиленева. 7) Письмо на имя казака Ивана Петровича Арѣхова, писанное изъ Новочеркасска и подписанное „твой А. Емельяновъ“, не имѣющее особаго значенія. 8) Разныя письма, записки, писанныя большею частью рукой, похожей на почеркъ руки Цвиленева, не имѣющія особаго значенія. 9) Содержитъ въ себѣ двѣ рукописи, одну чернилами, а другую карандашемъ; послѣдняя, повидимому, писана рукой Цвиленева, содержащія въ себѣ рефератъ „о необходимыхъ условіяхъ подготовки для успѣха дѣятельности пропагандиста, рѣшившагося итти въ народъ въ качествѣ рабочаго“. 10) Тетрадь въ коричневой оберткѣ, писанная карандашемъ, повидимому, также рукою Цвиленева, содержащая въ себѣ замѣтку по тому же предмету, что и въ № 9-мъ. 11) Связка разныхъ бумагъ, завязанная бѣлой тесьмой, въ которой находится: а) билетъ, выданный изъ тульской духовной консисторіи, 10-го августа 1873 года, за № 5216, на имя окончившаго курсъ въ семинаріи Ивана Смирнова; на этомъ билетѣ имѣются слѣдующія явки въ полиціи: 20 августа 1873 года, 2-го участка Ларвской части, С.-Петербургъ, домъ № 9, квартира № 16; затѣмъ, 19-го сентября того же года, 2-го участка Петербургской части, города С.-Петербурга, домъ № 9, по Каменноостровскому проспекту, и 27-го августа 1874 года, 2-го квартала, Тверской части, города Москвы, домъ № 101, съ отмѣткой карандашемъ „изъ гор. Тулы жилецъ“. б) Запечатанное письмо съ надписью на конвертѣ: „заказное“ въ Карасубазаръ, Таврической губерніи, „его благородію“ — имя, отчество и фамилія вычищены — а внизу — „прошу передать Ивану Ивановичу“: письмо это отъ 10-го іюля, за подписью Аргамонцевъ, начинается такъ: „милостивый государь, вашъ

хорошій знакомый Ѳеофанъ Никандровичъ просилъ передать вамъ прилагаемую записочку. Еще проситъ васъ уничтожить находящіяся у васъ его бумаги, и т. д.“ Упоминаемая въ письмѣ записочка состояла изъ двухъ четвертушекъ папиросной бумаги, тщательно сложенныхъ въ маленькій квадратикъ; на этихъ листочкахъ замѣчены слѣды письма, вытравленнаго, по всей вѣроятности, лимономъ, почему эти листочки были положены подъ горячій утюгъ, отъ дѣйствія котораго текстъ письма выступилъ, но такъ неясно, что можно прочесть только отдѣльныя слова. в) Полулистъ бумаги, писанной, повидимому, рукой Цвиленева и содержащій въ себѣ окончаніе письма № 6; въ текстѣ этого письма упоминаются имена Арк. и Пв. г) На полулистѣ бумаги малороссійская пѣсня. д) Записная книжка, черная „Notes“; въ этой книжкѣ вложено: 1) шифръ „чаще держать экзаменъ, хорошо писать формулы, бѣгло резюмировать цѣлыя и дроби“; 2) почтовый листъ синей бумаги, вѣроятно, съ адресами, писанными шифромъ, но другимъ; между цифръ попадаются слѣдующія слова: по Курск., Курскъ, Орелъ, Архипова, Рыльскъ, Петерб. д. 13, кв. № 5, и 3. Фотографическая карточка г-жи Преображенской. 12) Двѣ статьи, очевидно, приготовленныя для печати: одна, содержащая въ себѣ разсказъ отставного солдата о томъ, какъ власти, бары, чиновники, купцы и кулаки-міроѣды обираютъ мужика, по всей вѣроятности, для изданія брошюрою, а другая, писанная почеркомъ, похожимъ на руку Цвиленева, содержитъ въ себѣ корреспонденцію, по всей вѣроятности, въ газету „Впередъ“ или „Работникъ“, о бывшихъ безпорядкахъ въ Кіевской губерніи. Обѣ эти статьи были вложены въ конвертъ съ надписью „Петрушѣ“. 13) Чистая записная книжка въ $^1/_8$ долю листа, въ кожаномъ переплетѣ, въ портфелѣ коей вложена на двухъ листахъ почтовой бумаги малаго формата программа вопросовъ для собиранія статистическихъ данныхъ, по содержанію такихъ же, какъ и найденныя въ связкѣ бумагъ съ надписью: „изъ ручного сакъ-вояжа“. Остальныя бумаги, тутъ же находившіяся, особаго значенія не имѣютъ. Затѣмъ, записная книжка меньшаго размѣра, также чистая, въ коей вложено: портретъ Пугачева и двѣ записки; одна—списокъ книгъ, внизу коего написано: „по слѣдующему адресу: въ Александровскій уѣздъ, Влад. губ., на станцію Константиново, въ больницу села Шеметова, доктору“, на оборотѣ написано: „уг. Ф. и Набер. д. Жукова, кварт. 24“; отдѣльно записано: Мих. Ивановъ. Клочокъ сѣрой бумаги, на которомъ, между прочимъ, сдѣлана отмѣтка: „Пѣвческій мостъ, д. Калугина № 33, квартира г-жи Мупотъ, узнать адресъ Ив. Пв. Борамона“, затѣмъ ляписъ въ гусиномъ перѣ. 14) Клочекъ бумаги, на которомъ написано: „Пзв. прежде Негровскій. Блоче-Бропевскій. Подходитъ и рекоменд. по знак. съ барыи. (студ. юристъ) въ спискѣ не оказ. Въ припадкѣ говорилъ, что опъ Негровскій, который пригласилъ вступить въ шпіоны. Распрашивалъ про книги“. 15) Конвертъ съ разными мелкими записочками, по разсмотрѣніи коихъ оказалось слѣдующее: записка, писанная карандашемъ на папиросной бумагѣ, въ текстѣ встрѣчаются зашифрованныя слова; эта записка лежала въ листѣ почтовой бумаги, исписаннымъ со всѣхъ сторонъ, на которомъ написанъ переводъ той записки, зашифрованной, какъ оказалось по провѣркѣ, по ключу „чаще держать экзаменъ“. Содержаніе записки слѣдующее: „Если И. Л.... припятъ, то значитъ сдѣлана половина дѣла и другая его половина такова: идя вдоль Рогож. улицы и, пройдя ворота части и самую часть, увидишь заборъ, за этимъ заборомъ наше мѣсто гулянья. Минута—и за заборомъ, ублаготворивши, разумѣется, извѣстнымъ образомъ компаніона; остальное понятно изъ прежняго. Необходимо только припасти верхнее платье, фуражку, да намѣтить невдалекѣ цирульню, такъ какъ, вѣроятно, изъ части будетъ погоня и нужно будетъ поскорѣй измѣнить образину. Помощникъ же, по усмотрѣнію, будетъ ожидать въ установленномъ мѣстѣ или же скажетъ адресъ притона. Затрудненіе въ одномъ: нѣтъ возможности опредѣлить день гулянья. Очень можетъ быть, что помощнику раза два или три понапрасно нужно дожидаться погожихъ дней и въ эти дни дѣлать разсчетъ по числу народа: если жданье возможно, то дать знать, кашлянувъ два раза посильнѣе; въ такомъ случаѣ я буду извѣщать о предлагаемомъ днѣ пальцами, начиная съ воскресенья, слѣд.—воскр. 1, понед. 2, субб. 7. Если въ указанный день не придется гулять, и слѣдующіе дни будутъ погожіе, то на 2-й или на 3-й день непремѣнно буду гулять. Въ назначенный день помощникъ необходимо долженъ проѣхать во время благовѣста къ вечернѣ и подержать себя хоть за носъ, потому что нужно быть увѣреннымъ, дѣлая скачекъ. Время гулянья съ 6 часовъ вечера. Удалось бы одному, а потомъ можно бы по-

пытать и насчетъ остальныхъ. Нечего въ зубы-то смотрѣть! Если такъ не придется, я все-таки попытаю какимъ-нибудь образомъ; при удачѣ выиграю, при неудачѣ мало потеряю. Важно знать, по моему ли дѣлу Мерцаловъ арестованъ? Успѣли ли передать ему о взаимномъ незнаніи? Гдѣ находится? Можно сноситься? Если по моему дѣлу, то мнѣ обухъ по головѣ. Никакъ не ожидалъ этого, иначе не такъ бы повелъ дѣло. Въ этомъ случаѣ меня и его зарѣжутъ по горло, а жаль его, трудно найти подобныхъ людей для извѣстнаго дѣла. Если успѣли передать — такъ мой девизъ: знать не знаю и т. д., называть его мужиковымъ потомъ. Хозяйка признала Ѳедора на очной ли ставкѣ? Вѣдь, имя неизвѣстно ей, а я сказалъ, что онъ называется Иваномъ. Не подумайте, что про него, это сказано про неизвѣстнаго человѣка, занимавшаго со мной квартиру. Отвѣтить по возможности при вечернемъ разговорѣ, только не въ самыя сумерки, но при закатѣ солнца: въ сумерки глядѣть иногда бываетъ подозрительно. Тебѣ ходить здѣсь не слѣдуетъ совсѣмъ. Внутреннія сношенія до сихъ поръ невозможны. Въ случаѣ крайности одинъ изъ двухъ ловкихъ парней долженъ разговаривать съ часовымъ, а другой бросать въ форточку, что нужно, или же черезъ заборъ, при гуляньѣ, хотя послѣднее сопряжено съ большими затрудненіями насчетъ дня". Подлинная записка была сложена маленькимъ квадратомъ. Письмо, писанное карандашемъ и чернилами, слѣдующаго содержанія: „Когда нужно передать что-нибудь, то нужно приходить вскорѣ по окончаніи благовѣста къ обѣднѣ или къ вечернѣ, или же за нѣсколько минутъ до благовѣста, а послѣдній въ солнечный день только. Отъ звона ничего не слышно. Названіе дома нужно сказать на всякій случай. А относительно хозяевъ можно прямо сказать: признали—нѣтъ, согласенъ—нѣтъ. Домъ квар. справа, послѣд. моей бѣжать можно тому, что ѣздитъ съ однимъ унтеромъ, а не съ двумя; по моему единственно такъ: въ день свиданія нужно нанять лихача и ждать въ условленномъ мѣстѣ, если отсюда, то у народнаго театра; унтера можно сдѣлать на нѣсколько минутъ бездѣятельнымъ, нужно только припасти нюхательнаго табаку; но такая штука рискованная. Помни, если пойдетъ только на это, я желалъ бы, чтобы продѣлали эту штуку Ѳедоръ или Жанъ, если есть сношеніе съ ними и существуютъ тѣ условія, о которыхъ сказано, потому что срокъ моего наказанія въ самомъ худшемъ случаѣ меньше и легче ихъ—скорѣе явится возможность дѣйствовать. Справьтесь между прочимъ о мѣрѣ наказанія по буквѣ закона за поддѣлку и проживаніе, и за то и другое вмѣстѣ. Если указать на тебя и Надю неудобно, то извѣстить, а тоже о днѣ свиданія. Страхъ за Тулу было одно изъ главныхъ причинъ, заставившихъ назвать крестьянъ. Хотя по спокойномъ обсужденіи опасность была не такъ велика, какъ представилась въ критическую минуту. Между другими причинами играла очень важную роль пословица „рискъ святое дѣло", хотя для меня онъ оказался грѣшнымъ, а обстоят. рискнуть. Справьтесь у знающихъ, какой есть трактиръ въ Орлѣ, а то я совсѣмъ ничего не знаю, хотя работалъ на курской дорогѣ с. масл. и пять недѣль и некому даже подтвердить о моемъ прибытіи. Насчетъ унтера безуспѣшно, хотя билетъ размѣненъ. Когда деньги будутъ пересылаться контраб., то мелкими бумажками. При настоящихъ условіяхъ жить бы нешто, да на бѣду тюрьма возбуждаетъ во мнѣ энергію, а такъ какъ надлежащаго исхода ей нѣтъ, она разрѣшается паскуднымъ нравственнымъ состояніемъ. Николай Васильевъ съ женой отказ. отъ меня больше, кромѣ (огляев.) свид. некому, если сочтете нужнымъ, попробуйте привести въ исполненіе планъ насчетъ корреспонд. чрезъ кондукторовъ; на случай сдѣлаю нѣкоторыя указанія. На ряжско-вяземской дорогѣ можно съ Вас. Никифор., изъ Лѣскова, въ Тулѣ на Курскъ съ Петпеоргскимъ (это имя сверху зашифровано шифромъ „чаще держать экзаменъ"), въ Скуратовѣ, а чрезъ нихъ и съ другими и по мѣрѣ надобности переводить въ другое мѣсто. Ихъ знаютъ Паша и Ваня. Пусть Мишка сдѣлаетъ списокъ хорошихъ историч. сочиненій и потребов. изъ нихъ доставлять какъ возможно достать. Въ настоящее время одно изъ сильныхъ желаній моихъ устан. корреспонд. съ... (имя замазано чернилами, но можно догадаться, что тутъ стояло Жибодари)—близокъ локоть, да не укусишь. Изъ девят. арест. двое выпущ. еще на страстной нед. Пафнут., а другой не знаю. Говор. громче".—Записка на $^1/_8$ сѣрой бумаги слѣдующаго содержанія: „Г. Кремеръ и Сиротскій, прошу васъ, дорогіе друзья, оказывать этому господину возможную помощь въ случаѣ, если ему понадобится—Зундъ".—Въ ней оказались завернутыми три бумажки съ адресами; первая, написанная шифромъ, не подходящимъ къ имѣющимся ключамъ. Бумажка эта была надорвана

а потому она наклеена на другой листъ бумаги. На второй бумажкѣ значатся адресы: „лозово-севастопол. ж. д., ст. Славгородъ, въ Варварскую экономич. контору такого-то"; на оборотѣ „нѣм. ул. Мицкунскому, въ суконномъ магаз. Пашкевича. Ржевъ; Конская пл., близъ кузницъ, домъ Филатова, Ивану Матвѣевичу Филатову". Третій кусочекъ—„на Семеновской улицѣ красильное заведеніе Григорія Ѳедоровича Тюльпина, спр. Александру Дав. На Косой улицѣ, домъ Трубникова Агаѳью Сем."; внизу—„Никитѣ Сергѣев. Серг."; на оборотѣ „Зиновій Сѣровъ учит. школа или Виктора, подъ нимъ Конная пл. близъ кузницъ, д. Татьяны Емельяновны Шаровой, второй отъ угла". Затѣмъ: „Швейковскій (банкъ) у него Линдъ. То. Вас. Пв. Покровскій". Далѣе на трехъ бумажкахъ записаны слѣдующіе адресы: „Пестроевая рота Песвицкаго полка рядовой Ѳедоръ Лизуновъ (шорникъ); Арину Савельевну или Серебряника (брата ея). Близъ Сивцаго вражка большой Власьевскій пер., д. Львова, квар. Данилова; станція Пахомово — Данилову и въ г. Кралевецъ (Черниговъ) село Ярославецъ, священнику Мироненкову, съ передачей въ село Зачирки Александру Ѳедоровичу". Всѣ эти адресы и записки вложены въ особый конвертъ подъ № 15 лит. а. 16) Переписка Знаменскаго, студента Петровской академіи, который находился подъ стражею. Въ особомъ пакетѣ съ надписью „изъ ручного сакъ-вояжа" взяты въ числѣ вещественныхъ доказательствъ въ квартирѣ *Зедгенидзе*. 1) Записная книжка въ переплетѣ, въ которой въ числѣ разныхъ замѣтокъ на одной страницѣ написано: „14-го января, служу по прежнему, работаю какъ волъ. Послѣ сцены съ начальствомъ отмѣтчикъ что-то очень деликатенъ сталъ; прежде, когда заговаривалъ со мной, называлъ меня вы или Овчинниковъ, а теперь прибавленіе творитъ Г." Затѣмъ, на послѣдней страницѣ записаны имена: „Островскій" и „Иванъ Ивановичъ". 2) Рукопись, заключающая въ себѣ программу вопросовъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Въ числѣ вопросовъ имѣются слѣдующіе: Нѣтъ ли *библіотекъ*, стремящихся къ развитію въ молодомъ поколѣніи идей, на которыхъ должна быть построена новая жизнь общества,—идей соціальныхъ?... Насколько развито въ разныхъ слояхъ общества царепочитаніе? Какъ относятся къ нечаевскому дѣлу? 3) Письмо отъ 4-го іюля, начинающееся словами „Дорогой другъ", въ которомъ пишется, что „время проходитъ бездѣятельно, знакомыхъ пока еще мало, сойтись ни съ кѣмъ еще не успѣли, но надѣются, что скоро перемѣнится въ нашу пользу. Для того, чтобы сойтись съ обществомъ, нужно быть членомъ клуба, что уже *всѣми сдѣлано*, за исключеніемъ меня и Анюты. Всѣ посѣщаютъ клубъ, я же не могу, по недостатку гардероба, а Анюта должна заняться хозяйствомъ; вообще ждутъ съ нетерпѣніемъ, когда окажется возможность выйти изъ пассивнаго положенія". Внизу слѣдующая приписка: „Бабъ здѣсь совершенно достаточно и было бы прекрасно, если бы сюда больше не наѣзжало ихъ". Кромѣ того, между строкъ написано карандашемъ нѣсколько строчекъ цифръ, а въ письмо вложенъ листокъ синей почтовой бумаги, на которомъ написано карандашемъ: „Пришли немедленно копію Волчанскаго паспорта". По провѣркѣ этой фразы съ вышеозначенными цифрами, по ключу шифрами „Эй, Ѳомичъ", означенная фраза оказалась переводомъ тѣхъ знаковъ по этому шифру. 4) Три тетради неоконченныхъ статей. 5) Клочокъ бумаги отъ газеты, на которомъ написано карандашемъ: „напиши на этомъ клочкѣ, сколько книгъ ты взялъ (когда одинъ разъ отправился), какія и куда?" а внизу: „работн. 1 и 4 около по 37, 2 и 3 по 20, комм. 5, сказки 5, пугачъ—60 и мелкія брошюрки". 6) Клочки бумаги отъ разорваннаго счета прачки на женское бѣлье. 7) Письмо отъ 30 іюля, подписанное *„Ваше Пат."*, слѣдующаго содержанія: „Вѣра! Передай Катѣ, чтобы она подождала письма, которое она получитъ отъ Михаила Ивановича, знакомаго Рыжаго, тамъ просятъ сдѣлать кое-какія покупки"... кончается такъ: „Нашъ привѣтъ всѣмъ роднымъ. Не забывайте же, черти". 8) Двѣ книжки на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ по уменьшенной цѣнѣ, выдаваемыя слушателямъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института, безъ начальныхъ листовъ. 9) На клочкѣ топкой почтовой бумаги—шифрованная записка, писанная грузинской азбукой, по переводѣ которой содержаніе записки оказалось слѣдующее: „2-ое Ниж. п—ровъ, черные волосы, высокаго роста, 30 лѣтъ, 5-ое внизу, черный, круглолицый, 20 лѣтъ, низенькій; 5-ое вверху, молодой, черный, продолговатое лицо, худощавый; 6-ое вверху, деревенскій, черный, низенькій, 19 лѣтъ; 5-ое вверху. Барышня высокаго роста, русая, лицо продолговатое, 25 лѣтъ. 2-ое вверху. Средній ростъ, круглое лицо, русая". Кромѣ того, въ числѣ этихъ бумагъ найдена фото-

графическая карточка съ надписью на оборотѣ карандашемъ: „*Надъ* 1872 г.“, а внизу: „11; принадлежитъ Вѣрѣ Андреевнѣ Шатиловой“.—По предъявленіи указанныхъ предметовъ, Цвиленевъ и Циціановъ большею частью признали ихъ своими. Цвиленевъ не призналъ своимъ ключъ къ шифру и рукопись „Идти въ народъ въ качествѣ рабочаго“. Прочитано письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Твоя наука не поможетъ, когда меня не вызываютъ. Поэтому поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Я откроюсь, но на предварительномъ слѣдствіи. Георгіевскій показываетъ хорошо. А вотъ что: поѣхалъ ли кто-нибудь изъ нашихъ въ казачество, на Уралъ, въ Казань и т. д. Въ Екатеринодаръ рекомендую слѣдующихъ землемѣровъ: Иванъ Жуковъ, Григорій Рыболоченко, Николай Соколовъ. Во Владикавказъ—Атабегова, Аѳанасьева и Вертепова. Они хорошіе и, пожалуй, пропагандисты, если надъ ними поработать малость. На нихъ можете дѣйствовать отъ моего имени. Я могу писать въ Тифлисъ—Трофимъ Бульбухъ, женская гимназія Авазова. Еще разъ повторяю: напиши Петру о его Петербургскомъ дѣлѣ и напиши адресъ, куда я могъ бы послать рядоваго унтера... Письмо выдайте... Я послалъ Зуду оффиціальную записку; прошу денегъ; у меня въ управленіи—ни гроша, а я не могу тратить свои. Я вызвалъ прокурора—хочу выругать: обѣщался книгъ и надулъ. Пришли Петра съ чернилами. Посылаю шифръ. При нуждѣ пригодится“. Затѣмъ излагается ключъ шифра и въ заключеніе говорится: „Когда откроюсь—деньги высылайте. Онъ получитъ черезъ прокурора Жмурки“. Подписано: „Швабра, 3-го августа“.—Подс. *Чекоидзе* объяснилъ, что не помнитъ, чтобы письмо было шифровано. Хотя шифръ „Эй, Ѳомичъ“ онъ зналъ, но утверждать не можетъ, чтобы письмо было писано этимъ шифромъ. Онъ съ Циціановымъ обыкновенно велъ переписку по шифру „Быстро рѣшающій задачи“.—*Первоприсутствующій.* Подсудимая Вѣра Любатовичъ, вы дѣлали переводъ этого письма?—Подс. *Вѣра Любатовичъ.* Нѣтъ.—Подс. кн. *Циціановъ.* Письмо это было, дѣйствительно, шифровано, но не по шифру „Эй, Ѳомичъ“, а по другому. Переводъ письма сдѣланъ моею рукою, но измѣненнымъ почеркомъ, потому что я постоянно мѣнялъ почеркъ, когда приходилось дешифрировать.—Предъявлено еще одно письмо, которое подсудимая Гамкрелидзе и Георгіевскій не признали. Циціановъ заявилъ, что оно взято на его квартирѣ и что переводъ сдѣланъ подъ его диктовку.—Прочитанъ актъ осмотра бѣлья, отобраннаго въ квартирѣ Циціанова. Оно оказалось мужскимъ и женскимъ и съ мѣтками разныхъ обвиняемыхъ. Подс. князь *Циціановъ* заявилъ, что двѣ корзины съ платьемъ и бѣльемъ даны были ему на храненіе его знакомымъ. Кромѣ того, заносила бѣлье и Гамкрелидзе. Подс. *Гамкрелидзе* заявила, что часть бѣлья она занесла передъ отъѣздомъ въ Иваново-Вознесенскъ, такъ какъ квартира ея была непомѣстительна, и просила Циціанова сохранить до ея возвращенія.—Прочитанъ актъ осмотра отобранныхъ у Кардашева бумагъ. Въ числѣ другихъ вещей была записная книжка, въ которой записано, когда и отъ кого получены письма; разные расходы: за билетъ на проѣздъ, пошлины въ таможнѣ за провозъ вещей, на свадьбу Гамкѣ 15 рублей и т. д. По предъявленіи указанныхъ въ актѣ предметовъ, подс. *Кардашевъ* заявилъ, что всѣ письма писаны имъ. По предъявленіи нижеслѣдующаго письма подс. *Вѣра Любатовичъ* заявила черезъ своего защитника, что въ письмѣ этомъ не упомянуто о Волченкѣ. Подс. *Кардашевъ* заявилъ, что онъ писалъ къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ Глѣбовой. *Тов. оберъ-прок.* заявилъ, что въ письмѣ упоминается „Волченокъ“. Прис. пов. *Спасовичъ* замѣтилъ, что онъ разобралъ только одну букву В, а затѣмъ какія-то каракули. Прис. пов. *Хартулари* заявилъ, что нѣтъ возможности разобрать это слово. Письмо это, на имя Николая Аѳонскаго, слѣдующаго содержанія: „Многоуважаемый Николай Оедоровичъ. Передайте, Бога ради, какъ можно поскорѣе Марьѣ или Евгеніи, что *наши московскіе друзья* больны ужасно, эпидемически, начиная съ Волченка, Санчо и Мавра и кончая ужъ чортъ знаетъ чѣмъ и кѣмъ; пусть извѣстятъ, кому найдутъ нужнымъ“.—Прис. пов. *Бардовскій.* Не пожелаетъ ли Кардашевъ дать объясненія, почему здѣсь упоминается Марья Субботина.—Подс. *Кардашевъ.* Я дамъ объясненіе, какъ было въ дѣйствительности, хотя не знаю, насколько это будетъ относиться къ Марьѣ и Евгеніи Субботинымъ. Въ началѣ августа Зедгенидзе (кн. Циціановъ), надѣясь, что меня выпустятъ на другой день, когда мы сидѣли съ нимъ рядомъ, сообщилъ мнѣ шифръ „Эй, Ѳомичъ“ и просилъ написать къ Аѳонскому и князю Микеладзе о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя сообщаются въ этихъ письмахъ. Письма эти не назначались Субботинымъ, а должны были быть переданы знакомому кн.

Цицiанова въ Орлѣ, фамилiю котораго я не зналъ. Я второпяхъ адресовалъ къ Субботинымъ. Кромѣ того, изъ письма видно, что я говорилъ отъ третьяго лица.—Подс. князь *Цицiановъ*. Адресъ Евгенiи и Марiи былъ сообщенъ мною, потому что не было дѣйствительнаго прямого пути, по которому можно бы было послать письма къ лицу, которому я хотѣлъ сообщить краткiя свѣдѣнiя о моемъ арестѣ. Я припомнилъ адресъ Аѳонскаго, который сообщенъ мнѣ былъ Лидiею Фигнеръ, а редакцiю письма я изложилъ въ томъ видѣ, что въ первой половинѣ должна быть высказана просьба сестрамъ Субботинымъ отыскать лицо и способъ, какимъ образомъ отыскать и передать письмо, а другая половина шифрованная назначалась моему знакомому, и просилъ подписаться Лидiей Фигнеръ, такъ какъ Субботиныхъ лично я не зналъ. Относительно адреса Микеладзе—то онъ данъ мною. Я хотѣлъ сообщить только, что въ Москвѣ были аресты. Тамъ говорится, что бумаги всѣ у Медвѣдихи. Когда Кардашевъ былъ у меня, я памѣренъ былъ отнести чемоданъ Медвѣдевой, которой адресъ зналъ. Вѣроятно Кардашевъ сообразилъ, что я уже успѣлъ передать бумаги.—Подс. *Евгенiя* Субботина. Когда я уѣзжала изъ Москвы, то дала Фигнеръ адресъ Аѳонскаго, чтобы она писала Николаю Ѳедоровичу для передачи Марьѣ Дмитрiевнѣ, а сестру свою Марью просила, если получатся письма, то пересылать мнѣ въ Петербургъ. Поэтому и поставлены рядомъ Марья и Евгенiя. По просьбѣ *тов. оберъ-прокурора* спрошенъ подс. *Кардашевъ* о значенiи разныхъ кличекъ, и онъ объяснилъ, что клички эти употреблялись не въ смыслѣ организацiи. Подсудимый зналъ, напримѣръ, Вѣру, Гамку. Послѣднее есть сокращенное Гамкрелидзе, но онъ не зналъ, что Вѣра была Любатовичъ. Его самого прозвали Мавромъ. Вообще всѣ эти названiя не имѣли смысла кличекъ, а смыслъ имени. Кромѣ того эти клички были общеизвѣстны. Это не было кружковымъ секретомъ. Изъ показанiя свидѣтеля Дмитрiева видно, что онъ зналъ, напримѣръ, Рыжаго. Вообще это были названiя, которыя были извѣстны всему студенческому кружку.—*Товарищъ прокурора присутствующiй*. Употребляя эти клички, вы не поинтересовались знать настоящихъ именъ и фамилiй этихъ лицъ?—Подс. *Кардашевъ*. Какая мнѣ надобность? Я сходился съ ними, разговаривалъ, нанималъ вмѣстѣ квартиру, и больше ничего.—Подс. *Любатовичъ* замѣтила, что ее еще съ дѣтства звали волченкомъ. Прочитано показанiе свидѣтеля *Дмитрiева*, въ которомъ говорится: Николай Гавриловъ Дмитрiевъ, 23 лѣтъ, воспитывался въ тифлисской реальной гимназiи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1873 году. Занимаюсь преподаванiемъ уроковъ, живу постоянно въ городѣ Тифлисѣ, на Мостовой улицѣ, въ домѣ гражданина Мурадова, вмѣстѣ съ родителями, холостъ. Окончивъ лѣтомъ 1873 года курсъ наукъ въ тифлисской реальной гимназiи, я тогда же отправился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ технологическiй институтъ и, пробывъ тамъ годъ, лѣтомъ 1874 года отправился въ Парижъ съ цѣлью поступить въ тамошнюю политехническую школу. Со мною для той же цѣли поѣхали въ Парижъ тогда же изъ Петербурга: студентъ с.-петербургскаго технологическаго института Иванъ Ларiоновичъ Кузьминъ, студентъ медико-хирургической академiи Иванъ Спиридоновичъ Джабадари, Лука Иванишевичъ и бывшiй воспитанникъ Михайловскаго артиллерiйскаго училища Михаилъ Чекоидзе. Всѣ мы имѣли заграничные паспорты, выданные намъ изъ канцелярiи с.-петербургскаго градоначальника. Отношенiя мои къ вышеозначеннымъ лицамъ были дружескiя только къ Джабадари и Кузьмину, съ остальными же я сошелся только въ дорогѣ и во время послѣдующей жизни нашей въ Парижѣ, гдѣ жили всѣ на одной квартирѣ, изучая французскiй языкъ и посѣщая публичныя лекцiи въ политехнической школѣ. Пробывъ въ Парижѣ три мѣсяца, я и Кузьминъ, за неимѣнiемъ средствъ къ жизни, возвратились обратно въ Петербургъ, остальные же наши товарищи остались въ Парижѣ, не имѣя средствъ къ выѣзду и ожидая таковыхъ отъ родныхъ изъ Россiи. Во время пребыванiя нашего въ Парижѣ, Джабадари, между прочимъ, получилъ письмо изъ Петербурга отъ своего товарища, студента медико-хирургической академiи Георгiя Здановича, въ которомъ онъ разспрашивалъ о нашей жизни въ Парижѣ и сообщалъ текущiя новости Петербурга. Подробностей содержанiя этого письма я не помню; помню только, что оно начиналось фразой: „братья граждане“ и было подписано, вмѣсто фамилiи Здановича, „Георгiй Рыжiй“. Означеннаго Здановича я зналъ лично въ Петербургѣ еще до поѣздки въ Парижъ, хотя знакомство мое съ нимъ было шапочное, встрѣчая его изрѣдка у Джабадари въ квартирѣ его, а также въ кухмистерской, гдѣ мы вмѣстѣ обѣдали. Его товарищи и знакомые называли его „рыжимъ“ по той причинѣ, что

онъ имѣлъ рыжевато-краснаго цвѣта бороду. Здановичъ не обижался этой кличкой и самъ иногда поддерживалъ ее, какъ это выразилось и въ письмѣ, писанномъ имъ къ Джабадари, гдѣ онъ, какъ я выше упомянулъ, подписался даже „Георгій Рыжій". Здановича я мало зналъ и не искалъ случая съ нимъ сблизиться, такъ какъ отъ товарищей своихъ слышалъ о немъ не совсѣмъ лестные отзывы, а именно, что онъ фразеръ, очень либераленъ и любитъ высказывать громкія либеральныя фразы. О его антиправительственной дѣятельности я ничего не знаю. О Здановичѣ я слышалъ, что онъ уроженецъ Кавказа, гдѣ имѣетъ имѣніе въ одной изъ 2-хъ губерній—Кутаисской или Тифлисской, и что въ одномъ изъ этихъ губернскихъ городовъ онъ воспитывался въ гимназіи. Изъ лицъ, знающихъ Здановича и могущихъ признать его личность, могу поименовать: студента Медико-хирургической академіи Худадова и студента горнаго института Ивана Кузьмина, воспитывающихся въ настоящее время въ Петербургѣ, кромѣ того, также студента медико-хирургической академіи Вершанова; другихъ же лицъ, знающихъ Здановича, припомнить не могу. По возвращеніи въ октябрѣ мѣсяцѣ 1874 года изъ-за границы въ Петербургъ и пробывъ тамъ до февраля мѣсяца 1875 года, я, желая поступить въ Лѣсной Институтъ, но не имѣя къ тому средствъ, уѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ и находился съ того времени безвыѣздно. По возвращеніи изъ-за границы я Здановича болѣе не встрѣчалъ нигдѣ, но, находясь уже въ Тифлисѣ, слышалъ отъ отца Джабадари и отъ студента медико-хирургической академіи Худадова, пріѣзжавшаго въ 1875 г. на каникулы на Кавказъ, что Джабадари, Чекоидзе и Здановичъ арестованы въ Москвѣ, по обвиненію ихъ въ антиправительственной пропагандѣ, которой они занимались въ Москвѣ о чемъ я тогда и написалъ въ Парижъ къ Ивашишевичу, называя Джабадари и Чекоидзе дядюшками Грессотами, а Здановича – Георгіемъ Рыжимъ. Изъ предъявленныхъ мнѣ двухъ фотографическихъ карточекъ, на одной изъ нихъ, гдѣ изображенъ мужчина съ бородой и въ пальто, я признаю вышеупомянутаго Здановича, другая же карточка, т.-е. личность на ней изображенная, мнѣ неизвѣстна, хотя и напоминаетъ кого-то изъ моихъ знакомыхъ, но кого именно, не могу вспомнить. Бывшаго слушателя Петровской земледѣльческой академіи Георгія Кобіева я не знаю и никогда о немъ ничего не слыхалъ. Студента же Лѣсного Института Іосельяни я зналъ еще въ бытность свою въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ то время воспитывался. Въ настоящее время онъ уже окончилъ курсъ въ Лѣсномъ Институтѣ, и недѣлю тому назадъ я его встрѣчалъ въ Тифлисѣ, гдѣ онъ, кажется, находится и въ настоящее время.—Прочитаны: актъ обыска у Аѳонскаго и письмо матери Субботиной къ ея сестрѣ, Аѳонской, въ которомъ она, между прочимъ, говоритъ, что она возвратилась изъ-за границы. „При мнѣ ничего не дѣлали; была на собраніи Интернаціонала, видѣла и слышала все и осталась довольна". Разсказываетъ о томъ, какъ дочери ея были приняты Лавровымъ (Миртовымъ), о своихъ знакомствахъ, о препровожденіи времени и т. п. Прис. пов. *Бардовскій* просилъ особое присутствіе удостовѣриться изъ дѣла, что мать Субботиныхъ съ 14-го сентября 1874 года арестована. Прочитано еще письмо Евгеніи Субботиной, въ которомъ она извѣщаетъ Николая Ѳедоровича о томъ, что по возвращеніи изъ Петербурга она была арестована на одинъ день; говоритъ, что если соблаговолятъ оставить ее въ покоѣ, то будетъ у нихъ дней черезъ шесть, что въ Москвѣ сильные аресты, о чемъ проситъ сообщить Марьѣ Субботиной. Подс. *Е. Субботина* объяснила, что она этимъ письмомъ предупреждала сестру, Марью, „потому что я разъ попалась, будучи не замѣшана ни въ чемъ. Меня оставили подъ домашнимъ арестомъ и я не могла знать, въ чемъ меня обвиняютъ". Свид. князь *Микеладзе* показалъ: Я объявилъ на предварительномъ слѣдствіи, что письмо, которое мнѣ было предъявлено, не мое, а принадлежало Ивану Григорьеву, съ которымъ я познакомился въ Одессѣ на бульварѣ. Получалъ письма и передавалъ ему. Содержаніе этихъ писемъ не знаю.—*Тов. оберъ-прок.* Вы долго были знакомы съ Иваномъ Григорьевымъ?—Свид. кн. *Микеладзе.* Съ мѣсяцъ; но личность его мнѣ неизвѣстна.—В. По какому поводу вы познакомились?—О. Я сидѣлъ на бульварѣ, на скамейкѣ; онъ подошелъ, подсѣлъ ко мнѣ и началъ говорить, при чемъ сказалъ свое имя. Потомъ онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру и просилъ передавать ему письма, которыя будутъ приходить на мое имя, потому что почтальону трудно его отыскать на заводѣ, гдѣ онъ работалъ. Онъ приходилъ, и я отдавалъ ему письма.—В. Онъ не знакомилъ васъ съ кѣмъ-нибудь?—О. Познакомилъ съ дѣвушкой Надеждой (Субботина).—В. Вы бывали у нея?—О. Раза два былъ.—В. У нея никого не встрѣчали?—О. Нѣтъ.—

В. Не давала ли она вамъ какихъ-нибудь книгъ для прочтенія?—О. Иванъ Григорьевъ давалъ „Парижскую коммуну“.—В. Вы, кажется, объясняли на дознаніи, что книжка дана вамъ Надеждою?—О. Нѣтъ, Иваномъ Григорьевымъ, но въ квартирѣ Надежды.—В. Не давала ли она вамъ какихъ-нибудь писемъ или записокъ?—О. Разъ давала только 2 депеши для отправки. Но куда и содержанія ихъ—не помню.—В. Не знакомили ли васъ Григорьевъ или Субботина еще съ кѣмъ-нибудь?—О. Субботина познакомила съ Хоржевской.—Прис. пов. *Бардовскій*. Что васъ свело съ Григорьевымъ?—Свид. кн. *Микеладзе*. Познакомились просто на бульварѣ.—В. Изъ подсудимыхъ, кромѣ Надежды Субботиной и Хоржевской, никого не знаете?—О. Никого.—В. Вы твердо помните, что не сами взяли книжку въ квартирѣ Субботиной?—О. Нѣтъ, не самъ.—В. Вы привлекались въ качествѣ обвиняемаго?—О. Въ качествѣ свидѣтеля.—В. Но были арестованы?—О. Былъ.—В. Послѣ какого показанія васъ выпустили?—О. Не помню.—В. Ольгу Любатовичъ не знаете?—О. Нѣтъ.—Прис. пов. *Хартулари*. Письма, которыя вы получали для передачи Григорьеву, были простыя или шифрованныя?—Свид. князь *Микеладзе*. Я не распечатывалъ писемъ. Только впослѣдствіи, когда получилъ письмо изъ Ялты, я изъ любопытства его распечаталъ, и оно оказалось шифрованнымъ.—В. Не получали ли писемъ на имя Рыжаго?—О. Рыжаго я не знаю.—Прис. пов. *Зубаревъ*. Вы кого у Хоржевскихъ знали?—Свид. князь *Микеладзе* Только одну Вѣру Сергѣевну.—*Первоприсутствующій*. Подсудимая Ольга Любатовичъ, знали вы свидѣтеля Микеладзе?—Подс. *О. Любатовичъ*. Я не нахожу нужнымъ отвѣчать.—*Тов. оберъ-прок.* Почему вы распечатали письмо изъ Ялты?—Свид. кн. *Микеладзе*. Потому что часто стали приходить письма.—Прис. пов. *Войцеховскій*. Куда вы дѣли эти письма?—Свид. кн. *Микеладзе*. Передалъ Ивану Григорьеву.—Прис. пов. *Бардовскій*. Онъ не былъ въ претензіи, что вы распечатали?—Свид. кн. *Микеладзе*. Онъ не зналъ. Я запечаталъ опять.—Свид. *Елизавета Хоржевская* показала, что сестра вернулась изъ-за границы въ декабрѣ 1874 года.—Прис. пов. *Бардовскій*. Не принимала ли участія въ свадьбѣ вашей сестры одна изъ Субботиныхъ?—Свид. *Е. Хоржевская*. Никто не принималъ никакого участія. Она сама познакомила своего жениха съ нами.—Свид. *Прасковья Тихонова* показала, что у нея нанимали квартиру двѣ молодыя дѣвушки, но когда это было—не припомнитъ; прожили онѣ 1 мѣсяцъ. Одна называлась Махоткиной, а другая, кажется, Степановой. У нихъ былъ одинъ молодой человѣкъ, о которомъ онѣ сказали, что это квартирантъ. Свидѣтельница спросила паспортъ, но онѣ сказали, что ему вышлютъ, и она отказала имъ отъ квартиры. Подсудимыя *Надежда Субботина* и *Ольга Любатовичъ* признали, что жили въ Одессѣ у свидѣтельницы, при чемъ Любатовичъ добавила, что оба паспорта ея.—Прочитанъ протоколъ ареста Евгеніи Субботиной и Овчинникова. Подс. *Е. Субботина* объяснила: Я была въ Петербургѣ и пріѣхала въ Москву. На станціи въ Москвѣ я встрѣтила Овчинникова, съ которымъ познакомилась еще въ Петербургѣ, и предложила ему ѣхать вмѣстѣ въ гостиницу „Украйна“. Когда пріѣхали, я спросила номеръ. Мнѣ предложили въ пятьдесятъ копѣекъ, но я спросила получше. Когда отыскивали номеръ, я остановилась передъ доской и увидѣла фамилію, о которой я слышала. Я спросила, не здѣсь ли Гамкрелидзе? Мнѣ сказали, чтобы я подождала; потомъ явилась полиція, и меня арестовали.—Подс. *Овчинниковъ*. Я подтверждаю это показаніе и присовокупляю, что когда мы ѣхали въ „Украйну“, то Субботина мнѣ не говорила, что у нея есть знакомые въ гостиницѣ.—Свид. священникъ *Ансеровъ* показалъ, что между его дочерью и Субботиной были отношенія дружбы еще съ гимназіи, въ которой онѣ обучались. Субботины приглашали ее ѣхать за границу и даже предлагали свои средства на прожитіе. Она сильно просилась, но родители не рѣшились отпустить.—*Тов. оберъ-прок.* Не предлагали ли ей выхода въ замужество?—Свид. *Ансеровъ*. Являлся одинъ фиктивный женихъ. Въ какой-то праздникъ я выхожу изъ церкви. На дорогѣ мнѣ встрѣчается какой-то молодой человѣкъ и проситъ знакомства съ моимъ семействомъ. Я спрашиваю о причинѣ. Онъ говоритъ: „я молодой человѣкъ и хочу устроиться“. Я понялъ, что рѣчь идетъ о моей дочери и сказалъ: если таково ваше намѣреніе, то пріемъ знакомства мнѣ кажется не совсѣмъ обыкновеннымъ. Поэтому я ему отказалъ и до квартиры не допустилъ.—В. Почему вы думали, что женихъ фиктивный?—О. Это послѣ объяснилось. Дочь слышала объ этомъ отъ Субботиныхъ. Дѣло въ томъ, что мы не рѣшались отпустить дочь для полученія высшаго образованія иначе, какъ послѣ того, какъ она выйдетъ замужъ. Въ этихъ видахъ, вѣроятно, и

было устроено предложеніе.—В. Кто изъ Субботиныхъ предлагалъ поѣздку за границу?—О. Евгенія Дмитріевна. Впослѣдствіи мы предложили дочери ѣхать въ С.-Петербургъ, куда рѣшались отпустить ее съ теткой. Субботина дала дочери 35 рублей денегъ, съ тѣмъ, чтобы она ушла самовольно изъ моего дома и гдѣ-нибудь пока скрывалась. Она возвратила эти деньги Субботинымъ.—Прис. пов. *Бардовскій*. Могли бы вы дать приданое за дочерью?—Свид. *Ансеровъ*. Я не знаю, почему въ обвинительномъ актѣ сказано, что приданое должно поступить мужу, который дастъ ей за это свободу. Этого никогда не могло быть, чтобы она передала свои деньги чужому.—В. Не говорила ли ваша дочь, что Евгенія Субботина очень добра, помогаетъ бѣднымъ и т. п.?—О. Она совершенно увѣрена была, что все дѣлалось отъ доброты сердца. Мы ничего не могли сказать противъ этого, и даже въ то время, когда она была арестована, мы не вѣрили, думали, что это неправда.—В. Ваша дочь была арестована?—О. Нѣтъ.—В. Когда вы узнали о 35 рубляхъ?—О. Послѣ того, какъ дочь была допрошена. Еще въ 1873 году мать Субботиныхъ предлагала нашей дочери ѣхать вмѣстѣ съ ея дочерьми за границу; предлагала даже свои средства и обѣщала привозить дочь мою два раза въ годъ для свиданія. Но мы отказались отъ этого. Они насъ мучили три года, мы были точно въ осадѣ. Хороша доброта! Теперь мы благодаримъ начальство, что насъ избавили.—В. Осуществилось желаніе вашей дочери быть математикомъ?—О. У нея вообще развита любознательность, и она имѣетъ отличныя математическія способности, и ее постоянно преслѣдовала мысль быть математикомъ. Но теперь она отъ всего этого отказалась. Она теперь все бросила и занимается съ своими младшими сестрами. На вопросъ, можетъ ли свидѣтель узнать жениха, Ансеровъ сказалъ, что едва ли припомнитъ.—Подс. *Кардашевъ*. Вы не узнаете меня, батюшка?—Свид. *Ансеровъ*. Вотъ теперь узнаю.—В. Вы спросили у меня тогда фамилію какого-то поляка?—О. Не помню.—В. Я желалъ бы знать, если это не ваша семейная тайна, какую роль игралъ этотъ полякъ?—Свид. *Ансеровъ* (подумавъ). Не знаю рѣшительно никакого поляка и не помню, спрашивалъ ли васъ; можетъ быть вы своимъ пріемомъ навели меня на какую-нибудь мысль.—Прис. пов. *Бардовскій*. Вы, кажется, показывали, что вашу дочь уговаривала Субботина уйти изъ дома?—Свид. *Ансеровъ*. Я слышалъ отъ дочери, что она хотѣла это сдѣлать по вліянію Субботиныхъ.—Подс. *Евгенія Субботина*. Когда я училась въ гимназіи вмѣстѣ съ Екатериною Ансеровою, она мнѣ постоянно говорила, что не можетъ жить въ семьѣ, что положеніе ея тамъ невыносимо, и она хотѣла избавиться. Она даже говорила еще въ гимназіи, что согласится на фиктивный бракъ. Я ей говорила, что лучше идти замужъ, нежели переносить тѣ непріятности, которымъ она подвергалась.—Свидѣтель *Ансеровъ* (въ недоумѣніи). Какія же могли быть непріятности, когда мы только на дѣтей и смотримъ, только о нихъ и заботимся? Рѣдкое семейство найдется, чтобы родители такъ любили своихъ дѣтей и дѣти своихъ родителей.—Свидѣтель священникъ *Сахаровъ* показалъ, что онъ вѣнчалъ Гамкрелидзе по документамъ, которые онъ вполнѣ нашелъ достаточными. При этомъ два свидѣтеля были привезены брачущимися, а другихъ двухъ позаимствовали отъ другой свадьбы, бывшей въ этотъ день. Деньги платилъ, кажется, Циціановъ. Подс. князь *Циціановъ* заявилъ, что онъ подтверждаетъ показаніе священника, такъ какъ дѣйствительно расходовалъ деньги онъ, получивъ ихъ отъ Гамкрелидзе. Другіе два свидѣтеля, приготовленные заранѣе, не поняли адреса и проѣхали въ другую церковь, почему не поспѣли ко времени. „Въ обвинительномъ актѣ сказано, замѣтилъ подсудимый, что мы относились къ обряду съ пренебреженіемъ. Но этого не было. Дѣйствительно, женихъ и свидѣтели не явились во фракахъ, но все-таки мы были одѣты, какъ обыкновенные люди. Я на дознаніи отрицалъ, что былъ свидѣтелемъ на свадьбѣ, такъ какъ думалъ, что мой адресъ повліяетъ на этотъ бракъ и повредитъ Гамкрелидзе и его супругѣ".—Присяжн. пов. *Люстигъ* (къ свидѣтелю). При вѣнчаніи вы не замѣтили какой-нибудь необычайной обстановки, неуважительнаго отношенія къ обряду...—Свидѣтель *Сахаровъ*. Нѣтъ, ничего не замѣчалъ.—В. Только молодая не была въ вѣнчальномъ платьѣ? — О. Это часто бываетъ, что вѣнчаются въ обыкновенныхъ домашнихъ костюмахъ. — Свидѣтельница *Евфимія Сидорова* показала, что была въ церкви на свадьбѣ и потомъ съ матерью Тумановой въ номерахъ на закускѣ, откуда въ 11 часовъ ночи уѣхали домой. Тамъ остались четверо мужчинъ и двѣ женщины. — *Тов. оберъ-прок.* Какъ молодые люди вели себя въ церкви?—Свид. *Е. Сидорова*. Ничего, только

они не молились Богу. Этому я удивилась (осматриваетъ подсудимыхъ и показываетъ на подсудимыхъ Екатерину Гамкрелидзе и Вѣру Любатовичъ, и больше никого признать не можетъ).—Подс. *Кардашевъ*. Я признаю, что былъ на закускѣ.—*Первоприсутствующій*. Какъ же вы туда попали? — Подс. *Кардашевъ*. Я былъ приглашенъ послѣ свадьбы.—Подс. *Гамкрелидзе* (къ свидѣтельницѣ). Я женихъ; какъ же вы меня не узнаете? — Свид. *Сидорова*. Вы теперь пополнѣли. — Свид. *Екатерина Рубилина* показала, что завѣдуетъ меблированными комнатами своей сестры, и что подсудимые занимали номеръ, гдѣ была закуска; когда всѣ разъѣхались, то остался въ номерѣ ночевать одинъ молодой супругъ. Прочитанъ протоколъ задержанія подсудимаго Рождественскаго.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Рождественскій, вамъ было предъявлено письмо, которое начинается словами „Другъ Ваня“. Вы признаете его своимъ?—Подс. *Рождественскій*. Нѣтъ. Я имѣю честь просить позволить мнѣ разсказать мою поѣздку въ 1874 году. Затѣмъ онъ разсказалъ, что принужденъ былъ уѣхать изъ Петербурга вслѣдствіе болѣзни легкихъ, по совѣту профессора Боткина. На югѣ онъ поступилъ на Владикавказскую желѣзную дорогу лѣкаремъ и пробылъ тамъ $1^1/_2$ года. Когда дорога была построена, и его обязанности окончились, онъ поѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью продолжать ученье. На одной изъ станцій къ нему подошелъ служащій дороги и просилъ передать письмо въ Петербургъ; на указаніе, что для этого есть почта, тотъ замѣтилъ, что не знаетъ адреса, и проситъ передать въ академію. Въ это время дали звонокъ, Рождественскій поспѣшилъ въ вагонъ, и въ это время господинъ этотъ пихнулъ ему въ карманъ письмо. Во время пути онъ совершенно забылъ объ этомъ обстоятельствѣ. Такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Москву въ 8 часовъ утра, а поѣздъ въ Петербургъ отправлялся только въ 5 часовъ вечера, то онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ и пошелъ въ университетъ, съ цѣлью пріобрѣсти лѣкарскую программу и спросить о порядкѣ и времени экзаменовъ, разсчитывая, что, если въ Петербургѣ не придется держать экзамена, то можно явиться въ Москву. Дорогою онъ вспомнилъ, что день былъ праздничный, а именно Успеніе, слѣдовательно, въ университетѣ не могъ получить желаемыхъ справокъ. Поэтому онъ хотѣлъ зайти къ какому-нибудь студенту на квартиру, но никого не зналъ. Тутъ онъ вспомнилъ адресъ изъ записной книжки своей покойной жены, которая безъ него оставалась въ Петербургѣ на женскихъ курсахъ, и отправился на Спиридоновку, въ домъ Эйнбродтъ. Придя туда, онъ не зналъ, кого спросить и спросилъ, не живутъ ли тутъ студенты. Ему сказали, что жили, но переѣхали въ гостиницу „Украйна“. Онъ пришелъ туда, спросилъ № 12-й и его арестовали. Пом. прис. пов. *Гернгроссъ* замѣтилъ, что въ протоколѣ обыска Рождественскаго не указано, въ какомъ видѣ найдено письмо: запечатаннымъ или распечатаннымъ. Подс. *Рождественскій* заявилъ, что, когда приставъ взялъ это письмо, то просилъ позволенія распечатать его. Спустя недѣли двѣ, товарищъ прокурора, въ присутствіи подсудимаго, говорилъ приставу, что онъ убѣжденъ, что письмо было дано для передачи. Прочитано письмо слѣдующаго содержанія: „Другъ Ваня. Сходи къ Евангулову, когда то будетъ нужно, и вышли или пусть онъ вышлетъ книженокъ, которыя мнѣ понадобятся: обознач. слѣдующ.: a) „О четырехъ братьяхъ“; b) „Хитрая мех.“; c) „Истор. крестьян.“; d) „Чтой-то, братцы“; e) „Богъ-то Богъ“. Сообщи хотя кой-какія новости. Особеннаго ничего не пишу, потому времени нѣтъ; если же хочешь знать кой о чемъ, то тебѣ можетъ сообщить податель этого письма. Будетъ время, сообщу кой-какія интересныя штучки.“ — Свид. *Мителенкампфъ* (бывшій мировой судья Ставропольской губерніи) показалъ, что познакомился съ Рождественскимъ по поводу его жалобы на мясника, который поставлялъ въ лазаретъ порченое мясо. Мясникъ былъ признанъ виновнымъ и наказанъ. Свидѣтель бывалъ у Рождественскаго и онъ у него. На станцію Прохладную, гдѣ свидѣтель имѣлъ пребываніе, пріѣзжалъ ставропольскій жандармскій начальникъ и просилъ свидѣтеля разсказать словесно о томъ, что онъ знаетъ о Рождественскомъ, при чемъ предупредилъ, что протокола о показаніи составлять не будетъ. Свидѣтель весьма неопредѣленно разсказалъ все то, что было ему извѣстно, а именно, что Рождественскій склоненъ былъ многія темныя общественныя стороны объяснять винною правительства, а не самого общества, какъ находитъ свидѣтель, но подробностей и данныхъ, на основаніи которыхъ онъ пришелъ къ такому заключенію, онъ не можетъ сказать, потому что отношенія его къ Рождественскому были не настолько близки; это было давно и, наконецъ, онъ не имѣлъ повода особенно прислушиваться къ тому, что выска-

зывалось Рождественскимъ. — Пом. прис. пов. *Гернгроссъ*. Не употреблялъ ли онъ такого выраженія, что чрезвычайно недоволенъ дѣйствіями нашего правительства и находитъ, что при нынѣшней системѣ правленія дѣло дальше итти не можетъ? — Свид. *Мипслен-кампфъ*. Въ разговорѣ со мною онъ не могъ употребить такихъ выраженій, въ виду того, что въ его глазахъ я былъ официальное лицо, и я не позволилъ бы себѣ это слушать. — В. Не было ли у него враговъ вслѣдствіе исторіи съ мясникомъ? — О. Я отъ него самого слышалъ, что становичный атаманъ, урядникъ Данильчекъ, старался причинить ему разныя неудовольствія, и что мясникъ вовсе пересталъ отпускать мясо. — В. Когда вину нѣкоторыхъ явленій онъ приписывалъ правительству, то какъ вы принимали: было ли это его убѣжденіе, т.-е. объяснялъ ли онъ это ошибкою правительства, или говорилъ съ цѣлью агитаціи и вообще относился враждебно? — О. Я смотрѣлъ на эти сужденія съ такой точки зрѣнія, что Рождественскій совершенно незнакомъ съ задачами государства и поэтому судитъ вполнѣ ошибочно. — Свид. *Григорій Гей* (фельдшеръ лазарета въ Прохладной) показалъ, что въ 1875 г. въ лазаретѣ лежалъ съ переломленными ребрами и раздавленной ступней крестьянинъ Заикинъ, который просилъ у доктора Рождественскаго почитать какую-нибудь книжку, и такъ какъ онъ былъ неграмотный, то свидѣтель читалъ ему; потомъ онъ просилъ другую и затѣмъ третью книжку. Въ первой былъ разсказъ старика, возвратившагося изъ ссылки; во второй говорилось о фабрикѣ, какихъ-то двухъ братьяхъ, и третья была подъ заглавіемъ „Гдѣ лучше“. При чтеніи Рождественскій не присутствовалъ и никакихъ разъясненій при свидѣтелѣ не дѣлалъ. Свид. *Акимъ Заикинъ* показалъ, что былъ зашибленъ лѣсомъ и лежалъ въ Прохладной въ лазаретѣ. Онъ вылежалъ 17 сутокъ на спинѣ. „Мнѣ было тягостно лежать,—сказалъ свидѣтель, поэтому я просилъ Ивана Александровича (Рождественскій), чтобы далъ мнѣ вродѣ какой сказки. Читать я не умѣю, но ради скуки просилъ; они дали одну книжку. Ее мнѣ Гей читалъ. Потомъ другую дали. Три штуки давалъ“. — Пом. прис. пов. *Гернгроссъ*. Вы долго лежали въ лазаретѣ? — Свид. *Заикинъ*. 30 сутокъ. — В. Рождественскій хорошо ухаживалъ за вами? — О. Хорошо ходилъ. Я благодарю. Если бы не они, то мнѣ не жить. (Спрошенные свидѣтели были уволены, и засѣданіе прервано до 11-ти часовъ слѣдующаго дня).

Прочитанъ актъ слѣдующаго содержанія: 1875 года, декабря 1-го дня, въ Сущевскомъ частномъ домѣ, жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Горбачевъ, осматривая принесенныя содержащемуся при части потомственному почетному гражданину Василію Григорьевичу Георгіевскому его сестрою вещи и пищу, нашелъ въ моемъ присутствіи въ намазанномъ масломъ бѣломъ хлѣбѣ завернутую въ свинцовую бумагу записку, которую я, приставъ Сущевской части, маіоръ Жариковъ, препроводилъ вмѣстѣ съ сестрою Георгіевскаго на распоряженіе московскаго губернскаго жандармскаго управленія. Прочитанъ актъ осмотра квартиры дочери священника Надежды Григорьевны Георгіевской, проживающей вмѣстѣ съ дочерью священника Екатериной Александровной Введенской, гдѣ застали спящею на кровати дочь дворянина Вѣру Андреевну Шатилову. При входѣ въ квартиру для производства обыска, Георгіевская, а также Введенская, стремительно бросились къ столу и разорвали нѣсколько записочекъ, которыя были отобраны и опечатаны. По обыску оказались: переплетенная книга съ замѣтками и названіями разныхъ сочиненій, четыре запечатанныя письма на имя какого-то Б—ляръ Мартыновича Степанова, въ собственныя руки, два листа бумаги, написанные цифреннымъ шифромъ, и клочокъ почтовой бумаги, содержащій въ себѣ письмо, повидимому, отъ содержащагося подъ стражей въ настоящее время Василія Георгіевскаго. О всѣхъ этихъ вещахъ Георгіевская отозвалась незнаніемъ. Во второй комнатѣ у Введенской найдено три экземпляра „Сила солому ломитъ“, Паумова, одинъ экземпляръ сочиненія Чернышевскаго „Объ общинномъ владѣніи землей“, два экземпляра журнала „Впередъ“ и пять писемъ на ея имя, которыя она признала за свои, а также и всѣ вышепоименованныя книги. Стоявшій въ ея комнатѣ станокъ пріобрѣтенъ ею для переплетанія книгъ. Все вышеизложенное опечатано для представленія въ московское жандармское управленіе. При составленіи протокола, Георгіевская, стоявшая у окна, отправилась на минуту изъ комнаты, и тотчасъ по ея выходѣ прапорщикомъ Ловягинымъ былъ усмотрѣнъ человѣкъ, бѣжавшій съ лѣстницы, за коимъ былъ посланъ полицейскій унтеръ-офицеръ Петръ Бердешниковъ, который и поймалъ его въ Спиридоньевскомъ переулкѣ. Человѣкъ этотъ оказался врачемъ Василіемъ Семеновичемъ Ивановскимъ, при коемъ по обыску оказался портъ-монэ съ тремя

стами рублей серебромъ и нѣсколькими почтовыми марками. По пріѣздѣ поручика Чурсина на мѣсто обыска, жилицею дома Варгина, мѣщанкою Анной Никитиной Титовой, передано ему было письмо, полученное ею по ошибкѣ отъ почтальона и уже вскрытое ею; письмо это на имя Георгіевской и начинается словами: „Сегодня я получила отъ тебя, милая моя Надя“ и кончается: „пиши же, милая моя Надя, ко мнѣ“, которое тоже опечатано. При составленіи протокола въ квартиру г-жи Георгіевской явилась неизвѣстная женщина, которая сначала не хотѣла назвать свое званіе, но послѣ объявила, что она есть домашняя учительница Крамеръ, живущая въ томъ же кварталѣ, въ домѣ Оболенскаго. По обыску при ней ничего не оказалось.—*Первоприсутствующій.* Подсудимая Георгіевская, вы признаете дѣйствительность произведеннаго обыска и найденныя при этомъ вещи? — Подс. *Георгіевская.* Я признаю, но не всѣ. Напримѣръ, конвертовъ на имя Кардашева. — *Первоприсутствующій.* — Подсудимая Введенская, вы признаете дѣйствительность обыска и найденныя книги и письма? — Подс. *Введенская.* Конверты принесены утромъ 1-го декабря для передачи Георгіевской. Они были запечатаны, и я не знала, что тамъ находится. Протоколъ составленъ не совсѣмъ правильно. Сказано, что я рвала письма, но этого не было. Къ столу я не бросалась и писемъ не рвала, такъ какъ я не знала содержанія ихъ. Встрѣтивъ у дверей жандарма, я хотѣла вернуться къ столу, но жандармы тотчасъ же удержали меня и осмотрѣли мои руки. У меня ничего не оказалось. — Подс. *Георгіевская.* Я подтверждаю ея показаніе. Предъявлены разорванныя письма, при чемъ Георгіевская признала, что нѣкоторыя разорвала она, изъ которыхъ одна записка писана ея рукою, а остальныя — не знаетъ. Введенская заявила, что никакихъ писемъ не рвала. Шифрованныя письма предъявлены подсудимому Здановичу, который заявилъ: „Письма эти мои, только я не могу объяснить, какимъ образомъ они попали на квартиру Георгіевской и Введенской. Они писаны къ лицу, которое до сихъ поръ на свободѣ. На дознаніи я не зналъ, что письма найдены у Георгіевской и Введенской, и я этого никакъ не могъ предположить“. Предъявлены письма подсудимому Кардашеву, который заявилъ, что одно письмо писано не его рукою, а остальныя письма его. —*Первоприсутствующій.* Не пожелаете ли дать объясненіе относительно денегъ, найденныхъ у васъ, такъ какъ на дознаніи вы отказались дать по этому предмету объясненіе? — Подс. *Кардашевъ.* Я далъ полное объясненіе, какое только могъ, и теперь, если угодно, повторю. Въ іюнѣ 1874 года я за границей получилъ извѣстіе, чтобы ждалъ письма. Затѣмъ я получилъ анонимное письмо, въ которомъ говорилось, что Чекоидзе арестованъ и что онъ не признается, а потому на него смотрятъ, какъ на важнаго преступника; что его нужно убѣдить сознаться, при чемъ мнѣ совѣтовали взять его бумаги и постараться его убѣдить, чтобы онъ назвалъ себя, дабы я могъ взять его на поруки. Для этой цѣли я досталъ денегъ и, воспользовавшись его паспортомъ, переѣхалъ черезъ южную границу, такъ какъ черезъ сѣверную боялся ѣхать, потому что меня тамъ могли узнать, и пріѣхалъ въ Москву. Авторомъ анонимнаго письма оказался князь Циціановъ. Оказалось, что мой пріѣздъ былъ излишнимъ, потому что Чекоидзе я не могъ убѣдить: онъ вообще имѣетъ чрезвычайно упорный характеръ. Переписка съ нимъ происходила черезъ Циціанова, но какимъ образомъ—я не знаю. Деньги такимъ образомъ остались у меня. Впослѣдствіи я докажу, что онѣ не могли принадлежать организаціи. Мнѣ дала ихъ одна личность, которую я не хочу назвать. Я могъ употребить ихъ какъ желалъ, и, такимъ образомъ, съ юридической стороны онѣ какъ бы принадлежали мнѣ, но съ нравственной стороны я долженъ былъ употребить ихъ только для извѣстной цѣли, а именно, чтобы взять на поруки Чекоидзе. Поэтому деньги эти не принадлежали обществу. Пакетъ попалъ къ Георгіевской вслѣдствіе того, что на меня было подозрѣніе, и я придумалъ найти довѣреннаго человѣка, который сказалъ бы, что деньги его. Я придумалъ написать къ роднымъ... Я разсчитывалъ, что видя меня въ несчастіи, они могли бы согласиться на мое требованіе. Теперь я радъ, что письма мои попались. Я переписывался съ Кивидзе, который долженъ былъ самъ поѣхать или найти вѣрнаго человѣка для доставленія письма на Кавказъ, потому что я опасался послать его по почтѣ. Я нашелъ такого господина, который предложилъ мнѣ свои услуги; но какъ письма попали къ Введенской и Георгіевской — я не могу объяснить. Я ихъ вовсе не знаю. Объясненіе это лежитъ на Кивидзе и на обвиняемыхъ. Позвольте мнѣ разсказать о моемъ первомъ пріѣздѣ. Я начну свою исторію. Въ 1864 году я поступилъ въ школу межевщиковъ въ Тифлисѣ. Вмѣстѣ со мною поступилъ Чекоидзе. Я кончилъ

курсъ въ 1871 году и три года служилъ. Потомъ, по обстоятельствамъ, которыя, если вы найдете нужнымъ, я могу разсказать, но которыя не особенно будутъ пріятны и мнѣ, и вамъ, я долженъ былъ выйти въ отставку. Насъ шесть братьевъ. Я поѣхалъ домой въ отпускъ, и, по моей просьбѣ, мы раздѣлились. Каждому изъ насъ досталось по 3500 р. Это время было горячее; въ Цюрихѣ стали относиться критически къ тому, что дѣлается здѣсь. Родные знали это и просили держаться дальше, если я поѣду за границу, и избѣгать того, что осуждается въ Россіи. Поэтому я поѣхалъ въ Дрезденъ. Всѣмъ извѣстно, что это самое спокойное мѣсто. Я пріѣхалъ туда, не зная нѣмецкаго языка, и мнѣ пришлось трудиться цѣлый годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ былъ пополнить мои знанія, чтобы поступить въ политехническую школу. Черезъ 8 мѣсяцевъ я уже могъ поступить, а еще черезъ полгода профессора нашли возможность дать мнѣ стипендію Новаковскаго. Чекоидзе также кончилъ курсъ и поступилъ въ Петербургѣ въ артиллерійскую школу. Мы съ нимъ переписывались, но во время моихъ усиленныхъ занятій въ Дрезденѣ я долго не писалъ къ нему. Оказалось, что въ 1874 г. онъ былъ въ Парижѣ съ другими товарищами, а на обратномъ пути онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Дрезденъ. Онъ ѣхалъ въ Москву, но какія имѣлъ цѣли—я не зналъ. Мы хотѣли предпринять путешествіе въ Москву вмѣстѣ, но въ то время у меня были большія занятія, и я обѣщался пріѣхать на праздники съ цѣлью посмотрѣть Москву. Онъ уѣхалъ одинъ. Въ половинѣ февраля я выѣхалъ изъ Дрездена. Въ Москвѣ мы съѣхались, какъ было условлено, въ гостиницѣ Шевалдышева, слѣдовательно, въ обвинительномъ актѣ сказано невѣрно, что я со всѣми обвиняемыми знакомъ. Я зналъ только Чекоидзе и Гамкрелидзе. Но если бы я и зналъ всѣхъ, то это не служитъ доказательствомъ моей виновности. Я пріѣхалъ къ Чекоидзе въ гостиницу Шевалдышева. Въ то время никакихъ сходокъ не было. Обвинительный актъ говоритъ, что я тогда уже пропагандировалъ, слѣдовательно, былъ членомъ кружка. Но, если бы такъ, то, вѣроятно, Скворцова видѣла бы хотя разъ, что я бывалъ въ кружкѣ, или кто-нибудь изъ рабочихъ меня встрѣчалъ бы, тѣмъ болѣе, что нашъ типъ кидается въ глаза. Въ половинѣ марта я уѣхалъ назадъ за границу. Слѣдовательно, я не могъ знать, какъ утверждаетъ обвинительная власть, что будутъ аресты, и я не укрывался, потому что въ то время не было арестовъ. Я взялъ заграничный паспортъ у губернатора. Чекоидзе также взялъ паспортъ и хотѣлъ ѣхать на югъ, потому что онъ былъ боленъ. Я выѣхалъ раньше его. Второго пріѣзда я уже кратко коснулся. Это было для взятія Чекоидзе на поруки и для убѣжденія его объявить свою фамилію. — Прис. пов. *Хартуларіи.* Не пожелаютъ ли подсудимые, на которыхъ ссылается Кардашевъ, подтвердить или опровергнуть его показанія. — *Первоприсутствующій.* Если желаютъ, то могутъ — Подс. *Чекоидзе.* Я съ Кардашевымъ знакомъ со школы, гдѣ вмѣстѣ учились. Кончивъ курсъ, я поступилъ въ артиллерійское училище, но по болѣзни вышелъ. Въ апрѣлѣ я хотѣлъ держать экзаменъ въ технологическій институтъ, но тамъ въ это время не принято экзаменовать, а по предписанію доктора я долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга. Я выѣхалъ за границу 7-го іюня 1874 г. и прожилъ тамъ по декабрь. Мы были вмѣстѣ съ Джабадари и Дмитріевымъ. Джабадари уѣхалъ изъ Парижа въ сентябрѣ. Въ показаніи Дмитріева говорится, что получено письмо: „Братья, граждане!“, но Джабадари получалъ письма только отъ отца, а Дмитріевъ отъ двоихъ знакомыхъ. Я же не получалъ писемъ. Я остался въ Парижѣ, потому что хотѣлъ поступить въ политехническую школу, но въ концѣ 1874 г. я получилъ письмо отъ отца, чтобы пріѣхалъ немедленно. Я переписывался еще съ Кардашевымъ и поѣхалъ къ нему въ Дрезденъ. Я не зналъ его адреса тамъ и могъ его найти только въ русской церкви, гдѣ онъ пѣлъ. Я нашелъ его и пригласилъ вмѣстѣ ѣхать въ Россію. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я остановился у товарищей и пробылъ до 15-го февраля. Тутъ мнѣ было предложено моимъ товарищемъ оказать ему маленькую услугу. Онъ какимъ-то образомъ попался въ передачѣ журнала „Впередъ“, за что преслѣдовался. Онъ спросилъ, не знаю ли я какого-нибудь способа какъ-нибудь его укрыть. Я сказалъ, что можно только посредствомъ паспорта. Онъ явился черезъ недѣлю и попросилъ у меня паспортъ. Я, какъ товарищъ, далъ ему. Послѣ этого я находилъ неловкимъ оставаться въ Петербургѣ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ я встрѣтилъ Кардашева и сказалъ, что беру для себя паспортъ, который и былъ взятъ при помощи медицинскаго свидѣтельства изъ канцеляріи московскаго губернатора. Взявъ паспортъ, я выѣхалъ въ Петербургъ, а Кардашевъ уѣхалъ въ

Дрезденъ. Я передалъ паспортъ товарищу, а самъ взялъ адресъ съ цѣлью уѣхать на Кавказъ. Я поселился въ Москвѣ въ номерахъ Зимина и жилъ здѣсь три дня. Затѣмъ нѣсколько дней жилъ въ номерахъ вмѣстѣ съ Джабадари, а потомъ переѣхалъ на Медвѣжью улицу. Спустя нѣсколько дней, мнѣ предлагаютъ другую комнату, лучшую. Я былъ удивленъ этимъ, но послѣ объяснилъ это слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ то время долженъ былъ пріѣхать князь Циціановъ, котораго мы ждали вмѣстѣ съ Джабадари. Въ одинъ изъ вечеровъ заходитъ ко мнѣ жандармскій офицеръ, кажется, г. Буцкевичъ, останавливается въ дверяхъ и обозрѣваетъ комнату. Наконецъ, онъ извинился, что попалъ не туда. Если мнѣ перемѣнили комнату, то значитъ арестъ мой предполагался заранѣе. Я уже посѣщалъ домъ Корсака. Я вмѣстѣ съ Джабадари встрѣтился съ Бардиной и посѣщалъ ее. Я день ото дня ждалъ ареста, хотя не предполагалъ за что. Князь Циціановъ уѣхалъ, взявъ бумаги Джабадари, а я взялъ свидѣтельство изъ артиллерійскаго училища, и такъ какъ у Джабадари не было денегъ, то онъ. долженъ былъ взять ихъ у Бардиной. Джабадари явился поздно, когда Циціановъ долженъ былъ уже уѣхать. Я остался съ одними своими документами и, вмѣстѣ съ Джабадари, отправился къ Бардиной, гдѣ былъ задержанъ. Спустя полтора года я не давалъ никакихъ объясненій, потому что въ апрѣлѣ попался въ перепискѣ.—Подс. *Гамкрелидзе.* Съ Кардашевымъ я былъ знакомъ лѣтъ 5 или 6 назадъ. Въ Москвѣ встрѣтился, когда онъ пріѣхалъ изъ-за границы. Самъ Кардашевъ мнѣ говорилъ, что Циціановъ писалъ ему, гдѣ меня разыскать. Потомъ я желаю еще дать объясненіе относительно билета на 1100 руб., найденнаго у Кардашева. Въ обвинительномъ актѣ сказано, что будто бы билетъ поступилъ въ приданое моей жены, но когда я просилъ у тещи руку дочери, я не зналъ даже о приданомъ и не требовалъ. Но этотъ билетъ, какъ говорила мнѣ жена, принадлежалъ ей. Этотъ билетъ былъ у меня. Я нуждался въ деньгахъ и говорилъ это при Кардашевѣ. Кардашевъ предложилъ мнѣ деньги, и я взялъ. Мнѣ нужно было обезпечить ему мой долгъ, а мнѣ деньги нужны были какихъ-нибудь недѣли на двѣ; въ виду этого я считалъ лишнимъ мѣнять билетъ и потому я ему передалъ его съ тѣмъ, что когда верну ему деньги, то онъ возвратитъ мнѣ билетъ; а если не въ состояніи буду уплатить, то онъ размѣняетъ и часть оставитъ за долгъ, а остальныя вышлетъ мнѣ изъ-за границы.—Подс. *Джабадари.* Я вполнѣ подтверждаю показаніе Чекондзе относительно его отношеній ко мнѣ. Что касается его отношеній къ Кардашеву, то я этого не знаю. — Прис. пов. *Спасовичъ,* въ виду того, что въ записной книжкѣ Кардашева попадаются разныя буквы и слова, которыя обвиненіемъ истолковываются какъ относящіяся къ Вѣрѣ Любатовичъ, просилъ спросить Кардашева, записывалъ ли онъ въ книжку что-нибудь подобное. — Подс. *Кардашевъ.* Мою записную книжку я велъ очень аккуратно. Тамъ записано, что была переписка съ „Вѣрой“, съ „буквой А“, съ „Рыжимъ“ и т. д Такъ какъ здѣсь обвиняется какой-то рыжій, то обвиненіе видѣло, что и другія лица, бывшія со мною въ перепискѣ, были въ пропагандѣ. Но по одному имени „Вѣра“ нельзя заключать, что это Вѣра Любатовичъ. Я писалъ письма и до сихъ поръ пишу къ этимъ буквамъ, и самъ прокуроръ пропускаетъ ихъ, не находя ничего преступнаго. Я переписывался съ „Рыжимъ“, но я могъ переписываться съ какимъ угодно рыжимъ, и это не могло быть преступно. Г. Здановича я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ, а „Вѣра“—это была Вѣра Дмитріевна Глѣбова на Кавказѣ. Она пріѣхала сюда и теперь, кажется, въ медицинской академіи. Я переписывался съ нею. Теперь относительно паспорта — почему я жилъ подъ чужимъ. Въ послѣдній пріѣздъ, когда я увидѣлъ, что мои заботы излишни относительно Чекондзе, мнѣ нужно было вырваться самому. Такъ какъ я не имѣлъ своихъ документовъ, то обратился къ Гамкрелидзе, который ничего не могъ мнѣ найти, потому что онъ былъ, кажется, проѣздомъ. По такъ какъ онъ часто встрѣчалъ Циціанова, то обѣщалъ мнѣ достать паспортъ. Я просилъ его достать лучше чужой, но настоящій паспортъ, нежели фальшивый. Онъ мнѣ досталъ видъ князя Кочакидзе. Паспортъ былъ потертый, старый Гамкрелидзе въ то время собирался ѣхать на югъ по своимъ дѣламъ, и я также хотѣлъ ѣхать. Въ Москвѣ нельзя было достать заграничнаго паспорта, и я напрасно хлопоталъ въ канцеляріи губернатора три дня. Поэтому я нашелъ нужнымъ поѣхать куда нибудь въ провинцію и тамъ взять заграничный паспортъ. Для этого я пріѣхалъ въ Орелъ. Можетъ быть, у меня были женщины въ номерѣ, но это не были Субботины, и объяснять какія это женщины—нѣтъ надобности. Я жилъ въ Орлѣ лишь столько

времени, сколько нужно было, чтобы взять заграничный паспортъ. Затѣмъ, 13-го іюля, я уѣхалъ въ Москву. Тамъ я встрѣтилъ князя Циціанова и ходилъ съ нимъ нанимать квартиру. Я пробылъ тамъ четыре дня и видѣлъ на квартирѣ у Циціанова Вѣру Любатовичъ, но вовсе не интересовался знать, живетъ ли она съ Циціановымъ или нѣтъ. Такимъ образомъ, объясняется, почему я имѣлъ заграничный паспортъ. Я не хочу сказать, что невиновенъ въ нарушеніи установленнаго закономъ порядка, но въ томъ не было никакой опасности, если я жилъ подъ другимъ именемъ. Насчетъ денегъ 1100 руб. Гамкрелидзе объяснилъ все какъ было. Ему нужны были деньги, а онъ имѣлъ только этотъ билетъ, по которому можно получить деньги черезъ годъ. Я ему предложилъ денегъ. Противорѣчія въ моемъ показаніи не было, если я сказалъ сначала, что этотъ билетъ мой, а потомъ — что не мой. Если бы Гамкрелидзе уплатилъ мнѣ деньги, то билетъ не мой, а если бы не заплатилъ, то билетъ мой. — Подс. кн. *Циціановъ*. Я подтверждаю его показаніе относительно всего, что онъ показалъ. Дѣйствительно, я вызвалъ его изъ-за границы по поводу дѣла Чекондзе. Я считалъ себя обязаннымъ отправить его обратно и далъ ему видъ. Относительно квартиры я могъ заявить, что это была простая встрѣча. Когда я хотѣлъ мѣнять квартиру, мы вмѣстѣ пошли и наняли; я заплатилъ задатокъ и взялъ квартиру для себя. Кардашевъ тутъ выразился относительно проживанія моего вмѣстѣ съ Любатовичъ на квартирѣ. Онъ такъ сказалъ, что не зналъ жила ли со мною Вѣра Любатовичъ. Дѣйствительно, она взяла для себя одну комнату въ этой квартирѣ и проживала тамъ. Но изъ этого нельзя дѣлать какихъ-нибудь намековъ.—*Первоприсутствующій*. Подсудимыя Георгіевская и Введенская, у васъ найдено разное платье—мужское и женское, крестьянское и городское. Не можете ли вы дать объясненіе по этому предмету?—Подс. *Георгіевская*. Эти вещи принадлежатъ мнѣ, но я не знала какія это вещи. Мой братъ, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ мнѣ узелъ съ вещами. Когда его арестовали въ Москвѣ, и я поѣхала туда, то взяла эти вещи. Я думала, что онѣ ему понадобятся. На дознаніи я показала, что купила эти вещи, но я это показала для того, чтобы не компрометировать брата.— Прис. пов. *Хартулари*, перечисляя документы, на которые просилъ ссылаться, упомянулъ о билетѣ Тумановой въ 1100 рублей, на которомъ, по его заявленію, нѣтъ передаточной надписи.—*Товар. оберъ-прокурора* просилъ предъявить этотъ билетъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, находившихся въ мѣстѣ засѣданія особаго присутствія, этого билета не было, такъ какъ онъ хранится въ зданіи Правительствующаго Сената, какъ объявилъ объ этомъ первоприсутствующій, распорядившись, чтобы билетъ былъ доставленъ къ слѣдующему засѣданію. На другой день билетъ былъ предъявленъ сторонамъ, и на немъ оказалась бланковая надпись госпожи Тумановой, засвидѣтельствованная нотаріусомъ. Относительно прочитаннаго показанія свидѣтеля Дмитріева подсудимый Джабадари заявилъ, что изъ этого показанія не видно, чтобы онъ познакомилъ Дмитріева съ Здановичемъ и что Дмитріевъ не получалъ письма „братья граждане“.—Подс. *Здановичъ*. Я считаю нужнымъ заявить, что я письма Джабадари въ Парижъ не писалъ и къ нему на квартиру не ходилъ. Относительно Дмитріева, который говоритъ, что познакомился со мной въ Петербургѣ, замѣчу, что въ 1871 году его не было въ Петербургѣ, такъ какъ онъ кончилъ курсъ въ 1873 году.—Подс. *Чекондзе*. Я зналъ Здановича за Іоселіани, какъ мнѣ его предъявляли. Была предъявлена записка подсудимой Георгіевской къ ея брату, которую она признала за свою. Прочитанъ актъ о задержаніи подсудимаго Нуромскаго.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Нуромскій, вы были задержаны?—Подс. *Нуромскій*. Да, былъ.—В. Вы признаете фактъ изорванія записки?—О. Да, но только я не изъ рукъ жандарма вырвалъ, а со стола взялъ.—Прочитанъ актъ осмотра записки, которая была дана свидѣтелю Богданову для передачи содержащемуся въ заключеніи, при чемъ неизвѣстный былъ задержанъ и отказался какъ отъ передачи записки Богданову, такъ и отъ дачи показаній, и не заявилъ своей фамиліи. Затѣмъ была прочитана записка, данная Богданову, въ которой, между прочимъ, просятъ отвѣчать поскорѣе и говорится, что по полученіи отвѣта приступятъ къ дѣлу. Просятъ писать о болѣе удобномъ пути, если таковой найдется. Спрашиваютъ- не нужно ли денегъ.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Агаповъ, вы приходили въ тюрьму?—Подс. *Агаповъ*. Я приходилъ.—В. Вы передавали записку Богданову?—О. Я передалъ, но того человѣка, которому она была назначена, не оказалось въ городской части. Я ошибся.—В. (по просьбѣ защиты). Но вы кого

спрашивали? — О. Фамилію забылъ.— В. Имя и отчество сказали? — О. Алексѣй Ивановъ. Нуромскій тоже Алексѣй Ивановъ, но я его не зналъ.— Свид. *Ольга Карабанова* показала, что у нея на квартирѣ жили Георгіевская и Введенская. Въ ея отсутствіе ихъ взяли. Введенская вела себя очень хорошо; она каждое утро отправлялась на уроки и являлась въ четыре часа. Георгіевская находилась дома. Посѣщали ихъ нѣсколько мужчинъ, въ числѣ которыхъ черный бывалъ часто. Свидѣтельница разъ поглядѣла въ ключное отверстіе двери и видѣла, что Георгіевская сидѣла и писала, а съ нею сидѣлъ черный мужчина. Затѣмъ свидѣтельница однажды видѣла въ комнатѣ Георгіевской пепелъ отъ сожженной бумаги. Квартира состояла изъ двухъ комнатъ: первую занимала Георгіевская, а вторую Введенская. Приходила одна женщина бѣлокурая, которую называли Вѣра Андреевна, и мужчина Иванъ Ивановичъ. Свид. *Кондратій Богдановъ* (мушкетеръ городской части) показалъ, что въ Новый годъ, когда онъ былъ дежурнымъ, къ нему пришелъ пожарный служитель и сказалъ, что какой-то мужчина спрашиваетъ Богданова. Свидѣтель вышелъ и видитъ, что спрашивавшій ему незнакомъ. Онъ спросилъ, что ему нужно? Неизвѣстный сказалъ: „Я хочу просить васъ кое о чемъ, но сейчасъ не могу сказать. Пойдемте въ трактиръ“. На это свидѣтель сказалъ, что не можетъ отлучиться въ трактиръ, а если угодно, то пожалуйте въ кабакъ — выпьемъ по стаканчику. Пошли въ кабакъ. Тамъ неизвѣстный просилъ его передать записочку Алексѣю Иванову, высокаго роста, сухощавому, содержавшемуся подъ арестомъ. Свидѣтель не соглашался, говоря, что это дѣло опасное. Но неизвѣстный просилъ, и свидѣтель взялъ у него записку, три карандаша и получилъ 3 руб. Имѣя намѣреніе задержать этого человѣка, онъ просилъ его дойти вмѣстѣ съ нимъ до частнаго дома, чтобы спроситься у начальства и пойти въ трактиръ попить чайку. Неизвѣстный остался у воротъ, а свидѣтель побѣжалъ въ канцелярію, передалъ записку и деньги и заявилъ обо всемъ старшему унтеръ-офицеру. Посмотрѣли списокъ заключенныхъ, но въ немъ Алексѣя Иванова не оказалось. Свидѣтель пошелъ къ неизвѣстному и сказалъ, что итти чай пить онъ не можетъ, и спросилъ, вѣрно ли онъ назвалъ арестанта, такъ какъ въ спискѣ такого не оказалось. „Я сказалъ ему, продолжалъ свидѣтель, что самъ смотрѣлъ списки“. Онъ отвѣтилъ: „пойду домой и узнаю хорошенько, а завтра приду“. Я пошелъ и сказалъ въ канцеляріи, гдѣ мнѣ сказали, что когда онъ придетъ, то чтобы заявить. На другой день онъ пришелъ и сталъ приглашать меня въ трактиръ. Я сказалъ, что пойду попрошусь. Прихожу въ канцелярію и заявилъ. Старшій унтеръ-офицеръ сталъ приглашать его въ канцелярію; онъ сталъ упираться, но видитъ, что ничего не сдѣлаешь, долженъ былъ итти. Его привели прямо къ частному приставу, которому унтеръ-офицеръ еще съ вечера передалъ все. Приставъ сталъ спрашивать: „кто вы такой“, и вынимаетъ изъ стола деньги и записку. „Это ваши?“—Онъ говоритъ: „Я ему ничего не давалъ“.—„Кто вы такой?“—„Я, говоритъ, этого сказать не хочу“. Его приказали отвести въ жандармское управленіе, а тамъ его уже признали служащіе, потому что онъ тамъ уже былъ.—Подс. *Агаповъ*. Такъ какъ я раньше не содержался, какъ политическій преступникъ, то я не могъ знать, что всѣ арестанты сидятъ подъ фамиліями, а не подъ именами.—*Первоприсутствующій*. Подсудимая Медвѣдева, въ прочитанномъ здѣсь письмѣ на имя Микеладзе, между прочимъ, упоминается „что всѣ бумаги у Медвѣдихи; кажется, былъ шпіонъ, но это пустяки и т. д.“. Затѣмъ у Георгіевской и Введенской было найдено шифрованное письмо, гдѣ говорится, что писали Медвѣдевой наставленіе, какъ она должна показывать. Вы имѣете что-нибудь общее со всѣмъ этимъ? — Подс. *Медвѣдева*. Совершенно ничего не имѣю общаго и не знаю, что они говорили. Я прошу авторовъ писемъ сказать— почему они это говорили.—Подс. *Здановичъ*. Я не писалъ писемъ Медвѣдевой, но мнѣ для моихъ показаній нужно было написать, Медвѣдеву я вовсе не знаю.—Подс. *Кардашевъ*. Вчера Ціціановъ объяснилъ, какимъ образомъ было сдѣлано предложеніе. Я слышалъ, что Ціціановъ 11-го или 10-го числа думаетъ какія-то бумаги отнести къ Медвѣдевой, и я полагалъ, что онъ ихъ отнесъ. Но это оказалось невѣрно, и бумаги были уже взяты. Кромѣ того, я долженъ заявить, что здѣсь произошло маленькое недоразумѣніе. Ціціановъ предложилъ вопросъ, что онъ не жилъ съ Вѣрой Любатовичъ,— и я этого не говорилъ Я хотѣлъ сказать, что не зналъ, квартировала ли она у него или только приходила.—*Первоприсутствующій*. Подсудимая Медвѣдева, вы получали депеши отъ Аристарховой?—Подсуд. *Медвѣдева*. Нѣтъ, онѣ получены послѣ ареста. Я получила письмо для передачи знако-

мому—Гамкрелидзе. Затѣмъ я получила письмо исключительно для одной Матвѣевой. Поэтому я и сказала на нее относительно всѣхъ писемъ.—*Первоприсутствующій.* Подсудимая Ольга Любатовичъ, телеграммы къ кому были адресованы?—Подс. *Ольга Любатовичъ.* На имя Медвѣдевой.—Подс. *Медвѣдева.* Она дѣйствительно говорила мнѣ, что изъ Одессы придетъ телеграмма и просила, чтобы я ей передала ее. Она говорила это, когда пріѣхала въ Москву и видѣлась со мною дней за пять до ареста.—Подс. *Хоржевская.* Письма я писала. Они были назначены Циціанову, а Медвѣдеву я вовсе не знаю; я писала на ея имя потому, что мнѣ дали этотъ адресъ.—Подс. кн. *Циціановъ.* Я адресъ этотъ узналъ отъ Гамкрелидзе. Я полагалъ, что если поручу Медвѣдевой бумаги, то она взяла бы ихъ.—Подс. *Медвѣдева.* Я безъ малѣйшаго колебанія взяла бы. Предъявлено письмо къ Медвѣдевой, въ которомъ ее уже прямо называютъ Елена Петровна.—Подсуд. *Медвѣдева.* Я не знаю шифра, поэтому не знаю, то ли это письмо, которое мнѣ было предъявлено и которое получено на мое имя послѣ моего ареста. Предъявлена записка, писанная грузинскими буквами.—Подсуд. *Медвѣдева.* Я не могу признать этого клочка. Я даже сама не могу разобрать, что тутъ написано. Разъ я писала для того, чтобы испытать часового, который предложилъ мнѣ передать записку. Въ показаніи сказано, что будто бы я сама подозвала его и даже дала ему 20 коп. Предъявлено еще письмо Медвѣдевой, которая, на вопросъ первоприсутствующаго, чѣмъ объяснить, что оно адресовано къ ней, показала: „Исключительно однимъ предположеніемъ, что кто-нибудь изъ знакомыхъ говорилъ о моей личности. Можетъ быть, вышло какое-нибудь недоразумѣніе. Изъ обвиняемыхъ знаю одного только Гамкрелидзе, съ которымъ познакомилась въ Петербургѣ". *Тов. оберъ-прокурора* ходатайствовалъ о предъявленіи и прочтеніи еще письма, писаннаго Медвѣдевой, когда она содержалась подъ стражею. Подс. *Медвѣдева* признала это письмо за свое, писанное во время заключенія. Въ письмѣ этомъ, между прочимъ, говорится: „черезъ ваши ли руки шли письма Рыжаго? Если да, то кому отдали, ибо я не получала, также и отъ другихъ не имѣю извѣстія. Открытъ ли Рыжій? Четвероногіе были увѣрены, что онъ—Іоселіани. Если еще не догадались сами, то вотъ средство сообщаться: завернуть записку въ свинцовый листокъ комкомъ и бросить на дно таза умывальника. Въ хлѣбъ не кладите; избѣгайте дежурства Дмитріева. Если удастся завести сношенія съ другими часовыми, то сообщите мнѣ. Кто-то въ пятомъ—не знаю... пусть четвертый скажетъ—что унималъ меня вчера... вчера унтеръ поставилъ часового у моей двери. Мнѣ даже стучать неудобно, ибо въ сосѣднихъ номерахъ жандармы. Кого увозили, кого привозили... Рядовой Комковъ предложилъ передать письмо, не вѣрьте. Іуда—мое въ управленіе отдалъ". Свидѣтель *Андрей Корнюхинъ* показалъ: Я познакомился съ Сбромирскимъ въ 1872 году, когда онъ имѣлъ свою переплетную мастерскую. У него работалъ одинъ мой землякъ и родной мой братъ. Я приходилъ туда читать разныя книги и былъ коротко знакомъ съ Сбромирскимъ. Когда онъ бросилъ мастерскую, я съ годъ его не видалъ, а въ августѣ 1875 года я съ братомъ жилъ въ деревнѣ Дубровкахъ. Туда явился Сбромирскій. Мы пошли съ нимъ въ трактиръ, выпили чаю, и онъ говоритъ: „приходи въ Дьяковскую улицу" и указалъ квартиру. Я говорю: въ случаѣ меня спросятъ, кого нужно, то кого спросить? Онъ говоритъ: „скажи, Овчинникова". Я пришелъ. Выходитъ женщина и спрашиваетъ, кого мнѣ нужно. Я спросилъ Овчинникова. Ко мнѣ вышелъ мужчина и говоритъ, что Сбромирскаго нѣтъ дома, подождите. Мы напились чаю, а потомъ вмѣстѣ пошли. Прошли нѣсколько улицъ. Онъ зашелъ въ одинъ домъ и вынесъ оттуда двѣ книжки—„Хитрую механику" и „Сказку о четырехъ братьяхъ", и сказалъ, чтобы я опасался съ этими книжками, и назначилъ свиданіе на Чистыхъ Прудахъ. Я отправился домой. Прочитавши книжки, вижу, что онѣ нехорошаго содержанія. Я побезпокоился отдать ихъ назадъ. Онъ далъ мнѣ еще книжку, и ту, прочитавши, я ему возвратилъ. Потомъ онъ велѣлъ приходить на квартиру въ Грязновскій переулокъ. Тамъ онъ назначилъ мнѣ свиданіе въ воскресенье на Чистыхъ Прудахъ. Я прихожу; дожидался до 3-хъ часовъ, но его не было, и я направился было домой, но мнѣ попадается человѣкъ, котораго я встрѣчалъ у него. Онъ спрашиваетъ: „куда?"—Я говорю: къ Сбромирскому ходилъ. Онъ отвѣчаетъ: „у насъ переполохъ, такъ какъ Овчинникова арестовали; если желаешь увидѣть Сбромирскаго, то пойдемъ". Пошли мы къ Смоленскому вокзалу, въ мастерскую; тамъ я встрѣтилъ Баринова и Сбромирскаго. Посидѣли; пошли въ трактиръ пить чай. Овчинникова я не видалъ. Сбромирскій назначилъ мнѣ сви-

даніе на 15-е августа. Когда я пріѣхалъ въ послѣдній разъ, тогда увидѣлъ Овчинникова. Онъ разсказывалъ, что былъ въ жандармскомъ управленіи, и такъ какъ тамъ былъ обыскъ, то кто-то въ жандармскаго офицера выстрѣлилъ, но не ранилъ его; жалко, говорилъ, что не ранили—его нужно было бы убить. Потомъ мы отправились въ трактиръ и вышли въ поле у Смоленскаго вокзала. Тотъ человѣкъ, который пріѣхалъ съ Сбромирскимъ, взялъ изъ-подъ забора книжки и передалъ ему. Они спросили меня: можно ли у меня почевать? Вотъ, говорятъ, этотъ человѣкъ пойдетъ съ тобою. Мы отправились съ этимъ господиномъ. Утромъ отправились опять туда. Овчинниковъ и Сбромирскій говорили, что мы возьмемъ тебя на заводъ и ты будешь получать хорошія деньги, а если тебя возьмутъ, то такъ же какъ и Баринова—однажды взяли, но отпустили; если возьмутъ, то мы не оставимъ твоихъ родителей, будемъ помогать имъ. Поговорили, и я отправился отъ нихъ. Еще до этого я приходилъ къ своему земляку Васильеву, который меня спрашивалъ, зачѣмъ ко мнѣ приходилъ Сбромирскій. Я говорю: предлагаетъ книжки. Онъ говоритъ: „Какія это книжки? Вотъ, говоритъ, въ вѣдомостяхъ написано, что есть книжки нехорошія“. Это было въ то время, когда судили, и онъ получалъ вѣдомости. Сталъ читать названія книжекъ. Я слышу: „Хитрая механика“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Что мнѣ дѣлать, говорю,—книжки такія предлагаетъ Сбромирскій. Онъ говоритъ: „пойди и объяви“. Я взялъ книжку и объявилъ. У насъ было назначено свиданіе у Сухаревой башни. За нами уже слѣдили послѣ того, какъ я объявилъ; они пришли четверо, пошли въ трактиръ, и тамъ насъ арестовали.—*Тов. оберъ-прокурора.* Куда же они хотѣли васъ послать на заводъ?—Свид. *Корнюхинъ.* Хотѣли, кажется, въ Тулу.—В. Кто же принималъ участіе въ уговорѣ васъ?—О. Сбромирскій, и тутъ же былъ Овчинниковъ. Онъ даже обѣщалъ сдѣлать паспортъ, только достань, говоритъ, бланкъ.—В. А. Бариновъ?—О. Бариновъ былъ молчаливъ; онъ тогда собирался, кажется, въ Иваново. Онъ былъ скученъ. Разъ какъ-то сказалъ: „скоро и меня возьмутъ“.—В. Какія книжки вамъ давали читать?—О. „Хитрая механика“, „Парижская коммуна“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Я все это представилъ въ жандармское управленіе.—Прис. пов. *Войцеховскій.* Вы сказали, что первопачально возвращали книжки Сбромирскому?—Свид. *Корнюхинъ.* Онъ опять далъ мнѣ и велѣлъ поберечь.—В. Слѣдовательно, ихъ дали вамъ только на сохраненіе?—О. Хочешь—самъ читай, хочешь—отдавай кому-нибудь.—В. Для какой цѣли васъ приглашали на лугъ у Смоленскаго вокзала?—О. Сбромирскій пригласилъ: я думалъ получить хорошее мѣсто отъ нихъ; они мнѣ предлагали.—В. Какъ зовутъ того, который почевалъ у васъ?—О. Кажется, Николай. Онъ съ Сбромирскимъ первый разъ приходилъ ко мнѣ.—Прис. пов. *Боровиковскій.* Вы Баринова знали раньше?—Свид. *Корнюхинъ.* Нѣтъ.—В. Придя на лугъ, вы тамъ встрѣтили Баринова?—О. Да, онъ тамъ съ Сбромирскимъ дожидался Николая.—В. Почему вы знаете, что дожидали?—О. Потому что Николай мнѣ говорилъ, что здѣсь ихъ свиданіе.—В. У васъ была своя квартира и у нихъ была—почему же они не дѣлали свиданія на квартирѣ?—О. У нихъ была квартира, но только что они сдѣлали свиданіе, то переѣхали на другую.—В. А къ вамъ нельзя было ходить?—О. Не за чѣмъ ко мнѣ. Въ первый разъ у меня былъ Сбромирскій; въ другой разъ ночевалъ только Николай. У меня одна комната и тутъ вмѣстѣ живетъ хозяинъ.—Подс. *Овчинниковъ.* Все, что показываетъ Корнюхинъ, ложно. Я никогда на лугу его не видалъ и книгъ ему не давалъ. Я былъ на лугу съ Сбромирскимъ. Когда я содержался, то мнѣ разсказывали, что когда Корнюхинъ явился съ книгами, то его угощали чаемъ и дали 5 рублей денегъ.—Подс. *Бариновъ.* Онъ показываетъ ложь изъ ненависти или за награду.—Подс. *Сбромирскій.* Корнюхинъ раньше былъ знакомъ мнѣ. Съ Овчинниковымъ я знакомъ по семинаріи. Мнѣ нужно было сдѣлать вещи для токарнаго станка, и я просилъ Корнюхина. На лугу были: Овчинниковъ, Николай Ѳедоровъ, я и Корнюхинъ. Не помню, былъ ли Бариновъ или нѣтъ. Корнюхину никакихъ книгъ не передавали на лугу. Я видѣлъ, что Николай Ѳедоровъ передавалъ ему какой-то узелокъ, но по формѣ его нельзя заключить, чтобы тамъ были книги. У Сухаревой башни мы собрались не для того, чтобы отправить Корнюхина въ Тулу, потому что, когда насъ арестовали, у насъ не было и денегъ, такъ что не на что было отправить. На лугу былъ простой разговоръ о томъ, что не было денегъ, и Овчинниковъ былъ безъ мѣста. Говорили, какимъ образомъ устроить положеніе Овчинникова. Потомъ отправились подъ Сухареву, чтобы продать кое-какія вещи.—Подс. *Овчинниковъ.* Я подтверждаю это показаніе.—Прис. пов.

Войцеховскій (къ свидѣтелю). Что вы можете объяснить о томъ, что съ вами было въ жандармскомъ управленіи?—Свид. *Корнюхинъ*. Когда я самъ пришелъ и объявилъ, отдавъ книжки, меня спросили: гдѣ назначено свиданіе? Я сказалъ, что у Сухаревой башни. Тогда отправились туда чиновники и насъ арестовали.—В. Вы, кажется, содержались въ тюрьмѣ—въ какое время?—О. Въ маѣ 1874 года.—В. За что?—О. За передѣлку паспорта.—Прис. пов. *Боровиковскій*. Не сказали ли вы сами Баринову, чтобы онъ пришелъ въ трактиръ у Сухаревой?—Свид. *Корнюхинъ*. Нѣтъ, я не имѣлъ надобности.—Подс. *Бариновъ*. Я былъ наканунѣ съ Корнюхинымъ. Я былъ безъ мѣста, и онъ сказалъ мнѣ: „приходи, можетъ быть, мѣсто окажется“.—Подс. *Сбромирскій*. Баринова не было съ нами въ трактирѣ, т.-е. онъ не сидѣлъ съ нами; онъ въ другомъ отдѣленіи находился, а тутъ—только Николай Ѳедоровъ, я, Овчинниковъ и Корнюхинъ были.—Свидѣтель *Петръ Голубкинъ* показалъ, что въ первыхъ числахъ августа 1875 года приходилъ Сбромирскій и спрашивалъ, гдѣ живетъ Корнюхинъ. Свидѣтель спросилъ, зачѣмъ ему нуженъ Корнюхинъ. Онъ сказалъ, что ему выходитъ мѣсто на заводѣ; свидѣтель сказалъ адресъ и далъ мальчика (брата Корнюхина), съ которымъ Сбромирскій отправился въ деревню Дубровки. На другой день пришелъ Корнюхинъ, котораго свидѣтель спросилъ, дѣйствительно ли Сбромирскій нашелъ ему мѣсто на заводѣ? Онъ отвѣтилъ, что они должно быть сами безъ мѣста болтаются. Спустя дня четыре Корнюхинъ говорилъ свидѣтелю, что его хотятъ отправить на заводъ. На это свидѣтель замѣтилъ, что Корнюхинъ не имѣетъ паспорта, и спросилъ, съ чѣмъ онъ поѣдетъ. Затѣмъ Корнюхинъ сказалъ, что господа предлагаютъ ему книжки и кладутъ жалованья 40 рублей въ мѣсяцъ. Какія, говорю, это книжки они тебѣ предлагаютъ?—„Я, говоритъ, не знаю“.—Я въ то время получалъ вѣдомости; сталъ читать про книжки и спросилъ у Корнюхина: есть такія книжки?—Онъ говоритъ: „есть“. Ну, говорю, ты за это не берись, потому что за эти книжки судятъ. Когда получишь, представь ихъ въ жандармское управленіе. Свид. *Сергѣй Макаровъ* показалъ, что работникъ его, Корнюхинъ, разъ приводилъ одного человѣка почевать. Утромъ встали, сходили напиться чаю; послѣ этого они ушли.—Подс. *Сбромирскій*. Этотъ человѣкъ былъ Иванъ Тимоѳеевъ Смирновъ. Прочитанъ протоколъ обыска въ домѣ священника Бѣляевскаго, при чемъ были найдены книжки: сочиненія Чернышевскаго, Лассаля, изданіе революціонной партіи, сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ и друг. Прочитанъ протоколъ обыска квартиры Трубецкого, при чемъ найдены: „Парижская коммуна“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и друг.—*Первоприсутствующій*. Подсудимый Бѣляевскій, чѣмъ вы объясните нахожденіе у васъ книгъ, указанныхъ въ протоколѣ?—Подс. *Бѣляевскій*. Большая часть этихъ книгъ была получена мною отъ товарища по Петровской академіи въ 1875 году, а „Сказку о копѣйкѣ“ и другія я оставилъ изъ тѣхъ книгъ, которыя получилъ отъ него для передачи въ Саратовъ.—В. Вы много получили книгъ для передачи въ Саратовъ?—О. Да, много. Когда въ 1875 году кончились экзамены въ академіи, то мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать; ѣхать домой—я не имѣлъ денегъ. Поэтому большую часть времени я проводилъ или въ паркѣ академіи, или—когда была работа—то на работѣ. Разъ, въ паркѣ, послѣ обѣда, я сидѣлъ на скамейкѣ и курилъ. Ко мнѣ подошелъ господинъ, сѣлъ рядомъ и попросилъ закурить. Потомъ онъ сталъ разспрашивать о жизни Петровской академіи, о порядкахъ тамошнихъ. Я разсказалъ, что мнѣ было извѣстно. Потомъ онъ узналъ, что я сдалъ экзаменъ, но не уѣхалъ домой. Онъ спросилъ: почему? Я сказалъ, что денегъ нѣтъ. Онъ спросилъ: имѣю ли я знакомыхъ въ Саратовѣ? Я сказалъ, что есть знакомые. Онъ спросилъ, что если можете передать книги, то я могу дать вамъ денегъ на дорогу. Я согласился на это. Онъ далъ мнѣ книги и десять рублей; при этомъ онъ сказалъ какого рода книги. Съ идеями, которыя проводятся въ этихъ книгахъ, я былъ прежде знакомъ изъ политической экономіи и соціальныхъ наукъ. Кромѣ того, товарищъ мой, Поляковъ, давалъ мнѣ раньше читать книги, напр. „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Когда Поляковъ лежалъ въ больницѣ, и я его посѣщалъ, то онъ разсказывалъ мнѣ объ этихъ книгахъ. Этотъ господинъ велѣлъ мнѣ придти за полученіемъ книгъ на Николаевскую желѣзную дорогу. Я пришелъ, и онъ мнѣ передалъ ихъ. Онъ просилъ передать ихъ кому-нибудь въ Саратовѣ и сказалъ, что если мнѣ угодно, то я могу взять себѣ, сколько хочу. Такимъ образомъ, я привезъ книжки домой. Однажды, когда я узналъ, что сельскій учитель Виноградовъ ѣдетъ въ Саратовъ, я попросилъ отца, который поѣхалъ съ требой, передать тюкъ съ книгами Виноградову, чтобы онъ передалъ ихъ въ

Саратовѣ Трубецкому, такъ какъ, хотя у меня были знакомые кромѣ Трубецкого, но я не зналъ ихъ адреса. Дома у меня никто не могъ видѣть книгъ, и никто ихъ не бралъ и не читалъ. Я никому ихъ не показывалъ и даже никому о нихъ не говорилъ.—*Первоприсутствующій.* Вы были знакомы съ Трубецкимъ?—Подс. *Бѣляевскій.* Онъ мой товарищъ по семинаріи.—В. Вы предупреждали его о томъ, что пришлете книги?—О. Нѣтъ.—В. Какое же, вы думали, онъ сдѣлаетъ изъ нихъ употребленіе?—О. Собственно говоря, я исполнилъ только просьбу лица, которое передало мнѣ книги и просило просто передать въ Саратовъ, не назвавъ даже личности.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Трубецкой. Вы какъ получили книги?—Подс. *Трубецкой.* Относительно книгъ, найденныхъ у меня, я вполнѣ подтверждаю показаніе, данное мною на дознаніи, что я получилъ ихъ отъ товарища своего Полякова въ то время, когда онъ лежалъ въ больницѣ. Книги я взялъ для прочтенія, но такъ какъ Поляковъ вскорѣ померъ, и книги возвратить мнѣ было некому, то я и держалъ ихъ у себя.—В. А относительно книгъ, полученныхъ отъ Бѣляевскаго?—О. Я ихъ не получалъ, такъ какъ онѣ были присланы въ Саратовъ, а я въ то время жилъ за двѣсти верстъ отъ Саратова.—*Тов. оберъ-прокурора* заявилъ, что по оффиціальнымъ справкамъ, имѣющимся въ дѣлѣ изъ академіи, видно, что Бѣляевскій и Трубецкой находились въ академіи только съ 31-го августа 1874 г., а Поляковъ умеръ 4-го мая 1874 г., слѣдовательно, гораздо ранѣе поступленія подсудимыхъ въ академію.—Подс. *Бѣляевскій и Трубецкой* утверждали, что поступили въ академію вмѣстѣ съ Поляковымъ, и что онъ умеръ въ маѣ 1875 года. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій присяжный повѣренный Герардъ представилъ телеграммы изъ Петровской академіи и саратовской семинаріи, изъ которыхъ видно, что, дѣйствительно, подсудимые поступили въ академію осенью 1875 года, и что Поляковъ умеръ въ маѣ того же года. Затѣмъ были прочитаны слѣдующіе четыре акта: I. По Трехпрудному переулку, въ домѣ Буханова, въ квартирѣ, занимаемой дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варварою Николаевою Батюшковой, производившіе обыскъ застали двухъ неизвѣстныхъ людей, назвавшихся: 1) дворяниномъ Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда, Николаемъ Ѳедоровымъ Цвиленевымъ; 2) дворяниномъ Захаровымъ. У всѣхъ упомянутыхъ личностей былъ произведенъ самый строгій обыскъ, при чемъ оказалось: у г-жи Батюшковой—разсказъ „Митюха", „Степные очерки" Левитова, „Юровая", „Мірской учетъ", газета „Впередъ", „Крестьянскіе выборы" и рукопись на русскомъ языкѣ. У г. Цвиленева—рукопись на трехъ полулистахъ и переписка. У г. Захарова—аттестатъ, выданный изъ областного правленія войска Донского за № 10579. Все найденное при обыскѣ опечатано для представленія начальнику жандармскаго управленія. II. Былъ сдѣланъ осмотръ бумагамъ, найденнымъ въ карманѣ у задержаннаго въ квартирѣ Батюшковой дворянина Николая Цвиленева, при чемъ оказалось: 1) Рукопись на одномъ полулистѣ и одной четвертушкѣ простой бумаги, выражающая взглядъ на стремленіе молодежи. 2) Клочокъ бумаги съ адресами Лучшева и Иванова и 3) записка на одномъ полулистѣ и одной четвертушкѣ почтовой бумаги, начинающаяся словами „Задаваясь вопросомъ—можно ли". III. По окончаніи обыска въ квартирѣ Батюшковой, она просила позволенія отлучиться, и ее сопровождалъ жандармскаго дивизіона унтеръ-офицеръ Иванъ Милитинскій; по выходѣ Батюшковой изъ отхожаго мѣста, Милитинскій нашелъ тамъ рукопись на четвертушкѣ, и при передачѣ оной Милитинскимъ прапорщику Ловягину, Батюшкова, вырвавъ изъ рукъ Милитинскаго эту рукопись съ словами: „я этого не позволю" и разорвавъ оную на двое,—часть вложила къ себѣ въ ротъ, а другую мгновенно передала сидѣвшему рядомъ съ ней Цвиленеву, сказавъ ему: „жуйте", и они оба тутъ же начали жевать, но общими усиліями клочки этой рукописи были выпуты изъ рта какъ Батюшковой, такъ и Цвиленева; послѣ того тѣмъ же унтеръ-офицеромъ Милитинскимъ была передана пачка разныхъ записокъ, выпутая имъ изъ пріемника. Все отобранное и найденное въ пріемникѣ опечатано для представленія начальнику жандармскаго управленія. IV. По осмотру бумагъ, отобранныхъ по обыску у дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвары Батюшковой, оказалось: 1) въ числѣ бумагъ, выброшенныхъ Батюшковою во время обыска въ отхожее мѣсто, находятся: а) Статья, написанная на двухъ листахъ почтовой бумаги, начинающаяся словами „Германія" и оканчивающаяся „продолженіе слѣдуетъ", заключаетъ въ себѣ описаніе соціально-политической борьбы рабочихъ союзовъ въ Германіи и пріемовъ, употребляемыхъ агитаторами для веденія среди рабо-

чаго населенія Германіи соціально-революціонной пропаганды. б) Письмо, подписанное „Твой отецъ, Капуцинъ", отъ 31-го іюля, на имя „Дорогой Нади", въ которомъ говорится, что госпожа, его писавшая, не можетъ получить денегъ, отказанныхъ ей по завѣщанію, ранѣе выхода замужъ, и проситъ Надю, а также проситъ попросить Варю и Наташу похлопотать и найти какого-нибудь охотника, который согласился бы „продѣлать эту комедь", говорится, что въ этомъ случаѣ „цѣль вполнѣ оправдываетъ средства"; спрашивается, не согласится ли на это Николай или Семенычъ, и прибавляется: „Неужели изъ нихъ никто не согласится, если только они не заняты въ настоящее время болѣе важными дѣлами". в) Записка, писанная карандашомъ на имя Паши отъ имени К. Аркадакскаго, въ которой говорится, что какой-то „баринъ хочетъ поучиться сельскимъ работамъ и чтобы поэтому предоставить ему возможность исполнить его желаніе". г) Писанные на двухъ четвертушкахъ адресы разныхъ лицъ: въ Тулѣ, Вологодской губерніи, Вологдѣ, Москвѣ, Иркутскѣ, Уральскѣ, Вяткѣ, Саратовской губерніи, Терской области, Курской губерніи, Кіевѣ, Рязани, Смоленскѣ и Вильнѣ. Всѣ эти адресы принадлежатъ несомнѣнно тѣмъ лицамъ, чрезъ посредство коихъ ведутся сношенія по преступной пропагандѣ. Въ этомъ убѣждаетъ: во-1-хъ, отказъ Батюшковой отъ знакомства съ этими лицами; во-2-хъ, нежеланіе ея объяснить происхожденіе этихъ адресовъ и, въ-3-хъ, самый внѣшній видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напр., Вологодской губерніи, г. Тотьма, Мардарію Разумниковичу Ржаницыну, въ скобкахъ—Ал. Каменскому; Вологда, ученику 6-го класса духовной семинаріи Ал. Ник. Баженову, въ скобкахъ — Ѳадееву; Вятка, Преображенская улица, собств. д., св. Блиновъ, Леонид. Алекс. Шуравину, типе Грачев. Въ числѣ адресовъ записано: „Ѳарисовъ долженъ итти въ учителя семинаріи"; далѣе—„Прахуд. письмо доставл. и узнать на счетъ мѣста въ Пермской губерніи"; наконецъ, особо тою же рукою сдѣлана отмѣтка: „Поповъ—книги?" д) Записка, подписанная П. Армф. на имя Александра Сергѣевича, въ которой г-жа, по всей вѣроятности, Армфельтъ, благодаритъ за обиліе мѣстъ, но говоритъ, что теперь, пожалуй, не придется воспользоваться ни однимъ, ибо ей нашли мѣсто въ Полтавской губерніи у годового доктора; проситъ, когда будутъ писать Ивану Григорьевичу, сказать ему, чтобы не рѣшался ни на одно мѣсто, не предупредивъ, и говоритъ, что она плохо вѣритъ въ энергію Ивана Григорьевича. е) Письмо съ неразборчивою подписью, очевидно, касающееся распространенія книгъ преступнаго содержанія, слѣдующее: „Получивъ ваше письмо, гдѣ вы пишете о согласіи барыни на предлагаемое мѣсто, я немедленно послалъ письмо къ барину съ просьбой обстоятельно изложить условія. Онъ же пришлетъ и указанія, по которымъ можно будетъ его разыскать. Посылаю въ Москву кое-что изъ книгъ, но не знаю какое количество тутъ необходимо, а потому коли у барышень, которымъ я ихъ послалъ, будетъ недостатокъ, то сообщите". Затѣмъ на оборотѣ приписка: „Передайте барышнямъ, что недостающее количество № 3-хъ я перешлю съ скорою имѣющейся быть оказіей". Остальныя бумаги особаго вниманія на себя не обращаютъ.—*Первоприсутствующій.* Подсудимая Батюшкова. Вы признаете дѣйствительность того, что описано въ прочитанныхъ актахъ?—Подс. *Батюшкова.* Эти бумаги у меня найдены.—*Первоприсутствующій.* Подсудимый Цвиленевъ. У васъ были найдены бумаги? — Подс. *Цвиленевъ.* У меня.—Подс. *Батюшкова* (по осмотрѣ предъявленныхъ вещей). Изъ этихъ бумагъ мнѣ принадлежатъ только три письма и стихотвореніе. Остальныя бумаги мнѣ не принадлежатъ. Онѣ даны мнѣ были на храненіе.—Свид. *Цвиленевъ* (по осмотрѣ бумагъ). Это тѣ самые документы, которые найдены у меня.—Прис. пов. *Герардъ* обратилъ вниманіе на опечатку въ обвинительномъ актѣ, въ которомъ сказано, что найдено девять номеровъ газеты „Впередъ", тогда какъ найденъ только девятый" номеръ.—*Тов. оберъ-прок.* подтвердилъ это заявленіе.—Свид. *Анна Домасюкъ* показала, что у нея на квартирѣ жилъ подсудимый Ивановъ; его посѣщали двѣ молодыя особы, изъ которыхъ одна приходила и нанимать квартиру. При этомъ свидѣтельница указала на подсудимую Батюшкову, какъ похожую на ту, которая приходила нанимать квартиру и бывала у Иванова. Свид. *Дмитрій Соколовъ* показалъ, что въ іюлѣ 1875 г. Ивановъ (свидѣтель) сказалъ, что получилъ запрещенныя книги и не знаетъ, что съ ними дѣлать, и такъ какъ жилъ на квартирѣ у офицера, то считалъ неудобнымъ сжечь ихъ дома, а потому просилъ свидѣтеля взять книжки и уничтожить. Онъ взялъ, но въ тотъ день не успѣлъ уничтожить, а на другой день ихъ конфисковали. Свид. *Александръ Ивановъ* показалъ, что Николай Трубецкой

(братъ подсудимаго) сказалъ ему, что къ нимъ на квартиру привезли много книгъ. Онъ отправился къ Трубецкому и взялъ нѣсколько книгъ. Просмотрѣвъ нѣкоторыя, онъ увидѣлъ, что онѣ незаконнаго содержанія, и онъ передалъ ихъ Соколову для уничтоженія. Свид. *Александръ Виноградовъ* показалъ, что въ половинѣ іюля 1875 года онъ, въ качествѣ сельскаго учителя, былъ командированъ земствомъ на съѣздъ учителей въ Саратовъ. За нѣсколько дней до отъѣзда, священникъ Введенскій привезъ ему тюкъ съ книгами, зашитыми въ холстѣ, и просилъ передать въ Саратовѣ. Адресъ былъ на имя Александра Трубецкого. Отыскавъ квартиру Трубецкихъ, свидѣтель передалъ тюкъ Павлу Трубецкому и просилъ его возвратить холстъ. Получивъ холстъ обратно, свидѣтель по пріѣздѣ домой отослалъ его священнику. Какія были книги, свидѣтель не знаетъ. Свид. *Павелъ Трубецкой* (братъ подсудимаго) показалъ, что, получивъ посылку съ книгами отъ Виноградова и затѣмъ осмотрѣвъ книги, увидѣлъ, что онѣ „неподходящія“. Онъ отдалъ ихъ сестрѣ, сказавъ: „Спрячь покуда; я немного засну, затопимъ печку и сожжемъ“. Когда онъ всталъ, къ нему пришелъ гость, а сестра съ свояченицею пошли гулять и встрѣтили брата Николая, которому сообщили о посылкѣ. Когда гость ушелъ, я опять легъ спать. Утромъ и спрашиваю, гдѣ книги? Женщины говорятъ, что были братъ Николай, Ивановъ и Соколовъ и взяли—и вотъ только осталось. Я сейчасъ же ихъ сжегъ. Я просидѣлъ полтора года въ тюрьмѣ. Я пять лѣтъ торговалъ виномъ; у меня были кабаки. Какія мои убѣжденія?.. Я по три тысячи въ годъ наживалъ отъ кабаковъ. Меня такія книги не могли прельстить. Пять лѣтъ я состоялъ на службѣ. Былъ саратовскимъ купцомъ. Если я не представилъ эти книжки, то это была, должно быть, воля Божія. За это мнѣ Богъ послалъ: я полтора года высидѣлъ.—Прис. пов. *Герардъ*. Какихъ былъ убѣжденій братъ вашъ Александръ? — Свид. *П. Трубецкой*. Онъ у меня жилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Уѣзжая изъ Саратова, я поручалъ ему ходить по кабакамъ. Я считалъ его за самаго нравственнаго человѣка.—Свид. *Михаилъ Зубковскій* показалъ, что служилъ въ вотчинной конторѣ Устинова кассиромъ. Пріѣхалъ священникъ Бѣляевскій и просилъ передать учителю Виноградову, котораго въ то время не было дома, тюкъ съ книгами. Когда вернулся Виноградовъ, свидѣтель передалъ ему тюкъ.—Затѣмъ прочитано слѣдующее показаніе сосланнаго въ арестантскія роты бывшаго унтеръ-офицера московскаго жандармскаго дивизіона Ивана Буланова: „Въ сентябрѣ 1875 года я былъ постоянно назначаемъ въ караулъ въ Сущевскую часть до послѣдняго времени. Заболѣвъ простудою, я недѣлю пролежалъ въ дивизіонномъ лазаретѣ и по выздоровленіи былъ вчера назначенъ въ нарядъ на гуляньe на Дѣвичьемъ полѣ, откуда возвратясь, былъ тотчасъ же обысканъ дежурнымъ по дивизіону офицеромъ, при чемъ собственно при мнѣ оказалось: письмо, писанное арестованнымъ подъ именемъ Ивана Андреева, съ надписью на немъ поручика Чурсина, которую мнѣ приказано было дать прочесть Ивану Андрееву, а другое письмо, начинающееся словами: „Для васъ буду годенъ, прощайте, братцы“, принадлежитъ мнѣ; писано оно съ моихъ словъ рядовымъ московскаго жандармскаго управленія Ивановымъ; записка, писанная арестованною Батюшковою о книгахъ; бумага съ надписью карандашомъ „Цвиленеву“—№ 1-й, которая была мнѣ отдана Батюшковою для передачи Цвиленеву; другая бумага, № 2-й, съ надписью „Цвиленеву“, получена мною около двухъ недѣль тому назадъ въ Гороховомъ трактирѣ на Садовой, отъ студента Степанова, черпаго собой, приходившаго для этого ко мнѣ въ казармы и пившаго у меня чай; кошелекъ съ 6 руб. 11 коп.; въ сундукѣ моемъ взяты разныя записки и книги; девять же брошюръ разныхъ названій, народнаго изданія, куплены мною у разносчика на Дѣвичьемъ полѣ вчера для собственнаго чтенія. Оставшіеся въ моемъ сундукѣ три пузырька съ жидкостью также принадлежатъ мнѣ: это какое-то лѣкарство, переданное мнѣ врачемъ Ивановскимъ для лѣченія моего горла отъ сипоты. По освобожденіи изъ-подъ стражи врача Ивановскаго изъ Сущевской части, онъ на другой день приходилъ въ названную часть за полученіемъ оставшихся своихъ денегъ и, увидавъ меня тамъ въ карауле, завелъ со мной разговоръ, при чемъ, отрекомендовавшись врачомъ, предложилъ мнѣ пользовать мое горло отъ хрипоты. На другой день, по смѣнѣ съ караула, часовъ въ 7 вечера, ко мнѣ явился мальчикъ изъ трактира Бакастова, у Петровскихъ воротъ, и сказалъ, что меня вызываетъ въ трактиръ какая-то женщина. По приходѣ въ трактиръ, я никакой женщины не видалъ, но тамъ былъ г. Ивановскій, который пригласилъ меня сѣсть съ собою

и передалъ двѣ склянки съ лѣкарствомъ отъ сипоты въ горлѣ, которыя я и принялъ отъ него. Находя, что неловко сидѣть съ лицомъ, только что выпущеннымъ изъ-подъ ареста, и не желая навлечь на себя подозрѣнія, я все это высказалъ г. Иваповскому и потому, выпивъ только одинъ стаканъ чаю, сейчасъ же съ нимъ простился. При этомъ г. Ивановскій назначилъ день для слѣдующаго со мной свиданія въ этомъ же трактирѣ, и, дѣйствительно, въ тотъ день приходилъ за мной мальчикъ изъ трактира, но я изъ боязни туда не пошелъ. Послѣ этого я съ г. Иваповскимъ не видался, такъ какъ опъ вскорѣ былъ арестованъ и просидѣлъ ночь въ Сущевской части, когда я былъ тамъ въ караулѣ, но разговоровъ съ нимъ я уже не имѣлъ никакихъ. Спустя недѣлю по арестѣ г. Иванов-скаго, часу въ 12 ночи, пришелъ къ подъѣзду Сущевскаго частнаго дома какой-то молодой человѣкъ съ черной бородой и чрезъ полицейскаго часового вызвалъ меня: онъ просилъ меня передать арестованной Батюшковой полфунта чаю отъ ея будто-бы матери. Я ему предложилъ передать этотъ чай частному приставу, на что онъ отозвался поздпимъ временемъ; послѣ чего я согласился взять отъ него чай для передачи по назначенію чрезъ частнаго пристава, но передать его забылъ, и чай до сего времени лежитъ у меня въ сундукѣ. Въ разговорѣ со мной этотъ молодой человѣкъ предложилъ мнѣ свое знакомство и спросилъ, буду ли я завтра дома въ казармахъ, на что я отвѣтилъ ему утвердительно. На другой день, около девяти часовъ вечера, пришелъ ко мнѣ мальчикъ изъ трактира „Лондонъ“, противъ Петровскихъ казармъ, и сказалъ, что меня зоветъ въ трактиръ какая-то женщина. Придя въ трактиръ, я женщины никакой не нашелъ, а увидалъ вышеназваннаго мною молодого человѣка (Степанова) съ черной бородой, который пригласилъ меня пить вмѣстѣ чай. За чаемъ онъ началъ разспрашивать меня, кто именно содержится изъ политическихъ арестантовъ въ Сущевской части, спрашивалъ: не сидитъ ли Кардашевъ, Иванъ Андреевъ, Батюшкова. Тутъ я понялъ, что этотъ молодой человѣкъ желаетъ завести сношенія чрезъ меня съ арестованными, и, дѣйствительно, онъ началъ говорить со мной объ этомъ и далъ мнѣ двѣ записки для передачи Ивану Андрееву и Батюшковой, которыя я и взялъ, но ихъ по назначенію не передалъ, а бросилъ въ сортиръ; Андрееву и Батюшковой сказалъ только, что имъ клапяется господинъ съ черной бородой, на что они просили меня также отвѣтить этому господину поклономъ и подробнѣе разспросить его, кто онъ такой. По смѣнѣ съ караула, я вечеромъ пошелъ на Страстной бульваръ, гдѣ предложилъ мнѣ видѣться съ собою для полученія отвѣтовъ Степановъ, и встрѣтилъ его тамъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, также съ черной бородой, но нѣсколько выше его ростомъ. Для объясненій я попросилъ ихъ поѣхать въ Гороховъ трактиръ на Садовую, гдѣ и высказалъ имъ все неудобство письменныхъ сношеній, передалъ поклоны отъ Андреева и Батюшковой и предложилъ лучше имѣть сношенія устныя. На желаніе Андреева и Батюшковой знать кто онъ такой, молодой человѣкъ съ черной бородой отвѣтилъ, что онъ Степановъ, послѣ чего я и зналъ его подъ этой фамиліей. Такъ какъ Гороховъ трактиръ долженъ былъ скоро запереться, а Степанову хотѣлось еще со мной говорить, то онъ и предложилъ мнѣ поѣхать въ гостиницу „Англія“ на Петровкѣ. По пріѣздѣ втроемъ въ „Англію“, мы помѣстились въ отдѣльной комнатѣ наверху, и здѣсь Степановъ сталъ уговаривать меня устроить побѣгъ изъ Сущевской части содержащимся тамъ князю Цицianову и Ивану Андрееву, высказывая при этомъ, что если уже я взялся имъ помогать, то долженъ довести дѣло до конца, иначе меня они убьютъ. Въ виду ихъ угрозы я согласился съ ними, но только на словахъ. Побѣгъ условились устроить почью въ мое дежурство; я долженъ былъ подпоить караульныхъ, вывести Цицianова и Ивана Андреева, которыхъ ожидалъ бы Степановъ съ своими знакомыми, и всѣ вмѣстѣ—и я съ ними—скрыться. Это было недѣли полторы тому назадъ. На другой день послѣ этого разговора я былъ въ караулѣ, и хотя Степановъ просилъ меня передать Цицianову и Андрееву условія ихъ побѣга и хотя сами они разспрашивали меня о Степановѣ, но я сказалъ имъ, что еще мнѣ не удалось съ нимъ видѣться, такъ какъ я не желалъ приводить ихъ планъ въ исполненіе. Въ это же дежурство я просилъ Батюшкову написать кому-нибудь записку будто бы для того, чтобы, отдавъ ее Степанову, заслужить больше съ его стороны къ себѣ довѣрія; на самомъ же дѣлѣ думалъ устроить, при чьемъ-нибудь посредствѣ изъ своихъ товарищей, поимку Степанова съ его знакомымъ такъ, чтобы при немъ была улика. Эта—та самая записка, которая отобрана у меня по обыску, № 1. Я забылъ сказать, что въ Гороховомъ

трактирѣ Степановъ передалъ мнѣ записку, отобранную у меня подъ № 2, для передачи Батюшковой. Накануне дежурства своего, въ которое долженъ былъ устроиться побѣгъ, я обязался Степанову явиться на Страстной бульваръ для окончательныхъ взаимныхъ условій, но, по случаю болѣзни, туда идти не могъ. На третій день моей болѣзни ко мнѣ пришелъ мальчикъ и вызвалъ на Страстной бульваръ, но я, увидавъ тамъ Степанова, сказалъ, что въ настоящее время, по болѣзни, условія исполнить еще не могу и назначилъ для свиданія нынѣшній вечеръ, на Рождественскомъ бульварѣ, для переговоровъ, на самомъ же дѣлѣ для поимки ихъ. Часъ для свиданія назначенъ десятый вечера, въ половинѣ. Письмо, отобранное у меня, начинающееся словами „Милые мои друзья“... я предназначалъ къ передачѣ сегодня при свиданіи на Рождественскомъ бульварѣ Степанову для того собственно, чтобы еще болѣе увѣрить ихъ въ своей готовности помогать имъ“. Показаніе это унтеръ-офицеръ Иванъ Булановъ на предложеніе его подписать не могъ—вслѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія. По приходѣ Буланова въ спокойное состояніе, онъ на предложенные ему вопросы объяснилъ: „Я желаю дать вполнѣ откровенное, чистосердечное показаніе: бывая въ карауле за лицами, арестованными по политическимъ дѣламъ, я исполнялъ свои обязанности по службѣ въ точности по долгу присяги, но только до тѣхъ поръ, пока не былъ арестованъ докторъ Ивановскій, который, содержась въ Сущевской части, сталъ со мною весьма ласково поговаривать и предложилъ, какъ докторъ, лѣчиться мнѣ отъ сипоты въ горлѣ, уговорилъ меня сходить съ написанною имъ запискою къ его знакомому Александру Сергѣевичу Бутурлину, живущему на Пречистенкѣ, при чемъ сказалъ, что онъ, Ивановскій, прописалъ въ этихъ запискахъ лѣкарство, и что Бутурлинъ мнѣ купитъ его. Я, дѣйствительно, по смѣнѣ изъ караула, на другой же день былъ у Бутурлина; сначала онъ, увидавъ меня какъ жандарма, испугался, но, прочитавъ записку, обошелся со мной ласково, ничего особеннаго со мной не говорилъ и я вскорѣ отъ него ушелъ, онъ же обѣщалъ принести самъ ко мнѣ лѣкарство. Въ слѣдующій вечеръ, когда я былъ въ карауле въ Сущевской части, Бутурлинъ принесъ ко мнѣ туда двѣ скляночки лѣкарства, вызвалъ меня изъ части черезъ часового и передалъ ихъ мнѣ, при чемъ передалъ записочку къ Батюшковой, которую я и доставилъ по принадлежности. Бутурлинъ далъ мнѣ четыре рубля денегъ и просилъ меня бывать у него, когда будетъ нужно. Я согласился; но въ скоромъ времени у него не былъ, такъ какъ докторъ Ивановскій былъ уже освобожденъ изъ-подъ стражи и началъ заводить со мной знакомство на свободѣ. Выше я сказалъ, что д-ръ Ивановскій, придя въ Сущевскую часть за своими деньгами и увидавъ меня въ корридорѣ, завелъ со мною разговоръ о болѣзни моего горла; по поводу этого онъ сказалъ, что данныго Бутурлинымъ мнѣ лѣкарства для меня недостаточно, но чтобы я пришелъ на Петровскій бульваръ въ пять часовъ вечера, послѣ моей смѣны изъ караула, гдѣ онъ обѣщалъ дать новое лѣкарство и осмотрѣть мое горло въ трактирѣ „Эрмитажъ“. Явившись по этому приглашенію на Петровскій бульваръ, я встрѣтилъ уже дожидавшаго меня тамъ Ивановскаго, который и повелъ меня въ трактиръ, гдѣ по его приказанію былъ поданъ чай и водка. Лѣкарства онъ мнѣ никакого не далъ и горло не смотрѣлъ, а прямо началъ разговоръ съ слѣдующаго: „Я пригласилъ тебя сюда, сказалъ онъ мнѣ, съ тою цѣлью, чтобы поговорить о дѣлѣ, а вылѣчу я тебя послѣ“. На мой вопросъ: „О какомъ дѣлѣ?“— Ивановскій, подавая мнѣ двѣ записки, сказалъ: „а вотъ о какомъ“, и началъ убѣждать меня передать одну изъ нихъ Батюшковой, а другую Ивану Андрееву. Когда я не соглашался на его просьбу, то онъ сталъ объяснять мнѣ такъ ласково и сердечно всю тягость солдатской службы и бѣднаго положенія народа и свою готовность постоянную, несмотря на свои неоднократные аресты, служить родному дѣлу, что довелъ меня до слезъ, и я послѣ этого вполнѣ ему отдался: взялъ отъ него вышеназванныя письма для передачи и десять рублей данныхъ имъ денегъ. Въ это же время Ивановскій, объяснивъ мнѣ, что въ жандармской формѣ мнѣ съ нимъ видѣться неудобно, обѣщался принести мнѣ статское платье, обязавъ меня за полученіемъ его явиться дня черезъ четыре въ трактиръ Саврасенкова на Тверскомъ бульварѣ, куда кстати принести отвѣтъ ему отъ Батюшковой. Въ назначенное время въ трактирѣ этомъ я получилъ отъ Ивановскаго статское платье и передалъ ему отвѣтъ отъ Батюшковой; онъ сказалъ, чтобы я черезъ сутки приходилъ на Тверской бульваръ, вечеромъ, уже въ статскомъ платьѣ, и тогда обѣщалъ со мной говорить о дѣлѣ. Явясь по этому приглашенію, я встрѣтилъ на

бульварѣ Ивановскаго съ его сестрой—женщиной высокаго роста—и другой женщиной, называвшеюся Вѣрою Мирной. Ивановскій отрекомендовалъ мнѣ этихъ женщинъ, заставилъ меня съ ними пойти въ трактиръ Саврасенкова, а самъ остался на бульварѣ. Въ трактирѣ я съ барышнями пилъ чай, онѣ разспрашивали меня объ арестованныхъ и, давъ три рубля, просили передать ихъ Чекондзе, а на второй день праздника Рождества Христова придти къ нимъ въ гости, для чего дали адресъ, мною уничтоженный; квартира ихъ на Поварской, въ переулкѣ, гдѣ вторично былъ арестованъ Ивановскій. Деньги Чекондзе мною были переданы. На другой день Рождества, часу въ 11-мъ вечера, я пришелъ къ Ивановскому; при входѣ увидалъ, что отъ него выходитъ Александръ Сергѣевичъ Бутурлинъ, и въ комнатахъ у него засталъ четырехъ женщинъ: сестру Ивановскаго, Вѣру Мирную и двухъ мнѣ неизвѣстныхъ. Во время питья чая всѣ они разспрашивали меня объ арестованныхъ, особенно о Джабадари и Иванѣ Андреевѣ, съ цѣлью, чтобы „я передалъ имъ записки“. Сначала я говорилъ, что ихъ нѣтъ въ Сущевской части, но видя, что они мнѣ не вѣрятъ и знаютъ, что Джабадари и Андреевъ находятся въ Сущевской части, я согласился на передачу переписки. Тогда Ивановскій и Вѣра Мирная стали писать записки цифрами на небольшомъ лоскуткѣ бумаги, который, взявъ, я и передалъ по назначенію Джабадари и Ивану Андрееву. На мой вопросъ о содержаніи записокъ, они отвѣтили: „тебѣ въ этомъ нѣтъ надобности“. Не давая мнѣ еще написанныхъ записокъ, Ивановскій предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ Александру Сергѣевичу Бутурлину, куда мы и отправились. У Бутурлина я видѣлъ его жену и троихъ молодыхъ мужчинъ, мнѣ неизвѣстныхъ, при которыхъ, на вопросъ мой: что это за люди?—Бутурлинъ отвѣтилъ: „ничего, это люди наши“. Во время бесѣды Бутурлинъ убѣждалъ меня быть на ихъ сторонѣ, помогать въ передачѣ записокъ, но самъ никакой записки не написалъ. У Бутурлина я просидѣлъ съ полчаса времени и въ первомъ часу ночи поѣхалъ домой. При выходѣ Ивановскій передалъ мнѣ двѣ сказанныя записки и 25 рублей денегъ, прося изъ нихъ отдать 5 р. Ивану Андрееву, 5 р. Чекондзе и 5 р. Джабадари, остальные 10 рублей оставить себѣ для праздника, при чемъ обязалъ меня являться по вечерамъ, черезъ сутки, для свиданія съ нимъ, на Страстной бульваръ; но я, изъ опасенія, отъ этого отказался и назначилъ свиданіе черезъ четыре дня, въ каковое время и явился, принеся ему отвѣтъ отъ Джабадари и Ивана Андреева. Съ бульвара Ивановскій повезъ меня въ харчевню, куда-то на Садовую, гдѣ мы съ нимъ и закусили. При этомъ Ивановскій просилъ меня видѣться съ нимъ чаще, но я ему въ этомъ отказалъ, сказавъ ему, что начальство наше строго подтверждаетъ исполнять свои обязанности честно, вслѣдствіе слуховъ, что между арестованными существуютъ сношенія, и сказалъ ему, что на Страстной бульваръ являюсь черезъ недѣлю, куда по истеченіи этого времени я и явился. Въ этотъ разъ Ивановскій далъ мнѣ четыре записки для передачи заключеннымъ въ Сущевскомъ частномъ домѣ; но кому именно—теперь запомнилъ. Ивановскій просилъ отвѣты на эти письма принести ему черезъ недѣлю на Тверской бульваръ; но я принесъ ему только три отвѣта, такъ какъ отвѣта отъ Чекондзе взять не успѣлъ; отъ кого были прочіе отвѣты—я забылъ. Въ это свиданіе Ивановскій просилъ меня видѣться съ нимъ непремѣнно черезъ сутки, но, между тѣмъ, онъ на другой день ночью былъ привезенъ въ Сущевскую часть арестованнымъ, гдѣ я былъ въ то время въ караулѣ. Утромъ, во время отбиранія мною чайниковъ изъ камеръ арестованныхъ, Ивановскій, когда я ему сказалъ: „Не долго же вы напрыгали“, отвѣтилъ: „Ничего, братъ; а вотъ что я тебѣ скажу: иди ты по смѣнѣ непремѣнно къ Бутурлину и принеси мнѣ отъ него 5 руб. денегъ“. Когда явился я къ Бутурлину, то онъ уже зналъ объ арестѣ Ивановскаго и далъ для Ивановскаго 5 рублей и мнѣ 23 рубля, при чемъ предложилъ видаться съ нимъ не въ его квартирѣ, называя это для себя неудобнымъ, а на Тверскомъ бульварѣ; когда же я ему возразилъ, что его я мало знаю, думая при этомъ кончить сношенія, то онъ началъ меня уговаривать, далъ упомянутые 23 р. и сказалъ, что „мы всѣ одинаковы, какъ я, такъ и Ивановскій, и другіе; ужъ если взялись за это дѣло, то будемъ вести его до нашей смерти, ему не измѣнимъ, и тебѣ насъ бояться нечего“. Бутурлинъ назначилъ мнѣ свиданіе на Тверскомъ бульварѣ дня черезъ три, куда пришелъ съ нимъ молодой человѣкъ небольшого роста, лѣтъ 26 или 27, худощавый, съ небольшой окладистой черной бородкой и баками, про котораго Бутурлинъ, рекомендуя мнѣ, сказалъ: „обращайся съ нимъ какъ со мной и Ивановскимъ“; мы пошли

въ трактиръ, гдѣ упомянутый молодой человѣкъ назвался студентомъ Степановымъ и тутъ же онъ далъ мнѣ двѣ записки, одну—для передачи Ивану Андрееву, а другую—не помню кому; Бутурлинъ сказалъ, что онъ уѣзжаетъ теперь изъ Москвы на двѣ недѣли. Взятыя мною записки я передалъ кому слѣдовало и отвѣты принесъ въ условленное время на Тверской бульваръ, гдѣ передалъ ихъ уже Степанову, при чемъ онъ хотѣлъ передать мнѣ вновь три записки, но я сказалъ, что такъ часто не согласенъ брать отъ него записокъ, такъ какъ это можетъ быть замѣчено, и взялъ только одну на имя Джабадари, которую ему и передалъ. Дней черезъ пять я опять съ нимъ видѣлся на томъ же бульварѣ, также вечеромъ, принесъ ему отвѣты отъ Джабадари и ѣздилъ съ нимъ въ трактиръ, при чемъ я взялъ отъ него двѣ записки для передачи Кардашеву и Циціанову, которыя и передалъ; отвѣты на нихъ получилъ, но ихъ при свиданіи съ Степановымъ ему не отдалъ, а бросилъ въ сортиръ, потому что Степановъ въ это время сталъ меня уговаривать объ устройствѣ побѣга изъ Сущевской части Кардашева, Ивана Андреева и Циціанова, и я сказалъ ему,—въ такомъ случаѣ нужно прекратить передачу записокъ, такъ какъ я, боясь за побѣгъ, по моему мнѣнію, главнаго преступника Циціанова и передачу отъ него записокъ, сталъ думать совсѣмъ прекратить свои сношенія со Степановымъ и арестованными лицами. Степановъ имѣлъ у себя четыре записки къ арестованнымъ лицамъ, но я ихъ не взялъ, и мы разошлись съ тѣмъ, чтобы о побѣгѣ названныхъ лицъ переговорить при слѣдующемъ свиданіи, которое было назначено мною въ трактирѣ „Лондонъ“, и я сказалъ, чтобы онъ послалъ за мной изъ трактира мальчика. Продолженіе разговора о побѣгѣ трехъ арестованныхъ лицъ и назначеніе мною въ указанномъ мѣстѣ свиданія я сдѣлалъ съ тою цѣлью, чтобы Степановъ указалъ мнѣ еще и другихъ лицъ, которыя желаютъ этого побѣга, такъ какъ я хотѣлъ знать всѣхъ ихъ и всѣхъ выдать начальству. Черезъ сутки Степановъ прибылъ въ сказанный трактиръ и по условію прислалъ за мной. Позднѣе Степановъ предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ въ трактиръ „Англія“ на Петровкѣ, гдѣ мы встрѣтили знакомаго Степанову какого-то молодого человѣка, выше его ростомъ, волосы на головѣ большіе, черные, борода небольшая, клинышкомъ; при чемъ Степановъ сказалъ мнѣ, что по желанію моему онъ привелъ другого, назвалъ его фамилію, но я теперь ее забылъ. Здѣсь они оба стали усиленно требовать отъ меня, чтобы я согласился на побѣгъ Кардашева, Ивана Андреева и Циціанова, предлагая слѣдующій способъ: напоить всѣхъ жандармовъ въ караулѣ чаемъ съ тою жидкостью, которую они мнѣ дадутъ и отъ которой всѣ должны проспать около шести часовъ. Видя, что Степановъ требуетъ настойчиво исполненія его плана и посылаетъ своего товарища за упомянутою жидкостью, я сталъ просить оставить это до будущаго свиданія, съ чѣмъ соглашался и товарищъ Степанова, но сей послѣдній до того былъ разгорячень, что схватилъ своего товарища за грудь и сказалъ ему съ угрозою, что немедленно желаетъ освобожденія изъ-подъ ареста Кардашева, Циціанова и Ивана Андреева. Поговоривъ довольно горячо съ своимъ товарищемъ, Степановъ, однако же, согласился съ нимъ и съ моею просьбою отложить ихъ намѣреніе до будущаго свиданія, черезъ сутки, въ томъ же трактирѣ. Явясь на это свиданіе съ положительнымъ желаніемъ отказаться отъ содѣйствія къ побѣгу названныхъ лицъ, Степановъ и его товарищъ стали убѣждать меня сначала ласково, но потомъ Степановъ уже потребовалъ настойчиво, говоря, что если я взялся, то долженъ исполнить, а затѣмъ рѣшительно выразилъ, что если я не соглашусь на побѣгъ этихъ лицъ въ первый мой караулъ въ Сущевской части, то онъ придетъ ко мнѣ въ казармы и убьетъ меня; при этомъ высказывалъ, что я за каждое освобожденное лицо получу по тысячѣ рублей, что долженъ бѣжать вмѣстѣ съ ними и чтобы ожидалъ его, Степанова, и товарища его на подъѣздѣ частнаго дома, куда они обѣщались придти. Видя угрозы и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы Степановъ не причинилъ мнѣ побоевъ тутъ же, я согласился съ его желаніемъ, взялъ отъ него ту самую жидкость, которую долженъ былъ налить въ чай караульнымъ жандармамъ, и обѣщался исполнить его требованіе въ слѣдующій вечеръ, такъ какъ я на другой день долженъ былъ быть въ караулѣ. Эту всю ночь я не спалъ, пошелъ въ сортиръ и тамъ, разбивъ скляпку съ данною мнѣ Степановымъ жидкостью, рѣшилъ не ходить въ караулъ и сказался больнымъ, прося отправить меня въ околотокъ, куда я утромъ и явился, былъ у доктора, который нашелъ во мнѣ простуду. Въ это время меня страшно мучила совѣсть и мнѣ казалось, что всѣ на меня смотрятъ какъ на чело-

вѣка, совершившаго преступленіе. Дня черезъ два ко мнѣ два раза приходилъ мальчикъ изъ трактира Бакастова и вызывалъ меня; въ первый разъ я отказался идти, сказавъ, что нездоровъ, но во второй разъ пошелъ и увидалъ въ трактирѣ Степанова, съ которымъ вышелъ на Страстной бульваръ; я объяснилъ ему, что теперь нездоровъ, и что желаніе ихъ приведу въ исполненіе по выздоровленіи, чѣмъ его и успокоилъ; для окончательныхъ же соглашеній просилъ его придти во вторникъ 10-го числа на Петровскій бульваръ (число это я помню потому, что наканунѣ былъ арестованъ), на что онъ и согласился. Все это я сдѣлалъ для того, чтобы въ сказанное время взять какъ Степанова, такъ и другихъ съ нимъ и передать начальству, которое заранѣе хотѣлъ предупредить чрезъ старшаго вахмистра. Такъ какъ совѣсть сильно мучила меня этимъ дѣломъ, а частью оттого, что я былъ здоровъ и могъ исполнять службу, я попросилъ 9-го числа старшаго вахмистра назначить меня куда-нибудь въ нарядъ, а на другой день и въ караулъ, только не въ Сущевскую часть, и въ то же время просилъ новобранца Иванова написать подъ мою диктовку упомянутое въ показаніи моемъ письмо, цѣль написанія котораго была единственно та, чтобы убѣдить Степанова и его товарищей придти въ какой-либо трактиръ, гдѣ всѣхъ ихъ и взять. Но я не успѣлъ передать этой записки, такъ какъ по возвращеніи моемъ изъ наряда я тотчасъ же былъ обысканъ и арестованъ. Давая вполнѣ чистосердечное и откровенное показаніе, я положительно подтверждаю, что никто изъ нижнихъ чиновъ московскаго жандармскаго дивизіона не зналъ о моихъ сношеніяхъ съ арестованными лицами и ихъ знакомыми, находящимися на свободѣ, и вообще о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ по этому предмету. Соглашаясь на предложенія врача Ивановскаго получать отъ него даровые совѣты и лѣкарства, я никакъ не могъ предвидѣть, что Ивановскій намѣревался сдѣлать изъ меня человѣка, совершающаго преступленіе; постоянно меня лаская и угощая, давая деньги и снабдивъ меня статскимъ платьемъ, онъ неоднократно высказывалъ мнѣ, что я долженъ для него дѣлать все, что ему нужно. Такія же ласковыя обхожденія со мной его знакомыхъ Степанова, Бутурлина и Эндаурова привлекли меня къ нимъ. Передавъ первыя полученныя мною отъ нихъ записки арестованнымъ лицамъ, я тогда же сознался, что сдѣлалъ дѣло незаконное, но совѣсть мучила меня лишь только до первыхъ съ ними свиданій, при которыхъ они постоянно старались разными объясненіями убѣдить меня, и, называя „золотымъ человѣкомъ“, успокаивали тѣмъ, что, если я и пострадаю за родное дѣло и буду сосланъ даже на край свѣта, то они и тамъ меня выручатъ. Когда же я получилъ отъ Степанова скляпку жидкости для усыпленія караула и вывода изъ Сущевской части троихъ арестованныхъ лицъ, то на меня напалъ какой-то страхъ и я не зналъ, что съ собой дѣлать; скляпку эту вслѣдствіе страха я разбилъ, а потомъ сталъ обдумывать, какъ бы мнѣ удобнѣе выдать означенныхъ лицъ начальству; заявить же послѣднему объ этомъ боялся до передачи ихъ всѣхъ головою. Написанное подъ мою диктовку новобранцемъ Ивановымъ письмо мнѣ казалось вѣрнымъ планомъ къ аресту всѣхъ названныхъ мною лицъ на мѣстѣ“. — Этимъ былъ оконченъ допросъ и чтеніе показаній свидѣтелей обвиненія, а затѣмъ приступлено къ допросу свидѣтелей защиты. Свид. *Полетаева* показала, что Введенская жила у нея съ 20 сентября по 20-е декабря. Отецъ привезъ ее учиться, и она все время аккуратно ходила слушать лекціи. Ее не посѣщалъ совершенно никто. На Рождество она уѣхала къ отцу, и больше свидѣтельница ее не видала. Свид. профессоръ *Герье* показалъ, что въ 1874 году къ нему являлся священникъ Введенскій и объяснилъ, что старшей своей дочери онъ желалъ бы дать хорошее образованіе, съ тѣмъ, чтобы она воспитала своихъ младшихъ сестеръ, и просилъ помѣстить ее на женскіе курсы, устроенные профессорами и которыми завѣдывалъ свидѣтель. Затѣмъ онъ получилъ письмо отъ одного изъ знакомыхъ учителей, который указывалъ на способности Введенской и на бѣдность ея отца. Свидѣтель принялъ Введенскую и освободилъ отъ платы за лекціи. Она занималась очень усердно. Свидѣтель замѣтилъ, что она была не вполнѣ развита и въ ней было много дѣтскаго; такъ, она тяготилась обществомъ взрослыхъ и, бывая въ одной знакомой семьѣ, старалась находиться въ обществѣ дѣтей. Кромѣ этихъ курсовъ читались еще лекціи при гимназіи по вечерамъ. Введенская, кажется, посѣщала и лекціи. Свид. священникъ *Александръ Введенскій* показалъ, что дочь его получила первоначальное образованіе въ женскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ заслужила одобреніе за успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе. Видя такія способности, онъ захотѣлъ дать ей дальнѣйшее

образованіе. Но въ Тулѣ сдѣлать это было невозможно, такъ какъ гимназія не даетъ права быть учительницей среднихъ училищъ. Въ Москвѣ онъ не имѣлъ никого знакомыхъ. Обратился къ профессору Герье, который принялъ ученицу. Но свидѣтель не зналъ, куда помѣстить ее на квартиру. Случайно нашлась добрая старушка (Полетаева), и дочь помѣстилась у нея. На каникулы и на праздники она пріѣзжала домой, гдѣ занималась съ сестрами и помогала матери. Свидѣтель навѣщалъ ее и въ Москвѣ. Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ онъ пробылъ съ утра до вечера у нея на квартирѣ, когда она жила у своей товарки по училищу, Иваповской, пересмотрѣлъ всѣ вещи и ничего подозрительнаго не замѣтилъ. Въ сентябрѣ она написала, что поселилась на квартирѣ съ Георгіевскою. Она занималась очень успѣшно. „У меня, сказалъ свидѣтель, еще три сына воспитываются въ заведеніяхъ и двѣ дочери въ училищѣ. Она видѣла, какъ мнѣ трудно. Поэтому она и обратила серьезное вниманіе на средства отца“. Свид. *Спиридонъ Любатовичъ* (отецъ подсудимыхъ) показалъ, что въ началѣ января 1875 года Ольга пріѣхала изъ Чернигова въ Москву прямо въ семью; жила до Святой и поѣхала въ Петербургъ, такъ какъ желала поступить въ академію, но не поступила, потому что у нея не было документовъ. Вслѣдствіе этого она вскорѣ возвратилась и, по совѣту доктора, уѣхала въ Крымъ. Въ августѣ вернулась на короткое время. Что касается Вѣры, то она воспитывалась сначала дома, потомъ въ гимназіи и затѣмъ поступила на женскіе курсы. Такъ какъ она вообще слабаго здоровья и сдѣлалась больною, то свидѣтель послалъ ее для пользованія за границу, гдѣ уже была ея сестра. Когда онѣ возвращались, на границѣ ихъ захватили и привезли въ Черниговъ. Впослѣдствіи свидѣтель узналъ, что нѣтъ никакого основанія содержать ихъ подъ арестомъ, а потому обратился съ просьбой объ освобожденіи къ жандармскому генералу Слезкину, который предложилъ взять ихъ на поруки. Свидѣтель согласился и послалъ за дочерьми своего сына, который привезъ ихъ. „Они оцѣнили ихъ, сказалъ свидѣтель, одну въ 2000, а другую въ 1000 рублей“. Вѣру еще съ дѣтства, вслѣдствіе ея угрюмаго характера, мать называла волчепкомъ. Затѣмъ свидѣтель заявилъ, что невѣрно показаны лѣта обѣихъ Любатовичъ, и представилъ метрическое свидѣтельство Вѣры, по которому ей только 20 лѣтъ, а Ольга старше ея всего на одинъ годъ и три недѣли. (Засѣданіе прервано до 11 часовъ утра слѣдующаго дня).

Свид. *Оедоръ Цвиленевъ* (отецъ подсудимаго) показалъ, что лѣтомъ 1875 года его сынъ находился въ Москвѣ студентомъ медико-хирургической академіи, и они видѣлись почти каждый день, когда свидѣтель пріѣзжалъ въ Москву повидаться съ сестрою. Свид. *Александра Вагина* (сестра подсудимаго Цвилепева) показала, что лѣтомъ 1875 года братъ ея былъ въ Москвѣ. Нѣкоторыя вещи подсудимаго — платье и бѣлье — находились у свидѣтельницы. Ихъ передала ей сестра, которая взяла вещи съ квартиры Цвилепева. Свид. *Марья Кравцова* показала, что назадъ тому годъ и 8 мѣсяцевъ къ ней пришелъ незнакомый господинъ и нанялъ у нея комнату поденно, при чемъ говорилъ, что если пріищетъ товарища, то останется, такъ какъ одному не выгодно. На третій день она спросила у него видъ, но онъ сказалъ, что еще не знаетъ, останется ли, о чемъ обѣщалъ узнать въ тотъ же день. Затѣмъ онъ ушелъ, и свидѣтельница его больше не видала. Онъ говорилъ, что если не придетъ самъ за вещами, то пришлетъ сестру. Дня черезъ три она пришла и взяла вещи. У него были только маленькій чемоданчикъ, подушка и одѣяло.— Подс. кн. *Циціановъ*. Не помните ли, свидѣтельница, такого обстоятельства, что вашъ жилецъ, накапунѣ того, какъ скрылся, показывалъ вамъ своего товарища и сказалъ: если меня не будетъ дома и этотъ человѣкъ придетъ, то выдайте ему чемоданъ.—Свид. *Кравцова*. Я не помню этого. Онъ, кажется, сказалъ, что сестра придетъ.— Прис. пов. *Герардъ*. У него былъ еще другой чемоданъ? — Свид. *Кравцова*. Другого я не видала. Можетъ быть, подъ кроватью стоялъ. Припоминаю, какъ во снѣ, что когда я входила спрашивать видъ, то какой-то господинъ стоялъ у окна спиною ко мнѣ, такъ что его личности не помню.—Подс. кн. *Циціановъ*. Не помните ли, что приходившаго за чемоданомъ вы спрашивали, кто такой вашъ жилецъ, и я сказалъ, что студентъ, и отлучился на дачу?—Свид. *Кравцова*. Нѣтъ. Онъ говорилъ только о сестрѣ. (Осматриваетъ подсудимыхъ и, указывая на Цвилепева, говоритъ, что эта личность ей нѣсколько знакома).— Свид. *Витютина* (сестра подсудимаго Цвилепева) показала, что по запискѣ брата она ходила къ Кравцовой, заплатила ей 15-го октября за квартиру и взяла вещи: желтый чемоданчикъ

съ одеждой, подушку, одѣяло и, кажется, еще маленькій сакъ-вояжъ.—Свид. *Сергѣй Шукинъ* показалъ, что служилъ на Владикавказской желѣзной дорогѣ и одно время жилъ въ Прохладной. Тамъ онъ былъ знакомъ съ Рождественскимъ, у котораго бывалъ. Рабочіе его любили, потому что онъ всегда стоялъ за правыхъ людей и старался исполнять справедливыя требованія рабочихъ. У него было много книгъ спеціальныхъ по медицинѣ. Ни въ разговорахъ съ нимъ, ни вообще въ его дѣятельности свидѣтель не замѣчалъ ничего особеннаго. Свид. баронъ *Розенъ* показалъ, что Рождественскій пользовалъ его жену и въ теченіе мѣсяца бывалъ ежедневно; свидѣтель заходилъ и къ нему; онъ вообще наблюдалъ за своими подчиненными, служащими на желѣзной дорогѣ, и за Рождественскимъ никогда ничего не замѣчалъ предосудительнаго. Онъ былъ болѣзненный и говорилъ, что пріѣхалъ отдохнуть. Свид. *Гавріилъ Каменскій* показалъ, что Рождественскій обращался съ рабочими хорошо; ничего особеннаго за нимъ не замѣчалъ. Онъ говорилъ, что страдаетъ грудью и у него идетъ кровь горломъ. Прочитано показаніе свид. *Пантенкова*, жившаго работникомъ у священника Бѣляевскаго. Свидѣтель не слыхалъ, чтобы сынъ священника говорилъ что-нибудь о правительствѣ и вообще толковалъ съ крестьянами; книгъ не читалъ и не давалъ; занимался полевыми работами. Прочитанъ протоколъ о предъявленіи подсудимой Гамкрелидзе крестьянамъ, изъ которыхъ только одинъ ее призналъ. Затѣмъ стороны просили дозволенія ссылаться на различные документы и вещественныя доказательства, послѣ чего было предъявлено множество вещественныхъ доказательствъ, при чемъ подсудимые одни предметы признавали, другіе отрицали. Относительно письма, отобраннаго у подсудимаго Здановича въ тюрьмѣ, онъ объяснилъ слѣдующее: на этомъ письмѣ выставлено число, когда оно писано, кажется, 25-е октября; оно найдено черезъ 3 или 4 дня, такъ что лежало у меня нѣсколько дней въ карманѣ. Оно попало мнѣ случайно: я взялъ его изъ дырочки въ дверяхъ камеры. Ключъ шифра, которымъ оно написано, мнѣ не былъ извѣстенъ, и я полагалъ, что оно назначено не мнѣ. Я думалъ, что часовой ошибкой всупулъ въ щель двери, и я хотѣлъ при слѣдующемъ дежурствѣ часового передать письмо назадъ. Если бы я могъ его прочитать, то не сталъ бы держать у себя, зная, что можетъ быть обыскъ.— Подс. *Чекоидзе*. Письмо это я послалъ Циціанову, и какъ письмо, такъ и приписка сдѣланы мною. Зановичъ сказалъ, что будто бы найдена переписка у меня или у Вѣры Любатовичъ; но у меня нѣтъ писемъ Вѣры Любатовичъ — Подс. *Джабадири* заявилъ, что письмо должно было поступить къ третьему лицу, которое должно было передать его Циціанову. Предъявлено нѣсколько писемъ Батюшковой, которая заявила: это мои письма. Я отказывалась отъ нихъ потому, что въ то время думала, что они не будутъ разобраны.— *Первоприсутствующій*. Подсудимый Гамкрелидзе, у васъ была найдена „Сказка о мудрицѣ Наумовой“?—Подс. *Гамкрелидзе*. Обыскъ былъ произведенъ безъ меня, но, должно быть, найдена у меня.—*Первоприсутствующій*. Половина этой рукописи писана рукою Овчинникова?—Подс. *Овчинниковъ*. Да, это я писалъ— съ страницы 39 по 45. Я переписывалъ ее для одного господина, съ которымъ встрѣтился на бульварѣ. Я его спросилъ: нѣтъ ли у него переписки какой-нибудь. Онъ вынулъ изъ кармана рукопись, одну часть далъ мнѣ, а другую оставилъ у себя. Я спросилъ, куда ему принести. Онъ сказалъ, что его можно встрѣтить каждый день на бульварѣ. Я переписалъ, на другой день возвратилъ ему рукопись и то, что написалъ, и получилъ деньги. Я спросилъ его фамилію, и онъ сказалъ: Шульгинъ.— *Первоприсутствующій*. Подсудимый Чекоидзе, на Кавказѣ у двухъ лицъ найдены ваши письма. Я укажу вамъ на одно, которое вамъ сейчасъ будетъ предъявлено. Признаете ли вы его или нѣтъ? – Подс. *Чекоидзе*. Письмо, которое начинается „Дорогой другъ мой“—мое, о другихъ я не знаю. Прочитано письмо, которое начинается „Дорогой другъ мой“ и въ которомъ означаются подробности ареста. Затѣмъ прочитана вторая записка, въ которой, между прочимъ, сказано „какъ ухнули наши псевдонимы“. Просятъ прислать рублей 10 или 15 и сказать, кто рядомъ въ № 3. Далѣе прочитано весьма длинное письмо, приписываемое обвиненіемъ Здановичу, писанное имъ изъ тюрьмы и которое начинается такъ: „Братцы! Дерзкая и отчаянная мысль пришла мнѣ въ голову—не только доказать что я не „Рыжій“, но даже выпутаться самому“. Затѣмъ въ письмѣ излагается съ мельчайшими подробностями планъ, какъ это сдѣлать; говорится, что исполненіе этой работы должно быть сдѣлано ловко и смѣло. Указывается, что нужно найти свидѣтелей, которые должны показать извѣстнымъ образомъ, при

чемъ означаются и самыя показанія. Далѣе спрашивается: „Какъ вамъ кажется? Посмотрите трезвыми глазами, и если найдете, что это невыполнимо, я упорно буду молчать". Прочитано письмо, подписанное Чекондзе и начинающееся: „Дорогой Георгій! Вотъ уже 16 дней, какъ я получилъ твое письмо и теперь только собрался писать отвѣтъ". Далѣе въ немъ, между прочимъ, говорится, что во Владикавказъ пересланы „нашимъ студентамъ книги заграничнаго изданія", что нѣкоторые студенты оставили ученье и отправились въ народъ. Описываются стачки, при чемъ въ числѣ рабочихъ были студенты. Говорится, что вслѣдствіе того, что правительство запретило принимать на фабрики семейства рабочихъ, бывшихъ въ стачкѣ, между студентами были организованы сборы и собрано около 2000 рублей, которые отданы семействамъ рабочихъ. Говорится о томъ, что сборы продолжаются и что часть ихъ идетъ на содержаніе лицъ, занимающихся перевозкою книгъ изъ-за границы; что хотя правительство узнало всѣ хитрости этихъ людей, такъ что это занятіе сдѣлалось очень трудно, но все-таки есть лица, которыя дѣйствуютъ прямо и смѣло. Въ заключеніе авторъ обращался съ просьбой: „Устрой подписку въ пользу студентовъ, но такъ, чтобы было шито и крыто". Прочитана записка Георгіевской, которая начинается такъ: „Ну-съ, чтобы тебѣ написать новенькаго. Жизнь обычная, изо-дня въ день... Николая Ѳедоровича перевезли въ городскую". Далѣе говорится, что „форточки очень удобно говорятъ между собою и вполнѣ безпрепятственно". Спрашивается: „Скажи, въ чемъ тебя обвиняютъ и можешь ли отдѣлаться". Спрашивается, какъ фамилія того унтера, который, кажется, еще недавно дежурнымъ. Говорится, что Джабадари пишетъ, что съ Сущевской частью можно завести сношенія черезъ унтера. Далѣе сообщается новость, что въ Петербургѣ академическая библіотека перешла въ руки правительства; что былъ безпорядокъ въ технологическомъ институтѣ, но студенты разсудили, что пользы отъ этого нѣтъ, явились съ повинной и выдали пятнадцать человѣкъ зачинщиковъ. Подс. *Георгіевская* заявила, что она Джабадари и Николая Ѳедоровича вовсе не знаетъ и только отъ кого-то слышала, что они сидятъ. Подсудимые *Джабадари* и *Цвиленевъ* заявили, что они Георгіевскую не знали. Подсудимая *Георгіевская* объяснила, между прочимъ, что ей одинъ знакомый показалъ очень удобный способъ переписки посредствомъ цифръ, которому она скоро научилась. Онъ далъ ей разобрать одну записку и она разобрала. Тогда онъ вручилъ ей еще нѣсколько записокъ, не разобранныхъ и уже разобранныхъ, и запрещенныя книги, которыхъ она до того времени не видала, и ей хотѣлось узнать, что это за книги. Все это онъ далъ ей съ тѣмъ, чтобы она сохранила нѣкоторое время. „Когда я спросила, отъ кого эти письма, онъ сказалъ, что отъ арестованныхъ. Я сказала, что хотѣла завести сношенія съ братомъ. Онъ отвѣтилъ, что есть возможность вести сношенія съ Сущевской частью. Я взяла записки и книги, и такъ какъ мнѣ нужно было условиться съ братомъ, то я пришла передать ему записку въ хлѣбѣ. Шифръ я составила сама и хотѣла переписываться съ единственною цѣлью развлечь брата, такъ какъ при свиданіяхъ не позволялось говорить ни о чемъ. Шифръ этотъ не былъ найденъ ни у кого болѣе, и я не знаю ни одного изъ подсудимыхъ. Я не могла принадлежать къ тайному обществу".—*Первоприсутствующій.* Вы полагали, что братъ вашъ прочитаетъ то шифрованное письмо, которое вы ему хотѣли передать?—Подс. *Георгіевская.* Да, потому что я ему передала шифръ на словахъ во время свиданія.—Прис. пов. *Герардъ* просилъ ссылаться на отрывокъ письма, найденнаго у Цвиленева. Прис. пов. *Спасовичъ* просилъ прочитать этотъ документъ, такъ какъ онъ весьма важенъ для уясненія сущности дѣла. *Тов. оберъ-прок.* не встрѣтилъ препятствія къ его прочтенію. Прочитанъ отрывокъ письма неизвѣстнаго автора, найденный въ бумагахъ Цвиленева и писанный, по его сознанію, его рукою и находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ подъ № 55-мъ. Отрывокъ этотъ слѣдующаго содержанія: „Я объясняю это безконтрольнымъ подчиненіемъ одному своему преобладающему чувству, чувству чисто личному—удовлетворить своему стремленію дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи во что бы то ни стало, и недостаткомъ критики или нежеланіемъ критиковать. Надо же, наконецъ, оглянуться на прожитое. Нужно же, наконецъ, пользоваться уроками событій. Пора перестать колотить лбомъ въ стѣну. Она не выноситъ этой деликатной обстановки, и хочется дѣлать въ обстановкѣ „грубой", „демократической". Но она забываетъ, что если она теперь вздумаетъ осуществить свои порывы, то черезъ мѣсяцъ будетъ опять въ тюрьмѣ и уже не скоро освободится, а этимъ окончательно лишаетъ себя воз-

можности когда-нибудь что-нибудь сдѣлать. Далѣе, такіе порывы въ настоящее время, когда столько людей сидятъ въ тюрьмахъ, есть (пусть проститъ мнѣ) крайній эгоизмъ и подчиненность личному чувству. Всѣ власти теперь встревожены и на сторожѣ. Нервная система и чувство мести въ нихъ возбуждены. Онѣ боятся больше, чѣмъ есть основанія. Всякая новая попытка въ томъ же родѣ не только скоро обнаружится и безполезно кончится гибелью тѣхъ, кто ее предпринялъ, но и будетъ усиливать и поддерживать это возбужденіе во властяхъ, которыя еще сильнѣе будутъ дѣйствовать противъ тѣхъ, кто въ ихъ рукахъ, желая устрашить и прекратить всякія будущія попытки. Ужъ не говоря о томъ, что всякая новая попытка, а за ней аресты, будутъ безконечно отдалять рѣшеніе участи тѣхъ, кто въ рукахъ властей, она будетъ утверждать послѣднихъ въ убѣжденіи, что остались еще нити и корни, что нужно напрячь всѣ силы для искорененія и примѣрно строгаго наказанія. Въ виду этого развѣ не крайне эгоистично слѣдовать своему чувству, не обращая вниманія на участь сотенъ, которая отъ того безконечно ухудшится. Я ужасно злюсь въ виду такихъ порывовъ, обнаруживающихъ стремленіе удовлетворить своему чувству и нежеланіе вдуматься въ дѣло. Это, кромѣ того, принесетъ громадный вредъ самому народу, вызывая рядъ стѣснительныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя вредно отразятся на народной жизни, затѣмъ окончательно погубитъ и тѣхъ 10—15 человѣкъ, которые, быть можетъ, еще остались не тронутыми, такъ что не останется и на закваску, не говоря уже о традиціи, которая у насъ не могла никогда образоваться. Это одна, болѣе наглядная, сторона дѣла. Но есть другая, которая выпесетъ болѣе возраженій, такъ сказать, сторона принципіальная. Тутъ, впрочемъ, я распространяться не буду. Точно ли всѣ вопросы рѣшены и не допускаютъ сомнѣній? Неужели опыты ничего не говорятъ? Что такое народъ? На первые два вопроса отвѣтъ отрицательный. Вопросы не только не рѣшены, но и поставлены невѣрно, опытъ долженъ привести къ сомнѣнію. Дѣло въ томъ, что русскій радикализмъ есть только отвлеченное умозаключеніе, основанное на ненадежной подкладкѣ чувства, незнаніи натуры и потребности русскаго человѣка и условій исторической жизни его и вообще человѣка. Пока эти практическія по преимуществу и частью теоретическія свѣдѣнія не получатся, ни къ какому заключенію приходить нельзя, а тѣмъ менѣе можно что-нибудь предпринимать. Что русскій радикализмъ не знаетъ ни человѣка вообще, ни русскаго въ особенности—это фактъ неоспоримый. Что онъ хочетъ навязать русскому человѣку образъ мыслей и идеалы, усвоить которые онъ неспособенъ, это извѣстно изъ знакомства. Радикализмъ сулитъ ему журавля въ небѣ, когда a priori и изъ общихъ познаній о человѣческой природѣ можно заключить, что всякому невѣжественному и неразвитому человѣку прежде всего дорога его собственная жизнь, а кругъ его потребностей ограничивается хлѣбомъ и женой, и все, что выше этихъ потребностей, для него недоступно до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ удовлетворены и пока послѣ того вы не разовьете въ немъ человѣческаго достоинства и мысли. Въ русскомъ человѣкѣ, кромѣ этого, разныя соціальныя невзгоды довели потребности до такого минимума, что, во-первыхъ, нужно слишкомъ большую нужду, чтобы онъ протестовалъ; во-вторыхъ, слишкомъ немного уступокъ нужно, чтобъ заставить его замолчать и уступить. Если призрачное освобожденіе крестьянъ отдалило народное возстаніе на нѣсколько десятковъ лѣтъ, то затѣмъ, при серьезныхъ попыткахъ къ возстанію, достаточно будетъ уменьшить налогъ, подарить выкупъ или увеличить десятину надѣла на душу, чтобы отдалить возстаніе еще на десятки лѣтъ, если Правительство изъ благоразумія захочетъ пойти на уступки, а не захочетъ,— то, быть можетъ, обойдется и войскомъ. Небольшія уступки матеріальныя заставятъ охотнѣе уступить и выдать своихъ вожаковъ и интеллигентныхъ пропагандистовъ, а это будетъ до тѣхъ поръ, пока въ народѣ не создастся самостоятельная, народная мысль и болѣе или менѣе человѣческая культура, которую еще нужно создать не заграничными книгами, не возбужденіемъ къ возстанію, а медленнымъ человѣческимъ развитіемъ и вліяніемъ тамъ, гдѣ этому не мѣшаютъ окончательно неблагопріятныя условія. Но послѣднее пришлось только къ слову. Времена Пугачева прошли. Государственность успѣла подавить воинственные, кочевые инстинкты народа, одомашнить его, а съ другой стороны, увеличить до огромныхъ размѣровъ свои силы. Потомъ, оставаясь въ умственномъ отношеніи почти тѣмъ же, народъ сталъ болѣе миролюбивъ и выносливъ, подняться ему трудно, и нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Да и при успѣхѣ, при умственномъ состояніи

народа, онъ рѣшительно ничего не добьется и попадетъ въ руки или диктатуры, или кулакамъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Я не отрицаю возможности возстанія, какъ результата цѣлаго ряда причинъ. Но увѣренъ, что оно можетъ быть только независимо отъ всякихъ искусственныхъ вліяній, чисто стихійно, силою вещей, и руководиться оно будетъ стихійными силами, и кто сумѣетъ понять духъ такого народнаго движенія и воспользоваться имъ,—тотъ только и будетъ въ выигрышѣ, и успѣхъ или неуспѣхъ его для народа будетъ зависѣть отъ степени добросовѣстности тѣхъ, кто станетъ во главѣ его, ибо народная революція есть стихійная сила, а не принципъ, не логическій выводъ, не математическая программа. Такой она и быть не можетъ. Поэтому революціонность возводить въ принципы — по моему абсурдъ. Революціонность можетъ быть только въ чувствѣ отдѣльнаго человѣка и въ періодическихъ порывахъ массы. Масса, какъ стихія, не обладаетъ критикой, а въ извѣстные моменты дѣйствуетъ по инстинкту. Но личность обязана руководствоваться критикой и не должна строить свои принципы на стихійныхъ побужденіяхъ массы, а, разсматривая послѣднія какъ историческую и культурную неизбѣжность, свою роль ограничивать слѣдующимъ: внимательнымъ изученіемъ массы и отдѣльныхъ единицъ ея, прививать отдѣльнымъ единицамъ сознаніе и критику—но ни въ какомъ случаѣ не тенденціозную и поджигательную, и вносить въ массу (насколько это возможно) элементы человѣческой культуры и затѣмъ все предоставить переработкѣ самого народа и исторіи. Дальше этого роль и интеллигентныхъ единицъ идти не можетъ. И всякое отступленіе отъ этой, такъ сказать, естественной программы также пагубно и для интеллигентныхъ единицъ и для народа, какъ всякое отступленіе отъ законовъ природы. Революціонность, какъ принципъ, есть аномалія, это перенесеніе инстинкта въ область логики, т.-е. неестественное совокупленіе. Она (революціонность) мыслима какъ неизбѣжный фактъ, но не какъ принципъ. И вся дѣятельность мыслящихъ единицъ должна быть направлена на внесеніе сознанія въ тенденцію, въ возможную въ народѣ революціонность. Но все это, такъ сказать, общая теорія, и наши условія усложняютъ дѣло. Людей нѣтъ совсѣмъ, и остающимся нужно щадить себя. Громадное большинство арестованныхъ было на ложномъ пути; они погибли безъ всякой пользы. Оставшіеся должны, наконецъ, одуматься. Такая мизерная группа ничего не можетъ сдѣлать даже въ томъ направленіи, какое я считаю истиннымъ. Поэтому она должна съежиться и составить ядро будущей сознательной радикальной партіи, а пока вглядываться въ среду, среди которой живетъ, изучать ее и народъ, изучать условія его жизни и культурный строй, вырабатывать фундаментъ программы, увеличивать по возможности число адептовъ только сознательныхъ и мыслящихъ, а не дѣтей, и ждать. Всякія революціонныя книжки нужно бросить въ печь. Все это вздоръ и белиберда. Настанетъ, быть можетъ, скоро время, когда понадобится сознательно-радикально-народная партія, истинная поборница народныхъ интересовъ, не призрачная, въ родѣ анархизма,—и тогда-то ее не окажется. Ее-то и нужно создать, а пока ждать и работать медленно, но прочно, въ этомъ направленіи. Пора отдѣлаться отъ очарованія „мужицкой“ обстановки и не заботиться о внѣшности, сохраняя сущность. Эти юные порывы безъ критики ни къ чему не поведутъ, окромя вреда. Тутъ не знаю, ясно ли я высказалъ свою мысль. Прочти это кому слѣдуетъ непремѣнно и прибавь отъ меня, что я сильно боюсь, чтобы она не погубила себя совершенно безъ пользы своими порывами, т.-е., что если она послѣдуетъ имъ, то навѣрное погубитъ себя, преслѣдуя цѣль, отъ которой черезъ годъ — два откажется сама“. Подс. *Александрова* объяснила, что шифрованное письмо „мой Дмитрій“ разобрано двумя руками: ея и Фигнеръ. „Когда меня спросили, сказала подсудимая, мое ли письмо, то я сказала: да, мое. Этимъ я признала не только то, что я участвовала въ корреспонденціи, но также и то, что это былъ отвѣтъ на шифрованное письмо отъ 26-го іюля. На вопросъ, предложенный мнѣ, о томъ, какое могло быть письмо къ Фигнеръ, я пропустила время дать отвѣтъ. Теперь я заявляю, что по моему письму ясно, что я участвовала въ корреспонденціи, арестованной въ Иваново-Вознесенскѣ“. *Первоприсутствующій* спросилъ подсудимыхъ, чѣмъ съ своей стороны они желаютъ еще дополнить судебное слѣдствіе. Подсудимые представили слѣдующія объясненія: Подс. *Лукашевичъ*. Во время судебнаго слѣдствія по 3-й группѣ шла рѣчь о паспортахъ, и я не указалъ, изъ какого источника я получилъ свой паспортъ. Въ Москвѣ у Иверской часовни всегда находится нѣсколько личностей, занимающихся писаніемъ различныхъ просьбъ; тамъ

же продаютъ и гербовую бумагу, гдѣ неизвѣстное лицо предлагаетъ всякому написать, что ему нужно. Я слышалъ, что эти личности снабжаютъ нуждающихся паспортами на чужое имя. Когда я убѣдился, что на заводъ нельзя поступить иначе, какъ называя себя мастеровымъ, я обратился къ этимъ господамъ и досталъ себѣ паспортъ. Кромѣ того, я желаю объяснить, что адресъ квартиры въ домѣ Корсака далъ мнѣ Павловъ, съ которымъ я мало былъ знакомъ. Это посѣщеніе не имѣло значенія. Я просто послѣ работы хотѣлъ развлечься, пришелъ вмѣстѣ съ Агаповымъ и былъ арестованъ. Противъ меня есть показаніе только Скворцовой. Она говоритъ, что меня называли Иваномъ Ивановичемъ. Я могъ приходить на эту квартиру, потому что въ то время, въ февралѣ, я не имѣлъ паспорта и, чтобы отыскать занятій, я старался расширить кругъ знакомыхъ, такъ что могъ быть и въ этой квартирѣ, но это не можетъ служить доказательствомъ моего участія. Относительно названія Степаномъ Иваповымъ — я этимъ хотѣлъ избѣгнуть обвиненія въ проживательствѣ по подложному виду. — Подс. *Владиміръ Александровъ*. Письмо, которое найдено было въ Ивановѣ, относилось также и ко мнѣ. — Подс. *Нуромскій*. 17 октября 1875 года, по неимѣнію чѣмъ заплатить за слушаніе лекцій, я поѣхалъ на родину. Въ Москвѣ оставался у родственниковъ. Съ Георгіевской я былъ знакомъ еще въ Питерѣ. Въ Москвѣ, такъ какъ я ничего не дѣлалъ, я сталъ отыскивать своихъ товарищей и, между прочимъ, отыскалъ квартиру Георгіевской. Былъ у нея два раза. Наканунѣ я пришелъ въ ея квартиру, увидѣлъ записку цифрами, заинтересовался и напросился разобрать. Но такъ какъ мнѣ не тотъ былъ данъ шифръ, то я и не могъ разобрать. На другой день я пришелъ спросить, почему не могу разобрать, и тутъ меня арестовали. Записку я изорвалъ. Не говорилъ своей фамиліи дней пять потому, что не былъ составленъ актъ, что у меня записка отобрана. Когда мнѣ предъявили записку, я сказалъ, что это моя, и не имѣлъ причины скрывать фамилію. Относительно костюма, то у меня было единственное платье— полушубокъ. — Прис. пов. *Войцеховскій* просилъ спросить Георгіевскую, подтверждаетъ ли она послѣднее обстоятельство.—Подс. *Георгіевская*. Я его всегда видѣла въ полушубкѣ.— *Первоприсутствующій*. Подс. Цвиленевъ, что вы можете сказать относительно рукописи № 55? — Подс. *Цвиленевъ*. Я ее признаю. Этотъ документъ писанъ моею рукою и списанъ съ письма, которое находилось у Батюшковой. — В. Откуда вы получили это письмо? — О. Мнѣ давала его Батюшкова прочесть, а такъ какъ то мѣсто, которое касается принципіальной стороны, согласно съ моимъ личнымъ взглядомъ, то я и списалъ его. Это то самое письмо, которое хотѣли разжевать. — Подс. *Батюшкова*. Это письмо одного моего знакомаго, фамилію котораго я не желаю сказать. — Подс. *Бѣляевскій*. Когда я разсказывалъ исторію, то не могъ указать личностей. Вслѣдствіе этого мнѣ особенно не вѣрили и говорили, что мы уже знаемъ о томъ, что у васъ съ Трубецкимъ были книги, которыя вы отослали въ Саратовъ. Поэтому я рѣшился оговорить личности, хотя я ничего не могъ сказать. Иванова я видѣлъ разъ или два, а Батюшкову видѣлъ одинъ разъ, отыскивая Иванова. Затѣмъ я показалъ на Трубецкого. Я основывался на томъ, что при его отъѣздѣ я укладывалъ ему книги, но какого онѣ содержанія, я не могъ разобрать. Во время моего допроса жандармъ принесъ пакетъ съ книжками. Офицеръ говоритъ: вотъ книги, которыя отобраны отъ Трубецкого. Это давало мнѣ предположеніе, что отчасти и моимъ показаніямъ повѣрятъ. Я надѣялся помощью этихъ показаній освободиться, потому что мнѣ сказали, что если скажете отъ кого получили, то за это ничего не будетъ. Потомъ меня начала мучить совѣсть, что я оговорилъ этихъ личностей. Къ лѣту нужно было ожидать слѣдствія. Опасаясь слѣдствія, которое могло все раскрыть, я сдѣлалъ заявленіе товарищу прокурора и разсказалъ причины, почему я оговоръ свой просилъ снять съ меня. На основаніи этого заявленія я былъ вызванъ и съ меня снятъ допросъ и составленъ протоколъ. Куда дѣвался этотъ протоколъ — я не знаю, но при дѣлѣ онъ не находится. — Подс. *Хоржевская*. Адресъ, дѣйствительно, тутъ есть, но я не знаю, какъ онъ ко мнѣ попалъ. — Подс. *Егоровъ*. Показанія писаны жандармами, исключая перваго, и все есть по вынужденію проклятой тюрьмы. — Прис. пов. *Боровиковскій* просилъ спросить Фигнеръ, Александрову, Топоркову, Вл. Александрова и Агапова о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ нимъ былъ Бариновъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. — *Первоприсутствующій*. Если они пожелаютъ дать эти объясненія, то могутъ. — Подс. *Фигнеръ*. Я не могу дать, потому что когда я пріѣхала, Баринovъ уже былъ тамъ. Раньше я его не знала. —

Подс. *Александрова*. Я съ нимъ только въ Ивановѣ познакомилась. — Подс. *Топоркова*. Я также его не знала. Онъ пришелъ нанять квартиру. — Подс. *Агаповъ*. Я познакомился съ нимъ въ жандармскомъ управленіи, когда насъ освободили послѣ перваго ареста. — Прис. пов. *Боровиковскій*. Не можете ли объяснить причину отъѣзда его въ Иваново-Вознесенскъ, вы не приглашали ли его? — *Первоприсутствующій*. Это такой вопросъ, на который подсудимый, можетъ быть, затруднится отвѣтить. — Подс. *Агаповъ*. Онъ жаловался, что на плохомъ мѣстѣ живетъ — хотѣлъ получше. — На вопросъ, предложенный по просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Зубарева, какимъ образомъ *Гамкрелидзе* познакомился съ Медвѣдевой, подсудимый показалъ: Я познакомился съ нею въ Петербургѣ, и въ Москвѣ видѣлся. Когда паѣзжалъ изъ Петербурга, я заѣзжалъ къ ней. Она знакома была съ Кардашевымъ въ гостиницѣ „Украйна“; я поручилъ Медвѣдевой получать и передавать письма мнѣ. — На вопросъ, предложенный по просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Борщова, при какихъ обстоятельствахъ подсудимый Ковалевъ познакомился съ Едуковыми и когда онъ видѣлъ, что они читали книжки собравшемуся народу, *Ковалевъ* показалъ: Я у Едуковыхъ былъ одинъ разъ, когда пріѣхалъ изъ Кіева въ Тулу, и я видѣлъ у нихъ не „Хитрую механику“, я ошибся; я человѣкъ неграмотный и неопытный. Я слышалъ, что они „Московскія Вѣдомости“ читали. — *Первоприсутствующій*. Какъ же вы попали къ Едуковымъ? — Подс. *Ковалевъ*. Меня Сидоренко завелъ, такъ какъ онъ работалъ вмѣстѣ съ ними. — В. (По просьбѣ присяжнаго повѣреннаго Корша). Знали ли вы лично подсудимаго Острова или слышали отъ Родіонова? — О. Дѣйствительно, я слышалъ отъ двоюроднаго брата моего Родивона, но лично Острова не знаю. — Далѣе на вопросы, предложенные защитою, подсудимые отвѣчали: Подс. *Александрова*. Познакомилась съ Топорковою въ Ивановѣ. — Подс. *Вл. Александровъ*. Познакомился съ нею за одинъ или два дня до отъѣзда въ Иваново. — Подс. *Агаповъ*. Познакомился на станціи Новки. — Подс. *Фигнеръ*. Вовсе не знаю Рождественскаго. — Подс. *Субботины* не знали и не слыхали о немъ. — Подс. *Гамкрелидзе* (супруги) ничего не знали о Рождественскомъ. — Подс. *Бариновъ*. Мнѣ надоѣло въ Москвѣ 18 и 19 часовъ въ день работать. Я съ Агаповымъ познакомился на Ѳоминой, мы въ теченіе двухъ недѣль были безъ мѣста, и я ночевалъ у его матери. Я просилъ, когда будешь на мѣстѣ, то увѣдомь. Онъ обѣщалъ. Я пріискалъ мѣсто, но такъ какъ мнѣ невыгодно было и Агаповъ прислалъ письмо: если желаешь, говоритъ, жить, то пріѣзжай въ Иваново-Вознесенскъ, то я поѣхалъ. — Подс. *Ковалевъ*. Млодецкій не причиненъ этому дѣлу. Паспортъ я не отъ него взялъ. Я купилъ у солдата. — Подс. *Батюшкова* заявила, что Введенскую не знала. — Подс. *Хоржевская*. Относительно тѣхъ лицъ, съ которыми была знакома въ Кіевѣ, я могу сказать, что съ Млодецкимъ я знакома. Я встрѣчалась съ нимъ у Гельфманъ и иногда у другихъ лицъ, а также съ Александровымъ (Григорій). О существованіи Петра я не слыхала. У меня на квартирѣ были книги, а послѣ ареста ихъ кто-нибудь унесъ, такъ какъ я не возвращалась въ квартиру. Относительно документовъ я не знаю, какъ они ко мнѣ попали. — Подс. *Любатовичъ*. Тульскихъ я знаю только тѣхъ, которые пріѣхали изъ Кіева: Герасима Петрова, Сидоренко и Ковалева. Я нанята квартиру недалеко отъ завода, чтобы близко было рабочимъ. — За симъ *первоприсутствующій* объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ, и въ виду обширности и сложности дѣла, желая предоставить сторонамъ время приготовиться къ преніямъ, отложилъ засѣданіе до пятницы 4-го марта.

Товарищъ оберъ-прокурора К. Н. Жуковъ въ началѣ своей рѣчи высказалъ, что со времени учрежденія особаго присутствія для сужденія политическихъ дѣлъ, предъ Правительствующимъ Сенатомъ не мало проходило дѣлъ, по которымъ разныя лица обвинялись въ совершеніи государственныхъ преступленій. Особому присутствію пришлось разрѣшить дѣло о первой попыткѣ организовать сообщество съ цѣлію идти въ народъ и распространять въ немъ революціонныя идеи путемъ раздачи книгъ возмутительнаго содержанія — это дѣло Долгушина и его сообщниковъ. Затѣмъ по остальнымъ дѣламъ обвинялись одно, два, три лица, и дѣла эти не имѣли между собою прямой, непосредственной связи. Они не давали возможности опредѣлить, въ чемъ именно заключалась пропаганда, гдѣ она черпала силы, откуда и какъ она шла и какими средствами она располагала. Въ 1874, а затѣмъ въ 1875 году возникли два большихъ дѣла, обратившихъ на себя вниманіе всего общества. Если къ прежнимъ отдѣльнымъ проявленіямъ преступной пропаганды

общество наше относилось равнодушно, то дознанія 1874, а затѣмъ и 1875 года не могутъ не обратить на себя особаго вниманія общества, потому что они наглядно доказываютъ, что среди русскаго общества есть не мало людей, стремящихся, путемъ распространенія среди рабочаго люда Имперіи революціонныхъ идей, поднять народъ, возбудить его къ бунту. Понятно, что общество не можетъ отнестись безучастно къ подобному явленію. Особому присутствію Правительствующаго Сената въ настоящее время предстоитъ разрѣшить второе изъ этихъ дѣлъ—дѣло, возникшее въ Москвѣ въ 1875 году. Какъ ни великъ, какъ ни важенъ для оцѣнки значенія преступной пропаганды матеріалъ, доставленный настоящимъ дѣломъ, тѣмъ не менѣе правильные и точные по сему предмету выводы могутъ быть сдѣланы лишь тогда, когда особое присутствіе ознакомится съ другимъ, возникшимъ въ 1874 году дѣломъ. Лишь изъ сопоставленія этихъ двухъ дѣлъ получится достаточно полное представленіе о томъ, какое общественное значеніе имѣютъ явленія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Приступая къ изложенію данныхъ, выработанныхъ дознаніемъ въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ. Кіевѣ и Одессѣ, товарищъ оберъ-прокурора заявилъ, что особое присутствіе изъ судебнаго слѣдствія убѣдилось, что по настоящему дѣлу обнаружено существованіе такого организованнаго сообщества, которое имѣло цѣлью распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей, которое стремилось въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ побудить народъ къ открытому возстанію противъ власти Верховной, къ ниспроверженію существующаго порядка управленія и всего общественнаго строя Имперіи. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора замѣтилъ, что матеріаломъ для обвиненія лицъ, преданныхъ суду особаго присутствія, служатъ, прежде всего и главнымъ образомъ, тѣ письменныя доказательства и документы, которыя имѣются въ дѣлѣ. Документы эти заключаются въ перепискѣ подсудимыхъ между собою, перепискѣ, въ которой ясно выражена цѣль, къ которой стремились, обвиняемые и указаны тѣ средства, которыя они употребляли для осуществленія своей цѣли. Документы эти, удостовѣряющіе непосредственную связь между всѣми подсудимыми, могутъ быть названы прямыми, неопровержимыми доказательствами, на которыхъ главнымъ образомъ товарищъ оберъ-прокурора и построилъ свои выводы для обвиненія преданныхъ суду лицъ. Другой рядъ доказательствъ представляютъ показанія свидѣтелей, спрошенныхъ на судѣ. Свидѣтельскія показанія по настоящему дѣлу могутъ служить къ обвиненію того или другого подсудимаго въ распространеніи книгъ возмутительнаго содержанія, къ обличенію ихъ въ совершеніи отдѣльныхъ преступленій, которыя вмѣняются въ вину подсудимымъ, и только отчасти касаются вопроса о существованіи преступнаго сообщества. Третій разрядъ доказательствъ будетъ заимствованъ изъ показаній подсудимыхъ, данныхъ ими на судѣ или занесенныхъ въ обвинительный актъ. Особое присутствіе могло убѣдиться изъ обвинительнаго акта, что большинство обвиняемыхъ, при дознаніи, отказалось дать показанія и разъяснить чѣмъ-нибудь дѣло. Изъ числа обвиняемыхъ дали подробное показаніе при дознаніи слѣдующія лица: Ковалевъ, Н. Васильевъ, Егоровъ, Агаповъ и Бѣляевскій; но всѣ они на судебномъ слѣдствіи отказались отъ прежнихъ объясненій. Изъ всѣхъ таковыхъ показаній подсудимыхъ товарищъ оберъ-прокурора остановится лишь на тѣхъ, которыя нашли себѣ полное подтвержденіе при дознаніи и послужили къ дальнѣйшему развитію дѣла. Характеръ показаній остальныхъ подсудимыхъ измѣнился на судебномъ слѣдствіи. Одни изъ нихъ, отрицая свою виновность, стараются объяснить имѣющіяся противъ нихъ улики въ свою пользу, другіе, сознаваясь впервые на судѣ въ совершеніи извѣстныхъ дѣяній, вмѣняемыхъ имъ въ вину, принимаютъ всю тяжесть обвиненія на свои плечи, выражая тѣмъ самымъ желаніе, чтобы на нихъ однихъ сосредоточилось обвиненіе. Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы этимъ путемъ выгородить остальныхъ подсудимыхъ, не менѣе ихъ изобличенныхъ показаніями свидѣтелей и письменными документами. Къ подобнаго рода показаніямъ подсудимыхъ слѣдуетъ относиться осторожно. Необходимо разобрать эти показанія, взять изъ нихъ то, что подтверждается обстоятельствами дѣла, а остальное откинуть, какъ незаслуживающее уваженія. Затѣмъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда не предстояло возможности принимать извѣстныя обстоятельства на свою отвѣтственность, подсудимые прибѣгали къ другой системѣ. Особое присутствіе могло убѣдиться, что по нѣкоторымъ группамъ не всѣ обвиняемые были обнаружены, а пять или шесть изъ нихъ успѣли скрыться отъ преслѣдованія, и вотъ на

этихъ-то лицъ подсудимые, состоящіе на лицо, и желаютъ обратить тяжесть обвиненія, ссылаясь на нихъ, какъ на болѣе виновныхъ. Такъ, напримѣръ, по первой группѣ изъ показанія Бардиной и другихъ, данныхъ ими при дознаніи, видно, что они ссылались на нѣкоего Павлова, который будто бы находился въ Москвѣ; но, несмотря на всѣ принятыя мѣры, Павловъ не только не былъ разысканъ, но и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы лицо это дѣйствительно существовало. Въ третьей группѣ—кіевской—нѣтъ на лицо Сидоренко и Петрова, а въ одесской—П. Григорьева. Слѣдовало ожидать, что подсудимые будутъ выставлять этихъ лицъ главными по дѣлу виновными. Такъ и случилось. Съ этими показаніями подсудимыхъ слѣдуетъ поступить такъ же, какъ и съ показаніями, ранѣе указанными. По поводу показаній подсудимыхъ нельзя не замѣтить, что при окончаніи судебнаго слѣдствія подсудимые давали свои объясненія въ разъясненіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя они считали для себя важными. Объясненія эти не могутъ быть названы показаніями. Они давались въ формѣ разговоровъ между защитою и подсудимыми. Разговоръ происходилъ въ такомъ родѣ: не желаетъ ли подсудимый такой-то сказать, не онъ ли познакомилъ такую-то съ такимъ-то; не отъ такого-то ли обвиняемаго слыхалъ онъ о такомъ-то обстоятельствѣ?... Обвиняемые, конечно, спѣшили подтвердить все то, что для защиты было необходимо. Такого рода объясненія не могутъ имѣть для дѣла никакого существеннаго значенія, и обвинитель не будетъ на нихъ останавливаться, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе защиты. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора коснулся тѣхъ мелкихъ уликъ, которыя, при производствѣ дознанія, въ виду отказа обвиняемыхъ отъ показаній, не могли быть точно обслѣдованы, и отъ которыхъ представитель обвинительной власти отказывался на судебномъ слѣдствіи всякій разъ, когда не могъ убѣдиться въ правильности улики. Въ этомъ смыслѣ нѣсколько измѣнились обстоятельства, касающіяся Едуковыхъ, подсудимыхъ по тульской группѣ. Передъ началомъ судебнаго слѣдствія товарищъ оберъ-прокурора указывалъ на невозможность точно обслѣдовать показаніе неявившагося свидѣтеля Щукина. Обстоятельства дѣла, вытекавшія изъ этого показанія, должны быть исключены изъ числа уликъ и обвиненія Едуковыхъ. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что на судебномъ слѣдствіи также измѣнились нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся Воронкова и Млодецкаго по кіевской группѣ. Совмѣстное сожительство, которое вмѣнялось въ улику Млодецкому и Воронкову, не подтвердилось на судѣ показаніями свидѣтелей. Понимъ оказывается, что эти лица не жили вмѣстѣ, и, такимъ образомъ, выводъ обвинительнаго акта, основанный на этой уликѣ, падаетъ самъ собою. Точно также товарищъ оберъ-прокурора отказался на судебномъ слѣдствіи и отъ опознанія Кардашева свидѣтелемъ Введенскимъ, устанавливавшаго связь между Кардашевымъ по московской и Злобинымъ по тульской группѣ. По отношенію къ Кардашеву отстраняется и другой выводъ обвинительнаго акта, а именно, посѣщеніе Кардашева Субботиными въ Орлѣ. Затѣмъ, всѣ остальныя улики, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, остались вполнѣ неприкосновенными и даютъ полную возможность поддерживать обвиненіе во всѣхъ его существенныхъ частяхъ. Если по отношенію къ весьма немногимъ обвиняемымъ и придется нѣсколько видоизмѣнить обвиненіе, то это будетъ указано при подробномъ изложеніи уликъ къ обвиненію каждаго изъ подсудимыхъ. „Я, можетъ быть, упустилъ изъ виду одно или два изъ мелкихъ обстоятельствъ, измѣнившихъ свой характеръ на судебномъ слѣдствіи, сказалъ товарищъ оберъ-прокурора, хотя и велъ во все время надлежащія замѣтки, но забывчивость возможна, въ особенности при такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ настоящее. Въ такомъ случаѣ защита исправитъ ошибку, которая, можетъ быть, вкралась въ моей рѣчи, и укажетъ на обстоятельства, которыя были заявлены на судебномъ слѣдствіи. Теперь я перехожу къ изложенію обстоятельствъ, служащихъ къ обвиненію предстоящихъ предъ особымъ присутствіемъ лицъ въ организаціи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью распространеніе революціонныхъ идей, и съ этою цѣлью распространявшихъ книги преступнаго содержанія въ средѣ рабочаго населенія“. Первая попытка къ распространенію такихъ книгъ, или, лучше сказать, первыя данныя, указывающія на существованіе людей, задавшихся указанною выше цѣлью, была обнаружена въ Москвѣ въ концѣ марта и началѣ апрѣля 1875 года. Въ то время было открыто распространеніе книгъ преступнаго содержанія на семи московскихъ фабрикахъ, а именно: Шибаева, Горячева, Носова, Тюляевыхъ, Соколова, Лазарева и Рошфоръ, при чемъ задержаны и представлены въ жандармское управленіе и

самыя книги, имѣющія цѣлью прямое воззваніе къ бунту и къ явному сопротивленію власти Верховной. Первымъ по времени было обнаружено распространеніе книгъ на шибаевской фабрикѣ. Работникъ этой фабрики, Яковлевъ, представилъ, по собственному побужденію, въ жандармское управленіе книги преступнаго содержанія и указалъ на лицъ, отъ которыхъ получены были эти книги. Вслѣдствіе этого заявленія были задержаны обвиняемые П. Васильевъ и Бариновъ. Въ связи съ распространеніемъ книгъ на шибаевской фабрикѣ, обнаружено такое же и на фабрикѣ Горячева, гдѣ проживалъ родной братъ Баринова, Прокофій Бариновъ. Эти два лица удостовѣрили тѣ данныя, которыя послужили къ развитію настоящаго дѣла. Прокофій Бариновъ при дознаніи, что видно изъ прочитаннаго на судѣ показанія, и Яковъ Яковлевъ удостовѣрили, что Васильевъ, Бариновъ и Петръ Алексѣевъ говорили и толковали имъ о томъ, что необходимо стараться образовать особые кружки изъ 4—5 лицъ, имѣющихъ цѣлью возбудить народъ къ бунту. Когда кружки эти достигнутъ того, что привлекутъ въ число своихъ членовъ отъ четырехъ до пяти тысячъ рабочихъ, то можно будетъ приступить прямо къ явному возстанію. Говорили тоже, что собственность должна быть общею, что дворянство, купечество и крестьянство не должны существовать, что богатыхъ и бѣдныхъ также не должно быть, а что на развалинахъ того общественнаго строя, который существуетъ въ настоящее время, должно водвориться царство рабочихъ. Насколько заслуживаютъ довѣрія показанія этихъ свидѣтелей, можно убѣдиться изъ правдиваго разсказа свидѣтеля Яковлева, который былъ подвергнутъ подробному перекрестному допросу, и на всѣ вопросы подсудимыхъ и ихъ защитниковъ отвѣчалъ одно, что сбить его нельзя, что онъ отправился заявить о книгахъ потому, что видѣлъ въ нихъ преступное содержаніе; что, по словамъ Баринова, онъ получилъ эти книги отъ брата своего, который называлъ какого-то Петра Алексѣева, передавшаго ему книги, и котораго онъ будто бы не знаетъ. Между тѣмъ, при дознаніи онъ указывалъ, какой Петръ Алексѣевъ снабжалъ его книгами; точно также Бариновъ указывалъ и на П. Васильева, а равно и на своего брата. Въ то же время было обнаружено распространеніе книгъ на фабрикахъ Лазарева. По показанію приказчика и рабочихъ этой фабрики, распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія занималась дѣвушка, называвшаяся Аннушкою. Эта Аннушка поражала свидѣтелей тѣмъ, что по наружному виду не принадлежала къ рабочему сословію. Когда она нанималась на фабрику, то ей совѣтовали напяться въ горничныя, и только послѣ неотступной просьбы она была принята въ число работницъ. Поселившись на фабрикѣ, Аннушка посѣщала ночью мужскія спальни рабочихъ, читала имъ книжки и, застигнутая за чтеніемъ книгъ, была выгнана изъ спальни, а потомъ отказалась отъ работы и ушла съ фабрики. Обвиняемая Бардина была признана за ту Аннушку, о которой идетъ рѣчь. Таковыя показанія свидѣтелей были настолько основательны, настолько дышали правдою, что подсудимая Бардина вынуждена была на судѣ сознаться въ томъ, что она дѣйствительно распространяла книги на фабрикѣ Лазарева, и, вслѣдствіе такого сознанія, особое присутствіе признало не нужнымъ продолжать допросъ свидѣтелей по этому обвиненію. Затѣмъ распространеніе книгъ на фабрикѣ Носовыхъ подтверждается показаніемъ свидѣтеля Муханова, который былъ спрошенъ на судѣ. На эту фабрику почти одновременно съ появленіемъ Бардиной у Лазарева нанялись двѣ дѣвушки, въ которыхъ Мухановъ призналъ Каминскую и Ольгу Любатовичъ; одна изъ нихъ жила подъ именемъ Натальи, другая называлась Маріею. Каминская на фабрикѣ занималась распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія и тѣмъ же способомъ, какъ и Бардина. Каминская, какъ уже сказано, была опознана при дознаніи, но не находится теперь на судѣ, потому что впала въ тяжкую болѣзнь, и дѣло о ней прекращено. Такимъ образомъ, распространеніе книгъ на фабрикахъ Шибаева, Горячева, Носова и Лазарева — Васильевымъ, Бариновымъ, Бардиною, Каминской и Ольгой Любатовичъ вполнѣ доказано. Далѣе, тѣ же самыя книги распространялись еще и на фабрикѣ Тиляевыхъ. По показанію свидѣтелей Ермолаева, Платонова, Трофимова, Зотова и Игнатова, дѣло происходило такъ: разъ какъ-то къ Ермолаеву пришелъ родственникъ его, обвиняемый Филатъ Егоровъ, и познакомилъ его съ какою-то неизвѣстною личностью, назвавшеюся Михаиломъ; свиданіе это происходило въ трактирѣ, гдѣ Филатъ Егоровъ передалъ Ермолаеву нѣсколько книгъ преступнаго содержанія. Такія же книги были переданы Платонову и Трофимову. Книги эти носили слѣдующія названія: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Чтой-то братцы“ и „Богъ-то Богъ“. Словомъ, это были книги, характеристика которыхъ будетъ изложена нѣсколько

позже. Нѣкоторыя изъ полученныхъ книгъ свидѣтели читали рабочимъ, но, убѣдясь, что онѣ преступнаго содержанія, частью сожгли ихъ, а частью спрятали на фабрикѣ Тюляева, гдѣ онѣ и были найдены. Книги, заключающія въ себѣ преступное содержаніе, были переданы свидѣтелямъ Филатомъ Егоровымъ вмѣстѣ съ личностью, появившеюся въ трактирѣ и извѣстной подъ именемъ Михаила. При предъявленіи подсудимыхъ свидѣтелямъ, этотъ Михаилъ оказался обвиняемымъ Джабадари, связь котораго съ Егоровымъ, знакомство и распространеніе чрезъ него книгъ, возбуждающихъ къ бунту, будутъ изложены далѣе. Кромѣ распространенія книгъ на тюляевской фабрикѣ, было обнаружено таковое же и на соколовской фабрикѣ. На этой фабрикѣ свидѣтелямъ Павлову и Васильеву книги преступнаго содержанія были переданы обвиняемымъ Пафнутіемъ Николаевымъ, скрывшимся съ фабрики и бросившимъ тамъ разсчетъ и свои вещи немедленно послѣ обыска у рабочихъ этой фабрики. Независимо отъ всего сказаннаго, книги того же рода были переданы на фабрикѣ Рошфора Власу и Никифору Алексѣевымъ братомъ ихъ, обвиняемымъ Петромъ Алексѣевымъ. Такимъ образомъ, въ силу сказаннаго установляется несомнѣнно виновность Васильева, Баринова, Филата Егорова, Пафнутія Николаева, Петра Алексѣева, Каминской, Бардиной, Ольги Любатовичъ и Джабадари въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія на тѣхъ семи московскихъ фабрикахъ, которыя поименованы ранѣе. Когда затѣмъ, по показанію Яковлева, были арестованы Васильевъ и Баринovъ, въ жандармское управленіе явилась личность, которая интересовалась судьбою Васильева и пожелала обнаружить лицъ, которыя побудили его стать на преступный путь и заняться распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Это была свидѣтельница Скворцова, заявившая, что лица, сманившія Васильева съ работы и толкнувшія его на путь пропаганды, проживаютъ въ Москвѣ, въ домѣ Корсака. Въ этомъ домѣ былъ произведенъ обыскъ, и при обыскѣ въ квартирѣ, нанятой на имя Бардиной, задержаны: Бардина, Каминская, скрывшіеся съ фабрикъ Николаевъ, Алексѣевъ, Джабадари, Чекондзе, Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. Вся обстановка жизни въ домѣ Корсакъ указывала, что названныя лица жили именно въ этомъ домѣ, такъ какъ у нихъ найдено большое количество платья, бѣлья и другихъ вещей, принадлежавшихъ тѣмъ, которые были задержаны тутъ. По показанію Скворцовой, задержанныя въ домѣ Корсакъ, ранѣе переселенія въ этотъ домъ, проживали у нея въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ они поселились вмѣстѣ и начали заниматься однимъ и тѣмъ же дѣломъ, весьма ясно разрѣшается показаніемъ Скворцовой, по словамъ которой Васильевъ былъ простымъ рабочимъ и пользовался хорошимъ положеніемъ на фабрикѣ, считаясь лучшимъ работникомъ. Передъ Рождествомъ 1874 года въ Москвѣ появился обвиняемый Алексѣевъ, который посѣщалъ И. Васильева, и съ этого времени характеръ Васильева измѣнился, онъ оставилъ работу, началъ посѣщать трактиры и исчезать съ фабрики. Скворцова нѣсколько разъ останавливала Васильева, но это не помогло, и онъ заявилъ ей, что перестанетъ работать на фабрикѣ, что они снимутъ квартиру и возьмутъ къ себѣ нахлѣбниковъ. На вопросъ Скворцовой, какимъ образомъ они, не имѣя средствъ и возможности, обставятъ квартиру, чтобы пускать нахлѣбниковъ, и откуда возьмутъ денегъ на обзаведеніе—Николай Васильевъ отвѣчалъ, что средства на это дастъ новый его знакомый Михаилъ. И, дѣйствительно, Михаилъ — Джабадари, выдалъ деньги на покупку всего необходимаго. Покупали вещи Скворцова съ Василіемъ — обвиняемымъ Георгіевскимъ; при выдачѣ денегъ принималъ участіе и Чекондзе, котораго свидѣтельница знала подъ именемъ Оедора. Слѣдуетъ замѣтить, что знакомство Николая Васильева съ Михаиломъ и Оедоромъ было сдѣлано не въ этотъ разъ; по объясненію И. Васильева, занесенному въ обвинительный актъ, онъ раньше переѣзда въ Сыромятники познакомился съ Оедоромъ и Михаиломъ еще въ домѣ за Москвою-рѣкой, черезъ Петра Алексѣва, который свелъ его съ этими лицами. Едва успѣли поселиться эти лица въ Сыромятникахъ, къ нимъ явились другія, о которыхъ Скворцову предупреждали, что придутъ нѣсколько женщинъ. И, дѣйствительно, въ эту квартиру прибыли: Бардина, Каминская, Хоржевская, Ольга Любатовичъ, Фигнеръ и Александрова; всѣ эти лица жили подъ чужими именами. Такъ, Бардина называлась Анпушкою, Любатовичъ звали Наташею, Фигнеръ—Дуняшею, Александрова именовалась Сашей, Хоржевская—Оеклушей, то-есть всѣ онѣ значились подъ тѣми же именами, подъ которыми проживали на фабрикахъ, занимаясь распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Каминская, подъ именемъ Маши, жила

на фабрикѣ Носова вмѣстѣ съ Любатовичъ, работавшей подъ именемъ Наташи; Фигнеръ извѣстна была на фабрикѣ Гюбнеръ подъ именемъ Дуняши.—Что эти лица были тѣ самыя, которыя проживали и на фабрикахъ, прямымъ доказательствомъ тому служитъ показаніе Скворцовой, которая не ошиблась въ прозвищахъ и указала именно на фабрики, гдѣ проживали уже извѣстныя личности. То же самое подтверждается и по отношенію къ Джабадари, который назывался Михаиломъ, и къ Чекоидзе, котораго Скворцова называетъ Ѳедоромъ. Кромѣ того, изъ переписки, найденной въ Иваповѣ-Вознесенскѣ, оказывается, что въ этой перепискѣ Чекоидзе называется самими обвиняемыми Ѳедоромъ; Хоржевская въ той же перепискѣ носитъ имя Ѳеклуши. Показаніе Скворцовой, слѣдовательно, подтверждается самими подсудимыми въ ихъ письмахъ другъ къ другу. Кромѣ этой переписки, при обыскѣ еще найдены фальшивые паспорты на имя Аннушки и Ѳедора. Затѣмъ, кромѣ лицъ, уже указанныхъ, квартиру въ домѣ Костомарова посѣщали и другіе обвиняемые — Бариновъ, Филатъ Егоровъ, а Иваномъ Иваповичемъ, посѣщавшимъ эту квартиру, оказался обвиняемый Лукашевичъ. Итакъ, домъ Костомарова въ Сыромятникахъ, а затѣмъ домъ Корсакъ, составляли центръ, гдѣ собиралась группа пропагандистовъ, гдѣ большинство изъ нихъ проживало, и откуда шло распространеніе книгъ на нѣсколькихъ фабрикахъ. Что лица, жившія у Скворцовой, имѣли у себя значительное количество книгъ,— это доказывается показаніемъ той же Скворцовой, удостовѣряющей, что разъ какъ-то Ѳедоръ, т.-е. Чекоидзе, привезъ цѣлый чемоданъ съ книгами, и когда она передала объ этомъ Васильеву, то по требованію послѣдняго чемоданъ былъ увезенъ куда-то Михаиломъ (Джабадари). Обстоятельство это какъ нельзя лучше указываетъ на то, что Михаилъ и Ѳедоръ суть одни изъ главныхъ лицъ, которыя снабжали остальныхъ подсудимыхъ книгами. Кромѣ того, къ обвиненію Джабадари въ снабженіи книгами другихъ служитъ показаніе подсудимаго Егорова, который, хотя на судѣ и отказался отъ него, но оно дано имъ при дознаніи и занесено въ обвинительный актъ; онъ тогда подробно разсказывалъ, когда, какъ и какого рода книги онъ получилъ отъ Джабадари, котораго зналъ лишь подъ именемъ Михаила. Всѣхъ этихъ данныхъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о значеніи дома Костомарова въ Сыромятникахъ. Показаніе Скворцовой въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія и представляетъ собою полную картину того, что происходило въ этомъ домѣ. Она говоритъ, что жившія тамъ лица по своему разговору и отношеніямъ другъ къ другу не могутъ быть причислены къ простымъ рабочимъ; разговоръ ихъ былъ о томъ, что вѣрить въ Бога не слѣдуетъ, что богатые и бѣдные должны быть равными между собою и что этого можно достигнуть путемъ бунта. На вопросы защиты Скворцова отвѣчала, что разговоръ былъ именно о бунтѣ, такъ какъ говорилось, что Государя не нужно. Заподозрѣвъ пахлѣбниковъ въ дурныхъ дѣлахъ, Скворцова сказала Наташѣ (Любатовичъ), что ее спрашивалъ какой-то господинъ; тогда вся компанія немедленно отъ нихъ переѣхала въ домъ Корсакъ. Несмотря на это, связь П. Васильева и Скворцовой съ бывшими пахлѣбниками не порвалась. П. Васильевъ посѣщалъ домъ Корсакъ, а Скворцова стирала на эту компанію бѣлье, что продолжалось до ареста какъ Васильева, такъ и лицъ, проживавшихъ въ домѣ Корсакъ. Далѣе товарищъ оберъ-прокурора приступилъ къ опредѣленію той роли, которую играли Георгіевскій, Лукашевичъ и Агаповъ. По показанію П. Васильева, Георгіевскій жилъ за Москвой-рѣкой вмѣстѣ съ Джабадари и Чекоидзе. Когда подсудимые сняли квартиру въ домѣ Костомарова, то Георгіевскій съ Скворцовой ходили покупать все необходимое для новой квартиры на деньги, выданныя тѣми лицами, которыя въ настоящее время обвиняются въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. Послѣ того Георгіевскій постоянно посѣщалъ квартиру въ домѣ Костомарова, жилъ на квартирѣ въ домѣ Кузьмина подъ именемъ простого рабочаго Василія Григорьева, по фальшивому паспорту, и арестованъ въ домѣ Корсакъ, въ квартирѣ тѣхъ же пропагандистовъ, которые жили въ домѣ Костомарова. Связь Георгіевскаго съ компаніей въ домѣ Корсакъ устанавливается такимъ образомъ вполнѣ, и принадлежность его къ этому обществу становится несомнѣнной. Принадлежность эта еще болѣе доказывается письмами Георгіевскаго къ администраціи общества, найденными по обыску въ домѣ Толстой у кн. Циціанова и Цвилепева. Письма эти предлагаютъ планъ побѣга изъ-подъ стражи для Георгіевскаго, но этотъ послѣдній говоритъ, что важнѣе всего дать возможность бѣжать Ѳедору, т.-е. Чекоидзе. На основаніи таковыхъ данныхъ товарищъ оберъ-прокурора

обвинялъ Георгіевскаго въ принадлежности къ преступному сообществу и обратилъ вниманіе на то, что Георгіевскій не обвиняется въ распространеніи книгъ. Георгіевскій далъ неправдоподобное объясненіе своего появленія въ домѣ Корсака и не могъ объяснить причину своего пріѣзда въ Москву. Другой подсудимый, Лукашевичъ, также находился въ непосредственной связи съ лицами, жившими въ домѣ Костомарова. Онъ, бывшій студентъ технологическаго института, какъ и Георгіевскій, проживалъ въ Москвѣ въ качествѣ простого работника и посѣщалъ домъ Костомарова, называясь ложно именемъ Ивана Ивановича. Вмѣстѣ съ Лукашевичемъ былъ взятъ и Агаповъ, который заявилъ на первомъ допросѣ, что онъ дѣйствительно проживалъ съ Лукашевичемъ, который тогда называлъ себя Степаномъ Ивановымъ; что онъ живетъ въ домѣ Ѳедорова вмѣстѣ съ нимъ и что у Лукашевича хранятся книги преступнаго содержанія, изъ которыхъ онъ видѣлъ „Исторію французскаго крестьянина“, „Парижскую коммуну“, и что одну изъ подобныхъ книгъ, а именно „Емельянъ Пугачевъ“, Лукашевичъ читалъ ему, Агапову, съ цѣлью побудить его заняться распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія. На судебномъ слѣдствіи Агаповъ отъ этого показанія отказался, но оно подтверждается протоколомъ обыска, при которомъ, на чердакѣ дома, гдѣ проживалъ Лукашевичъ, найдены книги, названныя Агаповымъ. Нахожденіе въ квартирѣ Лукашевича книгъ преступнаго содержанія ясно указываетъ на принадлежность его къ тому сообществу, о которомъ идетъ рѣчь и которое занималось распространеніемъ революціонныхъ идей. Остальныя задержанныя лица: Петръ Алексѣевъ, Пафнутій Николаевъ, оказались тѣми рабочими, о которыхъ говорилось ранѣе и которые бѣжали съ фабрики послѣ того, какъ было обнаружено распространеніе на тѣхъ фабрикахъ книгъ именно этими рабочими. Теперь необходимо посмотрѣть, откуда появились всѣ тѣ лица, которыя собирались на квартиру въ домѣ Костомарова и затѣмъ были задержаны въ домѣ Корсака. Прослѣдивъ, на основаніи документовъ, исторію появленія этихъ людей, особое присутствіе можетъ удостовѣриться, что главные обвиняемые и большая часть подсудимыхъ, за исключеніемъ Васильева, Баринова, Агапова, Николаева и Егорова, никогда не жили въ Москвѣ. Они проживали сначала въ Петербургѣ, потомъ за границей, какъ, напримѣръ, Чекоидзе, Джабадари, Бардина, Каминская, Фигнеръ, Хоржевская и другіе. Эти лица въ концѣ 1874 года пріѣхали изъ-за границы, изъ Цюриха и Парижа, въ Петербургъ, а затѣмъ въ Москву. Одинъ изъ нихъ—Джабадари, исключенный изъ медико-хирургической академіи за дерзость, сдѣланную имъ по поводу отмѣтокъ на экзаменѣ, тотчасъ же послѣ исключенія изъ академіи отправился за границу, и едва успѣлъ вернуться, какъ былъ задержанъ въ Москвѣ за распространеніе среди народа преступныхъ книгъ Другой получилъ образованіе въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ, не кончивъ курса, и вмѣстѣ съ Джабадари и свидѣтелемъ Дмитріевымъ, показаніе котораго было прочитано, отправился также за границу. Это было въ 1874 году. Чѣмъ занимался Чекоидзе за границею—видно изъ письма его Атабекову, жившему на Кавказѣ, въ которомъ Чекоидзе говоритъ о распространеніи книгъ революціоннаго содержанія среди народа, пишетъ объ отправкѣ этихъ книгъ на Кавказъ, указывая при этомъ, что онѣ идутъ изъ-за границы; что за границею есть большое число лицъ, которыя занимаются приготовленіемъ книгъ преступнаго содержанія для распространенія ихъ въ народѣ Изъ этого небольшого разсказа особое присутствіе убѣдится, въ какомъ настроеніи Чекоидзе отправился за границу осенью 1874 года, и станетъ яснымъ, почему Чекоидзе, вернувшись въ февралѣ 1876 года, пріѣхалъ прямо въ Москву на пропаганду. Затѣмъ Бардина, Ольга Любатовичъ и Александрова вернулись осенью 1874 года вмѣстѣ изъ-за границы, при чемъ и багажъ у нихъ былъ общій. Фигнеръ вернулась оттуда же въ началѣ 1874 года, а Хоржевская около Рождества того же года. Такимъ образомъ, всѣ эти лица собрались въ Россію и въ началѣ 1875 года появляются въ домѣ Костомарова и играютъ роль распространителей книгъ преступнаго содержанія. Очевидно, что лица эти возвращались изъ-за границы уже съ предвзятой цѣлью заняться пропагандой по извѣстному плану, и по пріѣздѣ этотъ планъ осуществили. Сдѣланъ небольшой перерывъ.

Первоприсутствующій сдѣлалъ замѣчаніе, что во время рѣчи товарища оберъ-прокурора, кто-то изъ подсудимыхъ позволилъ себѣ сдѣлать какое-то возраженіе, вслѣдствіе чего первоприсутствующій предупредилъ подсудимыхъ, что, если еще разъ повторится подобная выходка, то онъ приметъ самыя строгія мѣры къ обузданію этой дерзости.

Тов. оберъ-прокурора, покончивъ изложеніе обстоятельствъ, касающихся первой группы подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія на московскихъ фабрикахъ, по возобновленіи засѣданія сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній, относящихся къ этой категоріи лицъ и къ тому, откуда и какъ прибыла въ Москву большая часть подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи обвинитель высказалъ, что Георгіевскій и Лукашевичъ не могутъ быть причислены къ лицамъ, проживавшимъ въ Москвѣ, такъ какъ они воспитывались и жили въ Петербургѣ. Изъ крестьянъ, преданныхъ суду въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, Алексѣевъ принадлежитъ къ рабочимъ Петербурга, гдѣ и проживалъ до Рождества 1874 года; въ это время онъ появляется въ Москвѣ и можетъ быть названъ первымъ распространителемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочихъ. Такія книги при посредствѣ Алексѣева были доставлены на фабрики Шибаева и Горячева, и Алексѣевъ принималъ дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы познакомить лицъ, поселившихся въ домѣ Костомарова, съ рабочими на московскихъ фабрикахъ. Между прочимъ, Алексѣевъ съ своей стороны содѣйствовалъ знакомству рабочихъ съ Ѳедоромъ, Васильемъ и Михаиломъ; онъ же содѣйствовалъ тому, чтобы книги преступнаго содержанія распространялись между рабочими тѣми лицами, съ которыми свелось знакомство. Что касается распространенія книгъ въ деревнѣ Терепьковой, то дѣло это заключается въ томъ, что Филатъ Егоровъ, приходившій въ деревню съ Емельяновымъ, передалъ тамъ три книги, находящіяся при дѣлѣ, и, когда возникло дознаніе, то Егоровъ былъ признанъ за лицо, доставившее эти книги. Здѣсь товарищъ оберъ-прокурора счелъ нужнымъ замѣтить, что, несмотря на значительное количество фабрикъ, на которыхъ распространялись книги преступнаго содержанія, въ числѣ подсудимыхъ находится вообще весьма мало крестьянъ на скамьѣ подсудимыхъ. По показанію свидѣтелей, большинство рабочихъ относилось несочувственно къ идеямъ пропагандистовъ и книгамъ, распространяемымъ ими. Наглядпымъ доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что почти всѣ дѣла начаты по указаніямъ и допосамъ самихъ крестьянъ, получавшихъ отъ обвиняемыхъ преступныя книги. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что въ числѣ рабочихъ на фабрикахъ были и такіе, которые относились хотя не вполнѣ сочувственно къ пропагандѣ и содержанію распространяемыхъ между ними книгъ, но все-таки неохотно давали показанія по дѣлу; другіе же укрывали лицъ, распространявшихъ книги. На подобпаго рода явленіе слѣдуетъ обратить вниманіе и остановиться на немъ въ интересахъ общественныхъ. Изъ числа привлеченныхъ къ дѣлу лицъ за распространеніе книгъ на фабрикахъ, нѣкоторыя были обнаружены еще при дознаніи, происходившемъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Это дознаніе представляло такого рода данныя, которыя не указывали еще вполнѣ на развитіе дѣла пропаганды, не указывали на то, чтобы лица, привлеченныя въ качествѣ подсудимыхъ, составляли непосредственное тайное сообщество и пріѣхали въ Москву для того, чтобы распространять книги. Изъ протоколовъ апрѣльскаго дознанія видна нѣкоторая связь съ тѣмъ дѣломъ, которое производилось въ 1874 г., и особое присутствіе можетъ убѣдиться въ томъ изъ постановленія, по которому апрѣльское дѣло было присоединено къ дознанію 1874 года. Затѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ 1875 г. были обнаружены новыя общины въ Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ, и установилась уже прямая связь между лицами, пропагандировавшими въ Москвѣ, съ обществами, открывшими свою преступную дѣятельность въ Иваново-Вознесенскѣ, Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Всѣ лица, участвовавшія въ этихъ обществахъ, слились въ одно цѣлое, правильно организованное сообщество. Въ августѣ мѣсяцѣ 1875 года въ Ивановѣ-Вознесенскѣ возникло новое дознаніе, которое обнаружило новую группу лицъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, занимавшихся распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Изъ допроса свидѣтеля Бурова, у котораго была найдена „Сказка о четырехъ братьяхъ“, видно, что книга эта была получена въ домѣ, гдѣ проживали „неумѣлые московскіе ткачи“. Былъ произведенъ обыскъ, при чемъ оказалось, что въ комнатѣ въ 6 кв. аршинъ жили вмѣстѣ четыре женщины и трое мужчинъ. Всѣ эти лица имѣли видъ простыхъ рабочихъ и старались не выдѣляться отъ остальныхъ рабочихъ; какъ женщины, такъ и мужчины ходили въ русскомъ, сами готовили себѣ пищу, носили воду и исполняли всѣ черныя работы. Это совмѣстное сожительство молодыхъ, образованныхъ дѣвушекъ съ простыми рабочими, нахожденіе у нихъ 245 книгъ преступнаго содержанія на ряду съ обстановкою, при которой они жили, и значительною для рабочихъ суммою денегъ, у нихъ найденныхъ, большое количество шифро-

ванной переписки и подложныхъ на званіе документовъ,—все это прямо указывало, съ кѣмъ приходилось мѣстной власти имѣть дѣло. При обыскѣ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ не всѣ задержанныя лица открыли свои званія; одни изъ нихъ назывались именами, подъ которыми жили на фабрикахъ, другія назвались буквами А, Б, а одна изъ женщинъ—бродягою, непомнящею родства. Въ числѣ задержанныхъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ оказались лица, жившія раньше въ Москвѣ, въ домѣ Костомарова, и работавшія на московскихъ фабрикахъ, а именно: Фигнеръ, Александрова, Агаповъ. Обвиняемые по ивановской группѣ — Фигнеръ, Александрова, Агаповъ и Александровъ—признали себя виновными въ томъ, что пріѣхали въ Иваново съ цѣлью распространить книги преступнаго содержанія, и, дѣйствительно, ихъ распространили на ивановскихъ фабрикахъ, а потому, не останавливаясь долѣе на опредѣленіи виновности указанныхъ лицъ, товарищъ оберъ-прокурора приступилъ къ изложенію объясненія о преступной пропагандѣ Топорковой и Баринова. Эти лица отрицаютъ свою виновность въ принадлежности къ преступному сообществу и объясняютъ появленіе свое среди фабричнаго населенія Иванова-Вознесенска случайными обстоятельствами. Топоркова говоритъ, что, зная Фигнеръ еще за границей, она встрѣтилась съ нею въ Петербургѣ. Въ разговорѣ съ Фигнеръ Топоркова выразила ей желаніе поближе познакомиться съ „рабочимъ вопросомъ“, на что Фигнеръ и предложила ей поѣхать въ Иваново и поступить простой кухаркой въ какую-либо рабочую артель. Топоркова исполнила совѣтъ Фигнеръ и, такимъ образомъ, попала въ домъ Кисина, гдѣ и была арестована. Насколько показаніе Топорковой согласно съ обстоятельствами дѣла, можно видѣть изъ слѣдующаго: Топоркова находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Субботиныхъ, съ которыми и на ихъ средства она уѣхала за границу и проживала въ Цюрихѣ. Затѣмъ Топоркова является первою изъ обвиняемыхъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ въ сопровожденіи Агапова и Александрова, пріѣхавшихъ, по ихъ собственному показанію, съ цѣлью пропаганды. Совмѣстный пріѣздъ всѣхъ этихъ лицъ доказывается показаніемъ свидѣтеля Семенова, при содѣйствіи котораго была нанята на имя Топорковой квартира и по рекомендаціи котораго Агаповъ и Александровъ поступили на фабрики. Едва только Топоркова съ товарищами устроились въ Ивановѣ, какъ туда пріѣзжаютъ Фигнеръ и Александрова, при чемъ, по показанію Агапова, съ появленіемъ Фигнера и Александровой явились книги, которыя потомъ уже начали распространяться среди рабочихъ ивановскихъ фабрикъ и были отобраны при обыскѣ. По удостовѣренію того же Агапова, хозяйкой въ ихъ квартирѣ была Топоркова, деньги же хранились и расходовались Фигнеръ, и ей обязаны были отдавать члены этой общины всѣ заработанныя деньги. Кромѣ того вся переписка съ лицами, жившими въ домѣ Кисина, адресовалась на имя Топорковой, а нѣкоторыя письма написаны несомнѣнно къ самой Топорковой. Изъ этихъ писемъ оказывается, что Топоркова не была простою кухаркою, какъ она говоритъ, но принимала въ преступной дѣятельности такое же участіе, какъ и всѣ остальныя. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ письмо Евгеніи Субботиной къ Аннѣ Топорковой. Затѣмъ, Топоркова уличается и въ распространеніи книгъ среди рабочихъ, доказательствомъ чему служитъ показаніе Жарковскаго, который утверждаетъ, что получилъ отъ Топорковой „Хитрую механику“, „Парижскую коммуну“ и газету „Впередъ“. Жарковскій указалъ при этомъ мѣсто, гдѣ были спрятаны книги. На судебномъ слѣдствіи подсудимая Фигнеръ заявила, что эти книги переданы Жарковскому не Топорковою, а ею, Фигнеръ; что она, завернувъ ихъ въ бумагу, просила Топоркову передать свертокъ Жарковскому. Но это объясненіе Фигнеръ вполнѣ противорѣчитъ показанію Жарковскаго. Такимъ образомъ, обстановка, при которой Топоркова появилась въ Ивановѣ, обстановка жизни пропагандистовъ въ домѣ Кисина, показанія свидѣтелей и отобранная переписка вполнѣ доказываютъ, что Топоркова не только принадлежала къ общинѣ пропагандистовъ, поселившихся въ Ивановѣ, но и сама распространяла книги преступнаго содержанія. О распространеніи такихъ же книгъ обвиняемымъ Бариновымъ много говорить не для чего. Фактъ этотъ удостовѣренъ категорически свидѣтелями—рабочими Зубковской фабрики. Кромѣ лицъ, задержанныхъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, о которыхъ уже сказано, была задержана тамъ же еще одна ткачиха, одѣтая въ простое русское платье, какъ это удостовѣряетъ протоколъ обыска. Женщина эта, назвавшаяся бродягой Екатериной Петровой, пріѣхала въ Иваново-Вознесенскъ за нѣсколько дней до обыска. Она оказалась потомъ женой обвиняемаго Гамкрелидзе, при чемъ самый бракъ оказался, по выраженію обвиняемыхъ, „фик-

тивнымъ". Пріѣздъ въ Иваново Екатерины Гамкрелидзе сопровождался слѣдующими обстоятельствами. О пріѣздѣ Екатерины Гамкрелидзе ивановцы были предупреждены лицами, жившими въ Москвѣ. Изъ Москвы писали, что бѣлье и книги присылаютъ съ Катей, съ ней же обѣщаются прислать и рукопись „Экспедицію Шефа Жандармовъ". Затѣмъ, въ другомъ письмѣ, сообщается, что Катя давно уѣхала въ Иваново отъ Гамки. Съ другой стороны, изъ Иваново писали въ Москву и просили Катю, имѣющую къ нимъ пріѣхать, исполнить до пріѣзда порученія знакомаго Рыжаго. Вслѣдъ затѣмъ Екатерина Гамкрелидзе появляется въ Ивановѣ, проживаетъ въ д. Кисина, и въ этомъ домѣ, въ числѣ документовъ, отбираютъ рукопись, которую должна была привезти Катя. Очевиднымъ становится, что Екатерина Гамкрелидзе есть именно та Катя, которую ожидали въ Иваново изъ Москвы, и это обстоятельство служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ принадлежности Екатерины Гамкрелидзе къ сообществу пропагандистовъ. Совокупность уликъ, ранѣе изложенныхъ, образъ дѣйствій пропагандистовъ, способъ распространенія ими книгъ преступнаго содержанія, сношенія ихъ съ лицами, живущими въ другихъ городахъ Имперіи, установляютъ полную связь между лицами, жившими въ Ивановѣ, и пропагандистами, дѣйствовавшими въ то же время въ Тулѣ и Москвѣ. Это доказывается еще болѣе документами, найденными въ Ивановѣ. Въ домѣ Кисина были отобраны различные документы и переписка, имѣющая весьма серьезное значеніе для дѣла. Въ этихъ письмахъ лицамъ, живущимъ въ Иваново-Вознесенскѣ, сообщается также о ходѣ пропаганды среди рабочаго населенія другихъ мѣстностей, указывается на то, чѣмъ занимаются отдѣльныя личности въ Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, дается отчетъ о положеніи одесской и тульской общинъ, говорится о томъ, что лица, проживающія въ Тулѣ въ качествѣ пропагандистовъ, „дѣйствуютъ преступно": несмотря на то, что почва для пропаганды въ Тулѣ прелестна, рабочимъ ни одной революціонной книги не читали, а затѣмъ требуется согласіе ивановцевъ на принятіе въ общество новаго члена Санчо—князя Циціанова. Такимъ образомъ, непосредственная связь обвиняемыхъ ивановской группы съ лицами, составлявшими общины въ Тулѣ и Кіевѣ, и съ администраціей сообщества въ Москвѣ устанавливается вполнѣ и доказывается не свидѣтельскими показаніями, а собственноручными письмами обвиняемыхъ. Тѣ же письма доказываютъ и существованіе организованнаго сообщества. Письмо 19-го іюля предлагаетъ ивановцамъ пріемъ въ организацію новаго члена, а приписка къ тому письму отъ 26-го іюля написана лицомъ, состоящимъ въ администраціи и не желающимъ служить въ этой же должности далѣе срока, указаннаго въ программѣ устава, которымъ должны руководствоваться члены организаціи. Письму этому нельзя не придать особеннаго значенія, а вопросъ о томъ, откуда этотъ документъ исходитъ и кѣмъ онъ написанъ, будетъ разрѣшенъ впослѣдствіи, когда будутъ разбираться дѣйствія лицъ, проживавшихъ въ Москвѣ и составлявшихъ администрацію сообщества. Дальнѣйшія подробности товарищъ прокурора призналъ излишними, такъ какъ все имъ приведенное достаточно доказываетъ какъ виновность лицъ, проживавшихъ въ Иваново-Вознесенскѣ, въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, такъ и въ принадлежности ихъ къ одному преступному организованному сообществу. (Перерывъ на $^1/_4$ часа).

Излагая обстоятельства дѣла, касающіяся обвиняемыхъ, задержанныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ, и обращая вниманіе на документы и переписку, которые были у нихъ отобраны, товарищъ оберъ-прокурора высказалъ, что онъ уже имѣлъ случай указать, что въ письмѣ отъ 19-го іюля устанавливается непосредственная связь между Иваново-Вознесенскомъ и Москвою съ одной стороны, и съ лицами, проживавшими въ Тулѣ и Кіевѣ—съ другой. Говоря объ Одессѣ, авторъ этого письма утверждаетъ, что изъ его организаціи вышло два лица, обозначенныя въ письмѣ буквами, но кто эти Иванъ и Соня—дознаніемъ не обнаружено. Въ письмѣ выражается, что эти лица, войдя въ какую-нибудь другую шайку, перетянутъ къ себѣ Злобина, живущаго въ Тулѣ, и что такимъ образомъ Тула легко можетъ уйти изъ рукъ, а этого допускать не слѣдуетъ. По дознанію въ Тулѣ оказалось, что, дѣйствительно, на оружейномъ заводѣ въ качествѣ простого работника работалъ бывшій студентъ технологическаго института, Злобинъ. По показанію рабочихъ шуйскаго завода, Злобинъ хотя и не входилъ съ ними въ какія-либо преступныя бесѣды, но тѣмъ не менѣе снабжалъ ихъ книгами, не принадлежащими къ числу тѣхъ книгъ, которыхъ распространеніе преслѣдуется закономъ, но извѣстный подборъ коихъ указываетъ

на цѣль, преслѣдуемую Злобинымъ, при чемъ всѣ эти книги оказались запрещенными, изъятыми изъ обращенія. Несмотря, однако же, на то, что Злобинъ не распространялъ книгъ преступнаго содержанія, товарищъ оберъ-прокурора полагаетъ, что онъ вполнѣ изобличается въ принадлежности къ тѣмъ лицамъ, которыя составляли преступное общество въ Иваново-Вознесенскѣ и Москвѣ; доказательствомъ тому служитъ письмо 19 іюля, въ которомъ Злобинъ прямо названъ членомъ сообщества, и письма, полученныя въ Тулѣ послѣ ареста Злобина на его имя. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, написанномъ вслѣдъ за пріѣздомъ обвиняемаго изъ Кіева въ Тулу, Злобина спрашиваютъ о томъ: „пріѣхали ли тѣ, которыхъ онъ знаетъ“, а въ другомъ—просятъ сообщить объ адресѣ „сестрицы Ольги“. Оба письма изъ Кіева, и одно изъ нихъ писано обвиняемымъ по кіевской группѣ Млодецкимъ, другое—Хоржевскою. Всѣ лица, какъ это выяснено далѣе, пріѣзжающія въ Тулу на пропаганду, направляются прежде всего къ Злобину и по его указаніямъ разыскиваютъ и товарищей. Послѣ ареста Злобина, къ полицеймейстеру города Тулы явилась никому неизвѣстная личность, о существованіи которой въ Тулѣ никто не подозрѣвалъ—подсудимый Ковалевъ. Онъ заявилъ полиціи, что въ Тулѣ существуетъ цѣлое общество пропагандистовъ, которое уже приступило къ распространенію книгъ среди рабочаго населенія города Тулы. Этотъ Ковалевъ явился съ повинною, по собственному побужденію; здѣсь же на судѣ отнимаетъ у особаго присутствія возможность отнестись къ нему снисходительно, отказываясь отъ всѣхъ благопріятныхъ для него послѣдствій явки съ повинной, и говоря, что показаніе, которое онъ далъ при дознаніи, есть ложь и было имъ дано по обѣщанію награды въ 12.000 руб. При какихъ обстоятельствахъ Ковалевъ явился съ повинной—видно изъ показанія свидѣтеля Матвѣева. Ковалевъ обратился къ Матвѣеву, разсказывая ему о тѣхъ преступныхъ замыслахъ, о которыхъ онъ наслушался среди общества, гдѣ онъ живетъ. Матвѣевъ съ своей стороны сталъ доказывать невозможность какого-либо „бунтовского“ движенія среди рабочихъ въ Россіи и посовѣтовалъ Ковалеву заявить обо всемъ правительству. Ковалевъ колебался и потомъ обратился къ Матвѣеву съ вопросомъ, не дадутъ ли ему за его открытіе рублей 1000, а когда Матвѣевъ сказалъ, что за такое показаніе осыплютъ Ковалева наградами, то Ковалевъ и отправился заявить о всемъ полиціи. Слѣдовательно, обѣщаніе 12.000 рублей происходило отъ Матвѣева, который не имѣлъ никакихъ отношеній къ кому-либо изъ лицъ, принадлежащихъ къ правительству Въ виду отказа Ковалева отъ сознанія и что онъ самъ привлеченъ къ дѣлу—къ его показанію надо относиться осторожно, повѣряя его обстоятельствами дѣла. Слѣдуя этимъ путемъ, нѣтъ никакой возможности отказаться отъ искренности перваго показанія Ковалева, потому что каждое заявленіе его, сдѣланное въ Тулѣ, подтверждается безусловно дознаніемъ въ Кіевѣ, и въ доказательствахъ тому нѣтъ недостатка. Ковалевъ, явясь въ полицейское управленіе, во-1-хъ, указалъ на такихъ лицъ, о существованіи которыхъ никто не подозрѣвалъ. Ковалевъ даетъ свое показаніе съ такою подробностью, что почти каждое слово его подтверждается путемъ дознанія; а это возможно только тогда, когда показаніе справедливо и согласно съ истиной. Такъ, Ковалевъ прежде всего указалъ при дознаніи, что въ домѣ, гдѣ проживаетъ пѣкая Махоткина, собирается нѣсколько лицъ, принадлежащихъ къ тѣмъ, которые занимаются пропагандою революціонныхъ идей въ Тулѣ. Вслѣдствіе этого былъ произведенъ обыскъ, и въ квартирѣ Махоткиной, при обстановкѣ почти такой же, какъ въ Иваповѣ-Вознесенскѣ, была арестована Махоткина, два брата Едуковы, Фетисовъ и Сидорацкій; во время обыска успѣли скрыться Сидоренко и Петровъ. Затѣмъ въ квартирѣ этой найдены вещи, принадлежащія арестованнымъ лицамъ, и книги преступнаго содержанія. У самой Махоткиной отобрано шифрованное письмо на имя акушерки Гельфманъ въ Кіевъ. Въ этомъ письмѣ говорится о Ковалевѣ, какъ о личности, для пропагандистовъ крайне опасной, и совѣтуется перемѣнить въ Кіевѣ квартиру. Такимъ образомъ, обстановкой квартиры и найденными въ ней вещественными доказательствами вполнѣ устанавливается значеніе этой квартиры и лицъ, ее занимавшихъ. Затѣмъ, по показанію Ковалева, поселившіяся въ Тулѣ лица прибыли изъ Кіева, откуда прибылъ и онъ вмѣстѣ съ Петровымъ, при чемъ они посланы были княгиней Маріей, при содѣйствіи Михаила, Прохора и офицера Петра. Имъ былъ данъ адресъ, гдѣ они могутъ найти другихъ сотоварищей въ Тулѣ, и адресъ этотъ оказался адресомъ Злобина. Далѣе, по показанію Ковалева, первая квартира, гдѣ занимались пропагандисты и лица, принадлежащія къ преступному сообществу, была

квартира въ домѣ Куракова, у обвиняемаго Фетисова. Одновременно съ письмами отъ 19-го іюля, говорилось о необходимости усилить пропаганду въ Тулѣ; Фетисовъ появляется на тульскихъ фабрикахъ и имѣетъ близкія сношенія съ Злобинымъ. Всѣ обвиняемые, собиравшіеся въ Тулѣ, посѣщаютъ квартиру Фетисова, запираются въ отдѣльную комнату, читаютъ запрещенныя книги и на этихъ сборищахъ увлекаютъ въ свою среду рабочихъ, потомъ Едуковыхъ. Свидѣтель Дороговъ, удостовѣряя существованіе этихъ сборищъ, показалъ, что и его склонялъ Фетисовъ сойтись съ ними, утверждая, что этимъ путемъ Дороговъ выйдетъ изъ того бѣднаго положенія, въ которомъ они находятся. Дороговъ сначала посѣщалъ этихъ лицъ, но потомъ отказался отъ знакомства съ ними. При этихъ разговорахъ находились Иванъ и Николай Едуковы, которые потомъ и были задержаны при обыскѣ въ квартирѣ Ольги Любатовичъ, и гдѣ они вслухъ читали лицамъ, посѣщавшимъ Махоткину, „Хитрую механику“. Сама Любатовичъ, какъ оказалось по справкамъ, въ виду которыхъ обвиняемая сама признала этотъ фактъ, пріѣхала изъ Кіева съ Петромъ Сидоренко и проживала ранѣе сего въ Одессѣ въ домѣ Тихонова. Сидоренко назывался, по показанію Ковалева, Иваномъ. Такимъ образомъ, предположеніе письма 19 го іюля объ усиленіи тульской общины Ольгою и Ванюшей осуществилось, и показаніе Ковалева о принадлежности этихъ лицъ къ кіевской группѣ снова подтвердилось. Ковалевъ утверждалъ при дознаніи, что книги преступнаго содержанія распространялись въ Тулѣ Ольгою Любатовичъ. Свидѣтель Матвѣевъ подтвердилъ такое показаніе. Онъ утверждаетъ, что Ковалевъ, передавая ему „Хитрую механику“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, говорилъ, что получилъ эти книги изъ квартиры Марьи, и что тамъ есть цѣлый чемоданъ съ книгами. По обыску у Любатовичъ былъ дѣйствительно найденъ сакъ-вояжъ съ книгами такого рода. Остается сказать нѣсколько словъ о двухъ обвиняемыхъ, Сидорацкомъ и Куракове. Сидорацкій пріѣхалъ изъ Кіева, гдѣ среди членовъ кіевской общины его видалъ Ковалевъ. По пріѣздѣ въ Тулу, Сидорацкій уѣхалъ съ Фетисовымъ на пропаганду въ село Панино. Заявленіе это сдѣлано Ковалевымъ тогда, когда онъ еще не зналъ, что Сидорацкій и Фетисовъ уже возвратились въ Тулу. Доказано, что оба эти лица были задержаны у Махоткиной въ день своего возвращенія изъ Панина въ Тулу. Сидорацкій воспитывался въ Кіевѣ въ военномъ училищѣ, ему только шестнадцать лѣтъ, и онъ является мальчикомъ, сбитымъ съ толку тѣми лицами, съ которыми онъ пришелъ въ столкновеніе въ Кіевѣ. Подъ вліяніемъ этихъ лицъ Сидорацкій вздумалъ бѣжать изъ родительскаго дома и уѣхалъ въ Тулу. Для этого получилъ подложный паспортъ на имя Зайцева отъ подсудимаго Григорія Александрова. Прибывъ въ Тулу, Сидорацкій поселился съ Фетисовымъ и затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ село Панино, гдѣ съ Фетисовымъ и поступилъ рабочимъ на сахарный заводъ. Сюда же, въ Панино, нѣсколько времени спустя пріѣзжаетъ скрывшійся отъ дознанія Герасимъ Петровъ. Замѣчательно, что Петровъ пріѣхалъ въ Панино къ Фетисову, несмотря на то, что не зналъ его даже въ лицо. Всѣ три пропагандиста поселились вмѣстѣ. Приступить къ распространенію книгъ имъ не удалось. Фетисовъ пробовалъ разсказывать рабочимъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, но увидѣлъ несочувствіе рабочихъ къ такимъ разсказамъ и, убѣдившись въ безполезности своего пребыванія въ селѣ Панинѣ, всѣ трое черезъ нѣсколько же дней возвратились въ Тулу и явились въ квартиру Любатовичъ-Махоткиной—передъ самымъ обыскомъ. По отношенію къ Сидорацкому товарищъ оберъ-прокурора высказалъ, что въ виду молодости лѣтъ этого подсудимаго, правительствующему сенату придется поставить вопросъ о полномъ разумѣніи Сидорацкаго, разрѣшеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ особаго присутствія; но обвинитель, съ своей стороны, думаетъ, что, принимая во вниманіе обстоятельства дѣла, было бы справедливо признать его дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія, т.-е. признать, что Сидорацкій по слабому развитію умственныхъ способностей не могъ отдавать себѣ полнаго отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, чего онъ желаетъ. Кромѣ лицъ, о которыхъ было уже сказано, привлеченъ къ отвѣтственности мѣщанинъ Куракова, хозяинъ того дома, въ которомъ жилъ Фетисовъ и гдѣ происходили сходки. Основаніемъ къ тому служило показаніе Ковалева, утверждавшаго, что пропагандистъ Куракова принадлежалъ къ тому же сообществу, членами котораго состояли Ковалевъ и всѣ остальные обвиняемые. Ковалевъ удостовѣрялъ, что Куракову хорошо была извѣстна дѣятельность Фетисова и его, Ковалева; что Ковалевъ говорилъ Куракову о томъ, для чего онъ присланъ изъ Кіева, и что Куракова

хвалилъ намѣреніе этихъ лицъ возбудить народъ къ бунту. Затѣмъ, послѣ того, какъ Ковалевъ сдѣлалъ заявленіе въ полицейскомъ управленіи, Кураковъ будто бы упрекалъ Ковалева за это и говорилъ, что онъ напрасно это сдѣлалъ, что людей съ такого рода идеями очень много, и сколько ихъ не сажай, ихъ все-таки останется столько, что они будутъ въ состояніи добиться того, чего хотятъ. Такое показаніе Ковалева было подтверждено при дознаніи и показаніемъ свидѣтеля Матвѣева. На судѣ свидѣтель Матвѣевъ не подтвердилъ разсказа Ковалева; этотъ свидѣтель говоритъ, что, встрѣтясь съ Кураковымъ въ качествѣ понятого, послѣдній упрекалъ не Ковалева, а его, Матвѣева, за то, что онъ посовѣтовалъ Ковалеву сдѣлать доносъ въ полицію, при чемъ не выражалъ своего сочувствія пропагандѣ, а говорилъ только, что Матвѣеву не для чего было въ это дѣло мѣшаться. Хотя и это показаніе доказываетъ, что Кураковъ не былъ чуждъ лицамъ, занимавшимся въ Тулѣ преступной пропагандой, но настаивать долго на принадлежности Куракова къ сообществу товарищъ оберъ-прокурора не призналъ нужнымъ, но указалъ на то, что, во всякомъ случаѣ, на Куракова несомнѣнно падаетъ обвиненіе въ знаніи о совершаемыхъ преступленіяхъ Фетисовымъ и лицами, его посѣщавшими, и въ недонесеніи о томъ правительству. Заявляя о существованіи въ Тулѣ общества людей, занимающихся распространеніемъ среди рабочихъ книгъ преступнаго содержанія и революціонныхъ идей, Ковалевъ показалъ, что онъ и Герасимъ Петровъ, какъ уже сказано выше, были присланы въ Тулу изъ Кіева, при чемъ онъ указалъ на княгиню Марью, офицера Петра, Михаила и Прохора, какъ на лицъ, которыя занимались пропагандой и распространеніемъ книгъ между рабочимъ населеніемъ города Кіева. Показаніе Ковалева подтвердилось и по отношенію къ указаннымъ имъ лицамъ. У Махоткиной, какъ это уже указано было, отобрано письмо на имя акушерки Гельфманъ. По обыску въ Кіевѣ у Гельфманъ ничего преступнаго найдено не было, но зато въ ея квартирѣ было арестовано три лица: мужчина, назвавшійся Михаиломъ Петровымъ, другой, оказавшійся впослѣдствіи Прохоромъ, и женщина Марья Горощенкова (обвиняемая княгиня Циціанова-Хоржевская), т.-е. тѣ самые Михаилъ, Прохоръ и княгиня Марья, названные еще въ Тулѣ Ковалевымъ. Подробнымъ дознаніемъ, произведеннымъ въ Кіевѣ обо всѣхъ этихъ лицахъ, установилась между ними взаимная связь, и показаніе Ковалева подтвердилось во всей подробности. Взаимная связь этихъ лицъ доказана взаимнымъ ихъ знакомствомъ, посѣщеніе всѣми этими лицами квартиры Гельфманъ, а равно и квартиры, гдѣ жили Воронковъ и Хоржевская. Квартира Гельфманъ имѣетъ для дѣла особое значеніе. На имя Гельфманъ шла изъ Кіева и въ Кіевъ вся переписка съ лицами, находившимися въ другихъ городахъ и составлявшихъ отдѣльныя общины. Такъ письмо Любатовичъ было адресовано въ Кіевъ, на имя Гельфманъ, съ передачею Вѣрѣ Глѣбовой. Депеша Надежды Субботиной подъ именемъ Аристарховой изъ Одессы и ея же письмо подъ именемъ Воейковой изъ Орла и Москвы, точно также адресовано на то же имя. Гельфманъ объясняетъ полученіе этихъ писемъ тѣмъ, что она ихъ передавала лицамъ ей совершенно неизвѣстнымъ. Объясненіе это опровергнуто самими обвиняемыми. Хоржевская должна была признать, что письма эти предназначались для нея, при чемъ признала, что Гельфманъ ея знакомая. Далѣе, по показанію хозяйки дома, въ которомъ проживала Гельфманъ, кромѣ полученія писемъ, у Гельфманъ происходили собранія изъ четырехъ и пяти человѣкъ. Въ свою очередь, Ковалевъ также говорилъ, что познакомился съ обвиняемыми въ этой же квартирѣ. Какъ оказалось, у Гельфманъ не только бывали сборища, но у нея и останавливались пропагандисты, пріѣзжавшіе въ Кіевъ, какъ, напримѣръ, Ольга Любатовичъ. Такимъ образомъ ясно опредѣлилось и значеніе квартиры Гельфманъ, и принадлежность самой Гельфманъ къ преступному сообществу. Относительно личности Хоржевской товарищъ оберъ-прокурора остановилъ вниманіе на томъ, что это то лицо, которое еще въ мартѣ мѣсяцѣ проживало въ Москвѣ въ квартирѣ Скворцовой подъ именемъ хохлачки Оеклуши. Относительно своего образа дѣйствій по распространенію книгъ преступнаго содержанія, Хоржевская принимаетъ на себя положительно все. Но насколько это вѣрно, докажутъ обстоятельства дѣла. Виновность же Хоржевской, приписываемая ей обвинительнымъ актомъ, подтверждается показаніемъ Ковалева и тѣхъ лицъ, гдѣ жила Хоржевская, а также и обстановкой ея квартиры. Связь Хоржевской съ этими лицами доказывается показаніемъ свидѣтельницъ Вѣтровой и Богдановой, также и тѣмъ, что эта квартира была оставлена лицами, въ ней жившими, немедленно послѣ того, какъ Вѣтрова признала въ

одной изъ женщинъ свою знакомую, акушерку Елисѣеву, скрывшуюся отъ дознанія. Далѣе, то обстоятельство, что лица, проживавшія въ Кіевѣ, а именно: Хоржевская, Михаилъ, Прохоръ и офицеръ Петръ, снабжали лицъ, отправившихся въ Тулу, всѣмъ необходимымъ, доказывается еще слѣдующимъ: офицеръ Петръ, разыскапный по указанію Ковалева и являвшійся на службу въ формѣ, ходилъ въ квартиру Гельфманъ въ одеждѣ простого рабочаго. Онъ оказался техническимъ мастеромъ кіевскаго полигона Григоріемъ Александровымъ. Въ квартирѣ его найдены: значительный складъ книгъ преступнаго содержанія, подложные виды на жительство, всѣ матеріалы для поддѣлки подобныхъ видовъ и инструменты, которыми вырѣзывались найденныя у него фальшивыя печати. Это обстоятельство снова согласно вполнѣ съ показаніемъ Ковалева въ Тулѣ, утверждавшаго, что офицеръ Петръ не только состоитъ кассиромъ общества, но и завѣдуетъ всѣмъ имуществомъ общества. Александровъ при дознаніи далъ уклончивые отвѣты. Признавая себя виновнымъ въ томъ, что, можетъ быть, онъ зналъ о существованіи сообщества, онъ здѣсь, на судѣ, отказался отъ прежняго показанія, заявивъ при этомъ, что найденныя у него книги принадлежатъ Хоржевской. При дознаніи и на судѣ Александровъ утверждалъ, что виды на жительство принадлежатъ ему и что онъ пріобрѣлъ ихъ въ кабакѣ. Онъ не отвергаетъ также и того, что Сидорацкій отправился въ Тулу съ подложнымъ видомъ, полученнымъ отъ Александрова, при чемъ путемъ экспертизы доказано, что паспортъ этотъ составленъ самимъ Александровымъ. Затѣмъ, снабженіе книгами лицъ, отправившихся въ Тулу, доказывается обстоятельствами дѣла, уже изложенными ранѣе, а распространеніе книгъ на сахарномъ заводѣ города Кіева удостовѣряется Ковалевымъ и доказывается найденными на заводѣ книгами, при чемъ Хоржевская объстоятельствъ этихъ и не отвергаетъ. Принадлежность обвиняемаго Млодецкаго (Прохора) къ сообществу не подлежитъ сомнѣнію. Она доказывается письмомъ въ Тулу на имя Злобина, о которомъ уже было говорено. Млодецкій (Прохоръ) вмѣстѣ съ Воронковымъ (Михаилъ), Хоржевскою и Александровымъ отправляли Ковалева съ Герасимомъ Петровымъ въ Тулу, при чемъ имъ даны были подложные паспорты и Прохоръ ходилъ за деньгами на дорогу къ Александрову. Паспорты оказались поддѣланными Хоржевскою и Млодецкимъ. Всѣ обвиняемые признали, что Млодецкій ходилъ къ Александрову за деньгами, по этому факту стараются придать нѣсколько иное значеніе. На судѣ Хоржевская утверждала, что деньги эти принадлежали ей, но находились на сохраненіи у Александрова. То же самое подтверждалъ Александровъ, забывая свое же объясненіе о томъ, что у него скоплено до 150 р. денегъ, которые доставлялись ему не Хоржевской, а Млодецкимъ. Роль Воронкова, какъ члена сообщества, точно также вполнѣ опредѣлилась. Отставной подпоручикъ артиллеріи, затѣмъ, вмѣстѣ съ Млодецкимъ, студентъ Петровской академіи, онъ одновременно съ Млодецкимъ появляется въ Кіевѣ, гдѣ поступаетъ въ число чернорабочихъ, постоянно посѣщаетъ всѣ сборища, принимаетъ участіе въ отправкѣ Ковалева въ Тулу, живетъ въ квартирѣ съ акушеркой Елисѣевой и другимъ лицомъ, скрывшимся съ квартиры потихоньку ночью, въ день ареста Воронкова, и затѣмъ арестуется въ квартирѣ Гельфманъ. Далѣе, по отношенію къ Воронкову и Млодецкому существуетъ показаніе свидѣтельницы Драгуновой, уличающей ихъ въ распространеніи преступныхъ книгъ. Эта свидѣтельница утверждала, что къ нѣкоему Подгородецкому, нынѣ умершему, часто приходили Воронковъ и Млодецкій и приносили ему книги преступнаго содержанія. Свидѣтельница подробно указала, какія это книги. По кіевской группѣ, кромѣ названныхъ уже лицъ, въ качествѣ обвиняемаго привлеченъ крестьянинъ Островъ по слѣдующимъ основаніямъ: по показанію Ковалева, въ Кіевѣ къ преступному сообществу въ числѣ другихъ принадлежали дворникъ дома Денисьевой, Островъ, и чернорабочій Максимовъ. По дознанію оказалось, что, вслѣдъ за обыскомъ въ домѣ Гельфманъ, Островъ скрылся изъ Кіева, захвативъ съ собою 25 рублей денегъ, данныхъ ему хозяйкою дома для полученія лѣкарства. По разысканіи Острова на родинѣ, въ Могилевской губерніи у него найдены были книги преступнаго содержанія и, въ числѣ прочихъ, такія, которыя недоступны пониманію простого крестьянина, виды на жительство: Маріи Горощенковой, подъ именемъ которой задержана Хоржевская, и скрывшихся отъ дознанія Николая Егорова и акушерки Елисѣевой. Такимъ образомъ, существенная часть показанія Ковалева снова вполнѣ подтвердилась. Нахожденіе у Острова книгъ преступнаго содержанія и видовъ на жительство устанавливаютъ непосредственную связь его съ лицами, жившими въ Кіевѣ. Здѣсь,

какъ и въ прежнихъ случаяхъ, является желаніе свалить все на скрывшагося Максимова, котораго Островъ зналъ хорошо и который принесъ будто бы ему найденныя у него книги. Объясненіе это, по мнѣнію обвинителя, врядъ ли заслуживаетъ уваженія, и онъ поддерживаетъ поэтому обвиненіе Острова въ принадлежности къ преступному сообществу. (Сдѣланъ перерывъ на одинъ часъ).

По выходѣ въ залу засѣданія, *первоприсутствующій* заявилъ, что засѣданіе особаго присутствія, вслѣдствіе болѣзни сословнаго представителя, продолжаться не можетъ, а потому и прерывается до 11 часовъ слѣдующаго дня.

Товарищъ оберъ-прокурора, продолжая свою рѣчь, остановился прежде всего на томъ, что тѣ данныя, которыя были изложены по отношенію къ кружкамъ въ Москвѣ въ д. Костомарова, въ Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ, позволяютъ теперь сдѣлать выводъ о томъ,— составляла ли каждая изъ этихъ группъ самостоятельное общество, или же эти группы находились во взаимной между собою связи и образовывали изъ себя то противозаконное сообщество, въ которомъ подсудимые обвиняются. Первоначально кружокъ обвиняемыхъ, занимавшихся пропагандою преступныхъ идей и распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія среди рабочаго населенія образовался въ Москвѣ. Отъ апрѣльскаго дознанія успѣли скрыться подсудимые: Фигнеръ, Александрова, Хоржевская, Ольга Любатовичъ и ея сестра Вѣра Любатовичъ. Изъ этихъ лицъ Фигнеръ и Александрова являются во главѣ Ивановской общины, Хоржевская—въ Кіевѣ, Ольга Любатовичъ—сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Тулѣ. Такимъ образомъ, тѣ лица, которыя принадлежали къ московскому кружку и занимались распространеніемъ преступныхъ сочиненій, явились во главѣ другихъ кружковъ, образовавшихся въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Взаимная связь этихъ четырехъ группъ прежде всего обусловливается происхожденіемъ отъ перваго кружка, который возникъ въ апрѣлѣ 1875 г. въ Москвѣ. Дальнѣйшими доказательствами этой связи служитъ письмо отъ 19-го іюля, отобранное въ Ивановѣ, и взаимная переписка лицъ, составлявшихъ кружки, которая была отобрана въ Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Затѣмъ переписка, отобранная въ Москвѣ въ квартирѣ кн. Циціанова и у обвиняемыхъ во время содержанія ихъ подъ стражею, приводитъ къ тому же убѣжденію. Такъ, въ одномъ изъ писемъ, Чекондзе говоритъ объ арестѣ лицъ въ Ивановѣ и называетъ ихъ „наши ивановскіе друзья“. Онъ укоряетъ этихъ друзей за то, что они дали возможность обнаружить его званіе. Въ письмѣ отъ 19-го іюля сообщаются въ Иваново всѣ обстоятельства, касающіяся обвиняемыхъ по апрѣльскому дознанію: упоминается о Бардиной, Джабадари, Чекондзе и обѣщается освобожденіе Чекондзе изъ-подъ ареста. Это же письмо устанавливаетъ связь Москвы и Иванова съ Одессою предложеніемъ выбрать новаго члена сообщества и указаніемъ на невозможность такого избранія безъ согласія ивановцевъ. Оно же говоритъ о необходимости образовать тульскую общину. Тульскій кружокъ, согласно письму 19—26 іюля, образовывается изъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ Одессы и Кіева. Такимъ образомъ всѣ эти кружки связываются между собою въ одно цѣлое; они дѣйствуютъ въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи, поддерживаютъ между собою постоянныя сношенія, дѣйствуютъ по одному опредѣленному плану, одними пріемами и средствами. Одесская община не была обнаружена, но обнаружены только нѣкоторыя лица, несомнѣнно принадлежавшія къ сообществу; поэтому жизнь и дѣятельность одесской общины осталась неизвѣстною. Въ другихъ же трехъ мѣстностяхъ: Ивановѣ, Кіевѣ и Тулѣ, дѣятельность лицъ, образовавшихъ кружки, однообразна. Пріѣзжая въ извѣстную мѣстность, эти лица прежде всего устраиваютъ пріюты, или, говоря языкомъ закона, притоны, куда могутъ пріѣзжать и гдѣ могутъ жить члены общества, гдѣ происходятъ сборища, и вообще устраивается центръ дѣятельности кружковъ. Такими притонами въ Москвѣ были квартиры сначала въ домѣ Костомарова, а потомъ въ домѣ Корсакъ; въ Ивановѣ—домъ Киспна, въ Тулѣ—Кузовлева, и въ Кіевѣ—отчасти квартира Воронкова, въ домѣ Комарова, а отчасти квартира Хоржевской, у Вѣтровой. Центромъ сборищъ въ Кіевѣ служила квартира акушерки Гельфманъ. Устроившись такимъ образомъ, члены кружка изыскиваютъ такую квартиру, такое лицо, черезъ которое можно было бы вести переписку и которое, принадлежа къ сообществу, было бы лицомъ надежнымъ. Вести переписку по адресу притона рискованно, необходимъ другой адресъ. Этотъ пріемъ одинаковъ во всѣхъ общинахъ. Правда, въ первомъ московскомъ кружкѣ не было такого лица и квартиры, но въ то время была первая попытка, первый приступъ къ развитію общинъ, при чемъ всѣ

члены сообщества были налицо въ Москвѣ. Вотъ почему при обыскѣ въ домѣ Корсакъ никакой переписки не найдено, тогда какъ при дальнѣйшихъ обыскахъ въ провинціальныхъ общинахъ находится уже значительная переписка. Затѣмъ и въ Москвѣ, когда образовалось нѣсколько провинціальныхъ общинъ, устроилась квартира, черезъ которую проходила вся переписка между членами московскаго кружка и провинціальными общинами—это квартира Медвѣдевой. Въ Кіевѣ подобной квартирой была квартира Гельфманъ и въ Тулѣ—квартира Злобина. Цѣль всѣхъ кружковъ или общинъ одна и та же—распространеніе преступныхъ идей среди рабочихъ той мѣстности, гдѣ находятся члены кружка, распространеніе посредствомъ извѣстныхъ, излюбленныхъ пропагандистами книгъ, а конечная цѣль такой пропаганды—если не теперь, то въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, насильственный переворотъ и ниспроверженіе существующаго въ Россіи порядка управленія. Любимыми книгами пропагандистовъ во всѣхъ общинахъ были: „Хитрая механика“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Емелька Пугачевъ“. Говорить о содержаніи этихъ книгъ обвинитель считалъ излишнимъ, въ виду того, что оно извѣстно особому присутствію какъ по настоящему дѣлу, такъ и по другимъ дѣламъ, прежде имъ разсмотрѣннымъ, и заявилъ только, что большинство этихъ книгъ содержитъ въ себѣ прямой призывъ народа къ бунту. Всѣ тѣ лица, которыя занимались пропагандою въ Москвѣ, Ивановѣ, Тулѣ и Кіевѣ, приступая къ своей преступной дѣятельности, старались прежде всего поддѣлаться подъ образъ жизни, топъ и обычаи простого народа. Они одѣвались въ крестьянское платье, ходили босикомъ, исполняли всѣ черныя, домашнія работы, наконецъ, назывались умепьшительными, презрительными именами, какъ, напримѣръ, Машка, Вѣрка, Лидька и т. д. Но въ этой поддѣлкѣ подъ образъ жизни и обычаи рабочихъ выражается полное незнаніе того народа, къ которому они обращали свою пропаганду. Очевидно, что вся эта поддѣлка, которою пропагандисты желали показать свою солидарность съ народомъ, не могла обмануть народъ. И, дѣйствительно, изъ показаній свидѣтелей оказывается, что едва только эти лица являются на фабрики, ихъ тотчасъ же узнаютъ; узнаютъ, что они вовсе не рабочіе, и стараются какъ можно скорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Въ этомъ отношеніи стоитъ только припомнить показанія рабочихъ московскихъ фабрикъ. Однообразный способъ дѣйствій членовъ этого общества простирался до самыхъ мелкихъ подробностей, даже до способа защиты при дознаніи. Такъ, во всѣхъ кружкахъ—безполезный и малоосмысленный отказъ обнаружить свое званіе, называя себя одними буквами азбуки, попытка уничтожить документъ, стараясь его проглотить. Связь провинціальныхъ группъ и перваго кружка между собою должна быть признана вполнѣ доказанною, принадлежность этихъ группъ къ одному преступному сообществу внѣ всякихъ сомнѣній. Но этого мало. Сообщество, о которомъ идетъ рѣчь, члены котораго были „на работѣ“ въ провинціи, имѣло и свое управленіе, администрацію. Администрація эта находилась въ Москвѣ. Ивановская переписка доказываетъ, что изъ Москвы идутъ предложенія о выборѣ новыхъ членовъ, о перемѣщеніи членовъ одной группы въ другую; изъ Москвы слѣдятъ внимательно за развитіемъ пропаганды, даже ѣздятъ на мѣсто посмотрѣть, какъ идетъ дѣло. Подобное путешествіе было совершено Вѣрой Любатовичъ въ Тулу, какъ это значится въ письмѣ отъ 19-го іюля. Москва снабжаетъ ивановскихъ пропагандистовъ бѣльемъ, платьемъ, оружіемъ, книгами, вообще всѣмъ для нихъ необходимымъ. Это обстоятельство подтверждается тѣмъ, что въ Москвѣ существуетъ складъ, что тамъ есть центральное управленіе, руководящее дѣломъ, пріобрѣтающее все необходимое для пропагандистовъ, разсылающее необходимые предметы по общинамъ. Кіевская группа находилась также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвою. Такъ, Хоржевская пишетъ изъ Кіева въ Москву о томъ, что въ Москвѣ необходимо устроить квартиру, гдѣ могли бы останавливаться рабочіе и интеллигентные члены кіевской группы, которымъ нужно уѣхать въ Москву; сообщается перемѣна адресовъ; туда же ѣдутъ передъ учрежденіемъ новой тульской общины лица, для образованія ея предназначенныя. Наконецъ, письмо отъ 26 іюля категорически указываетъ на существованіе администраціи сообщества въ Москвѣ, образованной по опредѣленной программѣ. Это письмо говоритъ о нежеланіи его автора оставаться долѣе срока, опредѣленнаго программой, членомъ администраціи, и онъ требуетъ замѣнить его въ этой должности. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ данныхъ представляется несомнѣннымъ, что всѣ четыре общины составляютъ одно преступное сообщество,

главное управленіе котораго находится въ Москвѣ. Случай помогъ обнаружить мѣстопребываніе администраціи и отдать въ руки правосудія ея членовъ. Во время ареста пропагандистовъ въ Ивановѣ, при отправкѣ ихъ по желѣзной дорогѣ, было задержано лицо, которое переговаривалось знаками съ одною изъ арестованныхъ женщинъ. Лицо это оказалось обвиняемымъ, Антимосомъ Гамкрелидзе, а женщина, съ которою онъ переговаривался, его женою, Екатериною Гамкрелидзе, состоявшею членомъ ивановскаго кружка и прибывшею въ Иваново изъ Москвы незадолго до производства обыска и ареста. Этотъ арестъ Антимоса Гамкрелидзе послужилъ тѣмъ исходнымъ пунктомъ, который далъ возможность обнаружить составъ и мѣстопребываніе администраціи сообщества. У Гамкрелидзе было найдено большое количество книгъ преступнаго содержанія, револьверы и рукопись „Сказка о мудрицѣ Наумовой“. Во время обыска, въ квартиру Гамкрелидзе явились и были задержаны еще три лица—Кардашевъ, кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ. Арестъ этихъ трехъ лицъ далъ возможность обнаружить дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Послѣ обыска въ квартирѣ Гамкрелидзе было совершено новое преступленіе однимъ изъ задержанныхъ лицъ. Въ то время, когда поручикъ Ловягинъ, окончивъ обыскъ, сталъ надѣвать шубу, въ него внезапно, и почти въ упоръ, были сдѣланы 2 выстрѣла, очевидно, съ цѣлью его убить, такъ какъ стрѣлять въ человѣка на разстояніи 4—5 шаговъ невозможно, не имѣя намѣренія совершить убійство. Вслѣдствіе выстрѣловъ, на Циціанова бросились городовые и помощникъ надзирателя Ѳедоровъ, обезоружили его и задержали. Въ этой свалкѣ приняла участіе и обвиняемая Вѣра Любатовичъ. Такимъ образомъ, на Циціанова падаетъ обвиненіе въ покушеніи на умышленное убійство, и это доказывается рядомъ свидѣтелей, какъ потерпѣвшимъ Ловягинымъ, такъ и понятыми, бывшими при обыскѣ. По обвинительному акту, Вѣра Любатовичъ обвиняется въ намѣреніи лишить жизни помощника надзирателя, Ѳедорова. На судебномъ слѣдствіи обстоятельство это не подтвердилось. Свидѣтели показали только, что Любатовичъ въ свалкѣ бросилась на Ѳедорова и царапала ему лицо. Вслѣдствіе этого обвинитель заявилъ, что онъ не можетъ поддерживать обвиненія Любатовичъ въ покушеніи на убійство Ѳедорова, но что, во всякомъ случаѣ, въ дѣйствіяхъ ея выражается сопротивленіе силой чиновнику, находившемуся при исполненіи обязанностей службы. Итакъ, въ квартирѣ Гамкрелидзе были задержаны: Кардашевъ, Вѣра Любатовичъ и князь Циціановъ, которые, по показанію прислуги, часто посѣщали Гамкрелидзе и, какъ впослѣдствіи оказалось, имѣютъ въ дѣлѣ особое серьезное значеніе. Любатовичъ и Циціановъ сначала отказались объявить свое званіе, фамиліи и мѣсто жительства, но все это вскорѣ было обнаружено. Оказалось, что кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ жили вмѣстѣ въ домѣ Толстой; въ ихъ квартирѣ, въ двухъ чемоданахъ, было найдено большое количество преступнаго содержанія книгъ, разная переписка, револьверы и, въ особыхъ корзинахъ, значительное количество бѣлья и платья, мужского и женскаго, и предметы, необходимые при совершеніи браковъ, а именно, тафта подъ ноги, цвѣты и вѣнчальныя свѣчи. Изъ числа всѣхъ этихъ вещественныхъ доказательствъ обращаетъ на себя особое вниманіе масса различныхъ бумагъ, значительная переписка и большое количество книгъ преступнаго содержанія. Все это указывало на то, что въ квартирѣ этой былъ складъ сообщества. Среди различныхъ бумагъ были найдены виды на жительство на имя Шатрова, Полякова и Смирнова, при чемъ нѣкоторые оказались подложными; найдены вытравленные виды, приготовленные для поддѣлки фальшивыхъ паспортовъ, и разные предметы, необходимые для самой поддѣлки: печати, краски и пр.; далѣе найдены шифрованные адресы, переписка съ арестованными лицами, переписка о взятіи обвиняемыхъ на поруки, записныя книжки и, наконецъ, письмо 4-го іюля. Переписка съ арестованными состояла изъ трехъ писемъ. Два изъ нихъ по своему содержанію доказываютъ, что они написаны обвиняемымъ по апрѣльскому дознанію, Георгіевскимъ. Въ нихъ говорится, какимъ образомъ можно организовать побѣгъ изъ Рогожской части; говорится о необходимости пріискать квартиру въ городѣ Орлѣ, на которую Георгіевскій могъ бы сослаться; говорится о Чеконидзе, ходившемъ къ нему, когда онъ жилъ въ домѣ Кузьмина. Все это всецѣло относится къ показанію Георгіевскаго, даннаго при дознаніи. Переводъ одного изъ этихъ шифрованныхъ писемъ приписывается Екатеринѣ Гамкрелидзе, потому что эксперты нашли сходство съ ея почеркомъ. При повѣркѣ экспертизы эксперты дали нѣсколько уклончивое объясненіе, вслѣдствіе чего обвинитель не настаивалъ на томъ, что переводъ сдѣланъ рукою Екатерины Гамкрелидзе, тѣмъ болѣе, что и безъ того про-

тивъ нея представляется слишкомъ достаточно доказательствъ того, что она была членомъ преступнаго сообщества. Затѣмъ былъ найденъ еще переводъ одного письма, писаннаго арестантомъ. Чекоидзе самъ признаетъ, что письма принадлежатъ ему, переводъ же этого письма сдѣланъ обвиняемой Вѣрою Любатовичъ. Экспертиза признала, что почеркъ, которымъ писанъ этотъ переводъ, принадлежитъ тому же лицу, которое писало въ Иваново письмо отъ 26-го іюля, а это послѣднее, какъ далѣе будетъ доказано, несомнѣнно писано Вѣрою Любатовичъ. Затѣмъ, письмо отъ 4-го іюля написано обвиняемою Фигнеръ, а записка писана Александровою. Кромѣ того, найдены три рукописи, приготовленныя для печати: о подготовкѣ пропагандиста, рѣшившагося идти въ народъ, „Разсказъ солдата“ и корреспонденція о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Изъ нихъ, „Разсказъ солдата“ писанъ Вѣрою Любатовичъ, а на рукописи о подготовкѣ пропагандиста сдѣланы замѣтки рукою обвиняемаго Цвиленева. Изъ записныхъ книжекъ: одна оказалась принадлежащею подсудимому Цвиленеву, другая — Ціціанову и третья — Овчинникову. Такимъ образомъ, изъ обнаруженныхъ обыскомъ бумагъ оказывается, что въ перепискѣ принимали участіе Овчинниковъ, Георгіевскій, Чекоидзе, Вѣра Любатовичъ, Фигнеръ и Александрова, а изъ другихъ предметовъ оказались вещи, принадлежащія Цвиленеву и Овчинникову; кромѣ того, въ квартирѣ этой найденъ складъ бѣлья, принадлежащаго большинству подсудимыхъ: Тумановой, Бардиной, Фигнеръ, Субботинымъ, Хоржевской и другимъ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ доказываетъ, по мнѣнію обвинителя, что квартира въ домѣ Толстой была помѣщеніемъ администраціи сообщества. Но квартира эта была занята незадолго до обыска. По этому является вопросъ, гдѣ же до переѣзда на эту квартиру жили лица, занимавшія ее? Въ Ивановѣ былъ арестованъ, между прочимъ, обвиняемый Агаповъ, который и показалъ, что пропагандисты могутъ находить въ Москвѣ всякую себѣ поддержку и могутъ скрываться отъ преслѣдованія у лицъ, живущихъ на Спиридоновкѣ въ домѣ Эйнбродтъ. При этомъ онъ говорилъ, что квартира эта нанята на имя Фигнеръ, но что тамъ проживаетъ подъ ея именемъ другое лицо. Домъ этотъ былъ разысканъ, и оказалось, что показаніе Агапова справедливо. Дознаніемъ было обнаружено, что квартира была нанята сначала Марьей Субботиной, а затѣмъ, съ 26-го мая, была Субботиною передана Фигнеръ и до 6 августа числилась за нею. Между тѣмъ, Фигнеръ съ конца іюня жила уже въ Ивановѣ, а, слѣдовательно, весь іюль находиться въ Москвѣ не могла. По предъявленіи здѣсь, на судѣ, свидѣтельницѣ Красновой подсудимыхъ, она указала на Вѣру Любатовичъ, какъ на Фигнеръ, жившую въ ихъ домѣ. Такимъ образомъ оказывается, что лицо, къ которому пропагандисты должны были обращаться за помощью и которое обязано было оказывать имъ эту помощь, была Вѣра Любатовичъ. Съ 6 августа Вѣра Любатовичъ поселилась вмѣстѣ съ Ціціановымъ въ домѣ Толстой. Такимъ образомъ, и домъ Эйнбродтъ, и домъ Толстой были тѣми центрами, въ которыхъ помѣщалась администрація сообщества. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ письмо отъ 19-го іюля и приписка къ нему отъ 26-го іюля. Прежде нежели представить доказательство тому, кѣмъ были написаны эти письма и приписка, обвинитель призналъ необходимымъ остановиться на обстоятельствахъ ареста одного изъ главныхъ и видныхъ дѣятелей этого сообщества: 13-го сентября въ Москвѣ была получена депеша, которая давала знать, что по желѣзной дорогѣ изъ Кишинева, черезъ Харьковъ и Москву, прошло подъ видомъ кожевеннаго товара три ящика съ книгами преступнаго содержанія. Обнаружилось это вслѣдствіе того, что артельщики желѣзной дороги въ Харьковѣ подмѣнили одно изъ этихъ мѣстъ, думая украсть кожевенный товаръ, и затѣмъ стали распродавать похищенныя ими такимъ образомъ книги. Вслѣдствіе подобной депеши, въ Москвѣ слѣдили за появленіемъ лица, которое должно было явиться за полученіемъ товара. Оно дѣйствительно явилось и было арестовано. Лицо это назвалось сначала Верперомъ, а затѣмъ Иваномъ Андреевымъ, каковымъ продолжало называться почти до окончанія дознанія. Несмотря на упорное запирательство, званіе Ивана Андреева было обнаружено — онъ оказался обвиняемымъ Здановичемъ. Здановичъ былъ арестованъ на другой день своего пріѣзда въ Москву. Онъ остановился въ номерахъ на Маросейкѣ, сдалъ свои вещи швейцару, ушелъ и болѣе не возвращался. Взятъ онъ былъ брюнетомъ, но, пробывши нѣкоторое время подъ арестомъ, волосы припяли свой естественный цвѣтъ и получили рыжій цвѣтъ. Въ номерѣ Здановича, между другими вещами, была найдена краска для волосъ. Такимъ образомъ оказалось, что по цвѣту волосъ онъ могъ носить

ту кличку, которая такъ часто упоминается въ этомъ дѣлѣ. При арестѣ Здановича у него отобраны были: программа устава сообщества, адресы, совершенно тождественные съ адресами, найденными у Хоржевской, ключъ къ шифру, писанный этою послѣднею, и счетъ расходовъ по поѣздкѣ въ Кишиневъ и Одессу. Въ двухъ тюкахъ, пришедшихъ по желѣзной дорогѣ, вмѣсто кожевеннаго товара найдено до 2500 экземпляровъ книгъ преступнаго содержанія.

Затѣмъ обвинитель перешелъ къ доказательству того, кѣмъ писаны письма 19-го и 26-го іюля въ Иваново. Онъ остановилъ вниманіе на слѣдующихъ обстоятельствахъ. Авторъ приписки состоитъ членомъ администраціи и не хочетъ долѣе оставаться въ этой должности; онъ желаетъ ѣхать работать въ Кіевъ. Евгенія Субботина въ письмѣ на имя Анны Топорковой объясняетъ, что Вѣра не желаетъ оставаться членомъ администраціи и думаетъ уѣхать на работу въ Кіевъ. Такимъ образомъ, письмо отъ 26-го іюля писано *Вѣрою*. Далѣе, въ отвѣтъ на письмо отъ 26 іюля, Александрова пишетъ автору этого письма, что Ивановскіе члены не желаютъ ѣхать въ Тулу, и предлагаетъ, чтобы осуществился проектъ отправки въ Тулу сестры автора, Ольги. Дѣйствительно, проектъ о высылкѣ изъ Одессы въ Тулу Ольги осуществился, и въ этомъ послѣднемъ городѣ была арестована обвиняемая Ольга Любатовичъ, сестра Вѣры Любатовичъ. Несомнѣннымъ становится, что письмо 26-го іюля было написано Вѣрою Любатовичъ. Съ другой стороны, авторъ письма отъ 19-го іюля пишетъ, что онъ долженъ уѣхать изъ Москвы на границу „по дѣлу о пути", т.-е. устроить сношеніе съ заграницею по доставленію книгъ преступнаго содержанія. Письмо 26 іюля увѣдомляетъ, что письмо отъ 19 іюля написано *Рыжимъ*: Евгенія Субботина сообщаетъ Топорковой о томъ, что Рыжій уѣхалъ изъ Москвы. По показанію свидѣтелей Дмитріева и Іоселіани, Рыжимъ звали Здановича, и кличку эту самъ Здановичъ употреблялъ въ сношеніяхъ съ товарищами. Здановичъ былъ въ Кишиневѣ, что доказывается его письмами, и онъ арестованъ при полученіи имъ книгъ, высланныхъ имъ въ Москву изъ Кишинева. Очевидно, что письмо отъ 19 іюля писано Здановичемъ, что признано и экспертами, сличавшими почеркъ. Здановичъ настойчиво отказывался отъ этого письма, что вполнѣ понятно, такъ какъ положеніе „Рыжаго" представляется настолько серьезнымъ и важнымъ, что признать себя „Рыжимъ" крайне неудобно. Ни объ одномъ изъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Чекоидзе, не было приложено членами, оставшимися на свободѣ, столько старанія для скрытія отъ преслѣдованія, какъ о „Рыжемъ". Они принимаютъ особыя мѣры, чтобы предупредить его и спасти. Кардашевъ сообщаетъ черезъ Микеладзе, что въ Москвѣ происходятъ аресты, что деньги взяты, что бумаги находятся у Медвѣдихи. Чтобы поставить „Рыжаго" въ извѣстность, неизвѣстное лицо пишетъ на имя Елены Петровны: „Предупредите Георгія, чтобы онъ остерегался". Лица, которыя желаютъ предупредить „Рыжаго" объ опасности, сообщаютъ о томъ въ Одессу и Кіевъ. Въ Одессу сообщаетъ Кардашевъ, а въ Кіевѣ получено письмо, подписанное Воейковою, но писанное Надеждою Субботиною, какъ это доказываетъ надпись на письмѣ, сдѣланная Субботиною. Она сообщаетъ, что она одна въ Москвѣ и необходимо присутствіе „Рыжаго", но чтобы онъ перемѣнилъ наружность и не ходилъ по старымъ адресамъ. Наконецъ, Здановичъ самъ признаетъ это обстоятельство въ своемъ шифрованномъ письмѣ, найденномъ на квартирѣ Георгіевской и Введенской, и въ письмѣ, найденномъ на Кавказѣ. Въ первомъ письмѣ онъ настаиваетъ на томъ, чтобы были приняты мѣры ввести въ заблужденіе производившихъ дознаніе и опровергнуть то обстоятельство, что его признаютъ за „Рыжаго". Но еще большимъ доказательствомъ служитъ письмо на Кавказъ, гдѣ говорится: „Дерзкая и отчаянная мысль пришла мнѣ въ голову,—не только доказать, что я не „Рыжій", но даже выпутаться самому" и т. д. Сопоставленіе всѣхъ этихъ данныхъ несомнѣнно доказываетъ, что Здановичъ есть тотъ самый „Рыжій", о которомъ идетъ дѣло. Содержаніе письма 19 іюля, писаннаго Здановичемъ, доказываетъ, что онъ находился въ администраціи сообщества одновременно съ Вѣрою Любатовичъ. Далѣе обвинитель перешелъ къ участію въ дѣлѣ подсудимаго Цвиленева, на которое указываютъ вещественныя доказательства. Изъ протокола обыска видно, что въ чемоданѣ Цвиленева найдены главныя вещественныя по дѣлу доказательства, самый чемоданъ арестованъ въ квартирѣ администраціи. Цвиленевъ отрицаетъ принадлежность себѣ этихъ вещей, и защита, сознавая серьезность подобнаго обстоятельства, вызвала свидѣтелей, которые должны были доказать, что вещи эти не-

принадлежатъ Цвиленеву. Въ чемоданѣ были найдены документы на званіе Цвиленева; довѣренность, принадлежащая ему; нѣкоторыя рукописи, которыя признаны имъ за свои. Все это приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что чемоданъ съ этими вещами принадлежалъ Цвиленеву. Противъ этого выставляется разсказъ обвиняемыхъ, сдѣланный на судѣ. Но если бы эти вещественныя доказательства не находились у Цвиленева на храненіи, если бы онъ не принималъ участія въ этомъ сообществѣ, то могъ бы еще при первомъ предъявленіи этихъ вещественныхъ доказательствъ объяснить, какимъ образомъ документы на его званіе, довѣренность и рукописи попали въ этотъ чемоданъ. Онъ могъ это сдѣлать тѣмъ болѣе, что въ то время Ципіановъ, Вѣра Любатовичъ и Кардашевъ были уже арестованы,— слѣдовательно, онъ не выдавалъ никого. Но Цвиленевъ не далъ тогда никакихъ указаній, что мотивируется здѣсь тѣмъ, будто квартиру его посѣщала сестра, и онъ не хотѣлъ ее компрометировать. Теперь здѣсь говорятъ, что Цвиленевъ, случайно познакомившись съ Ципіановымъ, получилъ отъ него рукопись, извѣстную подъ названіемъ: „Экспедиція шефа жандармовъ“; что, получивъ эту рукопись, Цвиленевъ принесъ ее обратно Ципіанову въ условленное мѣсто, послѣ чего сталъ бывать у Ципіанова. Черезъ нѣсколько дней Ципіановъ принесъ къ Цвиленеву свой чемоданъ на храненіе, въ этотъ чемоданъ Цвиленевъ положилъ пачку своихъ бумагъ. Послѣ ареста Цвиленева чемоданъ этотъ былъ взятъ обратно Ципіановымъ изъ квартиры Цвиленева. При этомъ Ципіановъ сослался на показаніе хозяйки квартиры, которую будто бы Цвиленевъ просилъ выдать чемоданъ Ципіанову. Затѣмъ Ципіановъ, отыскивая въ чемоданѣ какіе-то документы, спуталъ ихъ съ Цвиленевскими. Но, по мнѣнію обвинителя, это крайне сложное и смутное объясненіе не выдерживаетъ критики и опровергается показаніемъ свидѣтелей, вызванныхъ защитой. Ципіанову не было никакой надобности носить чемоданъ къ Цвиленеву, такъ какъ у Ципіанова была своя квартира и, сверхъ того, была квартира въ домѣ Эйнбродтъ, гдѣ онъ могъ оставить свои вещи. По осмотру чемодана судебнымъ слѣдователемъ удостовѣрено, что всѣ бумаги, находившіяся въ немъ, были завернуты отдѣльными пачками. Въ одной изъ пачекъ, завернутой въ черновой паспортъ Полякова, находились бумаги Цвиленева, и если признать только эту пачку за принадлежащую Цвиленеву, то окажется, что ему принадлежала большая часть наиболѣе важныхъ для дѣла документовъ. Такъ, въ ней находились: письмо въ Карасубазаръ, книжка съ шифромъ, по которому прочтены письма Георгіевскаго, и шифрованные адресы, въ которыхъ слова буквами писаны Цвиленевымъ, что имъ самимъ сознано. Такимъ образомъ, если признать, что эта пачка составляла ту, которую Цвиленевъ положилъ въ чемоданъ Ципіанова, то этимъ нисколько не ослабляется значеніе и сила разбираемой улики. Защитѣ не только не удалось путемъ свидѣтельскихъ показаній доказать принадлежность чемодана Ципіанову, но наоборотъ— свидѣтели вполнѣ опровергли объясненія подсудимыхъ. Хозяйка квартиры, свидѣтельница Кравцова, показала на судѣ, что Цвиленевъ нанялъ у нея комнату посуточно; что вещи его состояли только изъ чемодана, подушки, одѣяла и, кажется, сакъ-вояжа. Послѣ усиленныхъ настояній защиты, свидѣтельница показала, что, можетъ быть, былъ и еще чемоданъ гдѣ-нибудь подъ кроватью, но она его не видала. Затѣмъ она вполнѣ отрицала ссылку на нее Ципіанова и утверждала, что Цвиленевъ говорилъ только о томъ, чтобы она отдала вещи его сестрѣ. Сестра подсудимаго показала, что она дѣйствительно получила отъ Кравцовой чемоданъ, подушку, одѣяло и сакъ-вояжъ. Кромѣ того, Кравцова показала, что Цвиленевъ не говорилъ, что нанимаетъ квартиру посуточно, въ виду намѣренія ѣхать въ деревню, а потому, что хочетъ пріискать товарищей, чтобы вмѣстѣ жить. Хотя отецъ Цвиленева подтвердилъ, что сынъ собирался къ нему пріѣхать, но насколько подсудимый относился прямодушно къ своему отцу — доказываетъ слѣдующее обстоятельство: на вопросъ обвинителя отецъ Цвиленева показалъ, что онъ видѣлся съ сыномъ въ іюлѣ 1875 года въ Москвѣ, при чемъ подсудимый говорилъ ему, что онъ находится еще и нынѣ студентомъ медико-хирургической академіи. Между тѣмъ, справка академіи доказываетъ, что въ то время онъ былъ уже уволенъ изъ академіи.

Послѣ перерыва, который обыкновенно дѣлается въ 2 часа для обѣда подсудимыхъ, товарищъ оберъ-прокурора, продолжая свою рѣчь, остановилъ вниманіе особаго присутствія на программѣ революціоннаго сообщества, найденной у Здановича и признанной имъ. Одинъ изъ параграфовъ этой программы опредѣляетъ, что новыя общины учреждаются членомъ

одной изъ существующихъ. Этотъ параграфъ былъ осуществленъ въ общинахъ ивановской, кіевской и тульской. Существованіе одесской общины не доказано, доказано только присутствіе тамъ Любатовичъ и Субботиной. Названные же три общины дѣйствительно были организованы лицами, принадлежавшими къ тому ядру сообщества, которое представляетъ московскій кружокъ въ домѣ Корсакъ. Такъ, во главѣ ивановской общины стояли Фигнеръ и Александрова, которыя принадлежали къ московскому кружку. Во главѣ кіевской общины, по крайней мѣрѣ, главнымъ ея дѣятелемъ, была Хоржевская, проживавшая еще въ квартирѣ Скворцовой подъ именемъ хохлушки Оеклуши. Наконецъ, тульская община была основана Ольгой Любатовичъ. Такимъ образомъ, всѣ эти три общины были основаны членами московскаго кружка. Далѣе программа устанавливаетъ, что лицо можетъ быть принято не иначе, какъ по единогласному избранію всѣхъ членовъ общинъ. Въ письмѣ отъ 19-го іюля предлагается принятіе новаго члена Сапчо, т.-е. князя Циціанова, при чемъ указывается, что всѣ согласны и только требуется согласіе членовъ ивановской общины. Далѣе, по программѣ членъ сообщества не имѣетъ права отказываться отъ порученія, которое на него будетъ возложено. Въ письмѣ отъ 26-го іюля говорится о томъ, что на Здановича было возложено порученіе устроить путь съ заграницею и что, несмотря на то, что этого ему не хотѣлось, онъ долженъ былъ подчиниться требованію устава. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ письма, т.-е. Вѣра Любатовичъ, говоритъ, что не все то приходится дѣлать, чего хочется. Такимъ образомъ члены считали своею обязанностью подчиняться распоряженіямъ, исходящимъ отъ администраціи. Въ отдѣлѣ объ организаціи, въ программѣ говорится, что въ настоящее время управленіе состоитъ изъ трехъ членовъ. Это служитъ прямымъ указаніемъ на то, что программа уже приводится въ исполненіе, что въ то время въ составѣ его были три члена. Далѣе, по программѣ члены сообщества вступаютъ въ администрацію по очереди или по взаимному соглашенію и находятся тамъ въ продолженіи одного мѣсяца. Въ письмѣ отъ 26-го іюля Вѣра Любатовичъ указываетъ именно на этотъ срокъ. Затѣмъ, по той же программѣ, на членахъ администраціи лежитъ обязанность по храненію книгъ, адресовъ, денегъ, по предупрежденію объ опасности, поддержанію сношеній съ арестованными, по содѣйствію побѣгамъ, по снабженію пропагандистовъ всѣмъ необходимымъ и т. д. Всѣ эти предписанія дѣйствительно исполнялись тѣми лицами, которыя составляли администрацію. Такимъ образомъ, представляется достаточно доказаннымъ, что программа осуществлялась, что она была положена въ основаніе той дѣятельности, которая составляла цѣль преступнаго сообщества. Затѣмъ обвинитель перешелъ къ обвиненію тѣхъ лицъ, которыя приходили въ соприкосновеніе съ сообществомъ, т.-е. тѣхъ, которыя, состоя его членами, не входили въ составъ отдѣльныхъ группъ и не принадлежали къ администраціи. Первымъ изъ такихъ лицъ представляется арестованный при обыскѣ въ гостиницѣ „Украина“ подсудимый Кардашевъ, именовавшійся тогда княземъ Кочакидзе. Тотчасъ по арестованіи онъ заявилъ, что у него на квартирѣ находится значительная сумма денегъ. Поэтому былъ произведенъ обыскъ и дѣйствительно найдено около 8.500 р. и билетъ въ 1.100 р., принадлежащій Тумановой, съ ея бланковой надписью. Дознаніемъ вполнѣ опредѣлилось, какое значеніе имѣлъ этотъ капиталъ. Но прежде нежели представить доказательство этого значенія капитала, обвинитель остановился на личности подсудимаго и высказалъ, что Кардашевъ въ 1873 году уѣхалъ за границу, гдѣ находился студентомъ дрезденской политехнической школы. Въ февралѣ 1875 года онъ впервые является въ Москву, одновременно съ Чекондзе. Какое значеніе имѣлъ этотъ пріѣздъ, можно видѣть изъ той дѣятельности, которою занимался Чекондзе, а эта дѣятельность видна изъ обстоятельствъ, которыя касались распространенія преступныхъ сочиненій на московскихъ фабрикахъ. Уже въ то время Чекондзе является членомъ кружка, однимъ изъ лицъ, жившихъ въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова. Такимъ образомъ, устанавливается первая связь Чекондзе съ Кардашевымъ и появленіе Кардашева въ Москвѣ въ то время, когда основывалось преступное сообщество. Во второй разъ Кардашевъ пріѣхалъ въ Москву изъ-за границы въ концѣ іюня 1875 года, проживалъ въ Москвѣ подъ чужимъ именемъ и получилъ въ Орлѣ новый заграничный паспортъ на имя князя Кочакидзе. Въ этотъ пріѣздъ прежде всего представляется страннымъ то обстоятельство, что Кардашевъ, живя въ Дрезденѣ, проѣхалъ на югъ черезъ Яссы, что доказывается его записной книжкой и собственнымъ показаніемъ на судѣ. Черезъ Яссы лежалъ тотъ путь, по которому получались книги изъ-за границы и по

которому Здановичъ привезъ книги въ Москву. Кардашевъ говоритъ, что онъ былъ вызванъ Циціановымъ, сообщившимъ ему объ арестѣ Чекоидзе. Кардашевъ досталъ за границею деньги и пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью освободить Чекоидзе подъ залогъ. Объясненіе это подтверждено Циціановымъ, который вообще подтверждаетъ всѣ показанія, служащія къ облегченію участи другихъ и къ ухудшенію участи его самого. Но при первомъ сопоставленіи этого объясненія съ обстоятельствами дѣла, представляется страннымъ слѣдующее: Кардашевъ ѣдетъ изъ-за границы съ тѣмъ, чтобы войти въ сношенія съ властями, т.-е. просить объ освобожденіи изъ-подъ ареста политическаго арестанта, но при этомъ ѣдетъ съ чужимъ паспортомъ и является въ Москву не только подъ чужимъ именемъ, но подъ именемъ Чекоидзе, котораго именно и желаетъ освободить изъ-подъ ареста. Очевидно, что если бы онъ имѣлъ дѣйствительно эту цѣль, то, конечно, принялъ бы и соотвѣтствующія мѣры. Во все время пребыванія въ Москвѣ Кардашевъ не приводитъ въ исполненіе того намѣренія, съ которымъ пріѣхалъ изъ Дрездена. Онъ не обращается ни къ кому съ ходатайствомъ объ освобожденіи Чекоидзе, и объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Что же онъ дѣлаетъ? Указывая на взаимныя отношенія между лицами, съ которыми Кардашевъ приходилъ въ прикосновеніе, можно указать только на тѣхъ обвиняемыхъ, которые имѣютъ наиболѣе серьезное значеніе въ дѣлѣ. Онъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Вѣрой Любатовичъ и княземъ Циціановымъ. Желая возвратиться за границу, онъ хотѣлъ взять заграничный паспортъ. Казалось бы, что онъ могъ его взять въ Москвѣ, но онъ ѣдетъ брать его въ внѣ Москвы, и ѣдетъ не въ ближайшій городъ, а въ Орелъ, при чемъ его сопровождаетъ Циціановъ; въ Орлѣ они видятся съ какою-то женщиною. Этою женщиною предполагалась Марья Субботина, но утверждать это не представляется достаточныхъ доказательствъ. Въ Орлѣ дѣйствительно Кардашевъ получилъ заграничный паспортъ, но для полученія его присутствіе Циціанова вовсе не представлялось необходимымъ, а, между тѣмъ, путешествіе Циціанова оплачивалось Кардашевымъ, какъ это видно изъ предъявленныхъ на судебномъ слѣдствіи счетовъ. Затѣмъ, сношеніе Кардашева съ членами сообщества подтверждается тѣмъ, что во время бракосочетанія Гамкрелидзе онъ присутствуетъ на закускѣ. Въ то же время, при участіи Евгеніи Субботиной, покушается устроить фиктивный бракъ съ дѣвицею Ансеровою и является къ отцу Ансеровой въ качествѣ жениха. Въ этомъ отношеніи весьма характерно показаніе священника Ансерова. Его дочь имѣла несчастіе воспитываться вмѣстѣ съ Субботиными, подъ вліяніемъ которыхъ она пожелала ѣхать за границу, при чемъ Субботины предлагали ей для этого свои средства. Вліяніе Субботиныхъ на Ансерову видно изъ показанія ея отца, который говоритъ, что семья его въ теченіе трехъ лѣтъ держалась Субботиными въ осадномъ положеніи; въ теченіе трехъ лѣтъ онъ долженъ былъ обращать вниманіе только на то, чтобы молодая дѣвушка не погибла, чтобы она не вступила на тотъ путь, который теперь довелъ Субботиныхъ до скамьи подсудимыхъ. Когда родители воспротивились этой поѣздкѣ, тогда Ансеровой было предложено бѣжать, вступивъ въ фиктивный бракъ. Кардашевъ отправился къ священнику и просилъ принять его въ свою семью, но священникъ отказалъ ему въ этомъ. Вотъ чѣмъ занимался Кардашевъ въ то время, когда онъ жилъ въ Москвѣ только затѣмъ, по его показанію, чтобы выручить изъ-подъ стражи Чекоидзе. Что касается отобраннаго капитала, то значеніе его объясняется книжкой, отобранной у Кардашева, въ которой записаны, между прочимъ, слѣдующіе расходы: выдано 40 рублей Санчо, т.-е. Циціанову; выдано Волченку, т.-е. Вѣрѣ Любатовичъ; Гамкѣ на свадьбу, т.-е. Гамкрелидзе; на поѣздку Циціанова вмѣстѣ съ Кардашевымъ въ Орелъ. Всѣ эти записи, относясь къ членамъ сообщества, указываютъ на то, что Кардашевъ расходовалъ деньги непосредственно на общественныя надобности. Въ числѣ денежныхъ суммъ былъ найденъ билетъ Тумановой въ 1100 рублей. По объясненію Кардашева, а затѣмъ и Гамкрелидзе, билетъ этотъ былъ отданъ Кардашеву въ обезпеченіе долга Гамкрелидзе въ количествѣ 200 рублей. Но, просматривая записную книжку Кардашева, которая ведена вполнѣ аккуратно, въ ней, однако, не находится выдачи этой суммы, тогда какъ записана выдача тому же Гамкрелидзе на свадьбу сумма гораздо меньше этой. Не менѣе страннымъ представляется и то обстоятельство, что сумма около 9000 руб., выданная Кардашеву для извѣстной цѣли, а именно на внесеніе залога за Чекоидзе, вмѣсто того расходуется на издержки членовъ сообщества. Но значеніе этихъ денегъ вполнѣ опредѣляется перепискою, отобранною у подсудимыхъ.

Только что былъ взятъ Кардашевъ подъ стражу, тотчасъ же было сообщено членамъ, что деньги до 10.000 руб. взяты. Кардашевъ долго не давалъ объясненій по поводу этихъ денегъ, и только на судѣ впервые объяснилъ, откуда и для какой цѣли получилъ онъ эту сумму. До этого же времени онъ принималъ мѣры для доказательства, будто этотъ капиталъ принадлежитъ не преступному сообществу, а частнымъ лицамъ — его роднымъ. Съ этою цѣлью имъ былъ написанъ цѣлый рядъ писемъ и векселей задними числами, которые отобраны въ квартирѣ Георгіевской. Въ этихъ письмахъ Кардашевъ проситъ, чтобы мать или братья сказали, будто дали ему деньги для извѣстнаго торговаго предпріятія и, между прочимъ, говорится, что это деньги дорогихъ ему людей. Между тѣмъ, онъ легко могъ бы указать то лицо, которое дало ему деньги, тѣмъ болѣе, что нѣтъ никакой опасности въ представленіи залога. Но онъ этого не дѣлаетъ. Въ найденномъ въ квартирѣ Георгіевской и Введенской шифрованномъ письмѣ, писанномъ изъ-подъ стражи Здановичемъ, говорится, что на лицахъ, оставшихся на свободѣ, лежитъ обязанность принять всѣ мѣры для спасенія капитала, который въ противномъ случаѣ *пропадетъ для дѣла*. Что касается билета въ 1.100 р., то нахожденіе его въ рукахъ Кардашева объясняется бракомъ Гамкрелидзе съ Тумановою. Оба эти лица жили въ С.-Петербургѣ, а зачѣмъ появились въ Москвѣ—они не говорятъ. Послѣ заключенія брака супруги немедленно разъѣзжаются. При вѣнчаніи и на закускѣ въ номерахъ Костина присутствуютъ только одни члены сообщества и между ними обвиняемая Батюшкова. Затѣмъ обвинитель привелъ многія фактическія доказательства тому, что, разъѣхавшись немедленно послѣ свадьбы, супруги не жили вмѣстѣ и потомъ. А какъ сами члены сообщества относились къ этому браку и какое значеніе онъ имѣлъ—видно изъ извѣщенія ивановскихъ пропагандистовъ объ этомъ бракѣ. Въ письмѣ говорится: „Не желаете ли получить мадмуазель Гамку по почтѣ: хотя она вышла замужъ за Костю, но не получила права называться мадамшею“. Не менѣе замѣчательно то обстоятельство, что Кардашевъ, записывая выдачу денегъ Гамкрелидзе, записалъ отдѣльно расходъ на свадьбу. Изъ этого очевидно, что издержки на свадьбу сдѣланы на общественныя деньги. Такимъ образомъ, переходъ билета въ 1.100 р. и пріобщеніе его къ тѣмъ суммамъ, которыя находились у Кардашева, становится яснымъ. Это—имущество, принадлежащее членамъ общества; была попытка доказать, что билетъ переданъ безъ права получить по немъ деньги; но особое присутствіе удостовѣрилось, что посредствомъ нотаріальной бланковой надписи билетъ былъ обращенъ въ безъименный. Такимъ образомъ, принадлежность Кардашева и супруговъ Гамкрелидзе къ преступному сообществу не подлежитъ сомнѣнію. Роль Антимоса Гамкрелидзе, какъ члена сообщества, этимъ не ограничивается; № 12-й гостиницы, гдѣ онъ жилъ, постоянно посѣщался пропагандистами, а когда администрація переѣзжала на новую квартиру, въ домъ Толстой, то въ № 12-мъ сосредоточивались всѣ посѣщенія лицъ; даже всѣ пріѣзжіе, которые жили внѣ Москвы, знали, что нужно явиться въ 12-й номеръ, гдѣ и были задержаны. Тамъ былъ найденъ складъ книгъ, оружіе и „Сказка о мудрицѣ Наумовой“. Этихъ данныхъ достаточно для опредѣленія той роли, которую играли въ этомъ дѣлѣ супруги Гамкрелидзе. Затѣмъ, въ письмѣ на имя Рыжаго Кардашевъ пишетъ, что всѣ бумаги находятся у Медвѣдихи, адресъ которой можно узнать у Виницкой. Была разыскана Виницкая, а затѣмъ и Медвѣдева. Письмо Кардашева прежде всего доказываетъ, что Медвѣдева была лицомъ, пользовавшимся особымъ довѣріемъ. Кромѣ того, черезъ квартиру Медвѣдевой происходили всѣ сношенія членовъ сообщества, жившихъ въ другихъ городахъ, съ Москвою. Сверхъ того, принадлежность Медвѣдевой къ сообществу доказывается шифрованнымъ письмомъ, въ которомъ Здановичъ пишетъ, что онъ боится, какъ бы Медвѣдева не разболтала всего ей извѣстнаго. Сама Медвѣдева пишетъ въ одномъ письмѣ „обнаруженъ ли Рыжій“ и спрашиваетъ, не шли ли черезъ лицъ, содержащихся вмѣстѣ съ нею подъ стражею, письма отъ Рыжаго къ ней. Эти факты изобличаютъ Медвѣдеву въ принадлежности къ преступному сообществу. Послѣ ареста лицъ въ квартирѣ Гамкрелидзе и обыска въ домѣ Толстой, администрація сообщества была уничтожена. Тогда сдѣлана была попытка организовать нѣчто похожее на администрацію, которая служила бы центромъ для лицъ, еще оставшихся на свободѣ, и гдѣ сосредоточилась бы переписка съ арестованными обвиняемыми для устройства побѣговъ и подговора свидѣтелей. Такое мѣсто было устроено въ квартирѣ Георгіевской и Введенской. Обыскъ этой квартиры вызванъ былъ появленіемъ Георгіевской въ Сущевской части съ покушеніемъ передать въ хлѣбѣ

записку Георгіевскому. Въ запискѣ этой указывалось, что авторъ ея, т.-е. Георгіевская, поддерживаетъ сношенія съ остальными арестованными лицами, причемъ упоминался Николай Ѳедоровичъ Цвиленевъ и Джабадари. Вообще содержаніе записки доказывало, что Георгіевская знаетъ тѣ обстоятельства, которыя касаются обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. По обыску, въ ея квартирѣ были найдены: письмо Кардашева, приготовленное для отправки на Кавказъ, шифрованныя письма отъ Здановича и Гамкрелидзе, съ переводами ихъ, сдѣланными рукою Георгіевской, чѣмъ ясно доказывается, что лица, жившія въ квартирѣ Георгіевской, исполняютъ часть тѣхъ обязанностей, которыя по программѣ лежатъ на администраціи. Дальнѣйшее разслѣдованіе показало, что квартиру эту посѣщалъ Ивановскій, съ которымъ, по показанію хозяйки квартиры, Георгіевская запиралась въ особой комнатѣ и что-то писала. Когда явились съ обыскомъ, то Георгіевская и Введенская бросились къ столу и хотѣли уничтожить записку, оказавшуюся переводомъ шифрованныхъ писемъ. Кромѣ того, сношеніе Георгіевской и Введенской съ арестованными лицами и другими членами сообщества, оставшимися на свободѣ, доказывается появленіемъ въ квартирѣ ихъ Пуромскаго, принесшаго къ нимъ шифрованную записку. Пуромскій, по доставленіи въ жандармское управленіе, вырвалъ эту записку изъ рукъ офицера, предъявлявшаго ее ему, и изорвалъ ее. Записка оказалась написанною по весьма употребительному въ сообществѣ ключу. По тому же ключу самимъ Пуромскимъ была написана записка во время содержанія его подъ стражей. Появленіе Пуромскаго въ квартирѣ Георгіевской и Введенской въ дорожномъ платьѣ и одновременно съ врачемъ Ивановскимъ, при которомъ найдено было около 200 р. денегъ, можетъ быть объяснено письмами Кардашева и Гамкрелидзе, въ тотъ же день доставленными изъ тюрьмы. Въ письмахъ этихъ предполагалось послать нарочнаго съ тѣми письмами на Кавказъ. Факты, только что изложенные, не могутъ не служить къ обвиненію Георгіевской и Введенской въ принадлежности къ преступному сообществу. Переходя къ обвиненію Субботиныхъ, товарищъ оберъ-прокурора указалъ, что имя ихъ въ настоящемъ дѣлѣ встрѣчается очень часто съ самаго перваго возникновенія сообщества, съ апрѣльскаго дознанія. 3-го апрѣля, наканунѣ ареста лицъ въ домѣ Корсакъ въ Москвѣ, Евгенія Субботина пріѣхала въ Москву и заняла номеръ въ гостиницѣ Рудпева, отдавъ деньги за мѣсяцъ впередъ. Несмотря на такую уплату, Субботина въ тотъ же день ушла изъ номера и болѣе не возвращалась, а такое исчезновеніе ея страннымъ образомъ совпадаетъ съ арестомъ обвиняемыхъ въ домѣ Корсакъ. Всѣ три сестры Субботины долгое время жили въ Цюрихѣ, куда увезли съ собой и на свои средства обвиняемую Топоркову. Чѣмъ занимались въ Цюрихѣ Субботины и Топоркова видно изъ письма матери, которое было прочитано. Въ немъ указывается на собранія молодежи, на отношенія между ними и эмигрантами; на честь, которую оказалъ Лавровъ, принявши любезно Субботиныхъ; на посѣщеніе ими засѣданій интернаціонала и проч. Результатомъ таковыхъ занятій было то, что Топоркова прямо изъ-за границы сдѣлалась членомъ ивановской общины и поселилась простою работницею въ домѣ Кисина. Такой же участи подверглась бы и Ансерова, если бы благоразуміе ея родителей не спасло ее отъ дурного вліянія Субботиныхъ. Въ настоящее время вся семья Субботиныхъ содержится подъ стражей и обвиняется въ государственныхъ преступленіяхъ. Здѣсь три Субботины: Евгенія, Марья и Надежда, а изъ записки Министра Юстиціи, копія съ которой была найдена въ числѣ другихъ вещественныхъ доказательствъ, видно, что и мать Субботиныхъ, и воспитанница ихъ Шатилова привлечены къ отвѣтственности по такому же преступленію. Принадлежность Евгеніи Субботиной къ тайному сообществу доказывается ея письмомъ къ Топорковой въ Иваново-Вознесенскъ, которое она признала. Въ письмѣ этомъ она сожалѣетъ, что въ Ивановѣ дурно ведется дѣло, что если они „ухнутъ“, то это будетъ дурно для общаго хода дѣлъ. Что касается Марьи и Надежды Субботиныхъ, то противъ нихъ представляются слѣдующія улики. На судѣ опредѣлилось ясно стремленіе Евгеніи Субботиной принять на себя извѣстныя улики, чтобы тѣмъ доказать непринадлежность къ сообществу другихъ сестеръ, но попытка эта оказывается неудачною въ виду доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ. Такъ, Марья Субботина является основательницею квартиры въ домѣ Эйнбродтъ. Она передала ее Фигнеръ, а затѣмъ подъ именемъ Фигнеръ проживала Вѣра Любатовичъ. Указаніе на Марью Субботину сдѣлано самою Фигнеръ, которая на судѣ отказалась отъ этого заявленія. Евгенія Субботина говоритъ, что она проживала подъ именемъ Марьи Субботиной, такъ какъ она не имѣла своего

вида, отобраннаго отъ нея курскимъ жандармскимъ управленіемъ, именно ея метрическое свидѣтельство. Между тѣмъ, оказалось, что у нея былъ видъ, который былъ прописанъ въ полиціи. Во время арестовъ, первое лицо, о которомъ вмѣстѣ съ Рыжимъ заботятся обвиняемые, была Марья Субботина, чему служитъ доказательствомъ письмо Кардашева къ Микеладзе. Затѣмъ, второе письмо Кардашева, адресованное Аѳонскому, предназначалось какъ Евгеніи, такъ и Марьѣ Субботинымъ. Письмо было зашифровано по очень употребительному среди членовъ сообщества ключу. Отсюда понятно, что ключъ этотъ—составлявшій великій секретъ — былъ извѣстенъ какъ Евгеніи, такъ и Марьѣ Субботинымъ. Далѣе, въ письмѣ въ Иваново отъ 19-го іюля говорится, что трудно достать сапоги. Изъ дѣла извѣстно, что подъ именемъ „сапоговъ“ разумѣются фальшивые виды на жительство. Въ этомъ письмѣ говорится: „Женя пишетъ, что есть надежда, что Маня скоро получитъ“. Сопоставленіе двухъ именъ, Евгеніи и Марьи, ясно свидѣтельствуетъ, о комъ идетъ рѣчь въ письмѣ. Очевидно, Марья Субботина надѣется добыть подложные виды для членовъ сообщества; Надежда Субботина не менѣе своихъ сестеръ изобличается въ томъ же преступленіи. Она проживала подъ чужимъ именемъ въ Одессѣ, вмѣстѣ съ Ольгою Любатовичъ. По показанію свидѣтеля Микеладзе Субботина извѣстна была подъ именемъ Надьки. Эта Надька, т-е. Надежда Субботина, познакомила Микеладзе съ семействомъ Хоржевскихъ. Проживательство Субботиной вмѣстѣ съ Ольгою Любатовичъ доказано показаніями хозяйки дома, справками изъ домовыхъ книгъ и собственнымъ сознаніемъ обвиняемыхъ на судѣ. Затѣмъ изъ дѣла извѣстно, что князь Микеладзе былъ арестованъ въ Одессѣ 21 августа, а 20 августа Надежда Субботина передала ему двѣ телеграммы для отправки въ Кіевъ, на имя Гельфманъ, и въ Москву, на имя Медвѣдевой, т.-е. въ квартиры пропагандистовъ. Въ депешахъ этихъ сообщалось, что Надежда Субботина перемѣняетъ свой адресъ и скоро сообщитъ новый, а до тѣхъ поръ проситъ не посылать писемъ. Наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ принадлежности Надежды Субботиной къ сообществу служатъ письма ея къ Гельфманъ, подписанныя Воейковой. Въ Кіевѣ были получены два такихъ письма, одно съ 300 рублей, а въ другомъ говорится, что Субботина въ Москвѣ одна, всѣ арестованы, что нужно сообщить Рыжему, дабы онъ скорѣе пріѣзжалъ, при чемъ перемѣнилъ бы паружность и не ходилъ бы по старымъ адресамъ, и что вообще дѣла идутъ плохо. Экспертиза признала, что письма эти несомнѣнно написаны Надеждою Субботиной. Въ настоящее время, на судѣ, защита пыталась доказать невозможность посылки этихъ писемъ Надеждою Субботиной; но обвинитель опровергнулъ это покушеніе. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, привлечены къ дѣлу еще Сбромірскій и Овчинниковъ. Эти лица, вмѣстѣ съ обвиняемымъ Бариновымъ, обвиняются въ попыткѣ выслать изъ Москвы свидѣтеля Корнюхина на пропаганду въ Тулу. По показанію Корнюхина, Сбромірскій пригласилъ его къ себѣ, въ квартиру Овчинникова, гдѣ познакомилъ его съ Иваномъ Тимоѳеевымъ Смирновымъ и Овчинниковымъ. Здѣсь Корнюхину были переданы преступнаго содержанія книги для прочтенія. Нѣсколько времени спустя, Смирновъ и Сбромірскій пригласили его на лугъ около Смоленскаго вокзала. Туда собрались всѣ названныя выше лица, уговаривали Корнюхина ѣхать на пропаганду въ Тулу и передали тѣ книги, которыя Корнюхинъ представилъ въ жандармское управленіе. Свиданіе для полученія паспорта и денегъ для отъѣзда въ Тулу было назначено въ трактирѣ у Сухаревой башни. Въ трактирѣ по указанію Корнюхина и были задержаны Сбромірскій, Смирновъ, Овчинниковъ и Бариновъ. Такимъ образомъ, заявленіе Корнюхина нашло себѣ подтвержденіе въ самомъ арестѣ. Изъ числа этихъ арестованныхъ лицъ Бариновъ и Овчинниковъ несомнѣнно принадлежали къ тайному сообществу. Такъ, Бариновъ принималъ участіе въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія сначала въ Москвѣ, затѣмъ въ Иваповѣ, а Овчинниковъ, арестованный въ 12-мъ № гостиницы „Украйна“, оказался лицомъ, писавшимъ часть рукописи „О мудрицѣ Наумовой“, и его книжка найдена въ имуществѣ администраціи общества.—Послѣ обѣденнаго перерыва *товарищъ оберъ-прокурора* представилъ улики къ обвиненію Рождественскаго, Батюшковой, Иванова, Бѣляевскаго и Трубецкого. Но предварительно онъ заявилъ относительно Надежды Субботиной, что не поддерживаетъ обвиненія ея въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія, такъ какъ оно было основано на показаніи князя Микеладзе, который на судѣ отказался отъ своего прежняго показанія. Точно также онъ не обвиняетъ Сидорацкаго въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. Что же ка-

сается Цвиленева, то хотя въ его чемоданѣ оказались главные документы тайнаго сообщества, но представитель обвинительной власти не обвиняетъ его въ принадлежности къ администраціи сообщества. Однако, и лицо, не принадлежащее къ администраціи, можетъ оказать такое серьезное содѣйствіе сообществу, что, по своей отвѣтственности, можетъ стоять даже выше, нежели лицо, принадлежащее къ составу администраціи, и участіе Цвиленева представляется именно настолько важнымъ. Относительно Рождественскаго обвинитель высказалъ, что судебное слѣдствіе не дало достаточнаго матеріала для обвиненія его въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. По мнѣнію обвинителя, Рождественскій, тѣмъ не менѣе, долженъ быть признанъ виновнымъ въ принадлежности къ сообществу въ виду слѣдующихъ данныхъ: явившись въ Москву, онъ направился прямо въ 12-й № гостиницы „Украйна“, значеніе котораго въ настоящемъ дѣлѣ достаточно опредѣлено. Изъ бумагъ, оказавшихся у Рождественскаго, видно, что ему была извѣстна квартира администраціи сообщества въ домѣ Эйнбродтъ. Между тѣмъ, на основаніи программы революціоннаго сообщества, лицо, не принадлежащее къ составу сообщества, не должно посѣщать тѣ мѣста, гдѣ сосредоточивается главная дѣятельность участниковъ. Онъ говоритъ, что № 12-й былъ ему указанъ въ домѣ Эйнбродтъ, но онъ не показываетъ, кто сообщилъ ему этотъ адресъ, хотя и имѣлъ къ тому возможность. Сверхъ того, у него при заарестованіи была найдена записка, въ которой требовалась присылка книгъ преступнаго содержанія, такъ какъ онѣ будутъ ему нужны; записка эта оказалась писанною самимъ Рождественскимъ. Такимъ образомъ, оказывается, что Рождественскій имѣлъ прямыя, непосредственныя сношенія съ администраціей сообщества и получалъ отъ этого управленія книги преступнаго содержанія, а эти данныя уличаютъ Рождественскаго въ принадлежности къ сообществу. Въ отношеніи распространенія книгъ въ Саратовской губерніи, является главнымъ основаніемъ для обвиненія оговоръ подсудимаго Бѣляевскаго. Обстановка, при которой сдѣланъ этотъ оговоръ, слѣдующая: въ Саратовѣ, у семинаристовъ Иванова и Соколова, были найдены при обыскѣ книги преступнаго содержанія. Изъ показаній на судѣ разъяснилось, что книги получены ими были изъ дома Павла Трубецкого, которому привезъ ихъ изъ деревни учитель Виноградовъ. Здѣсь обвинитель изложилъ подробно показаніе свидѣтелей Виноградова и Трубецкого и совершенно доказанное показаніе Бѣляевскаго о томъ, что онъ получалъ книги отъ Батюшковой и Иванова. Весь оговоръ Бѣляевскаго былъ подтвержденъ во всѣхъ подробностяхъ обстоятельствами дѣла; но на судѣ онъ пытался неправдоподобными объясненіями снять этотъ оговоръ. По обвинитель доказывалъ виновность Батюшковой и Иванова въ передачѣ книгъ преступнаго содержанія Бѣляевскому. Вслѣдствіе оговора Бѣляевскаго, у Батюшковой былъ произведенъ обыскъ, во время котораго повторилась одна изъ сценъ, ставшихъ обыкновенными при обыскахъ по настоящему дѣлу, а именно, Батюшкова разорвала письмо, часть сунула себѣ въ ротъ, а другую отдала Цвиленеву, сказавъ ему: „жуй“. Въ числѣ документовъ, отобранныхъ у Батюшковой, найдено письмо, въ которомъ авторъ проситъ устроить фиктивный бракъ, такъ какъ иначе нельзя получить деньги, при чемъ о бракѣ проситъ похлопотать Батюшкову и ея пріятельницу Армфельдъ. Затѣмъ, въ другомъ письмѣ есть указаніе, что лицо, писавшее его, и лицо, которому оно адресовано, занимались распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Въ отношеніи виновности Батюшковой обвинитель указалъ еще на то, что во время содержанія ея подъ стражею, съ ней вступилъ въ сношеніе врачъ Ивановскій, значеніе котораго въ этомъ дѣлѣ извѣстно изъ прочитаннаго показанія жандармскаго унтеръ-офицера Буланова. Переписка происходила между Чекоидзе, Здановичемъ, Кардашевымъ и Батюшковою. Одно сопоставленіе этихъ лицъ уясняетъ то положеніе Батюшковой, которое она занимала въ сообществѣ. По мнѣнію обвинителя, она принадлежала къ организаціи тайнаго сообщества и занималась распространеніемъ книгъ преступнаго содержанія. Распространеніе этихъ книгъ со стороны Трубецкого основано также на оговорѣ Бѣляевскаго, по показанію котораго Трубецкой увезъ съ собою большое количество этихъ книгъ, но по обыску у него найдена незначительная ихъ часть. Передача Ивановымъ этихъ книгъ Трубецкому составляетъ, по мнѣнію обвинителя, прямое ихъ распространеніе. Въ квартирѣ Батюшковой былъ задержанъ Цвиленевъ, при которомъ найдены нѣкоторые документы, изъ коихъ на одинъ было обращено вниманіе защиты, и онъ былъ прочитанъ. Этотъ отрывокъ какого-то письма, въ которомъ авторъ отрекается отъ дѣятельности по распростра-

пенію книгъ преступнаго содержанія, указываетъ на несостоятельность этого пріема и говоритъ вообще о невозможности возбужденія народа. Но какое бы толкованіе ни придала защита этому документу, во всякомъ случаѣ, онъ не принадлежитъ никому изъ лицъ, преданныхъ суду по настоящему дѣлу, такъ какъ, по показанію самого Цвиленева, документъ этотъ списанъ съ письма, находившагося у Батюшковой и принадлежащаго неизвѣстному. Если же Цвиленевъ сочувствуетъ идеямъ, изложеннымъ въ этомъ письмѣ, то ему предстоитъ объяснить совершенно противоположныя идеи, изложенныя Цвиленевымъ въ рукописи о безпорядкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ и въ замѣткахъ на рукописи пропагандиста, рѣшившагося идти въ народъ. Однимъ словомъ, документъ этотъ, по мнѣнію обвинителя, къ оправданію кого-либо изъ обвиняемыхъ служить не можетъ.

Окончивъ изложеніе уликъ по отношенію къ каждому изъ обвиняемыхъ, товарищъ оберъ-прокурора сдѣлалъ подробные выводы изъ всего дѣла. Онъ указалъ на то, что основаніе преступному сообществу положено кружкомъ лицъ, собравшихся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ. Всѣ эти лица, за исключеніемъ Георгіевскаго, Лукашевича, Петра Алексѣева и мѣстныхъ рабочихъ, являются простыми эмиссарами изъ-за границы. Всѣ они жили въ Швейцаріи и затѣмъ въ Парижѣ; всѣ они возвратились одновременно въ Россію, а частью и вмѣстѣ, въ одномъ поѣздѣ, въ концѣ 1874 года, и, проѣхавъ черезъ Петербургъ и захвативъ оттуда Георгіевскаго, Лукашевича и Петра Алексѣева, основали кружокъ въ Москвѣ въ первыхъ же мѣсяцахъ 1875 года, т.-е. въ январѣ и февралѣ, сначала за Москвой-рѣкой, а послѣ въ домѣ Костомарова и Корсакъ. Кружокъ этотъ выдѣлилъ изъ себя нѣсколькихъ членовъ, образовавшихъ общины въ Иваповѣ, Кіевѣ и Тулѣ. Всѣ эти общины управлялись администраціею, находившеюся въ Москвѣ, и, такимъ образомъ, составляли одно цѣлое преступное сообщество. По личному составу своему, дѣйствовавшее въ Москвѣ, Иваповѣ, Кіевѣ и Тулѣ сообщество не принадлежало къ мѣстнымъ жителямъ, а состояло изъ людей пришлыхъ, ничего общаго съ мѣстными рабочими не имѣвшихъ. Самая незначительная часть членовъ сообщества принадлежала мѣстнымъ рабочимъ. Такъ, въ Москвѣ къ сообществу примкнуло 5 человѣкъ, въ Иваповѣ—ни одного, въ Тулѣ и Кіевѣ—по 3 человѣка. Большая часть обвиняемыхъ явилась для пропаганды или изъ Петербурга, или изъ-за границы. Таковыхъ 29 человѣкъ; всѣ они принадлежали когда-то къ учащейся молодежи или къ слушательницамъ женскихъ курсовъ. Образовавшееся преступное сообщество имѣло свою опредѣленную программу—уставъ и располагало довольно значительными средствами. Цѣль сообщества ясно выражена въ программѣ. Ею предписывается устная и путемъ распространенія книгъ пропаганда среди народа анархическихъ началъ и дѣйствительная агитація къ бунту и вооруженному возстанію. Идеи, проповѣдуемыя членами сообщества, весьма ясно и отчетливо изложены въ книгахъ, распространявшихся ими среди народа. Отрицаніе религіи, семьи, частной собственности, уничтоженіе всѣхъ классовъ общества путемъ поголовнаго избіенія всего, что выше простого, и притомъ бѣднаго, крестьянина,—вотъ тѣ идеи, которыя положены въ основаніе книжекъ, распространявшихся въ народѣ. Почти всѣ изъ нихъ оканчиваются воззваніемъ къ вооруженному возстанію. Нѣтъ сомнѣнія, что члены сообщества не имѣли въ виду возбудить народъ къ бунту сейчасъ, немедленно, но точно также ясно, что они имѣли въ виду путемъ подобной пропаганды подготовить народъ къ бунту и вызвать таковой въ будущемъ. Вотъ почему всѣ обвиняемые, за исключеніемъ Бѣляевскаго, Трубецкого, Иванова и Сбромірскаго, обвиняются въ совершеніи преступленія, предусмотрѣннаго 2-мъ отд. ст. 250, и составъ этого преступленія безспорно по настоящему дѣлу доказанъ. Указавъ на непосредственную связь ученія, проповѣдываемаго членами сообщества, съ ученіями интернаціоналовъ; указавъ на особенныя, характеристическія черты, свойственныя только русской пропагандѣ,—обвинитель высказалъ нѣсколько соображеній объ общемъ характерѣ и значеніи этого дѣла для русскаго общества, а затѣмъ, въ виду крайняго утомленія послѣ двухдневной рѣчи, просилъ особое присутствіе перейти къ дальнѣйшимъ преніямъ.

По открытіи засѣданія слово было предоставлено защитѣ. Присяжный повѣренный *Спасовичъ* (защитникъ Георгіевскаго, Джабадари и Вѣры Любатовичъ), установивъ въ началѣ своей рѣчи ту точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, нужно было бы судить настоящее дѣло, въ отношеніи подсудимаго Георгіевскаго въ сущности высказалъ, что Георгіевскій — сынъ бѣднаго священника, обремененнаго значительнымъ семействомъ, и,

сверхъ того, неудавшійся студентъ; онъ не былъ въ Цюрихѣ и находился только въ Петербургѣ, толкаясь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ въ технологическомъ институтѣ, но долженъ былъ выйти; былъ въ медико-хирургической академіи, но тоже вышелъ оттуда по недостатку средствъ; онъ бѣдствовалъ до того, что долженъ былъ ночевать въ ночлежныхъ заведеніяхъ, а по пріѣздѣ въ Москву поставилъ себѣ задачею поступить куда-нибудь слесаремъ на заводѣ. Но тутъ встрѣтилось затрудненіе: ему мѣшали бумаги, въ которыхъ онъ назывался студентомъ, а извѣстно, что если студентъ придетъ на фабрику просить простой работы, то на него смотрятъ подозрительно. Вотъ почему онъ прибѣгъ къ преступленію, за которое теперь не можетъ судиться, такъ какъ въ выводахъ обвинительнаго акта это преступленіе не помѣщено: онъ купилъ себѣ за 5 рублей подложный паспортъ, въ которомъ, впрочемъ, назывался собственнымъ именемъ и отчествомъ. Жилъ онъ бѣдно, въ квартирѣ за 6 руб. У него не найдено ни одной книжки, нѣтъ ни одного доказательства въ дѣлѣ, чтобы онъ кому-нибудь читалъ или разсказывалъ книжки; у него въ квартирѣ не было ни сборищъ, ни сходокъ, такъ что противъ него есть только двѣ улики, а именно: показаніе Скворцовой, которая будто бы видѣла его въ числѣ тѣхъ людей, которые образовали первоначальный кружокъ и жили въ домѣ Корсакъ, и что его арестовали вмѣстѣ съ другими лицами. Но когда Скворцовой былъ на судѣ предъявленъ Георгіевскій, то она его не признала, слѣдовательно, эта улика падаетъ. Что касается другой улики—ареста Георгіевскаго въ домѣ Корсакъ вмѣстѣ съ другими, то при этомъ арестѣ Георгіевскій заявилъ, что онъ зашелъ купить мебель, но это, очевидно, неправда, потому что у него не было денегъ и онъ не имѣлъ мѣста, гдѣ уставить мебель. Затѣмъ онъ назвался Василіемъ Григорьевымъ, и это понятно, потому что онъ былъ застигнутъ врасплохъ, а совѣсть у него не была чиста: онъ жилъ по фальшивому паспорту, слѣдовательно, откровенность для него была неудобна. Онъ зашелъ просто по знакомству съ людьми, съ которыми встрѣчался въ Медицинской академіи и которые могли его пригласить. Такимъ образомъ, противъ Георгіевскаго нѣтъ ни одной данной для обвиненія его въ принадлежности къ противозаконному сообществу, если не смѣшивать простое знакомство съ членами сообщества съ самымъ сообществомъ. Но, когда онъ былъ посаженъ въ тюрьму, онъ явился членомъ сообщества. Но это сообщество было не революціонное, а тюремное. Въ такого рода сообщества вступитъ всякій отъ скуки и бездѣлья, по единству интересовъ заключенія. Если бы упрекать Георгіевскаго за то, что, содержась подъ стражей, онъ вступилъ въ политическое сообщество, то это обвиненіе было бы невѣрно. Содержась въ тюрьмѣ, онъ имѣлъ не революціонныя цѣли, а гораздо ближайшую цѣль—выйти изъ тюрьмы. Такимъ образомъ, въ его спошеніяхъ не можетъ быть и рѣчи объ образованіи политическаго заговора: сидя въ тюрьмѣ, онъ не могъ замышлять о ниспроверженіи государства. По этимъ основаніямъ защитникъ выразилъ надежду, что Георгіевскій, какъ попавшій въ это дѣло случайно и ничѣмъ не уличаемый, будетъ оправданъ.

Въ отношеніи подсудимаго Джабадари защитникъ прежде всего доказывалъ, будто бы не существовало того противозаконнаго сообщества, которое разумѣетъ законъ; что это былъ кружокъ единомышленниковъ, а не тайное сообщество людей, имѣющихъ одну цѣль, которую они рѣшились осуществить общими средствами. Къ Джабадари не можетъ быть отнесенъ ни одинъ изъ признаковъ, указанныхъ въ обвинительномъ актѣ: онъ не получалъ денегъ изъ общественныхъ суммъ, не имѣлъ клички, не разносилъ книжекъ, не обладалъ шифромъ, и во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни одного его письменнаго документа. Противъ него могутъ быть выставлены только двѣ улики: 1) арестованіе его въ домѣ Корсакъ, необъявленіе своей фамиліи и 2) показаніе Скворцовой. Но арестованіе могло случиться вслѣдствіе простого знакомства. Фамилію же свою онъ не открывалъ лишь до облеченія его допроса, по его мнѣнію, въ законную форму. Изъ показанія Скворцовой нельзя вывести ничего обвиняющаго. Она говоритъ, что Джабадари поселился въ домѣ Костомарова и далъ 5 руб. на покупку мебели. Это доказываетъ только, что онъ нѣкоторое время долженъ былъ оставаться на этой квартирѣ. Она говоритъ, что онъ привезъ чемоданъ съ книгами, который, по указанію Васильева, куда-то отправилъ изъ квартиры. Но неизвѣстно, какія это были книги. Переходя къ обвиненію Джабадари въ распространеніи преступныхъ сочиненій, защитникъ выразилъ, что ст. 251 улож. о наказ. обязываетъ судъ разобрать содержаніе распространяемыхъ книжекъ и опредѣлить ихъ значеніе, но какія книжки не-

редавалъ Джабадари—этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Противъ него приводится только, что онъ былъ въ трактирѣ съ рабочими тюляевской фабрики, приглашенными сюда Филатомъ Егоровымъ; но, по словамъ свидѣтелей Ермолаева. Зотова и Игнатова, въ трактирѣ сидѣлъ неизвѣстный имъ черный человѣкъ, не изъ русскихъ, который угощалъ ихъ и говорилъ съ ними о предметахъ самыхъ обыденныхъ. На фабрикѣ Джабадари не работалъ, своихъ идей въ пропаганду не вносилъ, и если вертѣлся около рабочихъ, то имѣлъ видъ человѣка, лишь знакомящагося съ бытомъ крестьянина. Если въ средѣ этого сообщества можетъ находиться человѣкъ, подобный писавшему то письмо, съ котораго копія найдена у Цвилепева, человѣкъ, который убѣжденъ, что всѣ эти революціонныя книжки нужно бросить въ печь,—такой человѣкъ, пойдя въ народъ, конечно, пойдетъ только за тѣмъ, чтобы просто ознакомиться съ его бытомъ. По изъ этого нельзя выводить виновности въ пропагандѣ.

Въ отношеніи обвиненія Вѣры Любатовичъ въ покушеніи на убійство помощника надзирателя Федорова защитникъ замѣтилъ, что это обвиненіе совершенно не подтвердилось судебнымъ слѣдствіемъ. Она обвиняется еще въ распространеніи преступныхъ книжекъ, но ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ рѣчи прокурора не было указано никакихъ данныхъ для этого обвиненія. Говорится только, что она жила на одной квартирѣ съ Циціановымъ, гдѣ былъ найденъ складъ различныхъ книжекъ; ни ничѣмъ не доказано, чтобы она кому-нибудь давала книжки. Въ отношеніи обвиненія В. Любатовичъ въ организаціи сообщества, защитникъ между прочимъ замѣтилъ, что она женщина весьма молодая, бойкая, дѣятельная, побывавшая во множествѣ разныхъ мѣстъ, вслѣдствіе чего могло произойти заключеніе, что она имѣла участіе если не въ организаціи сообщества, то, по крайней мѣрѣ, въ общеніи съ членами сообщества. Она несовершеннолѣтняя: только 26 іюля 1875 года ей исполнилось 21 годъ, была больна, и за границу отправлена врачемъ. Въ дѣлѣ нѣтъ указаній о томъ, что она дѣлала за границей. Возвращаясь оттуда, она вмѣстѣ съ сестрой была арестована на границѣ по подозрѣнію въ провозѣ писемъ и отправлена въ Черниговъ. Освобожденная въ мартѣ 1875 года и вновь арестованная въ августѣ, она въ этотъ короткій промежутокъ времени успѣла пожить и въ домѣ Костомарова, и въ домѣ Эйнбродтъ, и, вмѣстѣ съ Циціановымъ, въ домѣ Толстой, и, наконецъ, была взята въ номерахъ гостиницы „Украйна“. Сверхъ того, противъ нея представляется множество и письменныхъ документовъ, изъ которыхъ главнѣйшій есть приписка отъ 26-го іюля 1875 года въ письмѣ отъ 19 іюля. Разобравъ въ подробности значеніе и смыслъ этой приписки, защитникъ находилъ, что она можетъ указывать только на степень участія Любатовичъ въ организаціи, но онъ полагалъ, что особое присутствіе не поставитъ подсудимую во главѣ этой преступной организаціи и не припишетъ ей первенствующаго значенія, котораго въ дѣйствительности она не имѣла. Затѣмъ онъ указалъ на нѣкоторыя обстоятельства, которыя могутъ быть, по его выраженію, даже непріятными для самой подсудимой, а именно, что она въ своихъ показаніяхъ желаетъ придать себѣ больше значенія, нежели въ дѣйствительности имѣла. Но тутъ необходимо принять во вниманіе ея возрастъ и полъ. Относительно возраста, сказалъ г. Спасовичъ, я не думаю, чтобы равноправность можно было довести до уровня всѣхъ возрастовъ. Остается неравноправность уголовная: кто больше молодъ, тотъ будетъ нести отвѣтственность гораздо меньше, и только это справедливо. Относительно же пола, я позволю себѣ высказать, что, по моимъ понятіямъ, слѣдуетъ смотрѣть на женщинъ съ нѣкоторою снисходительностью, и, при равныхъ условіяхъ виновности, невозможно допустить, чтобы мужчина и женщина были одинаково наказуемы.

Присяжный повѣренный *Ольхинъ* (защитникъ Фигнеръ, Лукашевича, Топорковой, Владиміра Александрова, Млодецкаго и Злобина) высказалъ относительно Лукашевича, что противъ него по обвинительному акту и въ рѣчи прокурора выставлены уликами только слѣдующія данныя: что онъ былъ арестованъ въ домѣ Корсакъ; что жилъ по подложному паспорту; что Скворцова называла его Иваномъ Ивановичемъ и указывала какъ на лицо, приходившее къ ея жильцамъ въ гости; что онъ жилъ съ Агаповымъ, которому, по его словамъ, читалъ книжку. Въ опроверженіе этихъ уликъ защитникъ прежде всего изложилъ разсказъ самого Лукашевича на судебномъ слѣдствіи о томъ, что, по пріѣздѣ его въ Москву, онъ не имѣлъ средствъ, занимался перепискою и былъ вынужденъ пойти въ рабочіе, для чего добылъ себѣ фальшивый паспортъ. Изъ экономіи и просто случайно онъ

поселился на квартирѣ вмѣстѣ съ Агаповымъ, который былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ подсудимыхъ и познакомилъ съ ними Лукашевича; этотъ послѣдній ходилъ на квартиру Скворцовой съ намѣреніемъ добыть себѣ болѣе выгодную работу. Въ одно изъ такихъ посѣщеній его арестовали вмѣстѣ съ другими. По мнѣнію защитника, подобнаго рода арестъ не можетъ быть уликою. Онъ пришелъ туда просто, какъ знакомый; оговоръ противъ него со стороны Агапова ничѣмъ не подтвердился, и самъ Агаповъ на судебномъ слѣдствіи снялъ оговоръ. Онъ говорилъ на дознаніи, что Лукашевичъ читалъ ему „Емельку Пугачева“, но въ подтвержденіе этого нѣтъ ни свидѣтелей, ни какихъ-нибудь другихъ данныхъ. Оговоръ Агапова объясняется желаніемъ вырваться изъ-подъ стражи, и, дѣйствительно, онъ былъ освобожденъ послѣ даннаго имъ показанія.

Въ защиту Топорковой г. Ольхинъ прочиталъ ея показаніе на судебномъ слѣдствіи и доказывалъ справедливость и естественность этого разсказа, а именно, что она была въ Иваново-Вознесенскѣ съ единственною цѣлью изучить на практикѣ бытъ рабочихъ. Что касается до ея знакомства съ членами сообщества, то съ Александровымъ ее познакомила Фигнеръ только за два дня до поѣздки въ Иваново, а съ Агаповымъ она встрѣтилась лишь на станціи Повки, по пути въ Иваново-Вознесенскъ. Собственно, эта поѣздка не составляетъ никакой улики, потому что никому не воспрещается поѣхать въ Иваново-Вознесенскъ; точно также наблюденіе за рабочимъ движеніемъ, по мнѣнію защитника, не можетъ быть поставлено въ улику и не составляетъ никакого преступленія. Въ Ивановѣ она не поступала на фабрику, никому не давала революціонныхъ книжекъ и не сдѣлала рѣшительно ничего для пропаганды. Она избрала роль стряпухи, чтобы имѣть возможность наблюдать за жизнью рабочихъ и стоять въ сторонѣ. Что касается обвиненія въ распространеніи революціонныхъ книгъ, а именно, въ передачѣ „Хитрой механики“ и трехъ номеровъ газеты „Впередъ“ Жарковскому, то она передала ихъ завернутыми въ узлѣ и не знала, что это были революціонныя сочиненія.

Относительно Злобина защитникъ объяснилъ, что изъ письма 19-го іюля, на которомъ основывается все обвиненіе Злобина, вовсе не видно, чтобы онъ былъ членомъ организаціи, а, напротивъ, о немъ говорится какъ о человѣкѣ, котораго еще нужно залучить въ сообщество. Такъ, въ письмѣ сказано, что Злобина могутъ перетянуть. Значитъ, Злобинъ не принадлежалъ ни къ какой компаніи пропагандистовъ, и, имѣя вліяніе между рабочими, онъ былъ такимъ человѣкомъ для пропагандистовъ, котораго они желали привлечь къ себѣ и боялись, чтобы его не перетянули. Если ему были извѣстны нѣкоторыя изъ лицъ, обвиняемыхъ въ сообществѣ, то изъ этого нельзя дѣлать заключенія, чтобы самъ Злобинъ былъ не просто ихъ знакомымъ, а участникомъ, сочленомъ. Свидѣтель Введенскій показалъ, что Злобинъ никакихъ книжекъ не распространялъ, не агитировалъ среди рабочихъ и былъ такимъ отличнымъ работникомъ, что его хотѣли сдѣлать помощникомъ механика. Слѣдовательно, ему и некогда было заниматься пропагандой.

Относительно Млодецкаго защитникъ указалъ, что письмо его къ Злобину, которое выставляется уликою въ принадлежности его къ сообществу, писано имъ подъ диктовку Подгородецкаго, слѣдовательно, уликою служить не можетъ. То обстоятельство, что онъ ходилъ за деньгами по просьбѣ Хоржевской, есть не болѣе какъ простая услуга; если и допустить, что деньги принадлежали общественной кассѣ, то и тогда Млодецкій не можетъ быть обвиняемъ въ принадлежности къ противозаконному сообществу, такъ какъ онъ зналъ только, что деньги эти составляютъ собственность Хоржевской. Что касается поддѣлки паспортовъ, то эксперты признали сходство съ почеркомъ Млодецкаго только въ четырехъ буквахъ, и на вопросъ защитника, признаютъ ли они это сходство настолько значительнымъ, чтобы признать паспорты написанными рукою Млодецкаго, эксперты отвѣтили отрицательно. По обвиненію его въ распространеніи революціонныхъ книжекъ есть только одно показаніе свидѣтельницы Драгуновой, но оно настолько неудовлетворительно, что на немъ невозможно основывать обвиненіе. Драгунова говоритъ, что къ Подгородецкому приходили Шаремскій и Петровъ и что отъ Подгородецкаго она слышала, что онъ получилъ отъ нихъ книжки. Но, во-первыхъ, Млодецкій не назывался Шаремскимъ, а, во-вторыхъ, изъ показанія свидѣтельницы не видно, кто именно изъ указанныхъ ею двухъ лицъ давалъ Подгородецкому книжки.

Что касается другихъ обвиняемыхъ, которые во всемъ сознались и приняли на себя полную отвѣтственность за всѣ свои дѣянія, то каждый изъ нихъ заявилъ защитнику, что не желаетъ защиты съ фактической стороны. Относительно этихъ подсудимыхъ защитникъ указалъ лишь на ихъ искренность и чистосердечное сознаніе.

Присяжный повѣренный *Халтулари* (защитникъ подсудимаго Кардашева) высказалъ относительно уликъ противъ него, что въ 1863 году онъ поступилъ въ школу кавказскихъ межевщиковъ вмѣстѣ съ Чеокидзе, и тамъ между ними возникли дружескія отношенія, которыя не прерывались до настоящаго времени, несмотря на то, что Кардашевъ разстался съ Чеокидзе въ 1871 году, окончивши ранѣе его курсъ наукъ, а затѣмъ въ 1873 году онъ уѣхалъ въ Дрезденъ для окончанія образованія въ тамошней политехнической школѣ. Спустя почти два года, а именно въ январѣ 1875 года, къ нему совершенно неожиданно пріѣхалъ Чеокидзе, возвращавшійся изъ Парижа въ Россію. Чеокидзе, пріѣхавшій въ Москву раньше Кардашева, поселился въ квартирѣ общины, какъ членъ ея, а затѣмъ, когда узналъ о пріѣздѣ Кардашева, котораго, какъ постороннее лицо, онъ не могъ привести въ квартиру общины, но желая провести съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько дней, какъ съ другомъ дѣтства, перешелъ самъ къ нему въ гостиницу Шевалдышева и отдалъ въ прописку свой паспортъ. На основаніи данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, защитникъ вывелъ слѣдующія положенія: во-1-хъ, Кардашевъ былъ человѣкъ со средствами, по наслѣдству послѣ отца; во-2 хъ, онъ имѣлъ опредѣленныя занятія, преслѣдовалъ чисто научныя цѣли въ качествѣ студента дрезденской политехнической школы, каковымъ состоялъ до дня ареста; 3) отношенія Кардашева къ обвиняемому Чеокидзе были не болѣе, какъ отношенія дружескія по школѣ межевщиковъ, а не вслѣдствіе какой-либо политической цѣли; 4) Кардашевъ прибылъ въ Москву одинъ, безъ Чеокидзе, пріѣхавшаго ранѣе, и не въ мартѣ 1875 года, какъ удостовѣряла обвинительная власть, а 25-го или 26-го февраля; 5) Кардашевъ выѣхалъ обратно изъ Москвы въ Дрезденъ въ первой половинѣ марта мѣсяца того же года, задолго до ареста Чеокидзе, послѣдовавшаго лишь 4-го апрѣля и котораго Кардашевъ предвидѣть не могъ. Что касается отобранной у Кардашева записной книжки, которая въ глазахъ прокурора составляетъ весьма сильную улику противъ подсудимаго, то защитникъ полагаетъ, что подсудимый, ведя свои ежедневныя замѣтки о всемъ сдѣланномъ и затраченномъ, преслѣдовалъ одну только цѣль экономическую. Въ противномъ случаѣ онъ имѣлъ бы полную возможность если не уничтожить самую книжку, то по крайней мѣрѣ стереть написанное карандашемъ все, сколько-нибудь его компрометирующее. Одинъ фактъ существованія переписки Кардашева можетъ служить только доказательствомъ его знакомства съ революціонерами; но одного знакомства, безъ всякаго дѣйствія, въ которомъ выразилась бы солидарность политическаго убѣжденія съ ними, не можетъ быть достаточнымъ для обвиненія его въ участіи въ политическомъ преступленіи. Что касается второго пріѣзда Кардашева въ Москву въ іюлѣ 1875 года, то онъ пріѣхалъ съ цѣлью взять Чеокидзе на поруки. Кардашевъ зналъ изъ анонимнаго письма, что Чеокидзе былъ арестованъ по политическому дѣлу; онъ зналъ также и объ опасности, угрожавшей ему, какъ человѣку близко знакомому съ Чеокидзе, но, несмотря на это, поѣхалъ въ Москву. Это могъ сдѣлать только человѣкъ, котораго умственныя способности не въ нормальномъ состояніи, или же который проникнутъ намѣреніями, не имѣвшими никакого преступнаго характера, каковымъ и является Кардашевъ. По указанію анонимнаго письма, онъ отыскалъ Гамкрелидзе въ гостиницѣ „Украина“, чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія о причинахъ ареста Чеокидзе. Въ теченіе двухъ недѣль онъ узналъ, что попытка его въ отношеніи Чеокидзе не можетъ имѣть успѣха и собирался возвратиться въ Дрезденъ Посѣщая Гамкрелидзе, онъ познакомился тамъ съ Зедгенидзе (князь Циціановъ). Вѣрою Любатовичъ и другими; тамъ онъ и былъ арестованъ. Условія, при которыхъ онъ былъ задержанъ, и поведеніе его во время ареста, удостовѣренныя свидѣтелями, таковы, что не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для него было совершенно чуждымъ дѣло преступнаго сообщества. Придя въ номеръ, онъ не обратился въ бѣгство, не оказалъ никакого сопротивленія и по первому предложенію полиціи предъявилъ свой паспортъ, указалъ свою квартиру и даже просилъ произвести въ ней обыскъ съ цѣлью сохранить бывшія у него деньги. Содержась подъ арестомъ и ожидая со дня на день своего освобожденія, онъ получилъ отъ Циціанова просьбу сообщить въ Одессу о томъ, что онъ и Вѣра Любатовичъ аресто-

ваны, при чемъ Циціановъ сообщилъ ему одинъ изъ шифровъ: „Эй, Ѳомичъ". Но надежда на освобожденіе погибла, и Кардашевъ, воспользовавшись случаемъ, отправилъ письмо, желая исполнить просьбу Циціанова. Если бы Кардашевъ былъ членомъ московскаго революціоннаго кружка, то, зная секретные адресы квартиръ кружка, онъ не остановился бы, какъ въ свой первый, такъ и во второй рискованный пріѣздъ въ Москву, сначала въ гостиницѣ Шевалдышева, а потомъ въ гостиницѣ Мамонтова, не проживалъ бы въ въ квартирахъ общины. Относительно обвиненія Кардашева въ томъ, что онъ былъ кассиромъ сообщества, защитникъ поддерживалъ правдивость объясненія подсудимаго, а именно, что деньги, найденныя въ его квартирѣ, даны ему лицомъ, которое онъ не желаетъ назвать, съ единственною цѣлью внести за Чекоидзе залогъ, а билетъ Тумановой въ 1.100 рублей находился у него въ обезпеченіе ссуды, сдѣланной имъ Гамкрелидзе.

Прис. пов. *Люстигъ* (защитникъ Екатерины Гамкрелидзе) указалъ прежде всего на то, что отъ обвиненія подсудимой въ распространеніи книгъ, возбуждающихъ къ бунту, прокуроръ отказался, и, такимъ образомъ, остается обвиненіе ея только въ участіи въ противозаконномъ сообществѣ. Уликами въ этомъ отношеніи представляются: во-первыхъ, переводъ шифрованнаго письма, сдѣланный будто бы ею; но вслѣдствіе показанія экспертовъ обвинитель не поддерживаетъ эту улику. Сверхъ того, въ то время, когда переводъ письма долженъ быть сдѣланъ въ Москвѣ, подсудимая находилась въ Петербургѣ. Второю уликою является ея фиктивный бракъ съ Гамкрелидзе. Защитникъ доказывалъ, что бракъ этотъ былъ вовсе не фиктивный и приводилъ показанія свидѣтелей, что супруги жили вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, доказывать фиктивность или дѣйствительность этого брака невозможно и безцѣльно. Передача ею билета въ 1.100 руб. Кардашеву, защитникъ объяснялъ показаніями Кардашева и Гамкрелидзе о томъ, что билетъ служилъ Кардашеву обезпеченіемъ долга Гамкрелидзе. Что касается записи въ памятной книжкѣ Кардашева о выдачѣ 40 рублей на свадьбу, то эта запись, по объясненію защитника, не относится къ настоящему дѣлу, такъ какъ изъ показанія священника, вѣнчавшаго Гамкрелидзе, видно, что деньги платилъ Циціановъ, а не Кардашевъ, который при вѣнчаніи даже не присутствовалъ. Невозможность цѣли этого брака, доказываемой прокуроромъ, обнаруживается изъ того, что мать подсудимой настолько любитъ свою дочь, что никогда ей ни въ чемъ не отказывала, и для того, чтобы получить свой билетъ въ 1.100 рублей, ей вовсе не нужно было устраивать фиктивный бракъ, а было бы достаточно спросить его у матери. Что касается пребыванія ея въ Ивановѣ, то она явилась туда только за три дня до арестовъ въ домѣ Кисина; она не была ни на одной изъ фабрикъ, ни одной книжки никому не передавала и не читала. Она была знакома съ Фигнеръ и пріѣхала только къ ней. Если Фигнеръ и другія лица, жившія въ домѣ Кисина, занимались пропагандой, то Гамкрелидзе не могла ничего знать о ихъ дѣятельности. Затѣмъ, защитникъ, на основаніи содержанія программы сообщества, объяснялъ, что Гамкрелидзе не удовлетворяла требованіямъ этой программы, а потому заключилъ, что она не можетъ быть признана виновною въ принадлежности къ противозаконному сообществу.

Прис. пов. *Боровиковскій* (защитникъ Баринова) указалъ, что подсудимый обвиняется въ передачѣ одной книжки Бурову и въ покушеніи дать книжку Корнюхину. Но Корнюхинъ показалъ на судѣ, что, когда его уговаривали ѣхать въ Тулу, Бариновъ молчалъ; что книгъ онъ ему никакихъ не давалъ. Такимъ образомъ это обвиненіе падаетъ само собою. Затѣмъ, свидѣтель Яковлевъ, землякъ Баринова, говоритъ что онъ далъ ему книжку по совѣту Николая Васильева, но на предварительномъ слѣдствіи свидѣтель говорилъ наоборотъ. Свидѣтель Прокофій Бариновъ, братъ подсудимаго, показалъ, что бралъ книжки изъ сундука брата самъ, по праву старшинства. Свидѣтельница Сквѣрцова признала Баринова, приходившаго въ ея квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ заявила, что не считала его въ компаніи ея жильцовъ. Затѣмъ удостовѣрено, что въ домѣ Корсакъ Бариновъ не жилъ; онъ проживалъ въ Ивановѣ въ домѣ Кисина, но и оттуда ушелъ добровольно на родину. Свидѣтель Гуровъ удостовѣрилъ, что никакихъ разговоровъ отъ Баринова не слыхалъ. Вообще противъ Баринова не представляется никакихъ уликъ въ распространеніи революціонныхъ книжекъ.

Прис. пов. *Полетаевъ* (защитникъ Ковалева) высказалъ затруднительность своего положенія въ виду того, что положеніе Ковалева является двойственнымъ: поведеніе его

на судѣ и во время дознанія. Разсказавъ показаніе Ковалева. сдѣланное имъ на дознаніи, защитникъ указалъ на то, что отношеніе Ковалева къ остальнымъ подсудимымъ слишкомъ косвенное, что онъ не имѣлъ тѣсной съ ними связи, изъ чего можно заключить, что онъ вовсе не зналъ о существованіи сообщества. Давая очень нескладное показаніе на судѣ, Ковалевъ вызвалъ даже смѣхъ другихъ подсудимыхъ; но если бы онъ имѣлъ съ ними близкую связь, то эти люди не смѣялись бы надъ нимъ. Далѣе защитникъ указалъ на то, что Ковалевъ не знаетъ грамотѣ, и если ему давали революціонныя книжки и онъ передалъ ихъ какимъ-то сапожникамъ и Матвѣеву, то вовсе не сознавая ихъ преступности. Затѣмъ онъ указалъ на заявленіе подсудимаго въ полицію, какъ на такое обстоятельство, которое по закону достаточно для того, чтобы подсудимому была оказана пощада. Если же онъ на судѣ измѣнилъ свое поведеніе, то нужно принять во вниманіе его положеніе: онъ открылъ всѣхъ сообщниковъ, они были арестованы и, понятно, что ему стало больно, что онъ донесъ на нихъ. Подъ вліяніемъ этого тяжелаго чувства онъ сказалъ не то, что говорилъ прежде.

Прис. пов. *Зубаревъ* (защитникъ Ольги Любатовичъ, Хоржевской, Медвѣдевой и Гельфманъ) высказалъ, что Гельфманъ занимаетъ въ настоящемъ дѣлѣ положеніе, рѣзко отличающееся отъ положенія большинства другихъ подсудимыхъ. Она обвиняется въ принадлежности къ тайному сообществу единственно на томъ основаніи, что на нее адресовались письма лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не отрицаютъ своей принадлежности къ сообществу. Но всѣ письма и телеграммы адресовались на Гельфманъ для передачи другимъ лицамъ, и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ указаній, чтобы ей самой были извѣстны шифры и содержаніе писемъ. По обыску у нея не найдено ни запрещенныхъ книгъ, ни какихъ-либо документовъ, которые указывали бы на принадлежность ея къ сообществу. Такимъ образомъ, ей ставится въ вину только то, что она, будучи знакома съ Хоржевскою, исполнила ея просьбу—быть посредницею при передачѣ писемъ. Сверхъ того, ее обвиняютъ въ томъ, что квартира ея служила мѣстомъ сходокъ членовъ сообщества. Но изъ показанія хозяйки квартиры видно, что никакихъ сборищъ въ квартирѣ Гельфманъ не было; приходили только три-четыре человѣка студентовъ и студентокъ, ея личныхъ знакомыхъ, но что они говорили между собою—ей неизвѣстно. Но изъ того, что она была знакома съ Хоржевской и Ольгою Любатовичъ и оказала имъ самую обыкновенную услугу въ передачѣ писемъ, по мнѣнію защитника, невозможно дѣлать заключенія о ея принадлежности къ тайному сообществу. Въ дѣлѣ есть указаніе, что кромѣ квартиръ Гельфманъ и Медвѣдевой, подсудимые имѣли цѣлый рядъ лицъ, на имя которыхъ можно было бы адресовать письма, но никто изъ нихъ не привлеченъ къ этому дѣлу.

Медвѣдева стоитъ въ томъ же положеніи, какъ и Гельфманъ, съ тою лишь разницею, что обвиненіе не говоритъ, чтобы квартира ея была мѣстомъ сборища. Изъ откровеннаго ея признанія на судѣ оказывается, что она была знакома только съ Кикодзе и Любатовичъ. Заявленіе это было подтверждено опросомъ другихъ подсудимыхъ, которые заявили, что не знаютъ Медвѣдеву. Въ доказательство сего защитникъ привелъ показанія свидѣтелей и различные документы. Относительно письма, писаннаго Медвѣдевою изъ тюрьмы, защитникъ сослался на объясненіе Спасовича, что въ тюрьмѣ Медвѣдева, какъ и многіе другіе, вошла въ составъ общества, но не того, которое преслѣдуетъ прокуроръ, а общества, возникшаго въ тюрьмѣ между заключенными, которое имѣло цѣлью только достиженіе личнаго освобожденія, а не ниспроверженія государственнаго порядка. Такимъ образомъ, ни Гельфманъ, ни Медвѣдева не могутъ быть признаны членами тайнаго сообщества. и если въ ихъ дѣйствіяхъ можно усмотрѣть что-нибудь, то это только неосторожность и неумѣстность принятія на себя опаснаго порученія.

Относительно Ольги Любатовичъ и Хоржевской защитникъ сказалъ, что обѣ подсудимыя уполномочили его заявить суду, что онѣ не находятъ нужнымъ отрицать своего участія въ томъ тайномъ сообществѣ, въ принадлежности къ которому ихъ обвиняютъ. Но тѣмъ не менѣе, защитникъ доказывалъ, что будто бы не только не существовало организаціи этого сообщества, но даже отрицалъ и существованіе общинъ въ Кіевѣ и Тулѣ, на томъ основаніи, что Хоржевская въ Кіевѣ и Ольга Любатовичъ въ Тулѣ находились столь короткое время, что не могли организовать общины, для принятія въ члены которой было необходимо, по программѣ, испытаніе и другія условія.

Прис. пов. *Борщовъ* (защитникъ Едуковыхъ и Куракова) указалъ прежде всего на то, что прокуроръ, при разсмотрѣніи дѣла по тульской группѣ, отказался отъ показанія Елизаветы Матвѣевой по отношенію къ Куракову и отъ показанія Щукина по отношенію къ Едукову, такъ что обвиненіе опирается только на оговоръ Ковалева и на показаніе свидѣтеля Дорогова о томъ, что у Фетисова собирались Едуковы и что они жили въ квартирѣ Ольги Любатовичъ; наконецъ, на показаніи Матвѣева о томъ, что Кураковъ укорялъ его за то, что онъ убѣдилъ Ковалева донести. Хотя при этомъ прокуроръ сдѣлалъ оговорку, что онъ не настаиваетъ на обвиненіи Куракова въ принадлежности къ тайному сообществу и проситъ признать виновнымъ только въ недонесеніи, но тѣмъ не менѣе защитникъ счелъ нужнымъ еще доказывать невѣрность всякаго рода показаній Ковалева противъ Куракова. Въ заключеніе защитникъ сказалъ, что изъ выраженій упрека, сдѣланнаго Кураковымъ Матвѣеву, никакъ нельзя вывести того заключенія, чтобы Кураковъ зналъ о существованіи сообщества—онъ могъ упрекнуть просто по своей добротѣ, по чувству человѣколюбія. Въ отношеніи Едуковыхъ—изъ увѣдомленія воронежскаго жандармскаго офицера видно, что Едуковы занимались слесарною работой и вели себя хорошо. Когда работа уменьшилась, то сначала Иванъ, а потомъ Николай перебрались въ Тулу и работали здѣсь въ паровозной мастерской; по приглашенію Сидоренко, оба Едуковы переѣхали къ нему на квартиру, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Ольгою Любатовичъ. Это было въ августѣ, а въ началѣ сентября, когда Николай вернулся изъ Воронежа, куда онъ ѣздилъ за своими вещами, то вечеромъ того же дня они были арестованы. Что касается оговора Ковалева, что будто бы Сидоренко отзывался о нихъ, какъ о людяхъ, которые будутъ дѣлать общее дѣло, то, если бы это и было справедливо, все-таки это есть только личное мнѣніе Сидоренки, который могъ видѣть въ Едуковыхъ будущихъ дѣятелей сообщества, но, по мнѣнію защитника, это не можетъ служить уликою въ принадлежности Едуковыхъ къ сообществу. Изъ показанія Дорогова нельзя вывести заключенія о томъ, что именно читалось въ квартирѣ Фетисова въ присутствіи Едуковыхъ. На квартиру къ Махоткиной они перешли просто потому, что Сидоренко обошелся съ ними ласково, а они желали знаній и хотѣли кое-чему поучиться. Указавъ на короткое время знакомства Едуковыхъ съ пропагандистами и на нѣкоторыя другія соображенія, защитникъ пришелъ къ заключенію, что Едуковы не только не принадлежали къ составу сообщества, но даже не знали о его существованіи.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Нечаевъ (защитникъ Фетисова и Сидорацкаго), разсказавъ въ началѣ біографію Фетисова, объяснилъ, что, по показанію Дорогова, въ квартирѣ Фетисова были разговоры и читались разныя книжки, но ни въ этихъ разговорахъ, ни въ книжкахъ онъ ничего особеннаго не замѣтилъ. Поселившись съ Сидорацкимъ, который просилъ учить его слесарному мастерству, на заводѣ въ селѣ Панинѣ, въ одной квартирѣ вмѣстѣ съ рабочими Шильниковымъ и Кукинымъ, Фетисовъ продолжалъ заниматься работою. Оба свидѣтеля, Шильниковъ и Кукинъ, показали, что ничего особеннаго ни отъ Фетисова, ни отъ Сидорацкаго не слыхали. Только разъ какъ-то Фетисовъ разсказывалъ сказку „О четырехъ братьяхъ“. Но сказка эта состоитъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ, какъ можно заключить по показаніямъ свидѣтелей, Фетисовъ разсказывалъ первую часть, которая не заключаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго. Указавъ далѣе на то, что Фетисовъ не подходитъ ни къ одному изъ признаковъ, характеризующихъ, по словамъ прокурора, пропагандиста, защитникъ относительно другихъ уликъ объяснилъ, что если Фетисовъ говорилъ съ Дороговымъ о трудности рабочей жизни и сочувственно относился къ рабочимъ, то это не можетъ быть поставлено въ улику, потому что, по мнѣнію защитника, кто стоитъ за народъ, тотъ стоитъ за правительство. Что касается знакомства его съ Злобинымъ, то знакомство это въ Петербургѣ ничѣмъ въ дѣлѣ не доказано, а изъ знакомства съ нимъ въ Тулѣ нельзя выводить обвиненія, такъ какъ Злобинъ вовсе не былъ ни бунтовщикомъ, ни революціонеромъ и не раздавалъ возмутительныхъ книжекъ. Нахожденіе адреса Фетисова у Хоржевской ничего не доказываетъ, потому что записала адресъ Хоржевская, а не Фетисовъ. Его могли намѣтить и записать его адресъ—въ этомъ онъ не при чемъ. Можетъ быть и Ковалеву пропагандисты говорили, что хорошо было бы привлечь Фетисова въ свою партію, но Ковалевъ, желая показать больше того, нежели слышалъ, сказалъ только въ формѣ предположенія, что Фетисовъ находился въ сношеніяхъ съ пропагандистами. Такимъ образомъ, нѣтъ ни одной улики, на

основаніи которой Фетисова можно было бы обвинить въ принадлежности къ противозаконному сообществу. Что касается ареста Фетисова въ квартирѣ Любатовичъ, то и это пребываніе его въ квартирѣ объясняется весьма естественно тѣмъ, что онъ былъ хорошъ съ Едуковыми, съ которыми находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. Сверхъ того, пропагандисты стремились привлечь его къ своей дѣятельности и сначала старались расположить его къ себѣ. Онъ явился къ нимъ въ первый разъ, и такъ неудачно, что былъ арестованъ.

Что касается подсудимаго Сидорацкаго, то прокуроръ отказался отъ обвиненія его въ распространеніи противозаконныхъ книжекъ и находитъ въ отношеніи принадлежности къ сообществу, что онъ былъ сбитъ съ толку другими и дѣйствовалъ безъ разумѣнія. Дѣйствительно, это сообщество представляло тѣсный союзъ людей, соединившихся для достиженія противоправительственныхъ цѣлей, а потому имъ нужно было быть крайне осторожными: невозможно допустить, чтобы они Сидорацкому, этому 16-тилѣтнему мальчику, довѣрили свою тайну. Можетъ быть члены сообщества имѣли его въ виду для будущаго, и, желая выработать изъ него пропагандиста, помѣстили его сначала въ среду рабочихъ и дали фальшивый паспортъ, воспользовавшись его юношескими стремленіями къ самостоятельности. Въ Тулѣ и Панинѣ, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, Сидорацкій не заявилъ себя ни малѣйшимъ подозрительнымъ дѣйствіемъ, онъ не сдѣлалъ ничего предосудительнаго. Въ квартиру Любатовичъ онъ явился изъ Панина, и если въ его сакъ вояжѣ нашлись книги, то потому, что Петровъ ихъ сунулъ ему, и обвинитель не придаетъ никакого значенія этой уликѣ.

Прис. пов. Коршъ (защитникъ Воронкова и Острова). Приведя разсказъ Воронкова о его семейномъ положеніи и причинахъ пріѣзда въ Кіевъ, гдѣ разсчитывалъ получить какія-нибудь занятія черезъ пріятеля своего, Подгородецкаго, защитникъ указалъ далѣе, что Подгородецкій оказался самъ безъ денегъ, безъ занятій и больной, съ одной надеждою получить мѣсто сельскаго учителя. Тогда Воронковъ отправился въ Бѣлую-Церковь, но черезъ мѣсяцъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ опять не нашелъ подходящихъ занятій. Когда деньги вышли, онъ снова поступилъ на вокзалъ работать въ кузницѣ, и работалъ до самаго ареста. Такимъ образомъ, во всей его жизни нѣтъ времени, въ которое онъ могъ бы заниматься пропагандою, и, дѣйствительно, ничего объ этомъ не обнаружено. Далѣе защитникъ утверждалъ, что Хоржевская, пробывъ въ Кіевѣ отъ конца іюля по 9-е сентября, не могла въ такое короткое время организовать общины, а изъ сего защитникъ выводилъ заключеніе, что Воронковъ не могъ принадлежать къ тайному сообществу. Что касается квартиры у Котикова, гдѣ Воронковъ жилъ съ какою-то женщиною и ея мужемъ, то обвиненіе ставитъ ему это въ улику, считая мужа и жену членами сообщества, такъ какъ они скрылись изъ квартиры въ ту ночь, когда былъ арестованъ Воронковъ. Но въ дѣлѣ есть свѣдѣніе, что Воронковъ тотчасъ послѣ ареста просилъ ,отправиться къ нему въ квартиру, но въ этомъ ему было отказано за позднимъ временемъ. Если бы желаніе Воронкова было исполнено, тогда было бы доказано, кто тамъ жилъ, а если этого не сдѣлано, то невозможно ставить въ улику Воронкову обстоятельство, отъ его воли не зависѣвшее. Исчезновеніе же этихъ жильцовъ можетъ быть объяснено весьма понятною и далеко не излишнею предосторожностью не быть арестованными и не просидѣть въ тюрьмѣ, можетъ быть продолжительное время. Съ Млодецкимъ онъ дѣйствительно былъ знакомъ по возвращеніи изъ Бѣлой-Церкви, но фактъ ихъ сожительства по дѣлу ничѣмъ не доказанъ. Что касается показанія Драгуновой о томъ, что Воронковъ и Млодецкій познакомили Подгородецкаго съ человѣкомъ, имѣвшимъ рыжую бороду, то этому показанію нельзя давать вѣры потому, что, по разсужденію защитника, Подгородецкій, какъ житель Кіева, вовсе не нуждался въ пріобрѣтеніи знакомыхъ. Если Воронковъ и познакомилъ съ кѣмъ-нибудь Подгородецкаго, то развѣ только съ Млодецкимъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію защиты, обвиненіе Воронкова въ принадлежности къ сообществу представляется недоказаннымъ, такъ какъ ни съ кѣмъ изъ членовъ онъ не былъ знакомъ, ни у него въ квартирѣ, ни при немъ ничего предосудительнаго не было найдено. Остается только его знакомство съ Млодецкимъ, Подгородецкимъ и еще то обстоятельство, что онъ раза три заходилъ къ Гельфманъ условиться относительно пріема у женщины, жившей въ домѣ Котикова; но на основаніи только этихъ знакомствъ невозможно утверждать, чтобы Воронковъ былъ самъ чле-

номъ сообщества. Что касается обвиненія въ распространеніи книгъ, то оно не доказано рѣшительно ничѣмъ. Если и допустить вѣрность показанія Драгуновой о томъ, что Воронковъ принесъ Подгородецкому какія-то двѣ книжки, то Подгородецкій не былъ рабочимъ, въ распространеніи книгъ среди которыхъ обвиняется подсудимый: онъ былъ его товарищъ, и кому же не случалось передавать пріятелю какую-нибудь книжку, хотя бы и заграничную; за это невозможно преслѣдовать по 250 ст. улож.

Касательно подсудимаго Острова, защитникъ полагалъ, что первое мѣсто въ числѣ оправданныхъ по этому дѣлу должно принадлежать Острову. Противъ него приводится только одно обстоятельство, а именно, обыскъ, по которому найдено нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были и не запрещенныя, а также и чужіе паспорты. Нѣтъ сомнѣнія, что Островъ говорилъ правду, что книги ему передалъ Родіоновъ и что онъ вовсе не подозрѣвалъ въ этой пачкѣ ничего преступнаго. Онъ ушелъ изъ Кіева спустя четыре дня послѣ обыска у Гельфманъ, слѣдовательно, если бы ему была необходимость скрыться, то онъ не ожидалъ бы четыре дня. Затѣмъ, придя въ деревню, онъ положилъ эту связку книгъ и бумагъ на полку подъ образа, вмѣстѣ съ своими божественными книгами, гдѣ все это и было взято. До обыска онъ жилъ въ деревнѣ двѣ недѣли и въ это время не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы спрятать пачку. Если бы онъ зналъ, какія это книги и бумаги, то, конечно, имѣлъ слишкомъ достаточно времени уничтожить ихъ или спрятать. Когда явился становой и спросилъ, есть ли у него книги, Островъ сейчасъ же вытащилъ всѣ и отдалъ.

Прис. пов. Бардовскій (защитникъ подсудимыхъ Субботиныхъ и Николаева) высказалъ, что въ рѣчи прокурора вкрались двѣ неточности, а именно, что Николаевъ былъ будто бы въ домѣ Костомарова, что о немъ Скворцова показала какъ о лицѣ, бывшемъ въ компаніи съ другими. Ни того, ни другого обстоятельства не существуетъ. Что касается показанія Тимоѳея Васильева о томъ, что онъ получилъ книжку преступнаго содержанія отъ Николаева, то этотъ послѣдній отрицаетъ это обстоятельство. Кому изъ нихъ вѣрить, это дѣло суда; но, если и признать, что Васильеву передалъ книжку Николаевъ, то нельзя не обратить вниманія на то, что оба они неграмотные, слѣдовательно, оба могли не знать, что книжка преступная. Въ томъ, что онъ скрылся послѣ того, какъ на фабрикѣ былъ обыскъ и нашли книжку, о чемъ ему сказали рабочіе въ трактирѣ, нѣтъ ничего компрометирующаго. Онъ получилъ книжку отъ Павлова и весьма естественно, что, узнавъ объ обыскѣ, пошелъ къ Павлову спросить, какую онъ далъ ему книжку. Для обвиненія Николаева въ принадлежности къ тайному сообществу представляютъ уликами показаніе Скворцовой и арестъ подсудимаго вмѣстѣ съ другими. Но Скворцова не дала на судѣ обвинительнаго показанія, а изъ протокола ареста въ домѣ Корсакъ видно, что Николаевъ назвался своимъ именемъ, слѣдовательно, ему нечего было бояться и скрываться.

Въ отношеніи Субботиныхъ защитникъ указалъ, что прокуроръ, упоминая о ихъ дѣятельности, не объяснилъ въ обвинительномъ актѣ, къ какому кружку онѣ принадлежали, а, между тѣмъ, въ обвинительной рѣчи онъ заявилъ, что онѣ были руководительницами. Но въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы признать правильнымъ заявленіе прокурора о томъ, что семейство Субботиныхъ революціонное и что онѣ потратили на это дѣло свое состояніе. То обстоятельство, что Топоркова на ихъ счетъ училась въ Цюрихѣ, не можетъ служить доказательствомъ преступности Субботиныхъ. Точно также онѣ хотѣли помочь получить образованіе и дѣвицѣ Апсеровой, которая жаловалась имъ на свое стѣснительное положеніе въ семьѣ. Противъ Евгеніи Субботиной выставлено письмо, дѣйствительно доказывающее, что она была знакома съ членами кружка и даже сочувствовала имъ. Она созналась въ томъ, что знала о сообществѣ, она признаетъ всѣ улики и даже больше чѣмъ ихъ предъявляютъ противъ нея, а если она не говоритъ, что была членомъ сообщества, то только изъ одного опасенія повредить этимъ другимъ, которые не признаютъ существованія организаціи. Если будетъ признано сообщество и что она была его членомъ, то особое присутствіе приметъ во вниманіе ея чистосердечное сознаніе. Въ отношеніи Маріи Субботиной, приведенная прокуроромъ улика, что она проживала въ домѣ Эйнбродтъ, упадаетъ послѣ показаній Евгеніи Субботиной и Фигнеръ. Что же касается письма, въ которомъ сказано, что Манька хлопочетъ о сапогахъ, то обвинителемъ не доказано, что это письмо писано знакомымъ Марьи Субботиной, и она не мо-

жетъ отвѣчать за то, что другіе напишутъ о Манькѣ. Затѣмъ, посѣщеніе ею гостиницы въ Орлѣ не подтверждено прислугою. Она не жила ни въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ находились кружки, но проживала въ деревнѣ, гдѣ ничего подозрительнаго у нея не обнаружено; она нигдѣ не была въ качествѣ простой работницы, и вообще нѣтъ данныхъ, чтобы признать ее участницею тайнаго сообщества, въ распространеніи же книгъ она не обвиняется. Въ отношеніи Надежды Субботиной защитникъ доказывалъ, что, несмотря на ея собственное признаніе о письмахъ и телеграммахъ, она тѣмъ не менѣе не виновна, такъ какъ тѣми обстоятельствами дѣла, которыя разобралъ защитникъ, опровергаются ея собственныя показанія. Если она сама возводитъ на себя обвиненіе, то, по мнѣнію защитника, она принадлежитъ къ числу людей, для которыхъ страдать въ то время, когда страдаютъ близкія, есть необходимость: ея мать и сестра сидѣли въ заключеніи, и она не хотѣла оставаться на свободѣ. Защитникъ выразилъ увѣренность, что Надежда Субботина выйдетъ оправданною. Въ заключеніе онъ привелъ умепьшающія вину обстоятельства относительно Николаева и Субботиныхъ.

Присяжный повѣренный Войцеховскій (защитникъ подсудимыхъ Георгіевской, Введенской, Нуромскаго и Сбромірскаго) высказалъ, что его кліенты были арестованы уже въ то время, когда не существовало администраціи сообщества, и главные его дѣятели были взяты. Письмо, найденное въ хлѣбѣ, которая Георгіевская желала передать арестованному брату, заключаетъ въ себѣ самыя обыкновенныя свѣдѣнія, такъ что всякій прокуроръ разрѣшилъ бы его передать заключенному. Прокуроръ говоритъ, что она была знакома съ Джабадари и Цвиленевымъ. Но она только знала, что они содержатся вмѣстѣ съ ея братомъ, при посѣщеніи котораго, по предположеніямъ защитника, она могла встрѣчаться съ родными и знакомыми другихъ заключенныхъ, а отъ нихъ могла знать о Цвиленевѣ и Джабадари. По обыску у нея найдено письмо Кардашева, запечатанное въ конвертѣ, и шифрованное письмо Здановича, переведенное ею. Относительно этого послѣдняго письма защитникъ привелъ разсказъ Георгіевской о томъ, будто бы къ ней явился человѣкъ незнакомый и разъяснилъ тайны шифра. Могло быть также, что друзья заключенныхъ видѣли Георгіевскую, узнали, что она сестра одного изъ арестованныхъ, и поэтому нашли удобнымъ поручить ей дешифрированіе писемъ. Но знаніе ею шифра нельзя считать доказательствомъ, что она была членомъ сообщества. Если бы переписка шла черезъ нее, то и это ничего не доказывало бы. Напримѣръ, князь Микеладзе также былъ посредникомъ въ передачѣ писемъ, но къ слѣдствію онъ не привлеченъ.

Относительно Введенской защитникъ указалъ на то, что при обыскѣ письмо было изорвано не ею, а Георгіевскою, которая сама заявила объ этомъ. Затѣмъ, онъ привелъ показанія свидѣтелей, на основаніи которыхъ прослѣдилъ всю ея жизнь. Жизнь эта была такова, что Введенская, бывъ занятою утромъ и вечеромъ уроками, не имѣла и времени посвящать себя на службу сообществу, а его программа требуетъ, чтобы человѣкъ всецѣло отдался дѣятельности сообщества.

Въ отношеніи Нуромскаго защитникъ объяснилъ, что Нуромскій, бывъ уволенъ изъ технологическаго института за неплатежъ денегъ, возвращался на родину и остановился въ Москвѣ у своихъ дальнихъ родственниковъ, которые были такъ запуганы, что позволили ему пробыть нѣсколько дней только съ тѣмъ условіемъ, что онъ не сдѣлаетъ имъ никакой непріятности. Онъ узналъ, что Георгіевская въ Москвѣ, и бывалъ у нея. Однажды въ видѣ курьеза она показала ему шифръ, который онъ взялся разгадать; когда же на другой день онъ пришелъ съ своею работою надъ шифромъ, то былъ задержанъ. Будучи обязанъ словомъ, данпымъ своимъ родственникамъ, онъ отказался указать свою квартиру, гдѣ находился его паспортъ. Онъ предпочелъ лучше страдать и потерять паспортъ, нежели сдѣлать непріятности своимъ родственникамъ. Что касается квартиры Георгіевской и Введенской, то нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы ее считать центромъ сообщества, такъ какъ въ квартирѣ ничего не было найдено.

Относительно Сбромірскаго защитникъ указалъ на то, что онъ механикъ, до послѣдняго времени занималъ должность машиниста и даже не былъ арестованъ. Это доказываетъ, что власти настолько считали его дѣйствія непреступными и улики противъ него незначительными, что ему была предоставлена полная свобода, которою онъ пользовался до самаго призыва его въ судъ. Противъ него выставляется только одно показаніе Корнюхина,

говорившаго, будто бы Сбромірскій давалъ ему преступныя книжки. Защитникъ разобралъ это показаніе и доказывалъ, что оно не заслуживаетъ довѣрія, при чемъ упомянулъ о судимости Корнюхина за кражу и поддѣлку паспорта.

Помощникъ прис. пов. Гернгроссъ (защитникъ подсудимаго Рождественскаго) указалъ на то, что прокуроръ отказался отъ обвиненія Рождественскаго въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія. По прокуроръ перешелъ къ обвиненію Рождественскаго въ принадлежности къ тайному сообществу. По мнѣнію защиты, переходъ этотъ неправиленъ, потому что обвинитель можетъ измѣнять обвиненіе только въ томъ случаѣ, если на судебномъ слѣдствіи откроются новыя обстоятельства, которыя не были внесены въ обвинительный актъ, а въ данномъ случаѣ такихъ обстоятельствъ нѣтъ. Но если и признать, что прокуроръ въ правѣ измѣнять такимъ образомъ свое обвиненіе, то оно представляется недоказаннымъ. Повторивъ показаніе подсудимаго о его поѣздкѣ на Владикавказскую желѣзную дорогу, о причинахъ, ее вызвавшихъ, и прослѣдя, по показаніямъ свидѣтелей, его дѣятельность на станціи Прохладной, защитникъ объяснилъ, что, по окончаніи своихъ занятій, Рождественскій отправился въ Петербургъ съ цѣлью продолжать неоконченное по болѣзни ученіе въ Медико-хирургической академіи. Пріѣхавъ въ Москву, онъ желалъ узнать, на какихъ основаніяхъ можно держать экзаменъ въ Московскомъ университетѣ на тотъ случай, если нельзя будетъ поступить въ академію. Повторивъ далѣе разсказъ самого подсудимаго о томъ, какъ онъ отыскивалъ кого-нибудь изъ студентовъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ арестованъ, защитникъ высказалъ, что подсудимый во все время своего пребыванія на станціи Прохладной не вступалъ въ ближайшее общеніе съ рабочими и заботился лишь о своемъ госпиталѣ. При своемъ арестѣ онъ не скрылъ ни своей фамиліи, ни своего званія. Что же касается записки, найденной при немъ, то нѣтъ основанія не вѣрить его показанію, что записку эту онъ получилъ отъ кого-то изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ для передачи какому-то Патшину. Эксперты, сличавшіе почеркъ Рождественскаго съ этою запискою, признали сходство только нѣсколькихъ отдѣльныхъ буквъ. Очевидно, что подобная экспертиза не можетъ служить доказательствомъ, потому что подобнаго рода сходство въ нѣсколькихъ буквахъ можно найти во всякихъ рукописяхъ, писанныхъ разными лицами. Затѣмъ, письмо это начинается словами „Другъ Ваня“, а, между тѣмъ, Рождественскій былъ въ домѣ Эйнбродтъ, гдѣ жили Субботины и Фигнеръ, и въ гостиницѣ „Украйна“, гдѣ жилъ Антимосъ Гамкрелидзе, слѣдовательно, оно писано не къ нимъ. Поэтому, предположеніе обвиненія, что Рождественскій написалъ это письмо съ тѣмъ, чтобы оставить его въ квартирѣ, если никого не застанетъ дома, неосновательно. Затѣмъ, въ запискѣ этой просятъ прислать книжекъ противозаконнаго содержанія, а, между тѣмъ, самъ прокуроръ отказался отъ обвиненія Рождественскаго въ распространеніи преступныхъ сочиненій. Слѣдовательно, для чего же ему нужны были эти книги. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ, гдѣ, конечно, нельзя будетъ заниматься распространеніемъ этихъ книгъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію защитника, несомнѣнно, что это письмо писано не Рождественскимъ. По этимъ основаніямъ онъ просилъ оправдать Рождественскаго.

Присяжный повѣренный Шванебахъ (защитникъ подсудимаго Бѣляевскаго) высказалъ, что показаніе Бѣляевскаго на дознаніи значительно измѣнено имъ на судѣ; но измѣненіе это касается другихъ подсудимыхъ, а въ отношеніи его самого оно осталось то же. Онъ показалъ, что вмѣстѣ съ Трубецкимъ, ознакомившись съ содержаніемъ книжекъ, вознамѣрился пойти въ народъ для ихъ распространенія и съ этою цѣлью отправилъ тюкъ книгъ въ Саратовъ. По возникаетъ вопросъ о томъ, насколько это намѣреніе было осуществлено, такъ какъ отъ этого зависитъ степень виновности подсудимаго. Въ этомъ отношеніи защитникъ указалъ на показаніе свидѣтеля Виноградова, который отвезъ книги въ Саратовъ и оставилъ ихъ въ квартирѣ у брата Трубецкого, откуда онѣ не дошли до подсудимаго Трубецкого. Кромѣ этой отсылки книгъ Бѣляевскимъ, въ дѣлѣ нѣтъ ни одного факта, который могъ бы служить доказательствомъ того, что Бѣляевскій привелъ свое намѣреніе въ исполненіе. Законъ, строго преслѣдуя распространеніе преступныхъ сочиненій, требуетъ для признанія наличности преступленія, чтобы книги были сообщены новому лицу, которое ихъ еще не знаетъ. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ Бѣляевскій отправилъ книги такому лицу, съ которымъ они вмѣстѣ ознакомились съ книгами и рѣшились ихъ распространять. Слѣдовательно, эта передача не можетъ быть подводима подъ понятіе, выраженное въ

251 ст. улож. о наказ. Затѣмъ, изъ показанія свидѣтелей видно, что Бѣляевскій, занимаясь полевыми работами вмѣстѣ съ крестьянами, никакихъ книгъ имъ не передавалъ и никакихъ преступныхъ идей въ средѣ ихъ не пропагандировалъ. Въ виду всего этого защитникъ находилъ, что дѣяніе Бѣляевскаго составляетъ только приготовленіе къ преступленію, и въ заключеніе указалъ на обстоятельства, уменьшающія его вину. (Засѣданіе было прервано до 11 часовъ слѣдующаго дня).

Присяжный повѣренный *Герардъ* (защитникъ подсудимыхъ Цвиленева, Батюшковой, Иванова и Трубецкого), изложивъ общія соображенія относительно преступленія—распространенія книгъ противозаконнаго содержанія, перешелъ къ опроверженію уликъ противъ Трубецкого, и, между прочимъ, высказалъ, что если и признать справедливымъ показаніе Бѣляевскаго, данное имъ на дознаніи, что Трубецкой получилъ книги отъ Иванова, которыя у него по обыску и найдены, то все-таки нельзя признавать виновнымъ въ распространеніи книгъ, такъ какъ для этого необходимо доказать, что онъ передавалъ кому нибудь книги, а такихъ доказательствъ не представлено. Поэтому его можно признать виновнымъ только въ имѣніи у себя этихъ книгъ. Далѣе защитникъ доказывалъ, будто Трубецкой получилъ книги не съ цѣлью распространенія ихъ, но что даже и въ такомъ случаѣ необходимо признать, что это было только покушеніе на преступленіе, остановленное по собственной волѣ Трубецкого, такъ какъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока у него находились книги, онъ ни одной изъ нихъ никому не передавалъ. Что касается отсылки тюка съ книгами на его имя въ Саратовъ, то этихъ книгъ онъ не получалъ, такъ какъ въ то время былъ за 200 верстъ отъ Саратова, а изъ того, что онѣ были ему посланы, невозможно дѣлать заключенія, что онъ дѣйствительно желалъ распространять книжки. Можетъ быть Трубецкой въ разговорѣ съ Бѣляевскимъ и выражалъ, что было бы полезно распространять такія книжки, но, сказалъ защитникъ, неизвѣстно дѣйствительно ли онъ имѣлъ рѣшимость ихъ распространять. Это было только субъективное впечатлѣніе самого Бѣляевскаго, и если признать Трубецкого виновнымъ въ рѣшимости распространять книжки, то признаніе это будетъ основано не на томъ, что самъ Трубецкой думалъ, а на томъ, что объ немъ думалъ Бѣляевскій.

Относительно обвиненія Батюшковой и Иванова въ распространеніи книгъ противозаконнаго содержанія, защитникъ замѣтилъ, что противъ нихъ нѣтъ ни одной улики, ни одного доказательства ихъ виновности. Ивановъ обвиняется въ распространеніи книгъ посредствомъ передачи ихъ Трубецкому и Бѣляевскому. Слѣдовательно, нужно установить фактъ знакомства Бѣляевскаго и Трубецкого съ Ивановымъ. Но фактъ этотъ ничѣмъ не установленъ. Такимъ образомъ, противъ Иванова и Батюшковой остается только одинъ оговоръ Бѣляевскаго. Въ этомъ отношеніи защитникъ доказывалъ, что показаніе подсудимаго составляетъ такого рода доказательство, которое не заслуживаетъ довѣрія. Невозможно знать, какими побужденіями руководствуется подсудимый, давая то или другое показаніе, извѣстно только, что у него на первомъ планѣ стоитъ не достиженіе истины, а самозащита. Поэтому и самъ законъ не допускаетъ чтенія на судѣ показаній подсудимаго. Указавъ на то, что Бѣляевскій на судѣ измѣнилъ свое прежнее показаніе, защитникъ замѣтилъ, будто признаніе Бѣляевскимъ Иванова и Батюшковой, съ указаніемъ ихъ квартиръ, обнаруживаетъ только, что Бѣляевскій зналъ Иванова и Батюшкову, но это не доказываетъ, чтобы онъ былъ съ ними знакомъ, бывалъ у нихъ, и что они его знали. Далѣе онъ указалъ на то, что при обыскѣ у Батюшковой найденъ только одинъ № газеты „Впередъ“, а у Иванова не найдено ничего.

Переходя къ обвиненію Батюшковой и Цвиленева въ принадлежности къ тайному сообществу, защитникъ упомянулъ о томъ, что прокуроръ отказался отъ обвиненія Цвиленева въ принадлежности къ администраціи сообщества. Затѣмъ защитникъ доказывалъ, что подсудимые не могутъ быть признаны членами сообщества. Ни тотъ, ни другая не были простыми рабочими, не появлялись на фабрикахъ, не носили кличекъ, не скрывали при арестѣ своихъ именъ и званій и т. д. Если они были знакомы съ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ въ принадлежности къ сообществу, то это знакомство не составляетъ доказательства принадлежности ихъ самихъ къ этому сообществу. Шифрованные адресы, найденные у Цвиленева, по мнѣнію защитника, также не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго. Что же касается переписки изъ тюрьмы, которая указываетъ на знакомство

съ Чекоидзе, Джабадари, Любатовичъ и другими, то это знакомство, объяснилъ защитникъ, только тюремное, и не можетъ быть поставлено уликою въ такомъ важномъ преступленіи. Затѣмъ, разбирая признаніе прокуроромъ за улику общность убѣжденій подсудимыхъ, защитникъ высказалъ, что если въ числѣ обвиняемыхъ по этому дѣлу есть нѣсколько лицъ, которыя увлеклись „рабочимъ вопросомъ“ и хватили черезъ край, то большинство изъ обвиняемыхъ, въ томъ числѣ Цвиленева и Батюшкову, нельзя признать виновными въ государственномъ преступленіи. Въ дѣлѣ нѣтъ указанія, чтобы эти лица сочувствовали указаннымъ въ программѣ цѣлямъ сообщества и преслѣдовали ихъ. Напротивъ, изъ вещественнаго доказательства № 55 видно, что у нихъ стремленія были другія. Въ этомъ документѣ говорится, что молодежь шла ложнымъ путемъ, что нужно бросить эту любовь къ мужицкой обстановкѣ, что нужно сжечь всѣ эти книжки, что если идти въ народъ, то только для узнанія дѣйствительныхъ его потребностей, а не въ качествѣ его руководителей, не зная этихъ потребностей; что нужно прежде всего поднять нравственную культуру народа и дать ему образованіе, и не тенденціозными книжками, возбуждающими къ бунту, а мирнымъ путемъ развитія. Очевидно, по мнѣнію защитника, что въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего преступнаго.

Послѣ сего *первоприсутствующій* предоставилъ слово тѣмъ подсудимымъ, которые отказались имѣть защитниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ заявили, что они ничего не имѣютъ сказать, а другіе представили объясненія, которыя заключали въ себѣ не столько опроверженіе выставленныхъ противъ нихъ уликъ, сколько общія соображенія и свои взгляды на значеніе настоящаго дѣла и на тѣ цѣли, которыя они преслѣдовали. При этомъ одинъ изъ подсудимыхъ, а именно крестьянинъ Алексѣевъ, позволилъ себѣ въ концѣ своей рѣчи дерзкія выраженія, за что и былъ остановленъ первоприсутствующимъ. Подсудимый Овчинниковъ не находился въ залѣ суда по болѣзни и представилъ письменное заявленіе, что онъ отказывается какъ отъ своей защиты, такъ и отъ права послѣдняго слова. Прокуроръ не пожелалъ представить возраженій, а потому всѣмъ подсудимымъ было предоставлено право послѣдняго слова, при чемъ одни или повторяли доводы, высказанные уже защитою, или приводили общія соображенія; нѣкоторые же не имѣли ничего заявить.

Въ засѣданіи 14 марта, въ 12½ часовъ дня, были прочитаны постановленные особымъ присутствіемъ вопросы о виновности подсудимыхъ, послѣдовавшіе на нихъ отвѣты и состоявшаяся по дѣлу резолюція.

Вопросы: 1) Было ли въ 1875 году въ городѣ Москвѣ нѣсколькими лицами составлено противозаконное сообщество, имѣвшее своею цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ, при чемъ сообщество это имѣло свое управленіе (администрацію) въ городѣ Москвѣ, состояло изъ нѣсколькихъ общинъ, именовавшихся шайками и находившихся въ Москвѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Кіевѣ, Тулѣ, и руководствовалось въ своей дѣятельности особымъ уставомъ, опредѣлявшимъ права и обязанности, какъ управленія сообщества, такъ и его отдѣльныхъ членовъ?—*Отв.* „*Да, было составлено*“.

Если означенное сообщество было составлено, то—2) виновенъ ли сынъ штабсъ-капитана Георгій Феликсовъ Здановичъ (20-ти лѣтъ) въ томъ, что вмѣстѣ съ другими лицами составилъ означенное въ первомъ вопросѣ противозаконное сообщество?—*Отвѣтъ.* „*Да, виновенъ*“.

На такіе же вопросы о виновности подсудимыхъ: Джабадари (22 л.), Чекоидзе (24 л.), Кардашевѣ (25 л.), Лукашевичѣ (22 л.), Бардиной (22 л.), Фигнеръ (21 г.), Александровой (23 л.), Хоржевской (23 л.) Ольги (22 л.) и Вѣры (20 л.) Любатовичъ, Евгеніи (23 л.) и Надежды (20 л.) Субботиныхъ—послѣдовали отвѣты: „*Да, виновенъ и виновна*“.

15) Виновенъ ли крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ, 30-ти лѣтъ, въ томъ, что вступилъ въ члены противозаконнаго сообщества, означеннаго въ первомъ вопросѣ, зная о цѣляхъ того сообщества?—*Отв.* „*Да, виновенъ*“.

На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Бариновѣ (31 г.), Агаповѣ (20 л.), Алексѣевѣ (26 л.), Николаевѣ (29 л.), Егоровѣ (23 л.), Владимірѣ Александровѣ (20 л.), Топорковой (21 г.), Екатеринѣ Гамкрелидзе (20 л.), Злобинѣ (25 л.), Фетисовѣ (24 л.), Сидорацкомъ (менѣе 17 л.), Иванѣ (24 л.) и Николаѣ (19 л.) Едуковыхъ, Ковалевѣ (20 л.),

Воронковѣ (25 л.), Млодецкомъ (23 л.), Григоріи Александровѣ (23 л.), Гельфманъ (22 л.). Антимосѣ Гамкрелидзе (23 л.), князѣ Циціановѣ (25 л.), Цвиленевѣ (23 л.), Георгіевскомъ (25 л.), Марьѣ Субботиной (21 г.), Батюшковой (25 л.), Медвѣдевой (25 л.), Георгіевской (19 л.), Муромскомъ (21 г.) и Овчинниковѣ (25 л.)—послѣдовали утвердительные отвѣты: „*Да, виновенъ и виновна*“.

На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Кураковѣ (36 л.), Островѣ (31 г.), Введенской (20 л.) и Рождественскомъ (30 л.)—даны отрицательные отвѣты: „*Нѣтъ, не виновенъ, не виновна*“.

48) Если подсудимый Григорій Сидорацкій виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 15-мъ вопросѣ, то дѣйствовалъ ли онъ въ семъ случаѣ съ полнымъ разумѣніемъ?—*Отв.* „*Не съ полнымъ разумѣніемъ*“.

49) Виновенъ ли сынъ штабсъ-капитана Г. Ф. Здановичъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, таковую цѣль имѣющихъ, каковы: „Хитрая механика“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Емелька Пугачевъ“, журналъ и газету „Впередъ“ и другія, снабжалъ таковыми книгами членовъ того сообщества, къ которому принадлежалъ самъ?—*Отв.* „*Да, виновенъ*“.

На такіе же вопросы о подсудимыхъ: Вѣрѣ Любатовичъ, князѣ Циціановѣ и Антимосѣ Гамкрелидзе—послѣдовали утвердительные отвѣты, а о подсудимыхъ Цвиленевѣ и Чекоидзе—отрицательные.

55) Виновенъ ли отставной коллежскій регистраторъ Степанъ Мартыновъ Кардашевъ въ томъ, что, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной путемъ распространенія среди сего населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, расходовалъ на покупку и привозъ изъ-за границы таковыхъ книгъ суммы, принадлежащія противозаконному сообществу, и у него, Кардашева, какъ члена того сообщества, хранившіяся?—*Отвѣтъ.* „*Нѣтъ, не виновенъ*“.

56) Виновенъ ли дворянинъ И. С. Джабадари въ томъ, что подъ именемъ Михаила Петрова или слесаря Михаила, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, распространялъ между рабочими книги, таковую цѣль преслѣдующія, а именно, передалъ: а) работнику тюляевской фабрики Ефрему Платонову — книги подъ заглавіемъ „Хитрая механика“ и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ и б) работнику той же фабрики Филату Егорову — по нѣсколько экземпляровъ „Хитрой механики“, „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Чтой-то, братцы“, „Исторіи французскаго крестьянина“, „Парижской коммуны“ и „Емельки Пугачева“? — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

57) Виновенъ ли крестьянинъ Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, деревни Сычихи, Филатъ Егоровъ въ томъ, что, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, передалъ рабочимъ тюляевской фабрики Аѳанасію Ермолаеву, Ефрему Платонову и Акиму Трофимову книги, сію цѣль преслѣдующія: „Хитрую механику“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Чтой-то, братцы“, Исторію французскаго крестьянина“, и крестьянину Мирону Емельянову — „Хитрую механику“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ и „Чтой-то, братцы“?—*Отв.* „*Да, виновенъ*“.

58) Виновенъ ли крестьянинъ Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, дер. Новинской, Петръ Алексѣевъ въ томъ, что, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе г. Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, передалъ рабочему тюляевской фабрики Ефрему Платонову и рабочимъ фабрики Рошфоръ—Власу и Никифору Алексѣевымъ книги, сію цѣль преслѣдующія: „Хитрую механику“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“? — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

59) Виновенъ ли крестьянинъ той же губерніи, уѣзда и деревни, Пафнутій Николаевъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить рабочее населеніе города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, передалъ рабочему соколовской въ Москвѣ фабрики Тимоѳею Васильеву книги, сію цѣль преслѣдующія: „Хитрую механику“ и „Чтой-то, братцы“ — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

60) Виновенъ ли австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ въ томъ, что, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію

Власти Верховной, читалъ одну изъ имѣвшихся у него и преслѣдующую означенную выше цѣль книгъ, подъ заглавіемъ „Емелька Пугачевъ“ мѣщанину Семену Агапову? — *Отв. „Нѣтъ, не виновенъ“.*

61) Виновна ли дворянка Софья Илларіонова Бардина въ томъ, что, поступивъ на фабрику Лазаревыхъ въ Москвѣ подъ именемъ работницы Анны Зайцевой, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, читала рабочимъ той фабрики книги, сію цѣль преслѣдующія, и изъ нихъ „Хитрую механику“ и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ оставила у тѣхъ рабочихъ? — *Отв. „Да, виновна“.*

62) Виновенъ ли крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, деревни Высокой, Николай Васильевъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, передалъ, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія города Москвы къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, работнику шибаевской въ городѣ Москвѣ фабрики Якову Яковлеву книгу, сію цѣль преслѣдующую, „Емелька Пугачевъ“? — *Отв. „Да, виновенъ“.*

63) Виновенъ ли въ преступленіи, означенномъ въ 62-мъ вопросѣ, крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ? — *Отв. „Нѣтъ, не виновенъ“.*

64) Виновна ли дворянка Лидія Николаева Фигнеръ въ томъ, что, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Иваново-Вознесенска къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ снабдила таковыми книгами членовъ противозаконнаго сообщества, жившихъ въ Иваново-Вознесенскѣ, въ домѣ Кисина? — *Отв. „Да, виновна“.*

65) Виновна ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 64-мъ вопросѣ, дочь потомственнаго гражданина Варвара Иванова Александрова? — *Отв. „Да, виновна“.*

66) Виновенъ ли сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ въ томъ, что съ цѣлью, указанной въ 64-мъ вопросѣ, распространялъ среди рабочихъ лопатинской въ городѣ Иваново-Вознесенскѣ фабрики книги, сію цѣль преслѣдующія, каковы: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Богъ-то Богъ“, „Чтой-то, братцы“? — *Отв. „Да, виновенъ“.*

67) Виновенъ ли московскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ въ томъ, что съ цѣлью, указанною въ 64-мъ вопросѣ, распространялъ среди рабочихъ зубковской фабрики въ городѣ Ивановѣ-Вознесенскѣ книги, сію цѣль преслѣдующія: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Богъ-то Богъ“, „Чтой-то, братцы“?— *Отв. „Да, виновенъ“.*

68) Виновенъ ли крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Бариновъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 67-мъ вопросѣ?— *Отв. „Да, виновенъ“.*

69) Виновна ли московская цеховая Анна Григорьева Топоркова въ томъ, что, съ цѣлью, указанной въ 64-мъ вопросѣ, передала иваново-вознесенскому мѣщанину Ѳедору Жарковскому книги, сію цѣль преслѣдующія, каковы: „Хитрая механика“, „Парижская коммуна“ и три номера газеты „Впередъ“? — *Отв. „Нѣтъ, не виновна“.*

70) Виновна ли дочь коллежскаго асессора Ольга Спиридонова Любатовичъ въ томъ, что, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Тульской губерніи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, передала солдатскому сыну Василію Ануфріеву Ковалеву „Хитрую механику“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, каковыя книги, согласно наставленію Любатовичъ, и были Ковалевымъ переданы другимъ рабочимъ? — *Отв. „Да, виновна“.*

71) Виновенъ ли солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ въ томъ, что, съ цѣлью, указанной въ 70-мъ вопросѣ, и, зная содержаніе книгъ, въ томъ же вопросѣ указанныхъ, передалъ „Хитрую механику“ и одинъ экземпляръ „Сказки о четырехъ братьяхъ“ неизвѣстнымъ ему сапожникамъ и второй экземпляръ той же сказки отставному рядовому Матвѣеву? — *Отв. „Да, виновенъ“.*

72) Виновенъ ли крестьянинъ Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда, Иванъ Семеновъ Фетисовъ въ томъ, что, съ цѣлью, указанной въ 70-мъ вопросѣ, словесно передавалъ рабочимъ паинскаго, Тульской губерніи, завода содержаніе книги, сію цѣль преслѣдующей, — „Сказку о четырехъ братьяхъ“? — *Отв. „Нѣтъ, не виновенъ“.*

73) Виновны ли именовавшая себя княгинею Циціановой дочь коллежскаго секретаря Александра Сергѣева Хоржевская въ томъ, что, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Тульской и Кіевской губерній къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди того населенія книгъ, сію цѣль преслѣдующихъ, вмѣстѣ съ другими лицами передала таковыя книги — „Хитрая механика“, „Богъ-то Богъ“, „Сказка о копѣйкѣ“, „Емелька Пугачевъ“ и др. — скрывшимся Герасиму Лепесину, Петру Сидоренко и обвиняемымъ Ковалеву и Сидорацкому? — *Отв.* „*Да, виновна*“.

74) Виновенъ ли техническій мастеръ 1-го разряда кіевскаго артиллерійскаго полигона Григорій Александровъ Александровъ въ томъ, что, съ цѣлью возбудить рабочее населеніе Кіевской губерніи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, такую цѣль преслѣдующихъ, каковы: „Хитрая механика“, „Емелька Пугачевъ“ и др., снабжалъ таковыми книгами членовъ того противозаконнаго сообщества, къ которому принадлежалъ самъ? — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

75) Виновенъ ли отставной подпоручикъ Михаилъ Сидоровъ Воронковъ въ томъ, что, съ цѣлью, указанной въ 74-мъ вопросѣ, передалъ, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, нынѣ умершему отставному штабсъ-капитану Подгородецкому книги, сію цѣль преслѣдующія: „Богъ-то Богъ“, „Сказку о копѣйкѣ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ и др.? — *Отв.* „*Нѣтъ, не виновенъ*“.

76) Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 75-мъ вопросѣ, дворянинъ Мартынъ Александровъ Млодецкій? — *Отв.* „*Нѣтъ, не виновенъ*“.

77) Виновна ли дочь штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина въ томъ, что, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, передала князю Микеладзе одну изъ книгъ, таковую цѣль преслѣдующихъ, а именно „Парижскую коммуну“? — *Отв.* „*Нѣтъ, не виновна*“.

78) Виновна ли дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Варвара Николаева Батюшкова въ томъ, что, съ цѣлью возбужденія рабочаго населенія Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и для распространенія среди сего населенія книгъ, указанную цѣль преслѣдующихъ, передала значительное количество таковыхъ книгъ и въ числѣ прочихъ: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Исторію французскаго крестьянина“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, бывшему студенту Петровской академіи Бѣляевскому? — *Отв.* „*Да, виновна*“.

79) Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 75-мъ вопросѣ, отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи Левъ Андреевъ Ивановъ, 24-хъ лѣтъ? — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

80) Виновенъ ли тотъ же отставной штабсъ-капитанъ Левъ Андреевъ Ивановъ въ томъ, что, съ цѣлью, указанной въ 78-мъ вопросѣ, передалъ студенту Петровской академіи Александру Трубецкому книги, таковую цѣль преслѣдующія, а именно: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Сказку о копѣйкѣ“, „Исторію французскаго крестьянина“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“? — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

81) Виновенъ ли сынъ священника Александръ Петровъ Бѣляевскій, 20-ти лѣтъ, въ томъ, что, получивъ отъ Иванова и Батюшковой книги, означенныя въ 78-мъ вопросѣ, и съ цѣлью, указанной въ томъ же вопросѣ, передалъ таковыя бывшему студенту Петровской академіи Александру Трубецкому? — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

82) Виновенъ ли сынъ священника Александръ Егоровъ Трубецкой, 19 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ отъ Иванова книги, указанныя въ 80-мъ вопросѣ, распространялъ таковыя среди рабочаго населенія Саратовской губерніи, имѣя цѣлью возбудить то населеніе къ бунту или явному неповиновенію Верховной Власти? — *Отв.* „*Нѣтъ, не виновенъ*“.

83) Если подсудимый Александръ Трубецкой не виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 82-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что безъ дозволенія надлежащаго высшаго начальства имѣлъ у себя сочиненія, возбуждающія къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, зная содержаніе означенныхъ сочиненій? — *Отв.* „*Да, виновенъ*“.

84) Виновенъ ли сынъ священника Михаилъ Павловъ Овчинниковъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ другими лицами, передалъ крестьянину Корнюхину книги подъ заглавіемъ: „Парижская коммуна“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Хитрая механика“, имѣя цѣлью

распространять таковыя книги среди рабочаго населенія Имперіи и, согласно содержанію сихъ книгъ, возбудить рабочее населеніе Имперіи къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной? — *Отв. „Нѣтъ, не виновенъ“.*

85) Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 84-мъ вопросѣ, потомственный почетный гражданинъ Григорій Алексѣевъ Сбромірскій, 25 лѣтъ? — *Отв. „Нѣтъ, не виновенъ“.*

86) Виновенъ ли въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 84-мъ вопросѣ, крестьянинъ Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда, деревни Добриной, Иванъ Васильевъ Барановъ? — *Отв. „Нѣтъ, не виновенъ“.*

87) Виновенъ ли князь Александръ Константиновъ Циціановъ въ томъ, что, во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе, умышленно, съ цѣлью лишить жизни прапорщика Ловягина, сдѣлалъ по немъ изъ револьвера два выстрѣла и не убилъ Ловягина только потому, что пули пролетѣли мимо Ловягина? — *Отв. „Да, виновенъ“.*

88) Виновна ли дочь коллежскаго асессора Вѣра Любатовичъ въ томъ, что, во время обыска въ квартирѣ дворянина Гамкрелидзе, умышленно, съ цѣлью лишить жизни помощника квартальнаго надзирателя Ѳедорова, схватила Ѳедорова руками за горло и старалась его задушить, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣла, такъ какъ была удержана находившимися при обыскѣ свидѣтелями? — *Отв. „Нѣтъ, не виновна“.*

89) Если дочь коллежскаго асессора Вѣра Спиридонова Любатовичъ не виновна въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 88-мъ вопросѣ, то не виновна ли она въ томъ, что, желая воспрепятствовать помощнику квартальнаго надзирателя Ѳедорову арестовать стрѣлявшаго въ прапорщика Ловягина князя Циціанова, дозволила себѣ явное противъ Ѳедорова насиліе, схвативъ его за горло? — *Отв. „Да, виновна“.*

90) Виновна ли дочь коллежскаго асессора Ольга Спиридонова Любатовичъ въ томъ, что лѣтомъ 1872 года, при возвращеніи своемъ изъ-за границы, тайно привезла въ Москву и въ Петербургъ письма отъ различныхъ лицъ, проживающихъ за границею? — *Отв. „Нѣтъ, не виновна“.*

91) Если тульскій мѣщанинъ Иванъ Александровъ Кураковъ не виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 31-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о существованіи противозаконнаго сообщества, означеннаго въ 1-мъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнилъ сей обязанности? — *Отв. „Да, виновенъ“.*

92) Если крестьянинъ Кіевской губерніи Петръ Акимовъ Островъ не виновенъ въ совершеніи преступленія, указаннаго въ 36-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что, зная о существованіи противозаконнаго сообщества, означеннаго въ 1-мъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнилъ сей обязанности. — *Отв. „Нѣтъ, не виновенъ“.*

93) Если дочь священника Екатерина Александрова Введенская не виновна въ совершеніи преступленія, означеннаго въ 45-мъ вопросѣ, то не виновна ли она въ томъ, что, зная о существованіи противозаконнаго сообщества, означеннаго въ первомъ вопросѣ, и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнила сей обязанности? — *Отв. „Да, виновна“.*

94) Если сынъ штабсъ-капитана Георгій Здановичъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ во 2-мъ и 49-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ? — *Отв. „Нѣтъ, не былъ вовлеченъ“.*

95) Если австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ виновенъ въ преступленіяхъ, изложенныхъ въ 6-мъ и въ 60-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленія другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ? — *Отв. „Не былъ вовлеченъ“.*

96) Если дочь коллежскаго асессора Вѣра Любатовичъ виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 12-мъ и 50-мъ вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленія другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ? — *Отв. „Не была вовлечена“.*

97) Если сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Петровъ Александровъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 21-мъ и 66-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ? — *Отв. „Не былъ вовлеченъ“.*

98) Если жена дворянина Екатерина Борисова Гамкрелидзе виновна въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 23-мъ вопросѣ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Была вовлечена*“.

99) Если московскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ Агаповъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 17-мъ и 67-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Былъ вовлеченъ*“.

100) Если крестьянинъ Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николай Ивановъ Едуковъ, виновенъ въ преступленіи, изложенномъ въ 29-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Былъ вовлеченъ*“.

101) Если солдатскій сынъ Василій Онуфріевъ Ковалевъ виновенъ въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 30-мъ и 71-мъ вопросахъ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ эти преступленія другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Былъ вовлеченъ*“.

102) Если дочь штабсъ-капитана Надежда Дмитріева Субботина виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 14-мъ и 77-мъ вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Была вовлечена*“.

103) Если дочь священника Надежда Георгіевская виновна въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 44-мъ вопросѣ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Была вовлечена*“.

105) Если сынъ дьякона Алексѣй Ивановъ Нуромскій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 46-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Не былъ вовлеченъ*“.

106) Если сынъ священника Александръ Петровъ Бѣляевскій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 81-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Былъ вовлеченъ*“.

109) Если подсудимый Григорій Сидорацкій виновенъ въ совершеніи преступленія, изложеннаго въ 26-мъ вопросѣ, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Былъ вовлеченъ*“.

110) Если подсудимая Александра Хоржевская виновна въ совершеніи преступленій, изложенныхъ въ 10-мъ и 73-мъ вопросахъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ, совершеннолѣтнимъ лицомъ?— *Отв.* „*Была вовлечена*“.

Условные вопросы, которые не требовали разрѣшенія, здѣсь не помѣщены.

Резолюція. *По указу его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, признаетъ:*

1) подсудимыхъ: Георгія Здановича, Ивана Джабадари, Михаила Чекоидзе, Степана Кардашева, Александра Лукашевича, Софью Бардину, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую, Ольгу Любатовичъ, Вѣру Любатовичъ, Евгенію Субботину и Надежду Субботину—виновными въ составленіи въ 1875 году въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, имѣвшаго своею цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго Правительства въ государствѣ;

2) подсудимыхъ: Николая Васильева, Ивана Баринова, Семена Агапова, Петра Алексѣева, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), Владиміра Александрова, Анну Топоркову, Екатерину Гамкрелидзе, Ивана Злобина, Ивана Фетисова, Григорія Сидорацкаго, Ивана Едукова, Николая Едукова, Василія Ковалева, Михаила Воронкова, Мартына Млодецкаго, Григорія Александрова, Гесю Гельфманъ, Антимоса Гамкрелидзе, кн. Александра Цицianова, Николая Цвиленева, Василія Георгіевскаго, Марію Субботину, Варвару Батюшкову, Елену Медвѣдеву, Надежду Георгіевскую, Алексѣя Нуромскаго и Михаила Овчинникова — виновными въ принадлежности къ упомянутому выше противозаконному сообществу съ знаніемъ о цѣляхъ онаго;

3) подсудимыхъ: Ивана Куракова и Екатерину Введенскую—виновными въ знаніи о существованіи означеннаго противозаконнаго сообщества и недонесеніи о томъ Правительству;

4) Подсудимыхъ: Георгія Здановича, Ивана Джабадари, Николая Васильева, Ивана Баринова, Петра Алексѣева, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), Владиміра Александрова, Григорія Александрова, Антимоса Гамкрелидзе, кн. Александра Циціанова, Льва Иванова, Александра Бѣляевскаго, Софью Бардину, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую, Ольгу Любатовичъ, Вѣру Любатовичъ, Семена Агапова, Василія Ковалева, Варвару Батюшкову—сверхъ сего, виновными въ злоумышленномъ, съ цѣлью возбужденія къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, распространеніи сочиненій, соотвѣтствующихъ этой цѣли;

5) независимо отъ сего, кн. Александра Циціанова—виновнымъ въ покушеніи на умышленное убійство, остановленное обстоятельствами, отъ него не зависѣвшими; Вѣру Любатовичъ—виновною въ сопротивленіи, сопровождавшимся насиліемъ, распоряженіямъ полицейскаго чиновника при отправленіи должности; Александра Трубецкого—виновнымъ въ имѣніи у себя, безъ дозволенія высшаго начальства, сочиненій, возбуждающихъ къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной, и, наконецъ,

6) Ивана Рождественскаго, Петра Острова и Григорія Сбромірскаго—невиновными по настоящему дѣлу.

Вслѣдствіе сего и на основаніи 19, 20, 31, 33, 34, 35, 38, 39, 49, 56, 73, 77, 114, 126, 129, 134, 137, 138, 139, 140, 143, 149, 150, 152, 153, 154, 250 (ч. 2), 251 (ч. 2, п. 4), 271, 1455 (ч. 1, по продолженію 1872 г.) статей улож. о наказ., закона 4 іюля 1874 года, 774 и 775 статей устава угол. суд. *опредѣляетъ*:

1) Кн. Александра Константинова Циціанова, крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, д. Новинской Петра Алексѣева, техническаго мастера 1-го разряда Григорія Александрова Александрова, сына штабсъ-капитана Георгія Феликсова Здановича и сына ст. сов. Владиміра Петрова Александрова—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ: князя Циціанова и Петра Алексѣева—на десять лѣтъ; Григорія Александрова—на десять лѣтъ; Георгія Здановича—на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и Владиміра Александрова—на шесть лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными.

2) Дворянку Софью Илларіонову Бардину, дочерей коллежскаго асессора Ольгу Спиридонову и Вѣру Спиридонову Любатовичъ, дворянина Ивана Спиридонова Джабадари, дворянина Антимоса Евдова Гамкрелидзе, отставного коллежскаго регистратора Степана Мартынова Кардашева, дворянку Лидію Николаеву Фигнеръ, дочь потомственнаго почетнаго гражданина Варвару Иванову Александрову, дочь коллежскаго секретаря Александру Сергѣеву Хоржевскую, именовавшую себя княгинею Циціановою, и московскаго мѣщанина Семена Иванова Агапова—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Софью Бардину и Ольгу Любатовичъ—на девять лѣтъ, Вѣру Любатовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари, Антимоса Гамкрелидзе, Степана Кардашева, Лидію Фигнеръ, Варвару Александрову, Александру Хоржевскую—на пять лѣтъ, и Семена Агапова—на три года и четыре мѣсяца, съ послѣдствіями, въ 25 ст. улож. о наказ. опредѣленными.

3) Дворянина Михаила Николаева Чекоидзе и австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

4) Московскую цеховую Анну Григорьеву Топоркову и мозырскую мѣщанку Гесю Миронову Гельфманъ—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключить въ рабочій домъ: Топоркову—на четыре года, а Гельфманъ—на два года.

5) Крестьянина Рязанской губ., Пронскаго уѣзда, Ивана Семенова Фетисова и крестьянина Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Ивана Иванова Едукова—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на одинъ годъ и три мѣсяца каждаго.

6) Сына коллежскаго ассесора Ивана Андреева Злобина, дворянина Николая Ѳедорова Цвиленева, сыновей священниковъ Василія Григорьева Георгіевскаго и Михаила Павлова Овчинникова, дочерей штабсъ-капитана Евгенію Дмитріеву, Марью Дмитріеву и Надежду Дмитріеву Субботиныхъ, дворянина Мартына Александрова Млодецкаго, сына дьякона Алексѣя Иванова Нуромскаго, отставного подпоручика Михаила Ѳедорова Воронкова и дочь титулярнаго совѣтника Елену Петрову Медвѣдеву—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и

преимуществъ и сослать на житье: Ивана Злобина, Николая Цвиленева и Евгенію Субботину въ Иркутскую губернію; Василія Георгіевскаго и Михаила Овчинникова—въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всѣмъ имъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе четырехъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе двѣнадцати лѣтъ; Мартына Млодецкаго и Надежду Субботину—въ Томскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе шести лѣтъ; Алексѣя Нуромскаго—въ Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіе одного года и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе четырехъ лѣтъ; Михаила Воронкова и Марью Субботину—въ Томскую губернію, и Елену Медвѣдеву—въ Тобольскую губернію.

7) Крестьянина Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, села Жадинскаго, Николая Иванова Едукова—заключить въ рабочій домъ на три мѣсяца.

8) Дворянина Григорія Петрова Сидорацкаго заключить въ смирительномъ домѣ на шесть недѣль.

9) Дочь священника Надежду Григорьеву Георгіевскую и жену дворянина Екатерину Борисову Гамкрелидзе—выдержать въ тюрьмѣ: первую—два мѣсяца, а вторую—шесть недѣль.

10) Тульскаго мѣщанина Ивана Александрова Куракова, дочь священника Екатерину Александрову Введенскую и сына священника Александра Егорова Трубецкого — подвергнуть аресту: Куракова—на три недѣли, а Введенскую и Трубецкого—на двѣ недѣли.

11) Дворянку Варвару Николаеву Батюшкову, отставного штабсъ-капитана Льва Андреева Иванова, крестьянъ: Николая Васильева, Ивана Баринова, Пафнутія Николаева, Филата Егорова (онъ же Лаврентьевъ), священническаго сына Александра Петрова Бѣляевскаго и солдатскаго сына Василія Ковалева—признать подлежащими лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Батюшкову—на заводахъ, на 9 лѣтъ; Иванова, Васильева, Баринова, Николаева и Егорова—въ крѣпостяхъ, на тотъ же срокъ; Бѣляевскаго и Ковалева—на заводахъ, на три года и четыре мѣсяца. Но, принимая въ уваженіе: во-1-хъ, что участіе подсудимыхъ: Батюшковой, Иванова и Бѣляевскаго въ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія не имѣло по своимъ послѣдствіямъ того особеннаго значенія, въ какомъ представляется участіе подсудимыхъ, оказывающихся по настоящему дѣлу болѣе виновными дѣятелями; во-2-хъ, что подсудимые: Васильевъ, Бариновъ, Николаевъ и Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) являются въ настоящемъ случаѣ участниками въ такомъ преступленіи, важность и значеніе котораго, по принадлежности ихъ къ крестьянскому сословію, не могли быть ими вполнѣ сознаваемы, и потому участіе ихъ въ ономъ представляется послѣдствіемъ вовлеченія ихъ въ преступную дѣятельность другими лицами, стремившимися для своихъ собственныхъ цѣлей совращать низшія сословія съ пути закона и вѣрноподданническаго долга; и въ-3-хъ, что подсудимый Ковалевъ, самъ собою явясь съ повинною, чистосердечнымъ признаніемъ своимъ способствовалъ къ обнаруженію числа участниковъ въ преступленіи, составляющемъ предметъ настоящаго дѣла,—повергнуть участь поименованныхъ восьмерыхъ подсудимыхъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора, ходатайствуя передъ Его Императорскимъ Величествомъ объ освобожденіи ихъ отъ каторжныхъ работъ, съ тѣмъ, чтобы Варвара Батюшкова, Александръ Бѣляевскій, Левъ Ивановъ, Николай Васильевъ, Иванъ Бариновъ, Пафнутій Николаевъ и Филатъ Егоровъ (онъ же Лаврентьевъ) были сосланы на поселеніе въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, а Василія Ковалева сослать на житье въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

12) Сына дьячка Ивана Рождественскаго, крестьянина Петра Острова и потомственнаго почетнаго гражданина Григорія Сбромірскаго—оправдать.

13) Настоящій приговоръ, прежде исполненія, въ отношеніи подсудимыхъ: Джабадари, Чекоидзе, Здановича, Кардашева, Бардиной, Фигнеръ, Хоржевской, Ольги и Вѣры Любатовичъ, Владиміра Александрова, Злобина, Воронкова, Млодецкаго, Антимоса Гамкрелидзе, князя Цицianова, Цвиленева, Надежды, Маріи и Евгеніи Субботиныхъ и Медвѣдевой—представить, на основаніи 945 ст. уст. угол. суд., на Высочайшее благоусмотрѣніе и

14) судебныя по сему дѣлу издержки, на основаніи 993 ст.,—взыскать съ имущества подсудимыхъ.

VI 4014